Azərbajcanı Өqrənən Cəmijjətin Xəbərləri

آذربایجانی تدقیق و تتبع جمعیتی‌نیک اخباری

ИЗВЕСТИЯ

О-ВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 4.

BULLETINS
DE LA SOCIÉTÉ SCIENTIFIQUE
D'AZERBAIDJAN.

— ИЗДАНИЕ —
ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Баку 1927 باکو

Azərbajcanı Өqrənən Cəmijjətin Xəbərləri

آذربایجانی تدقیق و تتبع جمعیتی نیك اخباری

ИЗВЕСТИЯ

Общества Обследования и Изучения АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 4.

Bulletins de la Société Scientifique d'Azerbaidjan

ИЗДАНИЕ О-ВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Баку. 1927. باکو

Напечатано в типографии
„Красный Восток“
Бакполиграфа, Баку.
Карантинная, 84.
Главлит—255. Заказ—2848.
Тираж 1000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Table des matières du Bulletin de la Société.

Вл. Гордлевский.

Кара-коюнлу.

(Из поездки в Макинское ханство)

Возвращаясь осенью 1916 г. с Кавказского фронта в Москву через Маку, я воспользовался любезным предложением б. российского консула в Макинском ханстве, С. П. Олферьева, и проехал в селение Софу, где, благодаря содействию консульского агента (Шахтахтинского), познакомился с сектантами, исповедующими перевоплощаемость божества; Шахтахтинский проводил меня и в селение Тазэ-кенд, место упокоения Мир-Мехмеда Хасана, привлекающее к себе толпы паломников.

Свои дорожные заметки я привел в порядок спустя почти два года, и это, конечно, не могло не сказаться на них некоторой тусклостью и бледностью изложения; кое-какие намеки, в записную книгу, занесенные вскользь, мне уже непонятны и должны были быть выброшены. Собранный мной материал заключает результат, собственно, опроса сектантов и, отчасти, их соседей—шиитов; мне не удалось наблюдать длительно сектантов в их обыденной жизни или, тем менее, во время культового акта—общей „трепезы любви“, которая совершается у них зимой; правда, для меня была, так-сказать, инсценирована „трапеза любви“: дервиши в Тазэ-кенде, видя мой интерес к ним, словами и действиями воспроизводили обрядовую сторону трапезы.

Поездка моя, словом, представляет как-бы казачий наскок, налет, это сообщает моим записям отрывочность, об'ясняет пропуски, неравномерность обработки частей, и т. д.

Иногда сектанты как-будто чувствовали, что не столько наблюдаю я их, сколько выпытываю, и они давали мне это понять. „Вот, если бы жив был Мехмед Хасан,—заметил мне один сектант, остановленный мной дорогой,—он знал бы, что меня допрашивают“.

Скрытность, к которой расположен восточный человек, привыкший быть настороже от европейца,—еще более развита в сектанте: если государство его не преследует за религиозные убеждения,—все-же над ним подсмеиваются, и он научается прятаться в свою скорлупу и старается не только не выдавать своего расхождения с господствующей религией, а, наоборот: выдвинуть общие верования, отметить точки соприкосновения, которые вкраплены в его учение, ибо только таким образом может он отвести от себя нетерпимую, тяжелую руку

официального мусульманского духовенства. В этом отношении сектанты усвоили тактику, веками сложившуюся в Персии: лицемерное религиозное притворство давно уже поощрялось зороастризмом; так, когда последователи Зердушта увидали, что борьба со сторонниками Маздака им не под силу,—они, в сущности, бывали удовлетворены, если их противники соблюдали только декорум. Под наружным однообразием в Персии жили и сохранялись тайные религии.

Несмотря на неблагоприятные условия, в которые я был поставлен, я ощущал нередко душу сектантов, я видел, как в них билась сильная вера в то, что они мне говорили. Высокая степень экзальтированности сектантской [1])—их чувствительности и восприимчивости—невольно передавалась и мне. А наэлектризованность (подчас напускная) находит дорогу и к слушателю.

Я спрашивал себя: да тот, кто так восторженно или убежденно повествует мне о таинствах учения и снисхождения божества или о чудесах Мир-Мехмеда Хасана, да сам то он верит во все это? Передо мною встает образ сектанта (Мешхеди Хусейна), высокого старика (из селения Софу), который говорил безостановочно, как заведенная машина, воздымая руки кверху; он явил мне живой образец красноречия человека, для которого в слове—жизнь; говоря, он бессознательно питает в себе огонек (фанатической) веры, слово для него уже непреложный документ, превратившийся в истину, как только оно сорвалось у него с уст. Для сектанта сливаются легко области видения—воображения и реальности—физических ощущений. Простой рассказ, передача простого жизненного впечатления тут же, на глазах слушателя, быстро оплетается элементами визионности.

I.

Округа Макинского ханства, заселенная сектантами, Кара-коюнлу, находится к юго-востоку от Маку и заключает в себе 26 селений; [2]) некоторые из них, как напр., Софу или Мухур—большие; в первом—150, во втором—200 слишком дворов; в других селениях—50—60 дворов, но есть между ними и крохотные выселки, где всего 5—6 дворов. Вот названия деревень: Кара Зами, Тавра (новое селение, где живут выходцы из Софу), Софу, Арпалык (новое селение в 15 дворов), Мергянляр (три селения—Среднее, Нижнее, Верхнее), Тазэ-кенд [3]), Инджелер (два селения), Кызылджа-калалар (три селения, иначе называемые—Йокары Сулейман-кенди, Мухаммед Керим-кенди, третье селение осведомитель мой запамятовал), Шейх Сулу [4]), Фешал, Мухур, Кара-булак, Кёсалар (два селения), Меликли, Тана-булагы, Кара булак, Аббас-булагы, Шюто (половина населения—сектанты, другая—шииты),

[1]) На это обратил внимание и В. А. Жуковский, „Секта людей истины—ахли хакк в Персии». З. В. О., т. II, вып 1—2, стр. 18—19.

[2]) Название одного селения ускользнуло от меня.

[3]) По рассказам, селение это лет сто тому назад принадлежало Мулла-кулу, и называлось Мулла-кулу—тазэ-кенди; теперь в нем 60 дворов.

[4]) Кажется, это—выселки Тазэ-кенда

Тазэ-ишкесу [1]). Общее число сектантов простирается до 10 тысяч. Впрочем, в Кара-коюнлу живут не исключительно сектанты; здесь есть, напр., две курдские деревни.

Как давно обосновались в Кара-коюнлу сектанты, сами они не знают [2]); мне, по крайней мере, не приходилось слышать об этом местных преданий; одно несомненно, что часть их пришла сюда из других мест. Макинское ханство, спрятанное за горами, представляло укромный уголок: ведь и в настоящее время сумело оно сохранить тень независимости (от центрального персидского правительства). Заселено было Маку прежде разбойниками, а ханство образовалось только в конце XVII века, будучи основано Ахмедом-султаном, из кочевников племени баят [3]),—слугою шаха Надира, который после насильственной смерти шаха вернулся в Маку с награбленными сокровищами [4]). Очевидно, Макинская земля давно была притягательным центром для тех, кому у себя жилось плохо, или кто хотел замести свои следы; охотно шли сюда и сектанты, облепившие селениями гору Соккар. Область, занятая сектантами, ширилась постепенно, на памяти людей; так, напр., селения Мухур и Фешал основаны выходцами из Турции, другая эмиграционная волна шла с севера—из Закавказья; так, селения Тазэ-кенд и Софу возникли усилиями выходцев из Шеки, т. е. Нухи. Переселение это состоялось, как говорят, до Фехт-Али-шаха (1797—1834), когда еще оба берега реки Аракса—„бу тай“ и „о тай“—принадлежали Персии, т. е. до Туркманчайского мира (в 1828 г.). Народная память донесла и имена вождей, пришедших в Кара-коюнлу: так, Заман-бей привел сектантов из Турции, Нагдали [Нагд-Али] бей—из Нухи. (Нухинские выселенцы жили первоначально в Тебризе; говорят, что в Нуху из Тебриза переехал Марагалы Фазл-Али-хан, соблазненный плодородием новой земли. Часть сектантов до 12 деревень, осталась жить в Нухе, они составляют в Кара-баге отдельную общину, члены которой уделяют долю и в Тазэ-кенд; женщины из Нухи посылают сюда украшения).

II.

Вследствие различного и разновременного происхождения селений Кара-коюнлу, быт жителей должен, конечно, носить на себе отпеча-

---

[1]) Перечень деревень, с некоторыми отклонениями, дан и у В. Ф. Минорского в „Notes de la secte des Ahlé—Haqq“ (Оттиск из „Revue du Monde Musulman“). Paris (1921), стр. 53—54.

[2]) Эвлия-челеби (Путешествие. т. II, стр, 337), проезжавший через Маку в XVII веке, молчит о сектантах.

[3]) „Баят“—большое туркменское племя; еще в начале XIX века оно селилось в Нишапуре, Техране, Ширазе, см. Jaubert „Voyage en Arménie et en Perse“ Paris, 1821, стр. 255. Прежде, вероятно, границы расселения заходили и в Турцию; как-будто отголоски сохранились в Кастамунийском вилайете; там есть деревня Баят, о которой ходит пословица, см. Вл. Гордлевский, „Образцы османского народного творчества“, Москва, 1916, стр. 49, пословица 1136.

[4]) В. Минорский, Отчет о поездке в Макинское ханство в октябре 1905 г. Материалы по изучению Востока. СПБ 1909. Вып. I, стр. 15—17.

ток разнообразия (как разнообразны жители и по типу). Бытовые черты, записанные мною, впрочем, случайны и только мельком рисуют ту или иную сторону жизни.

Сектанты, живущие в Макинском ханстве, сохранили крепостную зависимость от помещиков и ханов шиитов[1]), земля принадлежит хану, а сектанты только как бы арендуют землю или точнее: живут на чужой земле, и $^1/_3$ сбора с полей идет в уплату ханам за аренду и на государственные подати. Сектанты—народ трудолюбивый, работают они день и ночь и, в большинстве,—люди состоятельные. Сельскими, полевыми работами занимаются у них и женщины; распространено также и плетение корзин. Зимой они уходят в б. Тифлисскую губернию (в Борчалинский уезд). Вероятно, тяга в Закавказье замечается между селениями, жители которых помнят еще о своем происхождении. Однако, на макинскую железную дорогу—от узловой станции Шахтахты через Маку на Баязид и дальше—шли они неохотно, указывая, что там жалованье платят неисправно.

Предписания узаконенного на Востоке исламом быта (отразившегося и на христианах,—армянах и греках) у сектантов утратили первоначальную строгость: так, напр., во время свадьбы у них известны общие танцы, хороводы мужчин и женщин; это, повидимому, характерно для сектантов—курдов Персии [2]) („людей истины“) и для „кызылбашей“ [3]) в Турции (в Никсаре, напр.), и на первый взгляд могло бы об'ясняться тем, что женщина занимает у них более свободное положение, чем у мусульман,—суннитов или шиитов. Однако, более вероятно другое предположение, что танец, как элемент дервишеского, суфийского радения (напр., у мевлеви), экстатически приближающий человека к божеству, входит в обрядность и сектантов—кара-коюнлу. Посторонний же наблюдатель может знать о танцах у сектантов только тогда, когда им нет надобности (религиозной)——как во время свадьбы—скрывать это.

При браках поступают сектанты также иначе, чем мусульмане, т. е. они выдают дочерей своих за мусульман [4]), но сами не берут себе у них жен. Имена, которые носят сектанты, обнаруживают расположение их к Алию, одному из наиболее популярных между ними воплощений божества; часты у них имена: „Мовла верди“ (Господь даровал), „Ага верди“ (Ага даровал), „Хода верди“ (Бог даровал), „Тары [Тангры] верди“ (Бог даровал), где, согласно толкованию сектантов, под господином разумеется Алий; или прямо: „Али-кулы“ (Раб Алия), „Алмас-кулы“ (Раб Алмаса); Алмас—по одному варианту

[1]) В селении Мухур, впрочем, султаны, беки, владеющие землей, также исповедуют сектантство.

[2]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 15, примечание 1-е. Упоминает о танцах и A. Gobineau; Trois ans en Asie, Paris 1905, 2-е изд., стр. 324.

[3]) Вл. Гордлевский. Из религиозных исканий в Малой Азии. Кызылбаши. Русская Мысль, 1916, № II, стр. 86.

[4]) В. Жуковский (цит. соч., стр. 15, примечание 2-е) утверждает обратное.

—сын „царя мира“; один из четырех ангелов, сопровождающих божество,—по другому [1]).

Табак сектанты не курят, это и неудивительно, так как в мусульманских странах табак сравнительно недавно вошел в общее употребление; в Турции в XVII веке во время султана Мурада IV курение строго запрещалось, и охотники до зелья прибегали к различным ухищрениям, чтобы только удовлетворить свою страсть [2]).

Бороду они бреют [3]), отпускают ее только дервиши в Тазэкенде (пришлый элемент). Внешним видом они все-таки мало чем отличаются от других, и чтобы определить, принадлежит кто к сектантам или нет, должно спросить: „Из какого источника пил ты воду?“, и если вопрошаемый назовет “сар чешмэ“ [4]),—источник истины, значит, это—кара-коюнлу; в противном случае,—говорят сектанты,—он—„баят“. Здесь, как-будто, одно туркменское племя („кара-коюнлу“) противополагается другому племени („баят“).

Для сектанта характерно также цитирование стиха [5]):

مهربان اسمت چون پدربیش
آشناشو که آشنااسمت علی

(Перевод: Он нежно-ласков, как отец, [быть может и] больше, узнай, ибо Алий—друг Бога) [6]).

III.

Обычно макинские сектанты носят название „кара-коюнлу“, т. е. чернобаранные, а соседей своих, шиитов, величают они „ак-коюнлу“, т. е. белобаранные, и в этом противопоставлении старых этнических понятий „кара-коюнлу“ и „ак-коюнлу“ отражается, как-будто, воспоминание о туркменских (племенах) династиях, между которыми шла в XV веке в Малой Азии борьба. Исходя из современной религиозной розни населения Макинского ханства, думаю, что и раньше борьба эта также проходила под знаменем веры.

---

[1]) В. Минорский. Материлы для изучения персидской секты „люди истины“ или Али-илахи. М. 1911, стр. 58, 64 (примечание 1-е.). Между женщинами распространены имена: Хуршид (впрочем, это и мужское имя), Хумай, Тарлан.

[2]) Есть анекдот о Наср-эд-дине, как спасаясь от преследований, он забрался в могилу и, увидав там курильщиков, принял их за мертвецов, ср. у меня в Живой Старине, 1911, вып. 1, стр. 156.

[3]) „Люди истины“ бороды не бреют и усов не стригут; отвергают пророка Мохаммеда потому, что он резал усы, см. В. Жуковский, цит. соч., стр. 5.—Любопытно, что албанцы (между которыми наблюдается большое отклонение от ислама и в сторону христианства, и в сторону сектантства) смотрят на бороду, как на отрешение от мира, так, по крайней мере, характеризует их османская поговорка, см. Вл. Гордлевский, Образцы, стр. 45, пословица 1061.

[4]) Т. е. „серчешме“ (سرچشمه) — начало источника, исток, где вода чище всего.

[5]) М. А. Гаффаров предлагает дополнить стих (испорченный), примерно, словом بل (بلکه); это بل‌بیش обусловлено требованиями: ритма и смысла.

[6]) Кызылбаши сивасские видят на лбу какое-то сияние, см. В. Гордлевский, цит. соч., стр. 80.

Туркменская династия „Кара-коюнлу“ выдвинулась в Малой Азии (в Эрзеруме) в XIV веке, а в XV веке она господствовала уже в Багдаде. Культурно завися от Ирана, она навлекала на себя подозрение в неверии: для персидских историков она—„нечестива“, с точки зрения ислама египетские историки обвиняли их в отступничестве и в христианстве [1]). С распространением господства османцев, политическое значение кара-коюнлу должно было пасть, но если они исчезли, как царствующая династия,—они сохранились этнографически (кара-коюнлу наибольшее между турецкими кочевниками, юрюками, племя), как сохранились и ак-коюнлу, кочующие в персидском Азербайджане.

Корни сектантского нечестия лежат, конечно, глубоко: это—обломки, раскиданные там и сям, старого культурно-религиозного миросозерцания Передней Азии, пережившей ряд политических катастроф. Сталкиваясь с инородными (внутренне) этническими группами, единое миросозерцание впитало посторонние, чуждые первооснове элементы; теперь оно предстает под покровом мусульманства; однако, сняв этот верхний слой, мы усмотрим черты, которые сближали и сближают восточное (малоазиатское) и „еретическое“ христианство, и „еретические“ секты мусульманские.

В Маку сектанты, помимо местного, обусловленного историческими воспоминаниями, термина „кара-коюнлу“, называются еще—„гёренлер“, т. е. видящие (бога), хотя, возможно, это не столько местный термин, сколько дервишеско-литературный; в Казвине зовут их—„какавенд“ или Сейид Талиби,—последнее наименование, очевидно, эпонимное: то был, вероятно, какой-нибудь духовный вождь, руководитель, внесший изменения в учение или, быть может, выдававший себя или считавшийся воплощением божества; в Мазендеране—„хадджевенд“; в Урмии—„абдал-бейи“ [2]), наконец, в Техране—„ахли хакк“ (люди истины). Кишит сектантами Азербайджан (в Хое, в Тебризе в их руках находится торговля). И нет, вероятно, закоулка в Персии, где бы не было сектантов, не жили бы между ними старые боги, которые от ослепительного, предательского, света ушли в подполье на таинственные собрания верующих [3]).

IV.

Комплекс верований сектантов пестр и сложен: от элементов низшего религиозного культа до высокого учения о вездесущии и воплощаемости божества; от почитания деревьев, обладателей боже-

[1]) В. Бартольд, Турция, ислам и христианство. Ежемесячный журнал, 1915, № 2, стр. 75.

[2]) В современном османском языке слово „абдал“ значит: придурковатый но, кажется, в конийском вилайете термин „абдал“ заключает в себе или этнический смысл (юрюцкий род) или также религиозный; в Персии употребляется в смысле: нищий, нищенствующий, пекущийся о бедных.

[3]) A. Gobineau (цит. соч., стр. 352) думал, что, по крайней мере, 2/5 населения Персии—сектанты; см. теперь обзор у В. Минорского, Notes, ст. 41 след.

ственной силы, до „трапезы любви“, об‘единяющей „людей истины“ в единую семью,—все вобрали в себя сектанты, сохранившие явственные следы этапов, которые прошла религиозная жизнь в Передней Азии. На макинской почве кое-что было подновлено: здесь застали сектанты христианское (армянское) население, которое оказало на них, должно-быть, вторичное влияние. Теперь армяне из Кара-коюнлу исчезли, но в окрестностях селения Софу, напр., на горе сохраняются еще жалкие остатки христианской церкви [1]).

В селении Софу, огороженная невысокой глинобитной стеной, находится священная роща „Кара-оглан“. Рука человека не касается деревьев, и они стоят ветвистые, раскидистые; некоторые уже подгнили и, обнажив при падении корни, завалили дорогу. Говорят, что один из нынешних макинских ханов, Нимет-хан, (любимец курдов, которые зовут его Мамо) велел-было рубить деревья, но смельчак, взявшийся за рубку, был наказан, и воля хана была отменена. Не отрезаются на деревьях даже сухие ветви, задерживающие рост. На деревьях бывают и вотивные приношения: весною женщины подвязывают цветы—отголосок весеннего празднования оживания природы. Деревья таят в себе производительную силу; сюда приходят и невесты. Прячут под деревьями в земле кости жертвенных животных [2]), из опасения, чтобы не с‘ела их собака, — животное нечистое. (Обычно божеству жертвуется животное мужского пола [3]),—согласно слову имама Ризы, как говорят сектанты).

Приносят также жертвы перед отправлением в дорогу, перед совершением какого-нибудь дела; жертва должна не столько открыть человеку исход задуманного или затеянного, сколько вызвать расположение божества, которое ниспошлет удачу. Жертва бывает различная; весною сектанты в течение пяти дней воздерживаются от молока (овечьего); молоко собирается для общей молитвенной трапезы—„трапезы любви“, на которую приглашается и сейид—„пир“ (старец) или потомок имама.

Жертва, совершенная в Кара-оглане, угодна бывает перед богом. Один раненый, рассказывают, зарезал 5 или 6 баранов и поправился. Жители селения Кара-Зами говорили Шахтахтинскому (как бы об‘ясняя причину холерной эпидемии, постигшей город Маку): „Мы каждую ночь режем по 5 баранов, а вы, ак-коюнлу, забыли бога“.

Роща Кара-оглан производит впечатление крайне запущенного сада или парка. Прежде, говорят, здесь протекала речка Дивана, но

---

1) В XVII веке в соседних деревнях жило много христиан; так, *Эвлия-челеби* говорит (Путешествия, т. II, стр. 339), что половина селения Ылыджалар (насчитывавшего 300 дворов)—христиане.

2) См. также В. Жуковский, цит. соч., стр. 15—16.

3) Ср. замечание В. Жуковского (цит. соч., стр. 23) о святилище сектантском „людей истины“ на берегу реки Сирвенда: мужской приплод от священных овец идет на жертву, женский—на обыкновенную пищу, см. также стр. 15.

жители отвели воду, боясь, что вода задевает корни священных деревьев.

В роще стоит и священный дом—„очаг“ Шаха Мехмеда, из двух комнат, или горниц: во второй комнате, куда входят, как в мечеть, босиком, находится стул—„трон“ Шаха Мехмеда, а рядом — корзина, куда складывают и сносят из домов листочки Корана (печатные, литографированные), чтобы они не трепались или не рвались на папиросы, а главное, чтобы случайно не попали под ноги человеку [1].

В глазах населения место это, освященное Шах Мехмедом,—пребывание угодников божиих. Раз—лет 25 тому назад—сюда вошли женщины; смотрят: а там сидят девять сейидов и молятся; женщины испугались и упали в обморок.

Здесь, говорят сектанты, Шах Мехмед, одно из воплощений божества [2], сотворил первое чудо; здесь, так сказать, зародилась секта. Он пришел в селение, и было с ним четыре [3] ученика-дервиша: Биляль Хебеш [4], Камбер [5], Сельман [6], Абузер [7],—ипостаси отдельных свойств бога [8]. Когда у Шаха Мехмеда спрашивали об имени, он уклонялся от прямого ответа и говорил только, что у него много имен. Он велел Билялю бросить палку в „т а н д ы р ь“; тот отказался, тогда бросил Шах Мехмед, и головня немедленно превратилась в дерево, впоследствии разросшееся в рощу. „Кто это сделал?“,—вопрошали изумленные жители. „Кара-Оглан“ (Черный Юноша), — отвечал Шах Мехмед; это имя утвердилось и за рощей.

Отсюда Шах Мехмед пошел к горе Соккар; реки тогда еще не было; он воткнул посох в землю, и потекла вода [9]), стремительно и бурно, как сумасшедший. Ученик, Сельман, пораженный, все смотрел, а

[1]) О благоговейном страхе (мусульманина) перед печатной или исписанной бумагой, которая может заключать в себе слово „Аллах“, см. у *меня* „Быт османца в суевериях, приметах и обрядах“: „Этнографическое Обозрение“, 1915, № 3-4, стр. 9; также A. G a l l a n d. Journal. Paris. 1881, I, 163.

[2]) Вскользь упоминает о нем В. М и н о р с к и й. Материалы, стр. 64, примечание 1-е. Не его ли имя вышито на знамени сектантском? Там же, стр. 111.

[3]) Постоянное число спутников, ангелов, божества, см. таблицу семи эпох у В. М и н о р с к о г о, цит. соч., стр. 64.

[4]) Абиссинский раб, выкупленный Абу-Бекром, верный слуга и телохранитевь Мохаммеда; он исполнял обязанности первого муэззина.

[5]) Любимый невольник Алия; о степени расположения Алия к нему свидетельствует уверенность персов, что, если Камбер возьмет в аду под свое покровительство гебра,—этот гебр, в свою очередь, может облагодетельствовать весь род человеческий; при жизни пророка он был его знаменоносцем. Вскользь о нем: В. М и н о р с к и й, цит. соч., стр. 64; о могиле его см. *мои* „Османские сказания и легенды“. Москва. 1912, стр. 59.

[6]) Перс-христианин, с которым Мохаммед сблизился в Медине, о нем см. В. М и н о р с к и й, цит. соч., стр. 23, 58, 62, 81, 104; H. T h o r n i n g, Beiträge zur Kenntnis des islamischen Vereinswesens. B. 1913, стр. 85, 89.

[7]) Абу-Зарр, аскет, главный предстатель нищих; о нем см. *мои* „Османские сказания и легенды“, стр. 28-29.

[8]) В. М и н о р с к и й, Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915, стр. 25.

[9]) Обычное в мусульманской агиографии чудо.

Шах Мехмед, рассерженный бурливостью воды, сказал: „Диване олма, кал бурда!“ (Не бесись, остановись здесь!), и стала речка называться „Дивана“ (Юродивая, Сумасшедшая) [1]). Чудо Шаха Мехмеда навело на народ ужас, и он хотел убить чудотворца.

Жили тогда в селении армяне; они не познали его и гнали от себя Шаха Мехмеда. Там была старуха с сыном Нусейром, они-то сжалились над Шахом Мехмедом, приютили его, и он прожил у них два года. Когда Шах Мехмед уходил, юноша стал плакать и ни за что не хотел с ним расставаться, но мать сначала не отпускала сына, говоря: „Что мне делать, если его убьют!“ Шах Мехмед успокоил старуху и они пошли на войну. На берегу моря он расположился привалом и послал юношу кликать рыбу: „Керкер-оглу Меркере“ [2]), чтобы узнать дорогу через море. Поднялись рыбы. „Нас много,—говорили они,—кого тебе надобно?“. Скоро они догадались, что помочь может только двенадцатый прадед из их рода („он ики пюшт“),—рыба, слепая на левый глаз. Она поднялась на поверхность воды и сказала: „Зачем Шах Мехмед спрашивает дорогу у меня? Без меня он знает все“. Юноша пошел к Шах Мехмеду и воскликнул: „Ты—создатель, Ты—Бог“. Напрасно убеждал его Шах Мехмед, что их сотворил другой — высший, кто над ними. Тот все твердил свое. Тогда Шах Мехмед убил юношу, но, возвращенный к жизни, юноша повторял: „Ты—Бог“. Семь раз Шах Мехмед отсекал ему голову и снова оживлял, вспоминая обещание, данное матери. В это время послышался голос с неба, который возвестил, чтобы все люди признавали Шаха Мехмеда богом.

От Нусейра, первого, познавшего истинного бога, и пошли сектанты „люди истины“ [3]), которые и религию свою называют „религией Нусейра“ [4]).

Бесстрашно шел Шах Мехмед вперед; всюду росла и молва об его чудесах. Он побывал и в Руме (Малой Азии); там знали уже о чуде, превратившем головню в дерево, и прозвали его Атеш-бей [5]) (Огонь-бей) или, как толковали в сел. Софу, „Бей атеши“ (огонь бея, господина). Так устанавливается связь с дервишеским орденом

[1]) По другому варианту, так сказал Шах Мехмед Сельману, который неотступно следовал за учителем.

[2]) Над этими рыбами Шах Мехмед уже раньше сотворил чудо. Однажды рыба-самка жаловалась ему, что с'еден ее самец. Шах Мехмед потребовал кости и оживил рыбу. Видя чудо, гость Шаха Мехмеда уверовал во всемогущество его. Ср. аналогичное чудо Султана Исхака: В. Жуковский, цит. соч., стр. 17.

[3]) Эта легенда о происхождении от Нусейра „али илахи“ — божественного поколения—подробно изложена У P. Aubin, La Persé d'aujourd' hui. Paris, 1908, стр. 67—68; см. также К. Боде. Путевые заметки. *Библиотека для чтения*, 1854, т. 123, отд. III, стр. 46—47. В. Жуковский, цит. соч., стр. 8—9 передает начало легенды иначе. У В. Минорского (цит. соч., стр. 62) Нусейр — имя одного из ангелов тариката.

[4]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 8; A. Gobineau также не различал „людей истины“ (эхл-е хакк) от „нусайри“.

[5]) См. указатель при Материалах В. Минорского.

бекташи, которые, почитая Алия, как бога, пытаются, однако, формально примирить свои верования с мусульманством. А, с другой стороны, отождествляются эпохи Шаха Мехмеда и Хана Атеша. В таблице В. Ф. Минорского (цит. соч., стр. 64, примечание 1-е) Шах Мехмед входит только в список, сообщенный Келардештским сейидом, но все это показывает, как зыбки, неустойчивы в сектантских кругах, точнее, низах (малообразованных) имена „царей мира".

Шах Мехмед, совершая чудеса, прошел Малую Азию. Идя по безводной пустыне, войско его истомилось. Шах Мехмед прорыл холм,—показался огромный камень. Перстом указательным отбросил он камень; за камнем была железная дверь; когда открылись двери,— предстало семь комнат и фонтан, и перед фонтаном сидело семь Алиев. Видя изумление на лице Сельмана, Шах Мехмед спросил, не помнит ли он, как за 70 лет до потопа, когда они купались в море,— на платье его спал лев. „Кто тебя спас тогда?" — Я знаю только, что я дал тому человеку букет цветов,—отвечал Сельман. „Вот твои цветы",—заметил Шах Мехмед, подавая их Сельману.

Рассказ этот раскрывает единство и неизменность божества, являющегося человечеству в различных формах; постоянны, как-будто, и спутники его; во всяком случае, Сельман сопровождает искони Шах Мехмеда, хотя его слабое человеческое сознание забыло это.

Словом, Шах Мехмед исходил весь мир, — он был и в Индии; в городе Хавизе (в Хузистане) чеканились монеты с его именем: на одной стороне выбито слово Хавизе, на другой—исповедание мусульманской веры [1]).

Кого разумеют сектанты под Шах-Мехмедом в Индии, решать не берусь [2]), но общая концепция рассказов позволяет думать, что, признавая воплощаемость божества, кара-коюнлу—люди, мало или плохо разбирающиеся в тонкостях богословско-религиозных — исходят из шиитства; для них мусульманская религия в шиитской окраске — не есть нечто абсолютно неприемлемое, как, напр., для „людей истины"; это скорее —„али-илахи", алибожцы, в шиитское учение об Алии вложившие старые представления о непрерывной воплощаемости божества [3]).

V.

Таким образом, Шах Мехмед, когда-то осчастлививший собою селение Софу,—только позднейшее перевоплощение божества, только позднейший alter ego бога Алия. Между ним и Алием лежит еще длинный ряд других перевоплощений; в жизни сектантов одни играли более значительную роль; во всяком случае, в народном предании

---

[1]) См. об этом у В. Минорского, Notes, стр. 106—107.

[2]) Всп. Мухаммед-шаха, главу исмаилитов в Бомбее: А. Семенов, из области религиозных верований шугнанских исмаилитов: „Мир Ислама", 1912, № 4, стр. 541—542.

[3]) Персы, впрочем, и „людей истины" называют „али-иллахи": В. Жуковский, цит. соч., стр. 2.

сохранили более ясные исторические черты, чем Шах Мехмед. А, может быть, изучение сектантов пополнит все лакуны или недоумения и раскроет истинное имя Шах Мехмеда.

Основной пункт учения сектантов—непрерывное обожествление, непрерывное снисхождение на землю Алия. Обожествляя Алия, они стараются уложить религиозные верования в круг истории ислама, но достигают этого наружно, ибо для них, конечно, Алий—символ изначального бога, бога—невинного страдальца. Алий—мосток, перекинутый от верований, господствовавших в Передней Азии в древности, к верованиям мусульманско-христианским. Алий не только персональное божество, это вообще—божественное начало, которое пребывает везде и все собою наполняет. Только, в народе отвлеченные философские идеи облекаются в форму обожествления Алия.

Процесс обожествления Алия происходил на иранской почве, и персы-шииты постарались связать мусульманское учение с национальной историей: сын Алия (четвертого халифа), Хусейн женат был на дочери последнего сасанидского царя Ездгерда (Биби Шехербану). Печальная судьба семьи Алия напоминала иранскому племени страдающего бога, и контаминация верований психологически была обеспечена. Пытаясь, из соображений практических, омусульманить старые верования, сектанты совершают естественный подбор всего, что только служит ad majorem gloriam Алия; они собирают (и фабрикуют) рассказы, в которых глава мусульманской общины Мохаммед выражает предилекцию к зятю—к Алию или даже подтверждает превосходство Алия над собою.

Как рассказывают сектанты, уже во время пророка Мохаммеда воочию обнаружилась божественность природы Алия.

Однажды в мечети собралось 39 человек, и все заспорили: каждый настаивал перед пророком, что накануне вечером Алий был у него именно, а не у кого другого. Между присутствовавшими были также Абу-Бекр и Омар. Омар, слушая споры, не удержался и, вспылив, заявил, что это—ложь; ибо не может человек быть одновременно в стольких местах. Тем временем пророк из мечети отправился к дочери своей Фатиме и стал ее спрашивать, где был накануне ее муж, Алий. Фатима, удивленная, сказала: „Отец, он все время был со мной; у него до утра болели зубы". Пророк вернулся в мечеть, а спор продолжался. Вдруг спустился архангел Джибриил (Гавриил) и возвестил, что Алий накануне вечером молился на горнем месте на небе. Сомнения Омара, оскорбительные для Алия, не прошли ему даром, и скоро он был наказан. Как-то Мохаммед приказал, чтобы муж и жена разделяли между собою домашнюю работу: когда, напр., жена будет месить тесто, муж должен идти за водой. Вот раз пошел Омар за водой, и у источника был он обращен в женщину. Увидал его здесь пастух и взял в жены. Семь лет пробыл Омар у пастуха—у них родились уже дети—сын и дочь, и вдруг Омар вспомнил, что дома ждет его жена, пославшая его за водой. Он кинулся вон из до-

ма пастуха, пастух—за ним. Между ними загорелся ожесточенный спор. Оба направились в мечеть, где находились Алий и Мохаммед. Пастух начал жаловаться, что от него убежала жена, от которой у него дети. „Пусти их в мечеть,—закончил пастух,—они узнают мать“. Детей впустили, и они, завидев Омара, сели к нему на колени. Тогда Омар понял, за что он наказан; он смирился и молил Бога простить ему его прегрешение. Покаяние его было услышано, а детей Омара, прижитых от пастуха, Мохаммед обратил в зайцев.

Вот почему мясо зайцев сектанты не едят; не едят зайцев и кызылбаши в Турции [1]. Давно уже в Малой Азии заяц был средством, чтобы определить религиозные убеждения человека: Ибн-Батута, XIV в., рассказывает, что ему прислали в Синопе зайца, чтобы узнать, не еретик-ли он [2].

В рассказе об Омаре видно, с одной стороны, величание Алия, а с другой, перс-шиит охотно расписывает законное, так сказать, унижение Омара, который олицетворяет (у исмаилитов среднеазиатских) зло в эпоху Алия [3].

Про Омара у шиитов ходят всякие небылицы: ежегодно персы справляют праздник „убиение Омара“ (Омар кушт) и тогда распевают о нем циничные песни [4]. Будучи сопоставлены с рассказом о рождении от него детей, они как-будто говорят, что на Омаре отложились какие-то старые представления.

Пророк Мохаммед неизменно отличал Алия; Алий от Бога—через вестника его воли, архангела Джибриила—был определен преемником Мохаммеда. Это было в местечке „Кадыре-хум“: Мохаммед, возращаясь из Мекки, поднял на „пяти пальцах“ (на ладони) Алия и сказал: „Вот мой преемник“. (Эта версия распространена и между шиитами). У сектантов „кадыр-хумом“ называется самый день провозглашения Алия; „кадыр-хум“ путают они с „благословенной ночью“ месяца рамазана قدربرات как говорят кара-коюнлу.

Таким образом, Алий одновременно бог и человек, или божество, наполняющее собою всю вселенную. Алий неотделим от бога, неразделен с ним. Он существовал, когда все еще было в хаосе, когда все была вода, а людей не было. Когда Алию было всего только 3 года, архангел Гавриил, увидя входящего отрока, процитировал:

---

[1]) Вл. Гордлевский. Кызылбащи, стр. 84, так-же: Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии „Новый Восток“, № 1, стр. 267.

Заяц между животными на Переднем Востоке занимает обособленное место. В Персии, как заметил уже Шарден, заяц вызывает отвращение. Заяц—запретная пища для сектанта—кызылбаша, будь то в Азии или в Европе (у албанцев); и, конечно, встреча с ним должна предвещать неудачу, думают в Закавказье. (Сборник материалов... Кавказа, вып. V, стр. 129, вып. XIII, стр. 112).

[2]) Путешествие, II, 353.

[3]) А. Семенов. Из области религиозных верований Шугнанских исмаилитов. *Мир Ислама*, 1912, № 3, стр. 542.

[4]) А. Крымский. История Персии. М. 1906, ч. III (издание предварительное), стр. 350—357; также D, Allemagne, I, 157.

مرشد و مقتدای ما اسمت علی
با خدا رهنمای ما اسمت علی
نسیت غیر از علی معلم من
استادم علی اسمت در همه فن

(Перевод: Наш водитель на правом пути („м ю р ш и д"), за которым мы следуем,—Алий; он, вместе с богом, указует нам путь; несть разве Алия у меня учителя; во всех науках Алий—мой наставник).

Между сектантами распространены акафисты Алию, в которых они воспевают божественные свойства его и природу: „Алий—Бог, он—тайна и в тайне пребывает, несть ему конца (в прошлом) (لم یزل) Он не рождает и не рождается; Алий—незаменимый (несравненный) царь, который, сидя в жемчужине, вышел для созерцания [1])". О, Алий, о святой о, Абуль-Хасан, о, Абуль-Хусейн, о, Абуль-Тураб,—припевают сектанты.

К Алию сектанты обращают утром молитвы, как в Малой Азии курды племени кочгири—к Дауду (Давиду) [2]).

Воля божественная открывалась в мире чрез пророков; в мир пришло сто двадцать четыре тысячи пророков, и все это был Алий, тайно нисходивший в мир (علی نهان آمد, как говорят сектанты). Алий, передатчик божьего откровения, заключает в себе, как-будто, смутные черты учения о Логосе и Любви,—о Боге-Творце и Боге-Сыне, творящем волю Отца.

Мохаммед, один из бесчисленных провозвестников воли божьей,—только декорация, ширмы, за которыми сектанты скрывают от непосвященных тайны, а по существу, конечно, и Мохаммед тоже не что иное, как одно из воплощений изначального бога. Вот как говорит об этом Хюммети [1]), автор эпико-лирических песнопений об Алии:

هر دم بلباس دگر آن یار بر آمد
دل برد و نهان شد
تا عاقبت شکل عرب وار بر آمد
دارای جهان شد

(Перевод: Каждое мгновение нисходил тот Друг в ином каком образе. Он уносил сердце (верующих) и скрывался; наконец, нисшел Он во образе арабоподобном (т. е. Мохаммеда). Он покорил мир).

[1]) Жемчужина—мистический (суфийский) символ божества; см. В. Минорский, Материалы, стр. 24, примечание 3-е, 63, 78, стихи 5-6 (текст на стр. 72, стихотворение № 1 (قطب نامه). Конец записи представляет легкую перефразировку стиха 6-го.

[2]) Вл. Гордлевский, Кызылбаши, стр. 82.

[1]) Мифический (?) поэт Хюммети между сектантами пользуется большой популярностью. У него был дар провидения: „старец Истины" (پیر حقیقت), он предсказывал „за 73 тысячи лет". Жил он, конечно, задолго до пророка Мохаммеда, родом был из Энгурана (около Тебриза), он был одним из „четырех бесплотных ангелов" (چهار جسد) Алия.—Рукописи сочинения Хюммети оцениваются сектантами баснословно дорого,—в тысячу туманов.

Вот еще два величания Алия, принадлежащие также Хюммети:

№ 1 [1]).

„Зюльфюкарын [2]) хейбетинден титресин эрз—и сема,
мюрг-махи корхудан чум [3])—бид лерзан, йа Али!
Аситанын торпагына [4]) ай, гюн ейлер сюджюд [5]),
бин сена охур сана бу чархы гердан, йа Али!
Олмаса-йды хатемин юстюнде исм-и эзелин [6]),
хардан алырды о тазими Сюлейман, йа Али?
Гер Халиле олмаса-йды лютф-ю ихсанын сенин,
атеш-и сузан олмазды гюлистан, йа Али!
Гер эзельден олмаса-йды михр-и лютфюн хем-нишин,
Нух бильмезди неджат ез хоуф-ю туфан, йа Али!
Юниси сен-син салан [7]) дерйайа балык [8]) карнына,
сен чикардын Юсюфи эз чахи Кен-ан, йа Али!
Хак билир-ки хер давасыз дерде дерман сенде дюр,
хикмети хем сенде хасыл кылды Лугман, йа Али!
Нур-и чешм-и [9]) . . . . . .
Шах-и Камбер, мир-и, Бузер, джан-и Сельман, йа Али!
Джюмле-йи арз-и семаны хош мюреттеб эйледин,
гедже гюндюз р'ед берг-и аби (эйледин) баран,
йа Али! [10]).
Юмага он секкиз мин алемин юсйаныны [11])
бехр-и фазлинде йетер бир катре шебнем, йа Али!“.

№ 2 [12]).

„Калмышам кам вадисинде, хади-йи рехбер герек,
бу зелалеттен бизи куртармага бир эр герек, [13])
Йох иди-кен [14]) нам-и нишан-и адем-и алем хенюз,
лиф хурма-илен аг деви (бендин) чатан сервер герек.

---

[1]) Повторение имени Алия (в каждом стихе) указывает на его всеоб'емлемость

[2]) Литературное произношение ذوالفقار.

[3]) Конечный „н“ перед „б“ перешел в „м“.

[4]) Обычная перестановка согласных.

[5]) Стих испорченный.

[6]) М. А Гафаров предлагает чтение: эземин (اعظمك), (азербайджанцы произносят: два „з“ в слове „эзель“).

[7]) Конструкция причастная усиливает логическое ударение на подлежащем.

[8]) В слове „балык“ кара-коюнлу протягивал звук а, чтобы создать искусственную долготу слога.

[9]) Говоривший забыл продолжение полустишия.

[10]) В стихе можно бы опустить слово: эйледин.

[11]) Испорченный стих.

[12]) Последнее слово стиха—„герек“ (*нужно*) заключает в себе скрытое величание: слушатели постигают, что единственным избавителем может быть только Алий. Оба отрывка *передаются* на османском языке, хотя иногда прорываются и азербайджанские формы: „хардан“, „калмыщам“, „секкиз“. „хах“ „эждеханы“ и др. Вообще, сектантская литература в Персии и в Турции написана на смешанном языке, османо-азербайджанском, см. мои замечания в статье о кызылбашах, стр. 86.

[13]) Здесь, как видно и из строя отрывка—пропущен какой-то стих.

[14]) Искусственное образование.

Пендже-йи хейбер-гюша йани йед-ю Аллах гафур,
мехдичинде эждеханы шекк эден хейдер герек [1]).
Йар-и Ахмед, зоудж-ю Зехра, баб-и Шебер-и Шюбейр,
мир-и Малек, шах-и Сельман, хаджей-и Камбер герек.
Юстюмюзден бу зюльмети реф этмеге
мах-ю Энджюм, бахшюш-ю (?) хюсрев-е хавер герек" [2]).

Перевод отрывка № 1.

„Земля и небо да дрожат от страха перед „Зюльфикаром", [3])
да дрожит, *как ива*, птица и рыба от страха, *о Алий!*
Месяц и солнце совершают преклонение на прахе Твоего порога,
тысячу похвал поет (небо) вращающее колесо (мироздания), Тебе, *о Алий!*
Если бы на перстне не было Твоего предвечного имени,
откуда так бы возвеличился Сюлейман (т. е. Соломон), *о Алий?*
Если бы над „Другом Божиим" (Авраамом) не было Твоей милости и щедрот,
не превратился бы пылающий огонь в цветник [4]), *о Алий!*
Если бы от века солнце Твоей милости не возседало (над Нухом, т. е. Ноем),
он не видал бы спасения от страшного потопа, *о Алий!*
Это Ты низринул Юнуса (Иону) в море во чрево рыбы,
это Ты извлек из кладезя в Ханаане Юсуфа (Иосифа), *о Алий!*
Бог (Истина) знает, что у Тебя есть лекарство от всякой неисцелимой болезни,
в Тебе постиг Лукман мудрость, *о Алий!*....

. . . .

Ты—шах Камбера, эмир Абу-Зерра, душа Сельмана, *о Алий!*
Ты установил полный порядок на всей земле и небе,
Ты день и ночь ниспосылаешь дождь из грома и молнии, *о Алий*
Для того, чтобы омыть грехи восемнадцати тысяч миров,
достаточна одна капля росы из моря Твоего величия, *о Алий!*"

Перевод отрывка № 2.

„Я нахожусь все в долине горя, водитель, указующий путь, мне *нужен.*
Для того, чтобы избавить нас от этого унижения (в мире?), доблестный муж *нужен.*
Когда не было еще на свете и имени человеческого,

---

[1]) Стихи 5-6 вышиты были на знамени сектантском, см. В. Минорский, Материалы, стр. 112.

[2]) В обоих отрывках русским „ю" передается звук „ü".

[3]) Чудесный мечь Алия, унаследованный от Мохаммеда.

[4]) Задумав погубить Авраама, Нимруд бросил его из башни в горящий костер; но Бог спас своего „друга"; намек на это заключен и в Коране, сура 21, стих. 69.

вождь, мочалой из пальмового дерева разрывающий путы Белого Дэва [1]), (был) *нужен.*

Длань, отверзающая Хайбер [2]), т. е. рука Всепрощающего Бога [3]),

Лев, разрывающий в колыбели дракона, *нужен.*

Друг Ахмеда (т. е. Мохаммеда), супруг Зехра [4]), отец Шебера и Шубейра [5]),

эмир Малека [6]), шах Сельмана, ходжа Камбера—*нужен.*

Для того, чтобы совлечь с нас мрак,

луна Звезд, падишах, щедрый, как солнце Востока—*нужен!*".

Так, история человечества вплоть до Мохаммеда—история единого (в тысяче образов) Алия, который „цепь существ в себе вмещает". Однако, божественная миссия Алия не заканчивается этим. Для сектантов Мохаммед отнюдь не „печать пророков". Бог постепенно открывается людям, стало-быть, цепь пророков беспрерывна и бесконечна: совершенствование человечества увеличивает сумму и об'ем божественного откровения; бесконечны и формы проявления на земле божества [7]).

Алий обошел мусульманский мир. В Малой Азии, где живут теперь сунниты, население часто указывает места или камни, на которые ступал „Лев Божий", Алий [8]); Алий, представитель воинствующей веры,—богатырь, оружием распространяющий ислам. Перед ним все клонит голову [9]). Беспрестанно устремлен взор Алия на землю, и Он нисходит иногда на землю, чтобы образумить заблудшее человечество.

VI.

Пугливо озираясь кругом, опасаясь отовсюду преследований, мысль сектанта восторженно встречает борца, который пытается уничтожить

---

[1]) دیوسفید (в Шах-намэ), с которым долго боролся Рустем. Дракон этот (живший в Мазендеране) мучил людей 33 тысячи лет.

[2]) Еврейская крепость, завоеванная мусульманами в 628 г.—О завоеваниях Алия говорят народные книжки, печатающиеся или литографирующиеся в Турции и в Персии.

[3]) „Рука Бога" (يدالله)—прозвище Алия.

[4]) Прозвище Фатимы—Белолицая.

[5]) Одно из многочисленных прозвищ Алия, отца Хасана и Хусейна.

[6]) Т. е., Малек Эштер, легендарный полководец Алия; как историческое лицо, участвовал в войне между Муавией и Алием.

[7]) Так, сектанты готовы, как будто, видеть Алия и в поэте Хазифе: Он—Алий (علی است), говорили кара-коюнлу, ибо знает тайны сердца.

[8]) Вл. Гордлевский, Османские сказания и легенды. М. 1912, стр. 30 (в Брусском и Конийском вилайетах), стр. 40—41 (в Ангорском вилайете).

[9]) Османец-суннит вносит большую поправку, ограничивая утверждения сектантов и шиитов о храбрости Алия. Вот вкратце рассказ, записанный мною в 1906 г. в Константинополе. Однажды Алий, возгордившись, решил, что он храбрее всех. Тогда с неба послышался голос: „Сильнее всех Лаз-оглу Рустем". Алий пошел на его гробницу и когда увидал, что Рустем наполовину показался из земли, устыдился и стал просить Бога о прощении. На создание рассказа повлияло, очевидно, совпадение имени (паши?) с именем персидского национального героя. В словаре Сами-бея (в قاموس الاعلام) отсутствует Лаз-оглу Рустем.

на земле суннитство, потому что в суннитах чудится сектанту источник зла и вражды.

Понятно, что восшествие на персидский престол династии Сефевидов, --дервишествующего шаха Исмаила (1502—1524), который хотел дать отпор всесильному османскому султану Селиму I, должно было возбудить радостные надежды на близкое торжество их учения [1]). Шах Исмаил герой народных сказок в Передней Азии (в Персии, Закавказье и в Турции) [2]), у сектантов превратился в воплощение Алия. Почва для этого была создана благоприятная в Ардебиле; благочестивые шейхи, род которых идет от шейха Сафи (уд-дина), заручившись покровительством могущественных государей (Тимур-Ленга, Узун Хасана, хана Ак-Коюнлу) [3]), сумели придать ордену военную организацию.

Вот отрывок из песнопений о Шахе Исмаиле, записанный мне в селении Софу сектантом Султаном [4]) (охотно сообщавшим мне все, что я только у него спрашивал) [5]):

شاه اسمعیل فرموده
عادل اسمعیل دم، کلدم جهانه
یره کون(؟) دولی منم
بلمین بلسون منی من علییم
علی منم علی منم علی منم
من حقم حقدن گلورم
اون ایکی امامن بریم
جهار کوشنی من آلورم
ذات قدرت علی منم
کندی یازار کندی یوزار
منکرین کوکنی قازار
دلی منم دلی منم دلی منم
سیر ایدوب جهانی گزر || ذوالفقار
قرخ آرشن اوزره || هر کیم
حقی اراده گوزلر | آری اوردر
بلی منم خطاییم پرم شاه‌دور
یقینم وار شکیم یوخدور || علینی کرمی
جوخدور || علی سلطان قلی منم

1) См. о нем. Franz Babinger. Schéjch Bedr-ed-din. B. 1921, стр. 85—87.

2) У книжников-азербайджанцев (в Константинополе) продаются лифтографированные листовки о шахе Исмаиле; известны сказки и в Крыму, см. Х. Кондараки, Универсальное описание Крыма, СПБ, 1875, ч. XIII. Последние сведения о популярности шаха Исмаила в Персии в (полу-фельетонной) статье У. Наля. Восточные бани. *Русская Мысль*, 1915, № 7, стр. 181, 182.

3) Характерно, что туркменское племя ак-коюнлу способствовало усилению ордена, оплота кара-коюнлу.

4) Текст передается с точным соблюдением „орфографии". Начиная со стиха 13-го, прямая (вертикальная) черта указывает, где стих кончается.

5) Как это нередко бывает, Султан надеялся, быть может, на мое заступничество за кара-коюнлу перед Макинскими ханами. провожая меня из селения, он говорил: „Скажи *там* чтобы нас не притесняли".

Перевод: Шах Исмаил Сефевид изрек: Я был справедливый [1]) Исмаил и явился в свет; Я наполняю землю, как солнце (?). Пусть незнающий меня узнает, что я—Алий, и что Алий—это я [2]). Я—истина и прихожу от Бога-истинна [3]); Я—один из 12-ти имамов [4]). Я овладею четырьмя углами (странами) света. Я—Алий, во мне—полнота Его силы. Это я начертаю и стираю, это я вырываю корни отрицающего; Я охвачен экстазом. Обозревая мир, взвивается „*зульфикар*". Он тянется на 40 аршин; всякий обрящет там Истину; он—пчела [5]), а Я—мед [5]); Я—Хатаи [6]), я—„*пир*"; он—шах (эпохи), во мне неизменная в том уверенность; велика милость Алия; я—раб султана Алия.

VII.

Однако, очевидно, Алий не может ежеминутно спускаться на землю; здесь мысль сектанта создает компромисс: некоторые падишахи являются как-бы наместниками, назначаемыми Алием; исповедуя наружно исламскую религию, они блюдут все-же интересы сектантов, иногда они сами—сектанты.

Так, о Тимур-Ленге—эмире Тимуре Гургане—говорят, что он был „кара-коюнлу". Ему во сне явился в Астерабаде имам Хусейн и спросил: „Ты любишь меня? Так отчего же ты не хочешь отомстить моим убийцам?" Услышав это, Тимур отправился на поклонение в Кербелу; он разрушил также Куфу и убил „внука" Язида в Дамаске. Упоминание города Астерабада (одного из центров сейидов) указывает, пожалуй, на место зарождения тимурофильской легенды [7]).

Даже в падишахах, из ненавистной персам династии Каджаров, хотят сектанты видеть сторонников и покровителей; так, про шаха Насир-эд-дина говорят, что он был хороший падишах, ибо был назначен Алием [8]). В этом взгляде „кара-коюнлу" на Насир-эд-дина оп-

---

[1]) Употреблено прегнантно.

[2]) Указание на пантеистический характер учения.

[3]) Так передаю я слово حق, которое значит и истина и бог.

[4]) Быть может, намек на Исмаила, родоначальника секты исмаилитов.

[5]) Ср. R. Dussaud, Histoire et religion des Nosairis. Paris, 1900, 59 прим. 3-е. В стихе какая-то игра слов—„Бали"—старое турецкое имя (см. F. Babinger II, прим. 2); народное осмысление имени у A. Degrand, Souvenirs de la Haute Albanie, Paris, 1901, стр. 243—244. (Возчик, везший вино, заявил дервишу, что у него мед—(„бал").

[6]) Литературный псевдоним („махлас")шаха Исмаила. Диваны Шаха Исмаила (*Хатаи*) хранятся: в Азиатском Музее (D o r n. Das Asiatische Museum. StPt. 1846, стр. 207) и в Лондоне (Ch. Rieu. Catalogue of the türkish Mss. London, 1888, стр. 205—206, интересно, что был диван Хатаи и у бекташи, см. Th. Menzel, Das Bektaši Kloster Sejjid-i ghazi, B. 1925. (Mitteilungen d. Seminars f. orient. Sprachens zu Berlin Jhg. XXVIII, Abt. II, 106).

[7]) Малоазиатские кызылбаши (которые, конечно, должны быть рады унижению, испытанному османцами от Тимур-Ленга), благосклонно отзываются о нем и видят в нем перст божий, наказующий врагов, см. Вл. Г о р д л е в с к и й, Кызылбаши, стр. 95.

[8]) A. G o b i n e a u (цит. соч., стр. 301) рассказывает, что шах Насир-эд-дин искусно умел расположить к себе народ; так, в 50-х годах прошлого столетия он об'явил, что у него из Индии есть достоверный портрет Алия и что он хочет украсить себя этим священным палладиумом.

ределенно выражается их коренное расхождение с бабидами, из среды которых вышел убийца шаха.

Последний каджарский шах, Мехмед-Али-шах, также пользовался расположением сектантов. О нем молодой дервиш (в Тазекенде) процитировал мне нараспев сочиненный где-то вирш, в котором предуказана была, отчасти, судьба его:

دو یکی سال پادشاهی او
صاحب الامر باز میبینم

(*Перевод:* Его царствованию какой-нибудь год, два; а там опять я вижу сахибуль-эмира) [1]).

Суннитам Мехмед-Али-шах был ненавистен. Тысяча суннитов из Кандагара хотели его убить. Неожиданно на „сером коне“ [2]) показался Алий и перебил их. Кандагарский царь спросил у Алия: „Зачем ты губишь мое войско?“ Алий, возмущенный дерзостью царя, послал гонца в Японию, которая должна наказать Кандагар [3]).

Там ищет защиты мысль сектанта: быстрое политическое возвышение государства на Дальнем Востоке, успехи мусульманской пропаганды в Японии, торжество Японии над Россией, так долго казавшейся восточному человеку несокрушимой,—все это заставляет истомленную душу обращать взоры на страну Восходящего Солнца.

VIII.

Незримый людьми, Алий ходит иногда по земле; здесь сливаются верования о Хызре, Махди-имаме,—о скрывающемся и возвращающемся царе. Однажды,—рассказывал мне в Софу сектант (Мешхеди-Хусейн?), шел он с толпой паломников („*зувваров*“) в Мешхед. Дорогой он отстал от спутников перехода на два и перепугался. Вдруг человек „без костей“ схватил его на руки; сектант от страху закрыл глаза, а Алий—то был он—во мгновение ока перенес его на спине через лес; когда он открыл глаза, перед ним находились товарищи—„зуввары“. Они удивились, увидя его, и, выслушав рассказ, чуть не разорвали на нем одежду, так как веровали, что бескостный человек, конечно, не кто иной, как Алий, и платье, которого коснулась рука Алия,—святыня [4]).

В несчастьи Алий отзывается на мольбы верующих. Был такой случай. Однажды в море испортилась у парохода машина, и он остановился. Среди пассажиров было и четыре кара-коюнлу. Все обратились к ним; кара-коюнлу помолились, и вот увидали, как по воде плыл к ним на сером коне всадник—Алий. Он спас пароход от гибели.

---

[1]) Все равно, что صاحب الزمان господин времени, т. е. махдий.

[2]) Epithe tou ornans Дюль-дюля; ср. „серого коня“ св. Георгия.

[3]) Сторонники сектантов есть и внутри государства—в Персии; так, наприм., садр'азам Мирза Алий Аскер, убитый в царствование шаха Музаффар-эд-дина, был кара-коюнлу.

[4]) От Мирзы Джафар-хана (Р и з а е в а) слышал я, что, напряженно ожидая пришествия Хызра-Махди, персы, здороваясь, щупают пальцы, не окажется ли это *бескостный* Хызр, скрывающийся от людей.

Повидимому, эта легенда—позднейшего образования: Алий, выступая на море, как-бы вторгается в прерогативы другого святого, Николая, у мусульман (соседей греков), кое-где превратившегося в Мурад-реиса [1]). А с другой стороны, у меня записан в Константинополе анекдот (добродушно высмеивающий шиитов), где фигура Алия еще не облачилась в несвойственный ему облик спасателя на воде. Когда в море поднялась буря, сунниты взывали.—кто к Омару, кто к Осману, и т. д. Шиит же, радуясь гибели суннитов, воскликнул: Йа Али, гярг-еш кон, мян-хем джяхянням" (т. е. О, Алий, потопи [*корабль*], и я согласен идти в ад). Шуточность анекдота, долженствующая показать, до чего может доходить ненависть шиита к сунниту,—видна еще из того, что суннит нарочно взывает к халифам Омару, Осману, которые для него не выше и не ниже Алия, но не к Мохаммеду.

Итак, для сектанта Алий—господин („*сахибкяр*", „*мовла*"); он „ключ от дверей спасения". Он творил мир. Его десница, Его око наблюдает над миром. Он—прибежище верующих. И как началась им на земле жизнь, так и закончится. Перед „Судным Днем" Он сойдет на землю во образе Сама [2]), деда Рустема, а за сорок дней Его предварит Иисус Христос с Двенадцатью Имамами. Он принесет меч „зульфикар", тогда явится и Алий [3]).

IX.

На макинских сектантах, кара-коюнлу, почиет особая благодать божия: между ними жил и действовал Мир Мехмед Хасан. Открыто, пожалуй, никто не говорил, что это было воплощение Алия, но из отдельных намеков можно заключить, что кара-коюнлу склонны признать в нем божественное начало,—здесь намечается прижизненный процесс превращения водителя, старца („пира") в эманацию божества. На это обратил уже внимание американский миссионер в Тебризе Уильсон [4]).

В нем, прежде всего, видят потомка Шаха Мехмеда; между Шахом Мехмедом и Мир Мехмедом Хасаном промежуток времени всего в „четыре поколения" („дёрт арка").

Отец Мир Мехмеда Хасана, Сейид Гулам Хусейн был родом из Керманшаха; он был дервиш и, странствуя, попал в селение Софу. У него родился сын. Когда он подрос, дядя хотел-было женить его и отрезал ему косу, но тот убежал. От отца унаследовал Мехмед Хасан влечение к дервишеству; он тоже много путешествовал,—был в Мекке,

---

[1]) В. Мочульский, Татарские народные поверия, записанные Е. Шевелевым, и соответствующие им параллели в сказаниях других народов. Одесса, 1903, стр. 15—17 (Оттиск из „Записок Одесского Общества Истории и Древностей", т. XXI); см. также А. Олесницкий, Песни крымских турок. Москва, 1910, стр. 119.

[2]) Думаю, что это имя скрывается также под инциалами (س م) вышитыми на знамени Келардештского сейида, см. В. Минорский, Материалы, стр. 111.

[3]) Вл. Гордлевский, Османские сказания и легенды, М. 1912, стр. 65.

[4]) В. Минорский, Материалы, стр. 114, примечание 3-е.

Кербела, в Мазендеране; потом вернулся в Кара-коюнлу. Учителем его был Мирза Джан. Мир Мехмед Хасан был человек неграмотный, однако, он знал языки, ему ведомо было все: он знал, напр., когда идут из Хоросана гости, и отдавал заранее распоряжения для встречи. Молитва его была угодна перед Богом; „он держит рукою полы платья Бога", — говорят о нем кара-коюнлу. Молва о нем широко распространилась, к нему питали почтение и власть имущие.

Враги сектантов, ак-коюнлу, наоборот, смеются над легковерием или самообманом кара-коюнлу и говорят, что Мир Мехмед Хасан - „ага" был старик похотливый, он сидел все у источника, и когда проходили мимо женщины, старался целовать их; говорят, что он насиловал девушек, пользуясь авторитетом, каким окружали его сектанты. Последнее время Мир Мехмед Хасан жил в селении Тазэ-кенде. Чтя память Мир Мехмеда Хасана, макинские ханы освободили селение от податей и дали сейидам земли там. В Тазэ-кенде Мир Мехмед Хасан и умер в „благословенный день" [1]), четверг 23-го зилькада 1323 года хиджры (в 1904 г.), предсказав время своей смерти.

Над ним немедленно после смерти [2]) было возведено куббэ—купол. Когда я был в Тазэ-кенде, на гробнице лежали засохшие розы. В комнате собираются и реликвии от Мир Мехмеда Хасана: в платке спрятана чалма его, а по стенам висят снимки, изображающие мавзолей (выдранные) из книги В. Ф. Минорского. Во дворе похоронен слуга Мир Мехмеда Хасана, Курбан, умерший лет 10 тому назад. В день смерти Мир Мехмеда Хасана совершаются жертвы, устраивается трапеза.

Мюрид керманшахского шейха, Мир Мехмед Хасан для кара-коюнлу—„*пир*", слава которого между ними необычайна. Но, конечно, пока ясна духовная зависимость от Керманшаха, или пока керманшахские дервиши хотят этого, Мир Мехмед Хасан все-таки не может приобрести самостоятельного значения, ему не стать основателем новой какой-нибудь секты. Раз этого не случилось при жизни, трудно думать, что это будет после смерти; далеко за пределы местного культа Мир Мехмед Хасан не выйдет.

X.

Жизнь Мир Мехмеда Хасана полна чудес; на них лежит печать наивной веры, ибо рассказывают их еще современники Мир Мехмеда Хасана, очевидцы великой духовной силы „*пира*". Впрочем,—жаловались поклонники,—понемногу его забывают. По количеству чудес, записанных мною, я не сказал бы этого; здесь просто говорит, может быть, уязвленная за старца горечь, что не все благоговеют перед его памятью так, как они, хранители жития его.

---

[1]) Вл. Гордлевский. Кызылбаши, стр. 83.

[2]) В. Минорский. (Материалы, стр. 114) уже 9-го октября 1905 г. снял фотографию с мавзолея (приложенную к стр. X); подпись исправлена на стр. 114 в примечании 3-м.

Очевидно, облик его скоро утратит реальные черты, и чудеса будут стереотипны. Пока же, некоторые чудеса, видимо,—отголосок (как в кривом зеркале—преломленный в душе говорящего) истинных происшествий,—так они иногда наивны, а, главное, так кратко-немногосложны.

Первое чудо. Сейид Хайдар Келардештский, встреченный мною в Тазэ-кенде, рассказал, как он стал „*мюридом*" Мир Мехмеда Хасана. Однажды он шел с Мир Мехмедом Хасаном в Техран; дорогой попалась им река Кялус, шириною с Аракс. Мир Мехмед Хасан вступил в воду первый, „слуга"—за ним, только смотрит: рыбы все вышли из воды и почтительно обратили головы на Мир Мехмеда Хасана. Он все идет, а по бокам у него—два подсвечника. Слуга, пораженный упал в обморок. Когда он открыл глаза,—все исчезло. Он перешел тогда реку, закрыв от страха глаза, и с того момента уверовал в Мир Мехмеда Хасана [1]).

Второе чудо. Однажды гости Мир Мехмеда Хасана захотели зимой огурцов; хозяин немедленно вынул десяток свежих, как-бы только что сорванных огурцов [2]).

Третье чудо. Видел однажды Мехмед Султан вещий сон. Идет он, а на него—стая волков. Верхом же едет из Тазэ-кенда Мир Мехмед Хасан; бросая волкам халву, [3]) он быстро успокоил их. И что же: скоро заболел брат Султана.

Четвертое чудо. Во время холерной эпидемии заболел мой брат,—рассказал мне Мехмед Султан; Мир Мехмед Хасан толкнул его, и тот встал и пошел как ни в чем не бывало [4]).

Пятое чудо. Холера свирепствовала везде, не было ее только в селении Тазэ-кенде, где жил старец.

Шестое чудо. Раз пошли к нему три брата, почтительно поцеловали руку и сели; смотрят—перед ним горит „*тандырь*" без угольев.

Седьмое чудо. Однажды Мир Мехмед Хасан рассердился на жителей селения Софу и наслал град, который побил у них поля и виноградники.

Восьмое чудо. Пришли однажды в Тазэ-кенд два человека. Посмотрел Мир Мехмед Хасан на одного и улыбнулся. „Что?",—спрашивает тот. „А ты забыл,—заметил Мир Мехмед Хасан,—мы были с тобою в Мекке, ты еще потерял обувь, я нашел тебе ее, и ты обещал

---

[1]) Я помещаю это чудо Мир Мехмеда Хасана первым, ибо здесь как бы „познана была слава Божия", но, несомненно, чудо это носит следы трафаретности. Сейид Хайдар, знакомый с житийной литературой, производит все-таки впечатление человека „себе на уме".

[2]) Т. наз. гюль бе-сäр. Торговцы на базаре, расхваливая огурцы, кричат: گل بسر (подраз,: دارد). т. е. у него цветок на макушке. Слово „хийар" означает большой огурец, перезрелый. и употребляется также в смысле penis.

[3]) Халва составляет поминальное кушанье, см. Вл. Гордлевский, из османской демонологии. М. 1914, стр. 14-15.

[4]) Ср. чудесное исцеление, по слову Иисуса Христа, который говорил: „Встань. возьми одр твой и ходи".

мне золотой". Гость вспомнил и достал монету. „Я каждую пятницу бываю в Мекке",– прибавил Мир Мехмед Хасан.

Девятое чудо. Раз Мир Мехмед Хасан отправился в Хорасан. Под'езжая к Техрану, он пустил осла на траву. Хозяин луга прибежал к Мир Мехмеду Хасану и начал „ругать его веру" [1]). Рассердился Мир Мехмед Хасан и избил его. Тот пожаловался везирю Мирзе Мехмеду-хану Сипех-салару. Везирь потребовал Мир Мехмеда Хасана к себе и начал ему выговаривать поведение. А Мир Мехмед Хасан все указывал на свое достоинство сейида. „Если ты сейид,—продолжал везирь,—войди в огонь".—„Это – пустяки,—заметил Мир Мехмед Хасан,—войду не только я, но и мои ученики, дай только сроку три дня". Везирь согласился. Скоро потянулись отовсюду ученики, числом двенадцать, а было до места, где они находились, двенадцать денных переходов. А один из них, рассказавший мне это Мешхеди Хусейн, так в три дня совершил путь из Хорасана в Техран [2]). Развели костер; Мир Мехмед Хасан ходил все вокруг огня и молился, и пламя превратилось в лед [3]). Видя чудо, везирь уверовал. „Потом,—закончил Мешхеди Хусейн,—обмыли нам ноги, а воду ту люди пили, как благодатную.

Десятое чудо. Прозорливость у Мир Мехмеда Хасана была необычайная; он, напр., предсказал революционное движение в Персии.

Одиннадцатое чудо. Лет 25 тому назад макинские ханы притесняли население. Тогда Мир Мехмед Хасан, или „сейид", как для краткости говорят часто кара-коюнлу,—ища на них управы, снял с головы „*кюлах*" и, делая рукою пригласительный жест, сказал: „Рус гель, рус гель!". (Русский, приходи, приходи!).

Мир Мехмед Хасан часто говаривал: „Сперва придут русские,—слуги таинственного господина" (اوّل روس كلهجكدر غلام صاحب نهان). „Если русские придут с Востока, говорил сейид, обращаясь к кара-коюнлу, вам будет хорошо; и знайте, когда придут к вам люди в красных рубашках,—это и есть русские".

„Вот видишь,—закончил Мехмед Султан,—русские явились и явились с Востока,—через Персию".

XI.

Этот рассказ, соответствовавший, очевидно, настроению народному, пользуется большой популярностью; его знают все кара-коюнлу.

Мусульмане, поработители страны, изгнавшие старую, национальную религию,—враги, и понятно, что новый властелин, кто бы он

---

1) Для сектанта, да. пожалуй, и для всякого мусульманина. это—высшее оскорбление: см. А. Gobineau, цит. соч. стр. 273.

2) Рассказы его внушают подозрение: очень уж он красно говорил.

3) Распространенное в мусульманской агиографии чудо, см. Вл. Гордлевский, Кызылбащи, стр. 88-89. О чудесах с огнем „пиров" и „сейидов" см А. Gobineau, цит. соч., 349-350.—Когда я был в Дамаске (в 1906 г.). там рассказывали о чуде, совершенном членом ордена „кадирийэ" перед высоким посетителем. Дервиш бросил в огонь его шапку, и шапка все-же осталась невредима.

ни был, долженствующий заменить ненавистных мусульман, встретит среди туземного населения, втайне преданного старым богам, сочувствие. Как земледельцы, кара-коюнлу, находившиеся долго под экономическим гнетом помещиков, радовались; они верили, что приход означает, прежде всего, прекращение курдских грабежей и водворение в стране порядка. Насколько я мог убедиться, кара-коюнлу к русским относились предупредительно. Восторженные ожидания кара-коюнлу были, наоборот, не по душе ак-коюнлу.

Во время всеобщей войны разговорам о близком пришествии русских не было конца. Русские—враги персов—должны были принести облегчение сектантам; на русских смотрели в Кара-коюнлу, как на предтечу Алия, ибо русские -войско Алия. Нервно напряженное воображение во всем видело признаки наступления царства Алия; так в 1914 г. было затмение солнца, в 1915 г. вследствие засухи был неурожай и т. д.[1]). Словом, в 1333 году хиджры явится шах, т. е. Алий,—говорили кара-коюнлу.

Для того, чтобы убедить народ в непреложности сошествия Алия на землю, дервиши усиленно распространяли (на персидском языке) нескладные стихи, в которых поэт-пророк Хюммети заранее предсказывал все, что совершалось у них на глазах.

ملك و ملك و ملت دين بر گردد
سراسر جهان گيرد فرنك و روس

(*Перевод:* Государственные владения, частная земля, религиозная община—все перевернется; миром от края и до края овладеют „франки“ и русские).

„И Турция, и Румыния поднимутся“,—предсказывал хитроумный политик,—и все-таки ничего не выйдет.

Предсказания эти, по утверждению кара-коюнлу Мехмеда Султана, исходили, однако, не от поэта Хюммети, а от „слуги“ ангела Шаха Мехмеда, Алмаса Биньянама, бывшего как-бы ногою и рукою Господина (مثل دست پای مولا بود). Здесь, в представлении Мехмеда Султана, слилось два „ангела“ двух различных эпох—Беньямин и Хан Алмас (Алмас-бек)[2]). В богословском учении „людей истины“ Беньямин играет большую роль, это „*икрар*“ „царя мира“, Солтана Сохака, творивший его волю. Когда сектант хочет унизить мусульманина, он говорит: „Да накажет его Бог при помощи Беньямина“[3]). Петерман, сообщающий это, думает, что под Беньямином разумеется Вениамин, последний, двенадцатый, сын Иакова. М. Султан произносил иногда

[1]) Аналогичное настроение было и у кызылбашей в Малой Азии: Вл. Гордлевский, цит. раб., стр. 95. Невольно приходит в голову мысль, что на всем пространстве Передней Азии действует единая мощная дервишеская организация, направляющая, по своему желанию, народные сектантские массы.

[2]) В. Минорский. Материалы, см. указатель; от хана Алмаса происходил дервиш Мурад, сторож тюрбэ Мир Мехмеда Хасана, там же, стр. 114.

[3]) H. Petermann, Reisen im Orient. Leipzig 1865. 2-е издание, т. II, стр. 263.

Боньядамин, разлагая имя на بنیاد+امین. Так, уже Алмас Биньянам возвестил, что весь мир будет завоеван европейцами, — „френгами", но львиная доля будет принадлежать русским. Он говорил:

گرداگرد جهان فرنك و روس *)
بلند موصدای ناله طبل (و) كوس

(*Перевод*: Кругом в мире „френги" и русские; высоко отдаются печальные [1]) звуки барабанов).

В этом стихе интересно слово مو; как толковали в Тазэ-кенде дервиши-южане, слово это заимствовано из языка луров (и означает: бывает); наличность слова указывает на происхождение стиха из Керманшаха.

XII.

Мне представился случай видеть в Тазэ-кенде у дервиша тетрадь, где записан был, между прочим и этот стих. Не подлежит сомнению, что стих--грубая мистификация или фальсификация; под мусульманской датой, на которую возвещено было пришествие „*сахибуз-земан*", т. е. Алия,—предупредительно, как будто для вящщего убеждения христиан, обозначен был и год христианской эры—1915-й,—год успехов русского оружия в Персии и в Турции.

В мире сектантском Керманшах играет большую роль. Керманшах направляет или предугадывает (это, конечно, в прямых его интересах) настроения населения „паствы"; керманшахские дервиши занимаются не только тем, что утверждают вероучение между сектантами [2]), но они ведут и пропаганду политическую. Около Керманшаха (в Дюрр-Геррави?) расположен главный очаг сектантов, Доруд; там жил глава „людей истины" (которому подчинены в иерархическом отношении и кара-коюнлу), Абдул Азим Мирза, шестой потомок Атеша, [3])—великий чудотворец, как говорили кара-коюнлу [4]). Там похоронено и двенадцать его предков, восходящих к имаму Алию; там же находятся и реликвии- коврик [5]), которым Шах Мехмед когда-то покрыл реку Сирварчай, чтобы перейти ее [6]). У дервишей было до 30 деревень, но „м у ж т е х и д ы" отняли у них владения.

---

*) Стих из „келяма", см. В. М и н о р с к и й, Notes, стр. 31.

[1]) Слово „печальный" здесь употреблено прегнанто: печальны победные звуки „френгов", потому что возвещают восточным народам еврепейское рабство.

[2]) Священная книга „людей истины" „С е р е н д ж а м" возникла, повидимому, также недалеко от Керманшаха: В. М и н о р с к и й, Материалы, стр. 105.

[3]) В. М и н о р с к и й, Материалы, стр. 79, прим. 5-е; „потомок последнего проявления божества, совершившегося лет 200 тому назад". как сказано в отчете о докладе В. Ф. М и н о р с к о г о. *Научное слово*, 1903, № 4, стр. 159. У меня записано, что он в двенадцатом колене восходит к Шаху Мехмеду. Впрочем, генеалогия Абдуль Азима (сына Сейида Низама, внука Султан Аббаса) у меня, повидимому, перепутана; я должен опустить сведения и имена, не складывающиеся в ясную, стройную картину.

[4]) „Вот когда попаду в Керманшах,—говорили сектанты, - так отпущу бороду: т. е., не приличествует быть без бороды в святом месте".

[5]) О (священном) коврике упоминает и А. G o b i n e a u, стр. 348-349.

[6]) Ср. В. Ж у к о в с к и й, цит, соч., стр. 17—рассказ о Султане Исхаке, который бросив коврик, усмирил реку.

Зависимость кара-коюнлу от Керманшаха выражается в том, что ежегодно оттуда приходит шейх[1]). В Кара-коюнлу живет он несколько месяцев, его приглашают из одного селения в другое.

Помимо налогов государственных, взимаемых ханами, кара-коюнлу, как члены религиозной общины, вносят лепту на содержание своих духовных учреждений и институтов — по расчету: 1 кран с баранты, стада баранов, сколько бы ни было в стаде овец, по 5 шахи—с верблюда.

Тем, что Мир Мехмед Хасан, сын уроженца Керманшаха, умер в Тазэ-кенде, керманшахские дервиши закрепили влияние между кара-коюнлу. Ведь Мир Мехмед Хасан получил благословение в теккэ Абдуль-Азима-аги,—главного аги керманшахского.

Теперь духовное водительство над кара-коюнлу находится у Сейида Мирзы Мехмеда Келардештского, пребывающего в Техране, двоюродного брата („эмий оглу“) Мир Мехмеда Хасана [2]); сейиду за 60 лет.

XIII.

Дервиши, наставляя паству в вере, следят за точным соблюдением культовых обрядов, между которыми высшее место занимает „трапеза любви“. Об‘единяемые таинственным присутствием божества, сектанты во время братской общей трапезы вкушают пищу, над которой витает благодать божия; они как-бы причащаются тела божества,—в них растворяется, таким образом, частица божественного начала, об‘емлющего вселенную. Напоминая первые века христианства, трапеза, символ об‘единения, представляет благородное уравнение лиц различного социального положения и сообщает учению возвышенный этический тон.

Братская трапеза, как культовый обряд, как акт учения, совершается во время „праздника Господня“, — „Алиева праздника“ („Ага байрамы“, „Али байрамы“), в воспоминание чудесного его избавления. Однажды Алий был захвачен османцами. У колодезя они остановились, а Алий вдруг исчез. „Вот, от радости, что Алий спасся, мы и устраиваем праздник“,— говорят кара-коюнлу; это об‘яснение только свидетельствует о натянутых, обостренных отношениях к османцам-суннитам,—черта, общая всем сектантам Персии или Турции безразлично.

Празднество бывает зимой, во время „ч и л л э“ [3]), и длится пять дней, по числу пяти членов, составляющих „а л е - а б а“ (آل عبا),— семью укрывающуюся под одной „х ы р к о й“ (Мохаммед, Алий, Фатима, Хасан, Хусейн); начинается праздник 15-го числа; если „ч и л л э“ не наступило еще 1-го числа, праздник переносится на месяц вперед. В 1916 г. празднество должно было начаться 29-го декабря.

---

[1]) В 1916 г. в Кара-коюнлу был лур Сейид Назар.

[2]) См. также В. М и н о р с к и й, Материалы, стр. 114, примечание 3-е.

[3]) Ср. В. Минорский, Notes, стр. 101—103.

Празднику предшествует пост 3-х дневный [1]), соблюдаемый за двенадцать дней до праздника, т. е. с 1-го числа месяца праздника [2]).

В трапезе участвуют только совершеннолетние [3]); христиане могли бы быть; меня, по крайней мере, дервиши усиленно приглашали на торжество; избегают приглашать ак-коюнлу, или мусульман за их смешки, которые навлекают несчастье.

На праздник все принаряжаются; участники трапезы вносят пай (угодна всякая жертва, с‘естная) и собираются. Моют руки, а воду от мытья пьют пригоршнями. Но, конечно, чистотой телесной нельзя ограничиваться; в человеке сектанты требуют и нравственную чистоту [4]), чисто должно быть и сердце. Входя в комнату, становятся на колени и так вползают, постепенно подвигаясь к сейиду, который, как старший, занимает центральное место и носит название „халифэ“ (звание это переходит по наследству). На пути гости дважды целуют пол у порога, посередине комнаты, наконец, лобызают руку сейида (взаимное лобызание—немаловажный элемент „трапезы любви“). Сейид указует место, а вошедший, обратившись лицом к сейиду, отползает задом. Знатность, общественное положение утрачивают здесь всякое значение, — все равны; хотя первым пришел бы пастух, он садится впереди, а хан [5]), если опоздает, занимает место у дверей. Усевшись, целуют друг друга в плечо, образуя как-бы замкнутый круг, связанный взаимной любовью. Целуют стол („суфра“), на котором установлена пища. „Халифэ“ раздает куски, начиная с правой стороны; ему прислуживают избранные им два помощника („хадым и халифэ“) [6]), которые предварительно совершают омовение. Строго соблюдается ритуал; принимая кусок, благодарят сейида и целуют ему руку, восклицая: „Эввели ахыр, йа муртеза Али!“ (О, Алий, удостоившийся прощения, которому начало и конец!“). Этим сектанты намекают, что Алий присутствует как при рождении человека, так и при смерти его. Во время оделения пищей сейиду откладывается два куска. Сперва разливают айран, потом раздают мясо (баранье), уже очищенное слугами от костей, наконец, сладости. Завершается трапеза пилавом, который носит специальное название „хидмет“ („служба“). Впрочем, меню трапезы варьирует, и не все-

---

[1]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 21; ср. Вл. Гордлевский, Кызылбаши, стр. 79, 83 (пост Хызр-Ильяса). A. Degrand, стр. 234 говорит о „затворничестве“ (в течение сорока дней), которому подвергают себя дома бекташи, вспоминая задержку на пути в Мекку Хаджи Бекташа из-за дождей.

[2]) A. Gobineau (цит. соч., стр. 331), впрочем, говорит, что пост бывает во время осеннего равноденствия.

[3]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 14—15: истинные члены —только взрослые, но не женщины.

[4]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 2; также смотрят и кызылбаши, см. Вл. Гордлевский, стр. 82.

[5]) Ханы макинские—„ак-коюнлу“; здесь хан взят, очевидно, примерно, как высшая ступень социального строя.

[6]) См. также A. Gobineau, цит. соч., стр. 339.

гда пища так обильна. Приняв кусок в сложенные руки, сектант возвращается на место, и, поцеловав кусок, кладет рядом. Кто желает,— здесь ест долю, а то и уносит домой [1]). Слуга восклицает „Джемѐша!“ [2]). Сотрапезники, выражая пожелание, чтобы собрание посетил Алий, говорят: „Хаккеша!“ [3]) или: „хак-тур Ша!“ (Шах—истина). Друг друга держат сектанты за руки; между ними устанавливаются братские отношения („сыга кардаш“). Трапеза представляет духовное общение сектантов; пища заключает в себе целебную силу: сектанты верят, что если есть больной,—он поправится. Сопровождается трапеза чтением „келямов“ („слов“) и пением [4]). Сейид читает „семь“ молитв [5]), читает „акафист Алию“ (медх-и Али), а присутствующие хором повторяют: „Йа Эхеду, йа Семет [6]), мин бир адындан медед!“ (О, Единый, о Вождь, помоги нам Ты, у которого тысяча одно имя!“) [7]). Когда чтение кончается,—целуют руку сейиду. На устах у всех имя „Алия“: „Аман, аман, сахиб-у (з) заман! („Прибежище (наше), Господин над временем“),—восклицают сектанты. Во время чтения все хранят благоговейное молчание, сидят смирно, не шевелясь, сложив руки и опустив голову вниз. По окончании трапезы—общая покаянная молитва; все плачут, ударяя себя в перси, и трижды восклицают: „О, Алий!“

XIV.

Когда человека озарит свет истинный, и он возжелает вступить в сектантскую среду,—также совершается специальная трапеза, на которой сейид раздает непременно орехи [8]) (привозят их из Хоя). Обычно собирается тогда немного народу, человек 7 — 8; во время раздачи орехов никто не смеет шевелиться. Опять происходит взаимное целование; читают молитву, и церемония обращения неофита окончена.

Этический характер секты ярко проступает в учении и в обрядах. (Кара-коюнлу, напр., отрицают загробную жизнь; рай и ад,— утверждают они,—здесь на земле, а там, за смертью, — переселение

---

[1]) Доли рассылаются также: В. Жуковский, цит. соч., стр. 16.

[2]) Повидимому, جمع شاه—собрание шаха, т. е. Шаха, „Царя мира“,

[3]) حق شاه —истина Царя. В обоих случаях любопытны ударения.

[4]) В. Жуковский, цит. соч., стр. 16.

[5]) Мистическая цифра „семь“ указывает, возможно, на семь воплощений божества, на семь эпох царя мира; семь жертвенных баранов пасется при святилище „людей истины“ на берегу реки Сирвенд, см. В. Жуковский, стр. 23.

[6]) Т. е. صمد.

[7]) См. также Вл. Гордлевский, Кызылбаши, стр. 94.

[8]) Орех вырос из капли крови Спасителя в Индии. В. Минорский, Notes стр. 103 след., В. Жуковский, цит. соч. стр. 20—21. А. Gobineau (цит. соч. стр. 355) необходимым элементом обряда считает платок; платок удержался до сих пор в Турции у „меддахов“, восходящих к сказителям духовных стихов,—страстей Алия или святых; об'яснение самих „меддахов“ неудовлетворительно; см. Вл. Гордлевский; Из настоящего и прошлого меддахов в Турции. „Мир Ислама“, 1912 № 3, стр. 323.

душ) [1]). Милость и сострадание, — вот аттрибуты сектанта; сектанты все проникнуты величайшей преданностью имамам, — потомкам невинно страдающего бога, Алия, и говорят, что за слезу ради имама (имама Ризы) [3]) прощаются грехи. В теккэ у себя всех они кормят и верят, что запасы у них не оскудеют.

Искать, однако, у сектанта цельности мировоззрения — напрасный труд: фантастика их увлекает и создает противоречия; осколки старых верований уживаются у них с позднейшими наслоениями — христианскими, мусульманскими и т. д.; словом, это — двоеверы или даже „многоверы". Посторонние элементы, в зависимости от разных специальных условий, привходят в разной степени, но основа — одна: верование в перевоплощение божества, в вечное живое единение божества с человеком.

Зуша, 5-го июля 1918 г.

---

[1]) A. G a b i n e a u, цит. соч., стр. 353.

[2]) Под ним разумеется двенадцатый, „скрытый", имам, когда согласно писанию сектантов („Серенджам"), явится „царь мира": В. Минорский, Материалы, стр. 61.

И. Мещанинов.

Египет и Кавказ.

По поводу работы Флиндерса Петри [1])

(Доложено на заседании Ленинградского Отделения О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана 27-го ноября 1926 г.).

О связи Кавказа с Египтом упоминается теперь не впервые. В литературе, как научной, так и популярной, неоднократно проскальзывали отдельные „воспоминания" о поселившихся на перешейке двух морей египтянах и даже имеются научные исследования, пытающиеся усмотреть в изделиях рук кавказского аборигена мотивы далекого его „родственника" с долины Нила. И трудно сказать, лежит ли в основе их одно лишь выдвинутое Геродотом свидетельство о том, что колхи являются потомками египтян [2]). Может быть, и сам Геродот, повидимому, не бывший в Колхиде и видевший лишь пленных или выходцев из этого края, считался в таком своем заключении не с одними только внешними роднящими признаками темного цвета кожи, курчавых волос, обрезанием и отдельными сопоставлениями этнографического и словарного запаса. Отнюдь не устраняется возможность, что Геродот, отрывочно изучавший случайные типы, оказался передатчиком сказаний с чужих слов и сам был через третьих лиц под влиянием укоренившегося на Кавказе представления о какой-то связи между этими двумя культурными центрами, представления пока крайне туманного. Как глубоки его корни, судить весьма затруднительно, но сами идущие, повидимому, из далекого прошлого воззрения, наличные и по сей день не только на восточном берегу Черноморья, но и в горах Кавказа, заманчиво действовали на научного искателя до последнего времени включительно и направляли ход его исследований на поиски родства отдельных форм и в творчестве материальной культуры и в жизненном обиходе. Еще не так давно собиратель кабардинских знаков собственности, В. А. Пожидаев, усмотрел в этих тамгах стилизованный пережиток египетских иероглифов [3]). По тому же пути склонны идти и научные работники Абхазии. [4]).

[1]) Flinders Petrie—„Origin of the Book of the Dead", Ancient Egypt, 1926, June Part, II, 41—45.

[2]) Геродот, II, 104 сл.

[3]) Доклад В. А. Пожидаева о горско-кабардинских таврах был заслушан в заседании Разряда Археологии Кавказа и Яфетического мира Академии Истории Материальной Культуры 19-го июня 1924 года.

[4]) См., например, Историю Абхазии Д. Гулия (т. I, изд. 1925 г.), где автор говорит: „мы определенно заявляем, что абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и, главным образом, из Абиссинии" (стр. 9). Ср. там-же стр. 33, 79, 91, 133 и др. Народные легенды о выходе из Египта приведены у него же, стр. 103 и сл.

Сейчас трудно еще ответить на напрашивающийся вопрос о том, имеется ли в основе такого направления искательской мысли только литературный мотив и вылившиеся в миф воззрения не всей толщи народа, а лишь верхних его слоев, или же мы находим здесь отголоски далекого реального события.

Новая работа Флиндерса Петри важна не одною только датою своего появления в печати, но и самим направлением исследовательских исканий. Из под пера талантливейшего египтолога вышло произведение, основанное не на одних лишь шатких нащупываниях почвы путем отвлеченных логических построений. И если все же работа его вызывает много спорных вопросов и не разрешает окончательно затронутого им положения, то все-таки сам ход его мысли поражает глубиною построений и в этом отношении нов, как нова и сама работа.

Дело в том, что предыдущие исследователи, трудившиеся по тому же заданию, скользили по поверхности и не слишком утруждали себя строгим и беспристрастным анализом выдвигаемых фактов. Они ухватывались за заманчивые сопоставления форм духовного творчества Кавказа и Египта и делали свои заключения, витая над материалом, лишь слабо прикасаясь к нему. Иногда доходили даже до искусственного дополнения недостающих звеньев, как это мы видели в докладе о кабардинских тамгах. Ход их мысли обычно таков: сходство есть—значит пред нами переселение народа. На вопрос же о том, в чью сторону склоняется перевес весов, измеряющий культурный багаж Египта и Кавказа, неизменно следовал ответ: конечно первого, столь богато изученного и столь широко изучаемого, так как Египет культурен даже в свои незапамятные времена, а Кавказ „дик". Следовательно переселение шло из Египта на Кавказ.

Крупнейший авторитет египтологии делает сейчас свои выводы на строго определенном материале и потому, повторяю, как бы не были еще спорны его утверждения, все же ценность работы от этого не умаляется. Общая же картина культурного взаимоотношения Кавказа с Египтом получается у английского ученого совершенно иная.

Флиндерс Петри затрагивает специально египетскую мифологию. В ярко выразившей ее Книге Мертвых, древнейшие тексты которой относятся к концу третьего тысячелетия до христианской эры, он видит сборный труд, в длительном периоде составления которого оказались использованными не только надписи саркофагов, но и тексты пирамид, восходящие к V династии фараонов. [1]). В этом нагромож-

---

[1]) Книга Мертвых содержит 185 глав с отрывочным, не связанным между собою содержанием. В ней сосредоточен набор отдельных гимнов и магических заклинательных формул, которыми должен воспользоваться покойник, проходящий загробные мытарства для преодоления демонов. Окончательно книга сложилась лишь во время XIX династии (2-ая половина II тысячелетия), канон же ее установлен еще позднее, при XXVI династии (середина I тысячелетия). Но древнейшие тексты ее, начертанные на стенках саркофагов, восходят к XI династии (конец III тысячелетия). В эпоху древнего царства, первая половина третьего тысячелетия, ту же роль играли тексты пирамид, равным образом попавшие, хотя и частично, в Книгу Мертвых.

дении мифологического материала отразилось и народное творчество, вернее, носимые самим народом элементы мифологии, корнями своими уходящие глубже исторического Египта и, может быть, выросшие вовсе не на его почве [1]). Став на такую точку зрения, английский ученый обратил внимание на выдвинутый в последнее время вопрос о Бадарианской культуре с оценкою ее, как культуры азиатского происхождения с возможным связующим пунктом на Кавказе. В этом направлении заработала и исследовательская его мысль в части анализа мифологического материала.

Флиндерс Петри согласен, что отдельные сопоставления рудиментов мифологии и топонимических названий, хотя бы они и совпадали до возможной точности, еще вовсе не убедительны. Но, говорит он, если из этих отдельных сопоставлений выростает стройная картина, то ценность ее становится уже иная.

Ход его изложения следующий:

В главах XV, XVIII и CXXVII Книги Мертвых говорится о царстве Осириса, правителя Акрета (A k r e t). Автор сопоставляет эту страну в ее египетской передаче с греч. Ekretike, с кавказскими Egris или Kartlos, т. е. с Карталиниею-Имеретиею, куда и помещает древнейшее царство Осириса. [2]).

В главах XVII и CIX той же книги упоминаются столбы бога Шу, в виде гор, из-за которых восходит солнце. Последнее указание вынуждает английского ученого искать это место, названное в египетских текстах Z e s e r t, восточнее Акрета, то есть Имеретии, и сравнивать его с греческими передачами кавказских географических названий Tosort и Tosarene.

Близ Zesert'a находятся плодородные долины Ȟaru или J̌aru Мы знаем, что около Тозарен протекает река Иора, впадающая в Алазань, недалеко от слияния ее с Курою.

Долины J̌aru описаны, как находящиеся позади верховьев Ǩaru (гл. XVII), и действительно, воды Иора (лат. Cambyses) спускаются с гор восточнее верхнего течения Куры, и именно, такое впечатление могло получиться у человека, смотрящего на Кавказский перешеек со стороны Колхиды.

---

[1]) Учитывая архаичность языка и неясность мифологических намеков Б. А. Тураев полагает, что понимание Книги Мертвых было затруднительно даже для древних египтян. С давних времен к отдельным главам книги составлялись комментарии, еще более темные, по словам того же ученого, чем самый комментируемый текст их.

[2]) У Птоломея упоминается не Ekretike, а 'Ekrektike (Ἐκρηκτική χώρα), помещаемая им в центр Колхиды и отождествляемая обычно с позднейшим именем Мегрелии. По сведениям других классических писателей, Ekrektike может быть отнесена и к району Ингура, где известно название Egris, то есть и в том и в другом случае восточнее и даже северо-восточнее места, на которое Флиндерс Петри помещает Akret, что, впрочем, не меняет хода рассуждений английского ученого и ничуть не нарушает делаемых им построений по прослеживании стран в восточном направлении от Колхиды. См. Птоломей V, 9, 4, Плиний VI 14. Paulus Real Encyclopädie V 2216.

Из Акрета (Имеретии) мифические герои плывут вниз по реке до местности D a d u или T a t t u (гл. XV). Так, спускаясь от Екретике-Акрета, достигают района *Tot'a, Totene* на полпути до устья Куры.

Упомянутые выше восточные врата небес имеют от себя на юг озеро *Khalusa* (гл. CIX) и, действительно, у восточного конца долины на южной его стороне есть озеро Халази, Птоломеевское *Choluata*.

В главе XVII упоминается о R e s t a u страны *Duat*. Последняя имеет северный выход у *Zesert*, уже сопоставленного выше с Tosarene. Следовательно, говорит автор, *Duat* лежит южнее Тозарен, а еще на юго-восток от нее нужно искать место *Restau*. Он сопоставляется с Рештом.

Севернее долин Jaru течет река *Reu* (гл. CXLIX). В ней Флиндерс Петри склонен усмотреть реку Ра, то есть Волгу.

Неоднократно в текстах Книги Мертвых упоминается B a k h a u. Это большая гора, над которою стоит небо. Глава CLXXII называет ее „горою *Bakhau* восходящего солнца“ и сама этимология имени, по мнению английского ученого, указывает на то же самое, так как имя это может быть возведено к слову *baka* „утренняя заря“. Нынешнее Баку расположено на восточном конце отрогов Кавказских гор и вполне отвечает такому положению.

На другом конце дневного круга лежит страна заката T a m a n u (гл. XV), в которой не трудно усмотреть Таманский полуостров.

Флиндерс Петри делает еще ряд сопоставлений, считаемых им более условными, чем предыдущие. Он упоминает:

A u n или O n (гл. LXXXV), местность, где приносятся дары местному божеству. Звезда эта находится на севере, значит и названная местность расположена севернее Ekretike (Имеретии) и, повидимому, совпадает с именем города O n i.

Приношения богу Ану делаются в A n d e s (гл. XV), в котором усматриваются горы Андиш.

Божественные врата города B t a отождествляются с городом Птуа в Тотенах.

A n r u d e f, бесплодная местность, имеет на юг от себя упомянутые выше Duat и Restau (гл. XVII). По точному ее описанию автор склоняется к сопоставлению ее с горами Кавказского хребта. Тут лежит огненное озеро близ обиталища S h e n y в *Sanua* у подошвы гор (гл. XVII).

По словам автора, недалеко отсюда лежит *Mosega*, отождествляемая им с M e s q t o египетского текста, где было место очищения, вероятно огнем (гл. CXXII и CLXXVI).

За *Anrudef* упоминается местность A s t e s (гл. CXLVI), она же по всей вероятности и A s s e t (гл. CXLIX), страна слишком отдаленная, чтобы быть видимою. Оба описания сходятся в своем сопоставлении их с районом Ахти.

Desdes—озеро заката солнца. Египетский источник называет его „растреснувшимся". Флиндерс Петри полагает, что это—Черное море, имеющее у восточных своих берегов неровную (бурную) поверхность от постоянных здесь западных ветров.

Maoati—озеро, у которого начинаются реки. В этом имени усматривается близкое сходство с *Maeotis,* то есть Азовским морем (гл. XVII).

На берегах этого озера зарывались дары, приносимые народом Fenkhḳu (гл. CXXV), в котором автор видит обитателей Фанагории.

Наконец, в главе CX Книги Мертвых названы три озера: Urmu, Qetqetmu и Hetepmu, или озера „большое", „подвижное" (беспокойное, бурное) и „тихое". Urmu, по созвучию сравнивается с Урмиею. В случае правильности такого сопоставления, остальные два будут Ванским озером и Севангом.

Такими сопоставлениями ограничивает свое краткое исследование английский ученый. Нельзя не согласиться с ним, что одни только сопоставления дают материал часто рискованный для окончательных выводов. Вопрос сейчас, по прочтении данной работы, главным образом, в том, достаточно ли первых одиннадцати более ясных отождествлений кавказской топонимики с именами египетского текста для тех утверждений, которые на них преимущественно и строит исследователь.

По его мнению, они в достаточной мере точны, чтобы бояться случайности. Они, сосредоточенные на таком небольшом сравнительно пространстве, дают, по словам автора, определенную картину и, именно, на ней и строит Флиндерс Петри свои воводы о зарождении египетской мифологии на почве Кавказа. И, как бы не были еще сомнительны отдельные его заключения, все же мы видим попытку нового подхода к сравниваемому материалу, и казавшееся многим столь соблазнительным ведение культуры Кавказа из Египта, теперь получает направление в обратном порядке.

Правда, некоторая натянутость чувствуется во многих местах, в частности, могут сказать, что Баку вовсе не имеет таких высоких гор, которые производили бы впечатление граничащих с небом и служили бы горами восходящего солнца для отдаленного зрителя, каковым, повидимому, является повествователь мифа. Кроме того, сопоставление имени нынешней столицы Азербайджана с утреннею зарею могло бы иметь место лишь в том случае, если бы Баку получило свое имя не на месте, а в устах народа, для которого восход солнца виделся бы с южного берега Апшерона. Все это в том виде, в каком излагает Книга Мертвых, действительно вызывает некоторые сомнения. Но, с другой стороны, нельзя отрицать и того, что передатчик мифа в Книге Мертвых, конечно, не знавший Кавказа, мог изложить уже освоившийся с почвою Египта, сказочный материал и легко мог поэтому присвоить ему те географические особенности, каковые ос-

нове самого данного мифа не присущи. И это тем более легко было сделать, раз вся мифологическая подоснова, как то резко подчеркивает Флиндерс Петри, теснейшим образом связана именно с гористым ландшафтом, чуждым самому Египту и, наоборот, характеризующим Кавказ, где солнце восходит из-за гор. При таких условиях, и тем более при длительной жизни мифа уже на египетской почве, Баку могло оказаться высокою горою восходящего солнца Востока.

Также открытым, до известной степени, остается вопрос и о возможности отождествления бога *Sebek* (*Sebak*), упоминаемого Книгою Мертвых вместе с горами *Bakhu*, следовательно, при таком его понимании, как кавказского божества, со Страбоновским Зевсом Сабадзиосом, отождествления делаемого Флиндерсом Петри. Открытым остается вопрос потому, что тождество само по себе не есть еще подтверждение факта странствования имен. Для подтверждения такого странствования нужна совокупность данных, а не одни только сравнения географических названий по мифам и карте. Мне кажется, что Флиндерс Петри глубоко прав, усматривая громадную древность названий богов египетского пантеона и не оспаривая в то же время необычайного архаизма божеств Кавказа. Но тождество имен, при таком обоюдном архаизме, может об'ясняться не одним только кочеванием их. И если Сабадзий сопоставляется с египетским Себака и, он же, Себадзий, тождествен сванскому богу охоты Апсат, то причина их совпадения может заключаться в той общей подоснове, на которой вырос и продолжал жить Апсат и Себака, каждый на своей настоящей родине, может быть и с уже изменившимся значением[1]). Для того же, чтоб утверждать, что Сабадзий превратился в Себаку во время своего длительного странствования с Кавказа в Египет через Малую Азию, где он остался в образе фригийского божества, нужно иметь в своем распоряжении и другой материал, подкрепляющий выводы, пока строимые лишь на сопоставлении анализируемых имен. Все это еще гадательно, и остается таковым, хотя бы и было доказано, что другое египетское божество, Осирис, дошло в неприкосновенном виде из Имеретии до своего конечного пункта, сохранив святилище по пути своего следования с Кавказа на юг, например, в финикийском Библосе. Но и это тоже еще вопрос. К тому же, мифология, как и все другое творчество человека, созидалась и жила процессами скрещения различных рудиментов выделившегося в одно целое мифа и едва ли она, как нежный цветок, бережно перенесена с одного места на другое со всеми своими основными началами и, пример Осириса, если он даже и пришел в Египет с „востока", из Имеретии, вовсе не обязателен для других божеств того же Египта.

Это сложное положение усугубляется еще и тем, что сама Книга Мертвых представляет собою набор разновременного материала, и

---

[1]) См. Н. Я. Марр — „Фрако-армянский Sabadios-aswat и сванское божество охоты", Изв. Ак. Наук, 1912, 827 сл.

говорить о внешнем единстве мифологического изложения совершенно не приходится; таково мнение самих египтологов.

Отдельные тексты Книги, то гимны, то формулы заклинания, обычно называемые главами, изложены без заметной связи друг с другом. В Книге Мертвых мы скорее всего имеем собрание мифов, а не плавное последовательное повествование мифологического характера. Поэтому сюжеты различных глав плохо поясняют друг друга. Но Флиндерс Петри, излагая все же свои выводы в довольно решительном виде, очевидно, путем анализа отрывочного материала выясняет общую подоснову этих разрозненных сказаний и улавливает связующий их элемент, иначе пришлось бы признать, что разрозненный материал допускает встречу и скрещение разнородных по своей основе мифов, что наиболее и соответствует самому характеру Книги Мертвых и вполне, казалось бы, уместно на почве развитой мифологии Египта.

Если же глубокий архаизм чувствуется во всем наборе мифологических сказаний, преподанных к тому же в виде, как утверждает Б. А. Тураев, мало понятном самому египтянину, современнику Книги, то искаженный культовыми требованиями миф, привившийся на не родной ему почве берегов Нила, казалось бы, мог в длительном процессе своей передачи в течение не одного только тысячелетия исказить и сами передаваемые в нем имена, чуждые Египту и ничего не говорящие египтянину, давно забывшему, что он повторяет кавказские мотивы с кавказскими же названиями. Между тем, эти последние, по египетской их передаче, до точности совпадают с многими чуть ли не современными именами населенных пунктов бассейна Куры и восточных берегов Черного моря, что уже само по себе усугубляет сомнения, так как термины оказываются, при таком их положении, почти не изменившимися в течении ряда тысячелетий к тому же с переносом их на весьма далекое расстояние, где они оказались на чужой почве еще в древнейшие времена Египта, который о них и повествует.

Впрочем, конечно, эти до-исторические названия могли быть свойственны землям Кавказа именно, как таковые без определенного в до-исторические времена приурочения их как раз к тем пунктам, которые носят их до сегоднешнего дня. Но, в таком случае, пострадает одно из основных положений строимой английским ученым гипотезы, прослеживающей названия в определенном их направлении от Акрета, царства бога Осириса, то есть от нынешней Имеретии, следовательно, имеющей в виду строго определенные места, уже исторически зафиксированные именно с этими названиями, оказавшимися прикрепленными к данному месту и не сдвинувшиеся с него в течение тысячелетий, так как миф уже захватил их с собою, уйдя с Кавказа в Египет, где он еще в третьем тысячелетии оказался старым на самой египетской почве. Таким образом, приходится признать, что Флиндерс Петри устанавливает давность перечи-

сляемых им местностей Кавказа не в одно только какое-нибудь тысячелетие до-христианской эры. И, если бы это оказалось верным и подтвердилось бы дальнейшими научными исследованиями египтологов и кавказоведов, то взгляд наш на Кавказ изменился бы коренным образом, и нам придется, в таком случае, смотреть на него, как на видный культурный центр, современный до-историческому Египту. Предполагать же, что здесь в незапамятные времена жило культурное население, которое ушло, сохранив на месте географические названия, но не оставив по себе никаких других следов, конечно, не приходится.

Кроме того, мы знаем, что географические названия часто в сходных формах всплывают в разных местах, не стесняясь расстоянием и, если мы видим колха у реки Фазиса-Риона, то этот же термин мы встречаем на карте Птоломея у Ванского озера. Равным образом, египетское Кару мы можем сопоставить, как с Курою Кавказского двуречья, так и с рекой Карун в Арабистане, засим, Фенку египетского текста, может быть, одинаково сопоставлено не только с Фанагориею, но и с Финикиею, на берегах которой, кстати, было найдено и само тело Осириса, приплывшее на этом раз с юга из Нила и т. д. Следовательно, как и полагает Флиндерс Петри, значение в данном случае имеет не одиночное только сопоставление имен египетской передачи мифа с картою Кавказа, а та общая картина, которая получается по совокупности этих сопоставлений. И, действительно, в такой общей картине, при данном ходе научных построений, заключается решительный момент. Вопрос только в том, получается ли эта общая картина. Английский ученый ставит такой вопрос и особенно ярко его формулирует в своей заключительной фразе. „When, further, we find there (to the Caucasus region) the names of the principal places f the mythology in their relative positions, it gives strong grounds for regarding that region as the homeland of the earliest civilisation of the Egyptians".

С другой стороны, в мифах, конечно, сохраняются весьма консервативно-архаические элементы, и тут мы можем далеко уйти в палеонтологию, а в таком случае легко можем натолкнуться на сходные образования вне зависимости от переноса культа с одного места на другое. К тому же, несомненно, слабым местом труда автора является пользование им устарелыми, случайными пособиями по Кавказу, восьмидесятых-девяностых годов прошлого столетия, об'ясняемое, очевидно, наличными условиями работы. При таком положении, приходится всецело согласиться с самим же Флиндерсом Петри, что брошенный им вызов кавказоведению должен быть проверен на месте и не одним только улавливанием сходных географических названий, прослеживаемых по мифам, но также работою археологического порядка[1]).

---

[1]) Указывая на необходимость изучения древнейшей культуры на территории самого Кавказа, Флиндерс Петри говорит, что пока „all that can be done is to take the evidence of names, so as to prepare the way for testing the conclusion on the actual ground at some future time".

Если Флиндерс Петри в изложенной им новой мысли прав, то культурное значение Кавказа в его далеком прошлом требует изучения именно с этой стороны, так как мощное культурное его состояние, бессознательно отражаемое египтянином в его мифических сказаниях, должно было и на месте оставить следы своего, когда-то небывалого расцвета. И здесь, очевидно, вопрос не о тех только культурах, которые мы с трудом соглашаемся относить даже к такой сравнительно небольшой древности, как средина второго тысячелетия, а о культурах нескольких тысячелетий до-христианской эры, уже тогда в достаточной мере прочно сложившихся, чтобы отголоски ее, при том в таком цельном, как рисует Флиндерс Петри, виде, попали в сборный труд Книги Мертвых, корнями своими уходящий многим глубже на почве самого Египта, чем старейшие его тексты конца третьего тысячелетия.

Тонкий знаток Египта и его мифотворчества бросил вызов Кавказу, и бросил его не случайно, под влиянием минутного увлечения. Он, в процессе своих работ, постепенно подходил к интересующим его связям Кавказа с Египтом и, только после длительного, многолетнего труда, пришел к определенному выводу, что к познанию сложной культуры Египта путь идет через познание Кавказа. Этим и об'ясняется тот исключительно ценный для нас интерес, который проявлен был выдающимся английским ученым, уже после опубликования настоящей работы, к археологическим изысканиям Общества Обследования и Изучения Азербайджана минувшего лета, хотя результаты экспедиции Общества, затронувшей относительно молодую культуру Азербайджана конца второго тысячелетия, и не дают еще ответа на поставленный им вопрос.[1]).

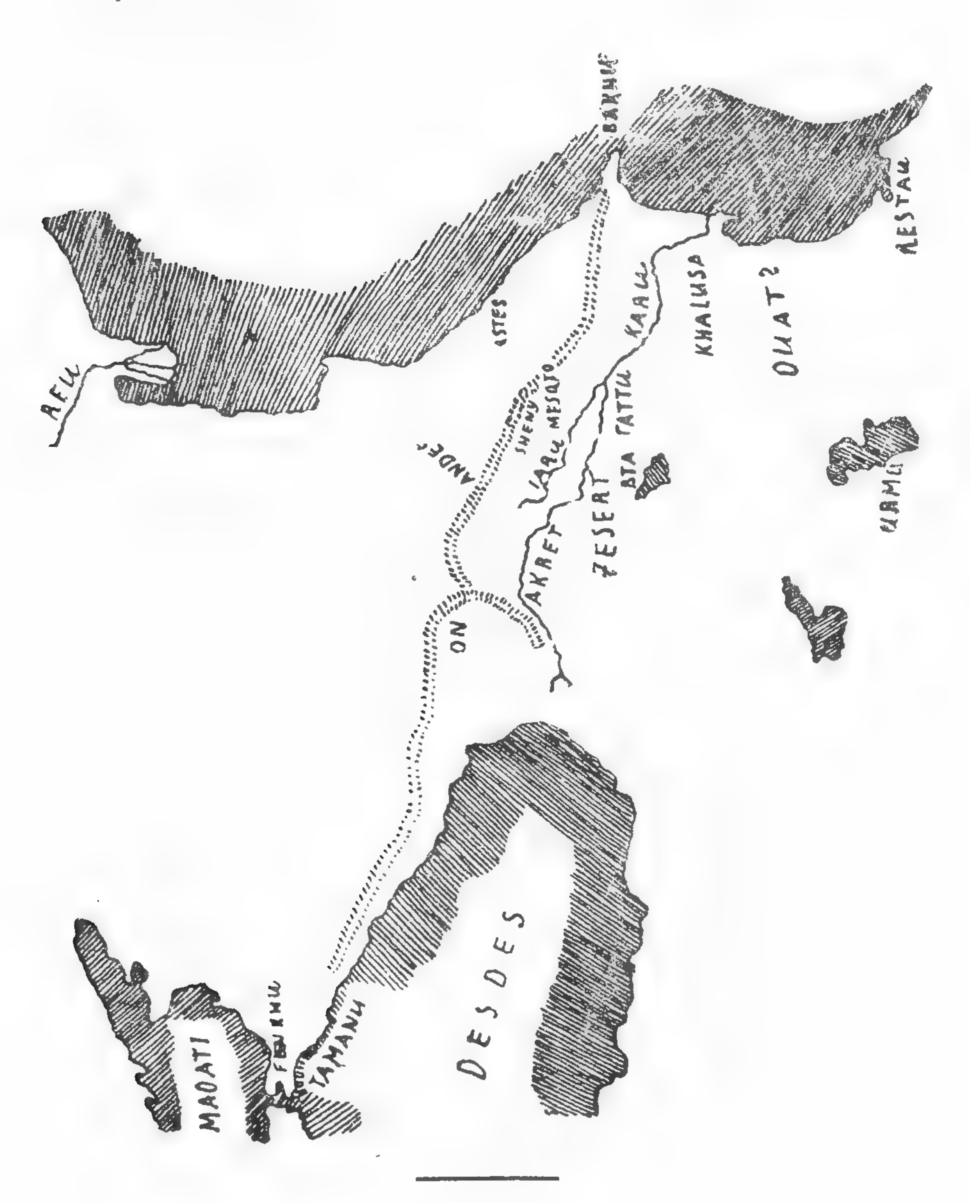
Вообще все, что пока мы имеем из древностей Закавказья или должно получить другую оценку, чем даваемая нами до последнего времени включительно, или же должно быть дополнено иным материалом, которого и ищет английский ученый. Повышать же датировку того, что мы имеем в музеях до желаемой Флиндерсом Петри давности, по меньшей мере начала третьего тысячелетия, едва ли придется, как и сам он полагает, хотя бы судя по тем результатам, которые добыты в Нагорном Карабахе экспедициею Общества в этом году, исследовавшею типичную, так называемую Реслеровскую культуру и точно приурочившею именно к ней находку ассирийской вотивной бусины, несомненно не старшей второй половины второго только тысячелетия. В этом отношении, казалось бы, лишь древности Нахичеванского края с крашеною керамикой типа Анау и Элама

[1]) Признавая крайнюю ценность для научных кавказоведных работ появление трудов Флиндерса Петри, вызывающих интерес к древностям Кавказа, пользуемся случаем принести авторитетнейшему английскому ученому искреннюю благодарность за проявленное им внимание к краткому отчету по работам экспедиции Общества Обследования и изучения Азербайджана и за готовность оказать содействие к ознакомлению с ним широких кругов ученых специалистов.

могли бы обратить на себя бо̀льшее внимание, но, до сегодня, не только датировка ее не выяснена, но не выяснен еще и общий облик сопровождающей ее культуры. При таком положении приходится скорее всего признать, что Флиндерс Петри требует от нас нового материала с места, начиная от самого упомянутого им пункта восходящего солнца.

Но, если все это и мечта, то все же пробуждаемое внимание к древностям Кавказа, пробуждаемое не одними только нами, но и, казалось бы, беспристрастным в любви своей к Кавказу египтологом, при том такого крупного масштаба, ставит на очередь вопрос первостепенной важности для кавказоведения, а в новом его освещении и для египтологии.

Ноябрь 1926 года.



Проф. А. А. Михеев.

Pinus eldarica Medw.

Эльдарская сосна и ее значение для облесения Апшерона*).

I.

В связи с предполагаемым облесением Апшерона и окрестностей г. Баку, перед Баксоветом встал вопрос весьма большой важности о подборе древесных и кустарниковых пород, которые могли бы мириться с засушливостью этого района, с весьма заметным содержанием вредных солей, находящихся здесь в почвах, а также с сильно дующими постоянными ветрами—„нордами".

Общий вопрос обзеленения г. Баку и его окрестностей должен быть решен осторожно и внимательно, и при выборе растительных видов особенно большое значение должно быть уделено группе пустынных форм, обитающих в Закавказьи и Туркестане.

В этих целях необходимо тщательное изучение кустарниковых и древесных пород, которые живут в более или менее однородных климатических и экологических условиях с Апшероном и при перенесении их с родины не будут сильно реагировать на новую для них обстановку.

Такими пустынными и полупустынными областями, идентичными Апшерону, можно считать все засушливые равнины восточного Закавказья площадью до 40000 кв. верст, расположенные примерно по среднему и нижнему течению рек Куры, Аракса и их главным притокам Иоре, Алазани (нижиее течение).

Зона засушливых полупустынь и пустынь, в которую включается и Апшеронский полуостров, охватывает район третичных возвышенностей и плоскогорий на северо-западе засушливой области, а также все равнинные степи Прикаспия, составляющие юго-восточный угол этой зоны.

В орографическом отношении вся эта зона довольно однообразна. В северо-западном углу ее мы видим, что орографические оси основных возвышенностей являются продолжением на восток Карталинского и Кахетинского хребтов, при чем первый из них, не доходя до устья реки Иоры и Куры получает название „Палан-Тюкяна" и особенно интересен для нас в одном из своих пунктов, как место произрастания Эльдарской сосны.

*) Доклад читанный в Ботанической Секции Об-ва Обследования и Изучения Азербайджана.

Отроги названных хребтов здесь в степи имеют по большей части мягкие контуры, достигают сравнительно небольшой высоты 600—700 мет. (абс. высота) и лишь некоторые поднимаются до 900 мет.

Иногда эти холмы принимают асиметричную форму, являются моноклинальными, так как представляют одно из уцелевших от размыва крыльев антиклиналей, некогда бывших здесь. Тогда обычно пологая сторона холма является согласной с падением пластов, что мы отметили и на склоне Эльяроуги, где находится островок Эльдарской сосны. Другая же сторона холма в таком случае почти отвесно спускается здесь к соседнему плато Джейранчоли.

Такое строение холмов, хотя и в миниатюре, мы можем наблюдать иногда и на Апшеронском полуострове.

Междухолмные пространства северо- западного угла представляют собою замкнутые равнины, которые под названием Эльдарской Большой и Малой Ширакской, Джайран-Чолийской, Чалаганской и др. степей занимают значительную площадь от всей засушливой зоны.

Эти равнины—степи различно приподняты над уровнем моря: Эльдарская степь лежит на высоте всего лишь 80 м., Большая Ширакская степь поднимается на высоту 700 м. и является, таким образом наиболее высокою степью Восточного Закавказья.

Степная засушливая равнина, идущая от берегов Каспия и Апшерона на запад к Тифлису и располагающаяся, как мы сказали, или по течению рек или тоже в межхолмных пространствах, имеет уже отрицательные отметки высот над уровнем Черного моря почти на 180 вер. железнодорожного пути Баку-Тифлис. Лишь к ст. Кюрдамир появляются положительные отметки (+ 8 м.) равнины, которая у гор. Ганджи дает уже высоту 344 метра. Засушливый климат всей Прикаспийской равнины и указанных степей об‘ясняется тем, что здесь мы не видим благодетельного влияния со стороны Черного моря, которое оставляет свои осадки на западных склонах высокого Сурамского перевала, Каспийский же бассейн, вследствие своей незначительности, не может ослабить и умерить влияния среднеазиатских сухих ветров, дующих со стороны раскаленных пустынь Средней Азии и ненаходящих здесь себе преград и задержек.

Со сменою высот на запад, заметно ослабляется влияние сухих ветров и количество осадков поэтому растет в западном направлении.

Село Николаевка в Муганской степи при отметке высоты в—9,5 мет. имеет 115 мил. годовых осадков (по Шаврову); станция Алят при высоте в—15 мет. насчитывает осадков 189 м. м., и Сальяны при—17 м. повышает осадки до 243 мет. Гор. Баку при 2 мет. высоты насчитывает 228 мил., ст. Кюрдамир при 8 метр. имеет 368 мил., Г. Геокчай при 60 мет. имет 421 мил., Царские (ныне Красные) Колодцы при 808 мет. имеют 477 мил.

Такова примерно картина распределения осадков по пунктам, расположенным в степной зоне, как засушливой (восточной), так и полузасушливой (западной) ее части.

Эти осадки распределяются по временам года почти одинаково для всей низменной Прикаспийской степи и для возвышенной части засушливой зоны, при чем для первой полосы максимум осадков совпадает с весною (март, апрель) и осенью (октябрь, ноябрь), а для второй этот максимум приходится на май.

Минимумы же осадков, наиболее ярко выраженные для низменной степи, приходятся на летние месяцы (июль, август), а также на зимние месяцы—январь, февраль. Возвышенная часть имеет более интенсивно выраженный минимум осадков зимою (январь, февраль) и менее интенсивно выраженный летом, хотя и здесь высокие летние температуры и сухость воздуха вызывают сильные засухи.

ПУНКТЫ	Зима. Дек.-Фев.	Весна. Март-май.	Лето. Июнь-авг.	Осень. Сент.-ноябр.
Алят	44 м. м.	72 м. м.	24 м. м.	62 м. м.
Баку	78 „	56 „	18 „	75 „
Джеват	61 „	89 „	43 „	79 „
Геокчай	76 „	158 „	57 „	129 „
Кюрдамир	77 „	125 „	74 „	92 „
Ганджа	38 „	85 „	64 „	69 „
Акстафа	41 „	119 „	108 „	86 „
Караязы	47 „	149 „	117 „	107 „

Средние годовые температуры всей степной зоны колеблются в пределах + 10° и + 15° по С., при чем наиболее низкие средние годовые отмечаются для степных плоскогорий северо-западной полосы (Красные Колодцы—10, 4°, Караязы—13, 2°); а для Прикаспийских степей этот минимум будет следующий:

Кюрдамир—15, 4°; Алят—14, 4°; Баку—14, 4°, Сальяны—14, 9°,*)

Сравнивая химический состав почв Апшерона и Эльдарской степи, мы можем видеть, что как те, так и другие являются солонцовыми, при чем почвы Эльдарской степи, по данным нашего анализа, полученного на основании изучения этих почв в экспедиции прошлого 1925 г.. будут более засоленными. Это мы можем видеть из следующих анализов почв Эльдара прошлого года и из анализа произведенного в текущем году из почвы, взятой непосредственно из горизонтов Эльяр-оуги, где растет Эльдарская сосна.

*) И. В. Фигуровский. Опыт исследования климатов Кавказа.

Глубина взят образ.	Плотный остат.	Зольный остат.	Потеря при прокалив.	Окисляем.	Щел общ. HCO_3	Щелоч. Na_2O в %	Щел. K_2O в %	Cl	SO_3	CaO	MgO
10—24 с.	0,704	0,650	0,054	0,023	0,026	0,262	0,025	0,098	0,236	0,020	0,007
24—50	2,347	2,245	0,102	0,029	0,012	0,945	0,056	0,439	0,853	0,236	0,047
50—80	1,584	1,502	0,082	0,015	0,012	0,437	0,030	0,168	0,636	0,207	0,028

[Примеч. вытяжки из почвы Эльдара по экспедиции проф А. А. Михеев в 1925 г.] *)

Данные вытяжки, обычно встречаемой в Эльдарской степи почвы, показывают нам при сравнении с почвой Апшерона ее большую засоленность, что и видно из нижеследующей таблицы для почвы Апшерона. **)

Горизонты.	Щелочность в HCO_3	Сухой остаток	Минер. вещест.	Ca O	Mg. O	SO_3	Cl.
А. 0—9 с.	0,0244	0,5000	0,4000	0,2600	0,1511	Следы	0,0036
$А_2$. 9—26 с.	0,0244	0,6184	0,5400	0,3700	0,0436	Следы	0,0049
В. 26—43.	0,0223	0,3590	0,3100	0,1700	0,1555	0,0624	0,0036
$В_2$. 43—78.	0,0223	0,4160	0,4000	0,3480	0,0134	0,0488	0,0037
С	0,0183	0,4870	0,3980	0,1080	0,1609	0,0917	0,0119

Эльдарская степь, где произрастает интересующая нас Эльдарская сосна, как видим весьма мало отличается от условий Апшеронского полуострова, как в климатическом, так и почвенном отношении.

Если для Баку мы отметили 228 м. м. год. осадков, то для Эльдара (на одном меридиане с Ганджой) их будет 255 мм. Число дней с осадками для Баку будет 63, а для Эльдара около 68. Средняя относительная влажность воздуха в % для Баку 76, а для Эльдара—72. Средняя облачность в % для Баку 54, а для Эльдара—53.

Таким образом в виду сходства климатических и почвенных условий Эльдара и Апшерона одним из видных представителей в будущих насаждениях на Апшероне нужно будет считать Pinus elda-

*) Проф. А. А. Михеев. „Почвы Азербайджана" Изд. Об-ва Обследования и Изучения Азербайджана № III-й 1927 г.

**) Проф. В. П. Смирнов-Логинов. Материалы по изучению физико-химич. особенностей почво-грунтов Азербайджана. Научные Известия Азерб. Политехнич. Института. Том. I-й 1925 г.

rica Medw, которая растет в климате и на почвах близких к Апшеронскому и, как вечно-зеленое и хвойное, она явится лучшей защитой от ветров в зимний период, озонируя вместе с тем воздух.

Оставшийся небольшой островок Эльдарской сосны располагается по южному склону полуразмытой антиклинали „Кер-Оглы", которая отделяет большую равнину Джайран-чоли от Эльдарской равнины. На вершине одного из утесов здесь до сих пор еще уцелели развалины старинной крепости Эльяр-оуги, господствующей над всей окружающей местностью на высоте 1954'. Вдоль названной антиклинали, почти параллельно ей, извивается р. Иора, на берегу которой в 6—7 вер. ниже по течению от сосновой рощи расположились шесть отселков Эльдарского общества: Касаман, Омар-агалы, Пойлы, Салахлы, Каразаглы и Казахлы.

Субстратом для Эльдарской сосны служит сверху мощный слой раковистого известняка, который прикрывает собою Сарматские песчанники. Для определения механического и химического состава почвы, на которой находится сосновое насаждение, нами были взяты образцы и анализы их дали следующие результаты.

ФРАКЦИИ.

Местонахождение разреза.	Глубина взят. образц.	Отношение глины к песку.	3—0,25 м.м.	0,25—0,05 м. м.	0,05—0,01 м. м.	0,01 м. м.
Средняя часть южного склона	70 сан.	1:0,65:6,84	75,64	4,90	7,71	11,75
Кер—Оглы близь отдельных деревьев Эльдарской сосны.	90 сан.	1:0,27:0,13	3,67	4,52	20,40	71,41

Механический состав почво-грунта, как видим из этого анализа, дает для верхнего известкового горизонта суглиносупесь, а для нижняго переходного горизонта глину.

Водная вытяжка из этих двух горизонтов дала нам следующий химический состав:

Местонахождение разреза.		Щелочность в HCO_3	SO_3	Cl	CaO	$Fe_2O_3 + Al_2O_3$
Там же	70 с	0,1220	0,0264	0,0284	Следы	Следы
	90 с	0,1464	0,0240	0,0497	Следы	Следы

Как видим, субстрат, на котором обитает сосна, по содержанию хлористых солей намного превосходит почвы из окрестностей Маштаги и Мардакян на Апшероне, где количества этих солей для гор. A. исчисляются в 0,0018, а для гор. B в 0,0035 и лишь в гор. C доходит до 0,011.

Соли серной кислоты здесь находятся тоже в большем количестве чем в почвах Апшерона, где для Мардакян и Маштаги они равны 0,01 или же отмечаются лишь следы их.

Эльдарская сосна -Pinus eldarica Medw по предположению проф. Кузнецова является остатком тех реликтовых лесов, которые некогда окаймляли берега третичного моря, заходившего ввиде залива по долинам р. Куры и Иоры и покрывавшего современную Эльдарскую и др. степи. Эта сосна вмесе с Pinus halepensis Mill, Pinus Brutia Ten, Pinus Pithyusa Strangw, составляет одну и туже группу Halepensis, которая издавна населяла средиземноморскую область. Но из всех указанных представителей группы Halepensis, Эльдарская сосна занимает наиболее восточную часть ареала и по предположению исследова телей является наиболее древним видом из сосен.

От нее, как от родоначальницы, произошли остальные формы группы Halepensis и направляясь на запад заняли берега Средиземного моря, Малую Азию, Сирию, Палестину, дав начало Pinus halepensis, а по горам южной Италии, Кипра и Крита утвердилась Pinus Brutia. По берегам же Черного моря растет Pinus Pithyusa и ее разновидность Pinus Pithyusa Stankewiczi, описанная В. Н. Сукачевым для Крыма.

Остаток этой древней формы, сохранившийся в виде небольшой куртинки лишь в одном месте на земном шаре, крайне интересовал ученых. Известный для Закавказья лесовод, покойный Я. С. Медведев, предвидя гибель этой редкостной формы, писал в одном месте: „будет конечно большой потерей для науки окончательное исчезновение этого редкого вида, нигде в другом месте не замеченного и представляющего, повидимому, остаток какой-то давней растительности“.

Посетивший сосновые насаждения Эльдара 16 лет тому назад ботаник Д. И. Сосновский сообщает в своем очерке 1913 г.,*) что общая площадь, занятая этой сосной составляет около 30 дес при 1500—2000 деревьев. Среднюю высоту этих деревьев он называет в 3—5 саж. при 6—7 вер. в диаметре.

Лесовод П. З. Виноградов—Никитин, производивший тогда изучение Эльдарской сосны и взявший для этих целей несколько ее срезов, определил, что деревья в 40 летнем возрасте дают диаметр на высоте груди в 12 сан., в 180 летнем возрасте—34 сант., и в 210 лет—40 сант.

Но ряд последующих наблюдений над ходом роста Эльдарской сосны, произведенных лесничим И. И. Рощиным, показали, что данные

*) Д. И. Сосновский. Эльдарская сосна. Труды Тифлис Ботан. Сада.

вычислений П. З. Винаградова-Никитина несколько ошибочны. Оказалось, что Эльдарская сосна в молодом возрасте отличается тем особенным свойством, что она дает в течение одного вегетационного периода вместо одного годичного слоя иногда как-бы два и более ясно обозначенных годичных кольца, благодаря чему при подсчете лет по срезу дерева допускаются ошибки в сторону преувеличения числа лет.

Об'ясняется это особенностью роста Эльдарской сосны, которая заключается в том, что у нее, в отличие от других сосен, верхушечная и 2—4 боковых почек образуют побеги несколько раз за год. Благодаря этому и общий прирост побегов в течение одного года как бы делится на несколько самостоятельных годичных приростов. Таким образом по количеству ясно отмеченных колец, а также по мутовкам определить число лет Эльдарской сосны весьма затруднительно и это служит ее характерным отличием от обыкновенной сосны.

Наблюдения Я. С. Медведева над количеством хвой у Эльдарской сосны показывают, что они почти все парные, в чем убедились и мы, присматриваясь к старым экземплярам во время нашего посещения Эльдара.

И. И. Рощин, изучая молодую Эльдарскую сосну в своем питомнике Горнокультурного лесничества, начиная с 1917 г., обнаружил у сосны кроме двух хвой и три хвои на одном и том же экземпляре, при чем эта новая особенность сосны оказывается повторялась почти в одинаковом количестве, будучи проверена на многих экземплярах. Длина хвои от 2 до 6 дм.

Корневая система у Эльдарской сосны напоминает корневую систему других сосен, но по данным И. И. Рощина в его питомнике всегда наблюдалось особенно сильное развитие стержневого корня. Почва, где он выращивал Эльдарскую сосну была наносная (подошва склона Телетского хребта), мощная, состоящая из суглинка, смешанного с мелким щебнем и истощенная предшествующими культурами питомника в течение 30 лет, без всякого внесения удобрения. В такой обстановке сосна в первый же год дала стержневой корень до 15—20 сан. при высоте надземной части до 9,5 сант., т. е. в два раза длиннее. На второй год стержневой корень достиг 30—35 сант., а на 3-й и 4-й года корень достиг 75—80 сант.

Боковые корешки начинают быть заметными лишь со 2-го года, располагаясь на первой трети длины корня в виде хорошо разветвленной системы*). Это-же свойство Эльдарской сосны быстро, начиная с первого года, образовывать (сильный) стержневой корень отмечено и Е. Г. Кенигом, который нам лично сообщил об этом во время посещения Тифлисского Ботанического сада осенью текущего года. Здесь в Кавказском Отделе сада воспитывается около шести экземпляров сосен, имеющих уже возраст до 30 лет. Внешний вид сосен говорит за

*) И. Рощин. Наблюдения над ростом Эльдарской сосны.

то, что они чувствуют себя великолепно, а в прошлом 1925 г. с них было собрано до 2 пудов шишек, давших значительный запас семян. В текущем году мы, наоборот, наблюдали очень слабое плодоношение. Первыми годами плодоношения по наблюдениям Е. Г. Кенига нужно считать возраст в 12—13 лет.

Наше посещение уголка Эльдарской степи, где сохранилась реликтовая роща сосны, было осенью с. г. по маршруту через Тифлис, Цнорис-Цхалле и Красные Колодцы. Нужно иметь в виду, что указанный маршрут для Бакинских путешественников, давая некоторые удобства, является вместе с тем несколько удлиненным по сравнению с другим более коротким через гор. Ганджу. Второй путь придется проделать в значительной части на лошадях, начиная от Ганджи на север через Прикуринскую равнину, отроги Палан-Тюкяна и плоскогорье Джайран-Чоли.

То впечатление, которое получили мы от обзора оставшейся рощицы навело нас на грустное размышление. Вместо отмеченных Д. И. Сосновским 16 лет тому назад 1500—2000 стволов Эльдарской сосны, мы увидели весьма скромные куртинки ее, которые дадут при подсчете, наверное, не больше 400—500 деревьев.

Оставшиеся деревья сосны начинаются впервые с средней части северного склона Эльяр-Оуги в виде отдельных экземпляров, а выше, при под‘еме в гору, количество их несколько увеличивается, но по всему склону нам почти нигде не удалось отметить плотно сомкнутых насаждений из сосны: она была разбросана или одиночно или небольшими группами в несколько деревьев.

Все почти деревья, за очень редким исключением, и особенно старые экземпляры, достигавшие роста 6—7 саж., при диаметре у основания почти в $1/2$ метра были сильно обломаны в своих боковых ветвях. По склону повсюду виднелись срубленные сосны, оставшиеся почему-то даже не убранными и не использованными. На наш вопрос, чем можно об‘яснить такое хищническое опустошение в сосновой роще, наш проводник тюрок Намазов Сеид-оглы об‘яснил нам, что в прошлые годы здесь по приказу из лесничества был произведен сбор шишек сосны для семян и сборщики для облегчения своей работы или рубили старые плодоносные экземпляры или же ломали ветви с шишками, после чего производили сбор их.

Жуткая картина была, когда мы видели полные высокие стволы сосны, лежащие срубленными около своих пней или же наблюдали хорошо развитые еще оставшиеся целыми на корню экземпляры, со сплошь обломанными ветвями.

Предсказание покойного Я. С. Медведева, видимо должно будет скоро оправдаться и редкостная форма сосны должна будет навсегда исчезнуть. Поднимаясь по искусственно созданной тропинке вверх между обломками известковых плит мы видим, что сосна преимущественно занимает трещиноватые места по склону горы, углубляя свою корневую систему в слои сарматского песчанника.

Несколько ниже пояса сосны начинаются отдельные куртинки можжевельников, сопровождающих ее до самой вершины горы.

Можжевельник здесь достигает тоже значительного роста в высоту и имеет, видимо, большой возраст. Верхний ярус покрыт можжевельником Juniperus isophyllos C. Koch, Juniperus polycarpos C. Koch, а внизу сосредоточился Juniperus Oxycedrus L.

Тщательно осмотрев склон горы вдоль тропинки и добравшись до ее вершины, откуда далеко видны равнины Эльдара и Джайран-Чоли, мы на всей площади обнаружили самые слабые данные по естественному возобновлению сосны. Обнаруженные нами молодые сосны в количестве 10—12 штук имели бодрый вид и были приурочены к узким трещинам среди плит известняка.

Продукты разрушения известняка, а также выхода иногда на поверхность сарматского песчанника, не служили почему-то субстратом для молодого поколения сосны. Она заботливо и осторожно пряталась в расщелинах плитняка и здесь чувствовала себя особенно спокойной. Эта ее характерная особенность дает нам право сделать отчасти выводы об ее будущей более верной культуре среди каменистых почво-грунтов. Нам кажется, что каменистые субстраты, подстилаемые на известной глубине песчанными и др. рыхлыми породами, (что часто можно видеть на Апшероне), необходимо долбить ввиде лунок или канав, как это делают тюрки-виноградари на Апшероне и в эти искусственные углубления производить посадку или посев сосны. При этом условии сосна видимо лучше защищается от влияния ветров, дующих здесь весьма сильно в течение лета и лучше предохраняется от вытаптывания ее скотом. Кроме того должно быть играет роль и большее количество влаги, которая стекая во время дождей по плитам вниз, задерживается в трещинах и увлажняет лучше разрыхленный субстрат, находящийся в трещинах, где ютится сосна.

В средней части склона наш проводник, бывший в прежнее время лесником, охранявшим Эльдарскую сосну, указывает нам место, где был раньше организован для нее питомник. Здесь известняк был покрыт почвенными образованиями, явившимися результатом выветривания местных пород. Осадки, стекая вниз, отложили продукты выветривания на террасовидной площадке склона, где приютился питомник. На всей площади питомника, раньше огороженного колючей проволокой, мы не нашли ни одного деревца сосны. Весь он зарос буйно разросшейся Artemisia arenaria D C, с подместью Kochia prostrata Schr., Artemisia maritima L, Salsola Kali L. Caraganaglandiflora D. C.

Питомник был создан, по словам нашего проводника в 1912 г. и работа на нем продолжалась до 1917 г. Площадь его была до 100 кв. саж.

Посев производился в грядки, направление которых, по оставшимся еще следам, было к сожалению не перпендикулярно склону, а шло вдоль него, что должно быть отражалось наблагоприятно на судьбе посевов.

Лишь Pistacia mutica Fet. M. (саккизовое дерево) воспользовалось подготовленной почвой и засело здесь несколькими экземплярами,

развиваясь вполне нормально; от сосны же не было здесь даже и признаков, как от произведенных когда то посевов, так и от естественного обсеменения. Вместе с тем несколько в стороне от питомника, из трещины среди обнаженного известняка, мы обнаруживали естественное возобновление ввиде редкоразбросанных молодых сосенок, которые все же держались ближе к зарослям или кустам можжевельника, дающего им притенение.

О порядке и содержании работ в питомнике мы, к сожалению, не могли узнать подробно и нам лесник сообщил лишь, что сосна давала хорошие всходы, но потом уход за питомником прекратился и все погибло.

Между тем лесничий Горнокультурного лесничества И. И. Рощин достиг хороших результатов, воспитывая сосну в Телетской даче, а Сагурамский лесничий А. В. Рудзянский еще в 1910 г. вывел до 200 экземпляров Эльдарской сосны и пересадил их в одногодичном возрасте на культурную площадь в 2-х верстах от селения Гадани, где они растут и в настоящее время. Видимо неудача питомника, заложенного на родине Эльдарской сосны в области ее естественного местопроизростания, об‘яснялась отчасти кроме отсутствия умелых приемов посева и посадки ее, также и неизученностью некоторых особенностей этого вида.

Такая неудача посетила, например, тоже Горнокультурное лесничество при посеве Эльдарской сосны лесничим Монаковым, который получил хорошие ее всходы в питомнике, но потом эти всходы выгорели в первую же половину лета.

И. И. Рощин об‘ясняет это тем, что молодые всходы не затенялись и в основу своих опытов положил вопрос с изучением влияния затенения на рост Эльдарской сосны.

Результаты от этих опытов получились положительные и на 2-х соседних грядках-затененной деревянными щитами и незатененной—можно было видеть различные картины. На незатененной грядке все почти всходы погибли, а оставшиеся в количестве не более 3-х% чувствовали себя угнетенно, дав осенью при измерениях высоту лишь до 2-х, 2,5 сан. Затененная грядка почти не дала отхода и к осени высота роста сосны была до 5—9,5 сант. (Всхожесть семян обнаружена до 76%)*).

Приняв во внимание все вышеуказанное, имея заверение науки, что Эльдарская сосна является самым восточным видом из группы Halepensis, приспособившимся в течение долгих веков к условиям восточных засушливых холмов и равнин, обычно являющихся вместе с тем и засолоненными в той или другой степени районами, мы вправе рекомендовать ее, как лучший об‘ект из хвойных пород для будущего обзеленения гор. Баку и его окрестностей, а также для парков и скверов гор. Баку.

---

*) И. Рощин. Наблюдения над ростом Эльдарской сосны.

В последних мы особенно замечаем недостаток хвойных пород, благодаря чему зимний и осенний ландшафт насаждений в городе не веселит глаза.

Сама природа диктует использовать те ее небольшие запасы реликтовых форм, оставшихся покуда в целости в соседней нам Эльдарской степи, форм оригинальных, вечно-зеленых, являющихся вместе с тем редкостным памятником былых лесов восточного степного Закавказья.

Исчезновение на наших глазах этого единственного памятника глубокой давности, должно породить во всех лицах, обществах и учреждениях горячий протест.

В частности Общество Обследования и Изучения Азербайджана, как общественная организация, должно, по моему мнению, взять на себя функции Общества Защиты памятников природы и все усилия направить к тому, чтобы на его глазах не совершилось этого тяжелого преступления. Но в данном случае нужно подойти к выполнению этой задачи осторожно, так как островок Эльдарской степи, где находится уцелевшая рощица сосны находится как раз на границе с Грузией и за последнее время, по справкам, главные претензии по сбору шишек с уцелевших сосен заявляет Грузия в лице ее Наркомзема.

Принимая во внимание то важное обстоятельство, что сосна используется самым хищническим способом, около рощицы находится лишь один лесник, получающий скудное содержание (20 р.), необходимо отдать больше заботы и внимания уцелевшему сосновому островку, направив туда и больше средств.

Грузия, видимо, этих средств дать не может, она меньше заинтересована в Эльдарской сосне, как редком памятнике природы, снабжающем к тому же заинтересованных лиц семенами. Но Азербайджан в лице г. Баку, где Баксовет предполагает начать широкие облесительные работы, затратив на это солидные средства, должен обратить серьезное внимание на это явление.

Коммунхоз, производящий работы по обзеленению гор. Баку и его окрестностей в лице Садовой Секции, должен будет иметь эту хвойную породу впереди других, так как свидетелем ее устойчивости против засухи, засолоненности и ветров является целый ряд веков. Чтобы оставшаяся еще в живых небольшая рощица сосны и в будущем снабжала все заинтересованные учреждения семенами, необходимо принять самые решительные, срочные и строгие меры к ее охране.

1) Для этой цели необходимо усилить охрану рощи еще одним лесником, улучшив их материальное положение.

2) Восстановить домик, в котором жили раньше двое лесников-сторожей, в тех целях, чтобы они находились вблизи рощи.

3) Запретить допускать к пастьбе скот соседнего Эльдарского общества в пределы занимаемые сосной, так как свежие испражнения скота мы наблюдали во многих местах рощи, а лесник сообщил

нам, что просьба о выпасе скота по лесной площади уже подана жителями по инстанции.

4) Произвести таксационное и ботаническое обследование оставшегося сосняка с нанесением на карту границ участка, точного перечета количества деревьев, хода возобновления и проч.

Средства на это хорошее дело должен дать Коммунхоз, который будет получать из рощи бережным и аккуратным способом, как компенсацию, семена Эльдарской сосны для целей облесения.

Получится и практическая польза и будет сделано великое дело —охрана исчезающего памятника природы.

Задача же Общества Обследования и Изучения Азербайджана должна будет заключаться в том, чтобы взять на себя урегулирование вопроса о действительной охране сосновой рощи, как межсоюзного памятника природы. Для этого нужно будет войти в сношение с Центральн. Общ. Защиты и Охраны памятников природы и провести строгую программу о заповеди сосновой рощи, как это сделано сейчас по отношению к Крымской сосне в Крыму.

Присматриваясь к условиям жизни Эльдарской степи еще в прежние годы, когда нам пришлось вести здесь почвенные и геоботанические изыскания по поручению Азводхоза, мы пришли к выводу, что в ее естественной обстановке, весьма сродной с обстановкой г. Баку, можно отметить много и др. растительных видов, которые можно будет использовать при облесении Апшерона.

При посещении Эльяр-Оуги, как мы уже отметили выше, бросаются в глаза три вышеупомянутых вида Juniperus (можжевельника), заросли которого кроме того раскиданы повсюду и по всем окрестным холмам. Его отдельные куртины островками продвигаются и дальше на восток по Палан-Тюкяну вдоль реки Иоры, но прерываются, не доходя до сел. Усупли. По дороге с Эльяр-оуги на Красные Колодцы, окрестности Назарлеби тоже имеют повсюду куртины всех трех видов можжевельника, напоминая этим, что здесь когда-то были целые их леса.

Среди унылой солонцевой степи острова можжевельниковых зарослей производят весьма отрадное впечатление, сглаживая угрюмость пустынного ландшафта.

Лично я крайне недоумевал, каким образом еще уцелели эти островки среди степи, куда с началом осени перегонялись многочисленные стада овец Карачаевцев, направляющихся через Назарлеби к Малой Ширакской, Эльдарской и Самухской степям. Это тем более было удивительно и потому, что в степи на значительном расстоянии нет лесных материалов, и можжевельники представляют поэтому особенный интерес для кочевников, так как отличаются большой смолистостью и хорошей сгораемостью. Здесь же мы повсюду отмечали тракагантные формы Астрагала—Astragalus mycrocephalus Willd, которую, впрочем, мы обнаружили однажды при наших обследованиях Апшерона*).

---

*) Проф. А. А. Михеев. Флова Апшеронского полуострова. Изд. Земотдела Баксовета 1926 г.

Среди ксерофитной растительности Эльдара, даже по южным склонам Палан-Тюкяна, на солнцеватых глинистых смывах, мы повсюду фиксировали красивые шапки Acantholimon tenuiflorum Boiss, Acantholimon Fomini Kuzn.

Из кустарниковых форм бросается в глаза:

Cotoneaster nummularia FAM.
Rhus cotinus C
Gasminus fruticans L
Colutea cruenta Ait
Paliurus australis Gärtn
Atraphaxis Spinosa L
Rhamnus Pallasi FAM.
Berberis vulgaris L
Ephedra procera FAM.
Pistacia mutica FAM.
Elaeagnus angustifolia SL
Pyrus eleagrifolia Pall.
Punica granatum L.
Tamarix Pallasi Desf.
Tamarix Mayeri Bois и др.

Из этого списка кустарников и др. полудеревьев мы особенно обращаем внимание будущих работников по обследованию Апшерона на

Pistacia mutica Eet M.
Pyrus eleagrifolia Pall.
Atraphaxis Spinosa L.
Paliurus Australis Gärtn.
Rhus cotinus L.

Первый из этих видов—саккизовое дерево—мы уже осветили в одной из работ по Эльдару (Растительные сообщества междуречной равнины реки Куры, Иоры и Алазани), где и указали, что на основании произведенного анализа почвы из под саккизагача, она по содержанию солей не уступает Апшеронским почвам.

Красивая крона, декоративная зелень и плоды к осени, прекрасная ценная древесина этой породы—все заставляет рекомендовать ее, как одну из первых среди остальных лиственных пород для Апшерона.

Кустарниковые формы Ephedra procera Fet M, достигающие здесь (Эльяр-оуги, Назарлеби) до $1^1/_2$—2 арш. высоты, Rhus cotinus, дающего к осени яркие красивые оттенки своей листвы, Colutea cruenta Ait, с его оригинальными плодами,—тоже невольно обращает внимание ботаника своей внешностью.

Pyrus eleagrifolia Pall может быть рекомендовано не только, как растение для облесительных целей на Апшероне, но и как один из лучших привоев для груш, отличающийся своей крайней ксерофит-

ностью. С этой формой может состязаться лишь Pyrus Salicifolia L, встреченная нами тоже в однородной экологической обстановке по холмам средней части Бакинского уезда.

Остальные виды кустарников тоже заслуживают глубокого внимания, как ксерофильные формы, причем Atraphaxis spinosa L, кроме того, может быть рекомендован по особенно засолоненным местам, так как его связь с ярко выраженными солонцами мы фиксировали весьма часто.

Этот кустарничек может образовать весьма декоративные бордюры на таких засолоненных почвах, где другое растение будет чахнуть, между тем по своему прекрасному цветению он не уступит многим из красиво цветущих форм.

* * *

II. Маршрутное описание.

Маршрут наш к месту нахождения Эльдарской сосны был через Кахетию до ст. Цнорис-Цхале, откуда на лошадях через Красные (быв. Царские) Колодцы до Эльяр-оуги.

Осеннее время (октябрь м-ц) к сожалению не дало возможности зафиксировать полной картины растительности Большой Ширакской, Малой Ширакской и западной части Эльдарской степей, через которые лежал наш путь.

Но не смотря на позднее время года, мы всетаки могли еще наблюдать смену растительности по направлению с запада на восток в зависимости от смены высот местности.

Большие Шираки, являющиеся наиболее приподнятой степью, постепенным уклоном направляются к Малым Ширакам и вблизи Красных Колодцев отмечают на себе типичную, злаково-разнотравную степь с богатым растительным составом. Высота и густота растительного покрова, большое присутствие злаковых видов, дают представление о Больших Шираках, как о черноземной или каштановой степи. Этот травостой делается несколько более однообразным на пространстве Малых Ширак и резко сменяется полупустынной и пустынной флорой при спуске от Малых Ширак к Эльдарской Степи близь ущелья Назарлеби.

В степной полосе Больших Ширак мы, поздней осенью, вдоль дороги отметили повсюду густой травостой из:

Andropogon Jschaemum L.
Stipa pennata L.
Glycyrrhiza glabra L var. glandulifera Ret N.
Cichorium Jntibus L.
Melilotus dentatus (W. K.) Pers.
Galium verum L.
Achillea micrantha M. B.
Agropyrum repens P. B.
Origanum vulgare L.

Echium rubrum jacg.
Apocynum venetum L.
Linum austriacum L.
Ajuga Chia Schreb.
Lepidium Draba L.
Gladiolus Segetum Qawl.
Phlomis herba venti L.
Lìnum austriacum L.
Onobrychis Sativa Lam.
Sorghum halepense Pers
Dactylus glomerata L.
Setaria verticilata (L) P. B.
Linosiris villosa D. C.
Linum nodiflorum L.
Rumex Acetosa L.
Eringium campestre L. и др. растительные виды.

Особенно значительными количествами встречались Glycyrrhiza glabra, Dactylus glomerata L, Andropogon Jschaemum L, а густые куртинки Stipa pennata показывали, что почва уже успела значительно отдохнуть за время гражданской войны и просилась опять под плуг.

Распаханные площади отмечались вдоль нашего пути почти до Малой Ширакской степи, но пашни были раскиданы весьма редкими лоскутами, не смотря на то, что кое где перевернутая почва своим темным цветом, дающим право причислить ее к почвам переходным от каштановых к черноземным, говорила о значительных запасах гумуса.

Здесь была еще зона богарного земледелия, так как количество атмосферных осадков давало возможность собирать значительные урожаи в иные года, но 1926 год был засушливым и урожай хлебов был ниже среднего. И все же, несмотря на недостаток осадков, степные травы были густы и высоки, давали хорошие сенокосы и весь, еще веселый даже осенью, ландшафт степи сильно напоминал своими тонами русские юго-восточные степи каштановых почв.

Среди степи были раскиданы или небольшими куртинками или одиночными кустами кустарники из:

Paliurus aculeatus Lam.
Rosa cinnamomea L.
Prunus spinosa L.

Более бедной растительностью одета „Малая Ширакская Степь, особенно ближе к „Назарлеби". Здесь уже кончаются пахотные места, начинается полоса зимних пастбищ—„Ятáжные" площади, куда на всю зиму кочевники спускаются со своими стадами с горных „Яйлагов"—альпийских пастбищ.

Ущелье „Назарлеби", что в переводе на русский язык значит „невыгодный" (пустынный) образовалось, благодаря стоку вод с воз-

вышенностей Малых Шираки в Эльдарскую Степь. Глубокая водомоина с отвесными боками—„Назарлеби“ прорезает уже полупустынную равнину той части Эльдарской Степи, где она соприкасается с Малыми Шираками. По дну этого ущелья пролегает наш путь к Эльяроуги.

Эльдарская Степь в том месте, где начинается ущелье и по сторонам ущелья была покрыта сплошь или полосами Artemis ia arenaria D. C., или же злаковой степью, доминирующий здесь злак определить было невозможно в виду того, что он стоял лишь одними белесыми стеблями по степи и на местном тюркском языке назывался „ат-от“ или „белянка“ (по-русски). При спуске к „Назарлеби“ по степи виднелись также значительные куртинки Sysimbrium Loeseli L, Polygonum aviculare L, Setaria verticilata (L) P. B. и отдельные кусты Prosopis Stephaniana Spreng.

Здесь же видны были повсюду Salsola Kali L, Artemisia maritima L, иногда кусты Sorghum halepense Pers, Lepidium vesicarium L.

С этого же спуска от плато „Малые Шираки“ к „Назарлеби„ вся Эльдарская степь до берегов р. Иоры и зубчатых холмов „Эльяр-оуг“ была отчетливо видна, а развалина старинной крепости на вершине г. Эльяр отчетливо вырисовывалась на лини холмов.

Обрывистое, с отвесными боками, напоминающее американские каньоны, ущелье „Назарлеби“ покрыто разбросанными по его откосам группами кустарников Tamarix Pallasi Bge, Tamarix Mayeri Boiss, Paliurus aculeatus Lam. Berberis vulgaris L, Pistacia mutica Fet M, Colutea cruenta Aid, Colutea Orientalis Lam, Punica granatum L, Rhamus Pallasii Fet M, Rhus Cotinus L, Rhus Coriara L, Eleagnus angustifolia L, Ephedra procera Fet M. Pyrus eleagrifolia Pall, Pyrus Salicifolia L, Zygophyllum Fabago L и др.

Осенью особенно эффектно выделялся своей цветною листвой Rhus Cotinus L и своими оригинальными плодами пузырник—Colutea cruenta Ait. Краснели своими кораллового цвета плодами Berberis vulgarïs L, Punica granatum L а Ephedra procera Fet M достигла здесь значительной высоты в 1—1$^{1}/_{2}$ арш., превращаясь в кустарниковую форму.

Часто среди этих кустарников можно было встретить трагакантную форму астрагала—Astragalus microcephalus Willd с сильно развитым habitus'ом и круглой формы разбросаные Acantholimon Fomini Kusnez,

Отсюда же начиналась, раскинувшись по подступавшим к ущелью холмам, формация можевельников, которая дальше к р. Иоре повсюду зеленела сплошными пятнами, заполняя склоны и верхнюю часть возвышенностей, отделяющих Эльдарскую Степь от Малых Шираки и заходящих в самый Эльдар до берегов р. Иоры.

Некоторые виды Juniperus принимают уже древовидную форму-достигают значительной высоты до 2-х саж. и значительного диаме-

тра в толщине ствола, при чем верхний ярус обычно составлен из Juniperus isophyllos C. Koch и Juniperus polycarpos C. Koch., а внизу располагаются низкорослые формы Juniperus oxycedrus L, Juniperus communis L.

При выезде из ущелья „Назарлеби“ в Эльдарскую степь, по начинающимся солонцеватым глинистым пятнам, видны ярко цветущие поздней осенью кусты Atraphaxis spinosa L—этого красивого весьма декоративного кустарничка—осеннего украшения солонцев (по тюркски —„доушан-алмасы“), а дальше к р. Иоре дает себя знать все больше и больше формация Artemisetum с господством Arfemisia maritima L и при значительной подмеси, в виде куртин, Salsola Kali L.

Ручеек, выбегающий из конца ущелья, дал возможность поселиться по его берегу куртинкам из Arundo Donax L, Phragmites communis Trin, при чем первый из них достигал здесь громадного роста. Полосы Artemisia maritima L перемежались все время с полосами Artemisia arenaria D. C.. Salsola Kali L., а ближе к р. Иоре все больше и больше появлялись группы Salsola verrucosa MB, Solsola gemascens Pall, Statice Gmeline Willd, Prosopis Stephaniana Spreng.

Река Иора имела при переезде через нее к Эльяр-оуги прихотливые извилины со множеством песчанных отмелей, так же как это мы отмечали для нее во время наших обследований восточного угла Эльдара близь с. Усупли*), но здесь не было тех мощных тугайных лесов, которые заростали ее долину в нижнем течении. По долине р. Иоры здесь мы отметили лишь кустарные формы, состоящие из густых зарослей:

Tamarix Pallasi Bge
Tamarix Mayeri Boiss

к которым были подмешаны в различной пропорции:

Morus nigra L
Berberis vulgaris L
Punica granatum L
Eleagnus angustifolia L
Salix australior Audens и др.

Иногда низкие берега р. Иоры здесь были сплошь покрыты зарослями Artemisia arenaria D. C. с раскинутыми там и сям куртинами Phragmites communis Trin, Arundo Donax L. По стройности, и особенно по декоративности листьев и метелок, с Arundo спорил здесь Erianthus Ravennae L (P. B.), образующий иногда (правда, редко) маленькие самостоятельные пятна. Этот злак нами нигде не встречался ниже по течению р. Иоры, во время изучения растительности Эльдара в экспедиции 1925 года.

---

*) Проф. А. А. Михеев. Растительность Междуречной Равнины рек Куры, Иоры и Алазани. Известия Об-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана, № 3, 1926 г.

На небольшой лесной прогалинке были отмечены нами свежие испражнения медведя со множеством непереваренных косточех Eleagnus angustufolia L, что показывало на то, что этот зверь любит лакомиться сладкими осенью плодами этого кустарника.

Холмы Эльяр-оуги геологическими процессами были разорваны на отдельные части и на одном из них—самом высоком—резко выделялись развалины древней крепости. На восток от крепости по северному склону холмов зеленели отдельные экземпляры Pinus eldarica, сопровождаемые куртинками Juniperus.

Несмотря на осенний период, у подножия пустынных холмов, по белесым выпотам солей повсюду виднелась красиво цветущая бордюрка из Atraphaxis Spinosa, а по водомоинам—яркие, цветущие экземпляры Linum nodiflorum L, которые разнообразили седую полынь —Artemisia maritima L и отдельные кусты Salsola verrucosa MB, Ceratocarpus arenarius L Salsola gemascens Pall. Salsola Kali L, Petrosimonia crassifolia Bge, Zygophyllum Fabago L, Noea mucronata Aserb.
Здесь же по западникам и водомоинам, образовавшимся от стока вод с холмов по направлению к долине р. Иоры, мы повсюду отмечали густой травостой из:

Andropogon Jschaemum L
Cynodon Dactylon Pers
Glycyrrhisa glabra L и др.

Реже видны были отдельные, уцелевшие еще до осени экземпляры Carthamus lanatus L и еще ярко зеленые кусты Cynosurus cristatum L, Asparagus polyphyllus Stev.

В полном цвету встречался повсюду Statice Gmelini Willd var. laxiflora Boiss и Reaumuria hypericoides Willd. по засолоненным пятнам, а в ложбинках и складках холмов цвели Galatella punctata Cass., Linosyris villosa DC.

Небольшая под'емная тропинка, которая вела на вершину холма, покрытого сосною—Pinus eldarica Medw., расположилась сначала по дну оврага, а затем перебрасывалась на его правую сторону. Овраг во многих местах был перегорожен плитняком, благодаря чему в нем задерживались лужи дождевой воды, около которой виднелись кусты Glycyrrhiza glabra L, Galatella punctata Coss, Asparagus polyphyllus Stev. и одиночно Phragmites communis Trin. По сухому ложу оврага при выходе его в долину р. Иоры раскиданы одинокие деревца Pistacia mutica Fet M, Berberis rulgaris L, между которыми мы фиксируем редкие кусты.

Prosopis Stephaniana (Willd) Spreng
Cynanchum acutum L
Alhagi camelorum L
Cynodon Dactylon Pers и др.

Поднимаясь по холму Эльяр-оуги, мы замечали, что вскоре начинают появляться первые кусты можжевельника, постепенно увеличи-

вается численно Erhedra procera, образует легкую дерновинку Andropogon Jschaemum L (и другой злак оставшийся без определения ввиду его перезрелости), пятнами расположилась Artemisia arenaria D. C. и здесь же изредка, рядом с

Acantholimon Fomini Kusnez
Astragalus microcephalus Willd
Salsola gemmascens Pall
Noea mucronata Aserber

видны цветущие Centaurea ovina Pall, Galatella punctata Coss и одинокие кусты Asparagus polyphyllus Stev, Lonicera iberica MB.

Иногда целая полоса склона холма покрыта Artemisia maritima L, Artemisia fragrans W var. phyllostachys Boiss, а среди таких полынных лоскутов видны кусты

Ephedra procera Fet M.
Reaumuria hypericoides Willd
Stipa pennata L
Salsola Kali L
Andropogon Jschaemum L
Statice gmelini L
Artemisia arenaria D. C. и др.

Крутые глинистые откосы холма покрыты преимущественно Reaumuria hypericoides Willd с подмесью Artemisia maritima L Artemisia fragrans W, Salsola gemascens Pall, Zygophyllum Fabago L Atraphaxis Spinosa L и др.

После того, как мы пройдем первую неширокую полоску Juniperus, то сначала нам начинают попадаться одиночные деревья Pinus Eldarica Medw., а дальше к вершине холма число их заметно увеличивается, не давая, впрочем, почти нигде сплошных сосновых насаждений. Истребление сосны, видимо, особенно коснулось нижних частей холма и лишь на глубоком дне ущелья видны были внизу отдельные ее деревца.

Видно было, как сосна, спасаясь от руки человека, уединилась большею массой к вершине холма, заняв место близкое к гребню. Среди сосняка была почти та же растительность, что и нижеуказанные виды и к ним добавлялись лишь из кустарниковых форм:

Caragana glandiflora D. C.
Cotoneaster Nummularia Fet M
Rhus cotinus L.
Rhamnus Pallasii Fet M
Berberis vulgaris L.
Jasminum fruticans L.
Colutea cruenta Ait

а также растительные виды:

Cynosurus cristatum L
Teucrium Polium L

Thymus Serpyllum L
Fumana procumbens Boiss
Linum nodiflorum L
Melilotus dentatus (W. K.) Pers
Linosyris vilosa D. C.
Cynodom Dactylon Pers
Euphorbia virgata v. orientalis Bois.
Agropyrum orientale Ket.
Cynanchum acutum L. и др.

Самый гребень горы, откуда начинается крутой обрыв в сторону равнины Джайран-чоли покрыт одиночными можевельниками—Juniperus isophylos C. Koch, Juniperus polycarpos C. Koch, Junlperus oxycedrus L, а среди них выделяется иногда Ephedra procera Eet M, достигающая значительного роста полукустарника, Astragalus microcephalus Wilid и шарообразной формы Acantholimon Fomini Kusnez.

При взгляде с вершины горы по отлогому северному склону антиклинали на Эльдарскую Степь и р. Иору глаз отдыхает на той полосе зелени, которая образуется от куртин можевельников и сосен, а дальше—от тугайных зарослей вдоль реки. Крутой же обрыв размытой антиклинали на юг, к Джайран-чоли, напоминает своей бесжизненной, серой, как бы тюремной высокой стеной, что там за нею расстилается однообразный, мертвенно скучный, серый фон солончаковой пустыни. Эта пустыня Джайран-чоли, как на ладоне, вся видна с вершины Эльяр-оуги, и ровная, как скатерть, скрывается из глаз, уходя на юг к холмам Палан-Тюкяна и на восток к соединению с Прикуринской равниной близ Карасахкала.

Баку. 12 дек. 1926 г.

Д. Шарифов.

Крестьянская усадьба 3 и 4 районов Нухинского уезда.

Будучи в Нухинском уезде в июле—августе 1925 г. и августе—сентябре 1926 г., мы обратили внимание на особые, отличные от других районов АССР условия быта местного населения, на формы этой жизни, находящиеся по нашему мнению в зависимости от несколько отличных осебенностей местности.

Еще Страбон, описывая некоторые племена и народы, обитавшие в древности в Закавказьи, так рисует нам территорию, занятую албанцами (северную часть Азербайджана): „Эта часть Албании местами низменна, местами гориста... Албанцы не пользуются даже как следует выгодами своей земли, которая производит всякие плоды, даже самые нежные и всякие растения, даже вечно зеленые. За почвой здесь нет ни малейшего ухода, но „плод родится сам без паханья и сева“ (Hom. Od. 9, 109)... Во многих местах раз засеянная земля приносит 2 и 3 раза плоды, в первый раз даже сам 50 без отдыха (пара) и вспаханная не железом, а просто деревянным плугом. Орошена же эта страна больше, чем Вавилонская и Египетская реками и другими водами, так что имеет вид постоянно зеленый, потому и имеет отличные пастбища и воздух лучший, чем в тех странах... Главный город их Кабалака“... Эта общая характеристика Албании замечательно совпадает с тем описанием, которое дает Автаранской долине В. А. Лисовский в своем труде „Закавказье“ (Тифлис 1896 г.): Долина Автаран лежит между степным плоскогорьем и подошвой Кавказа и составляет как бы продолжение Алазанской долины. На запад у Айри-чая она примыкает к Нухинской долине, а на востоке упирается в отроги хребта Лаич. В длину она простирается верст на 80, в ширину на 20. Обильно орошенная множеством ручьев, эта долина покрыта селениями, пашнями, рисовыми и хлопковыми посевами, садами, виноградниками; необработанное пространство ее и уступы гор заняты густым лесом. Шесть речек (Аджиган, Дурьян, Гейчай, Давабатан, Гердыман, Ахсу), оросив своими верховьями Автаранскую долину, прорывают плоскогорье, направляясь поперек его в промытых ими оврагах. По выходе на степной простор, они разделяются на множество оросительных канав, обводняющих бесплодную почву равнины и делающих ее весьма плодородной... На этих канавах сосредоточиваются в 6 группах селения, окруженные пашнями, садами, виноград-

никами и представляющие как бы оазисы, отделенные друг от друга необитаемым пространством“...

Один из таких оазисов, может быть самый большой и своеобразный,—это 3-ий и примыкающий к нему 4-ый район Нухинского уезда. Даже беглый взгляд на расположенные тут селения, знакомство с бытом и промыслами местного населения производят впечатление своеобразной особенности, отличной от остальных районов и многовековых культурных пережитков далекого прошлого.

Об одной такой особенности, бросающейся в глаза всякому, кто много видел тюркских деревень и кто подмечает эти особенности, хотелось бы сказать несколько слов. Особенность эта—устройство селений и особенно усадеб местного крестьянина.

Но прежде, чем указать на эти особенности, мы считали бы необходимым сделать несколько пояснений, без которых, думается, нельзя понять быт и культуру этой части Автарана.

Район этот далек от долины р. Куры, где кочевые народы, предки нынешних тюрок, прежде всего осели. Целый ряд параллельных Кавказскому хребту невысоких с севера и крутых обрывистых с юга (т. е. со стороны долины Куры) горных кряжей образуют уступы—террасы, постепенно поднимающиеся по направлению к горам. Эти террасы для населения выше-живущего, думается, в прошлом всегда были защищающими их плацдармами и в то-же время естественными укреплениями. Бесплодные, т. к. они не орошены, они не могли быть приманкой для проходивших кочевников. Верхние, особенно последняя перед горами, наоборот, прекрасно и обильно орошена многочисленными ручьями и речками, сбегающими с гор.

Плодородная почва, образовавшаяся из наносов с гор, очень часто с большим содержанием hummus'a на верхней террасе—равнине, направление с ЗЗС на ВВЮ, т. е. вдоль гор и у самого подножия гор, защищающих от губительных северных ветров, все это создает условия благоприятствования зарождению здесь с древнейших времен культуры земледельческой. Направление долины с ЗЗС на ВВЮ соединяло долину с проходом на северный Кавказ вдоль берега Каспийского и выходом к Черному морю через страну иберов и колхов далее на запад.

Что наши предположения не будут очень ошибочны в оценке преимуществ этой долины, на это указывают следы старинной торговой дороги с сохранившимися во многих местах мостами и защитными сооружениями в виде башен и небольших крепостей, воздвигнутых вне сомнения сасанидской Персией—а затем арабами вдоль пограничных гор по дороге, приобревшей крупное стратегическое значение.

Основное ядро албанского народа вне сомнения жило именно на этой равнине. Крайне свободолюбивое, восстававшее против покорителей, оно впоследствии требовало от завоевателей особого внимания. Историк Аль Белазири говорит, что завоеватели с целью укре-

пить и защитить свои границы от неспокойного населения, не желавшего признавать власти пришельцев, создавали ряд укреплений в стране. Кроме того с целью отвести торговые пути от пограничной полосы, по словам Аль Белазири, „царь Кобад сын Фейруза, послал одного из своих знаменитых полководцев с 12.000 войска, который разорил Ерран, а затем покорил всю страну от реки называемой Еррасом до Ширвана"... По словам арабского географа Ибн-ал-Факиха (X в) с распространением владычества сасанидов, при Кобаде построен был город Бердаа, ставший центральным пунктом низовой Албании, сделавшейся столицей ее. Тогда дорога торговых караванов пошла ниже, по течению реки Куры к Араксу в сасанидскую Персию. На этом пути вырастает ряд богатых промышленных городов, а Кабала, Кабалана Страбона, теряет свое значение. На север от этой новой торговой дороги лежит так интересующая нас страна, с древних времен до теперешнего поставляющая ценный сырьевой продукт—произведение местной сельско-хозяйственной деятельности—шелк.

Наблюдения наши над местным населением, его бытом, замеченная нами особенность в строении головы, отличающая от чистых тюрок и приближающая к населению Кахетии (плоский затылок, брахицефаличность), наталкивают нас на мысль, что жители Автаранской долины на протяжении от Нухи до Куткашена может быть сохранили тип древней расы. Отюреченные впоследствии, принявшие ислам и усвоившие тюркский язык, они резко отличаются от чистых тюрок племени Кара-Коюнлы, имеющих свои немногочисленные селения по южному краю долины и в степи Турут, примыкающей к долине р. Куры. Неналаженная еще у нас работа по антропометрии и особенно краниометрии сильно поможет разобраться в наших предположениях о происхождении местного населения.

Окруженные со всех сторон народами скотоводческими (племя Кара-Коюнлы с юга и лезгины—с севера), они исключительно земледельцы и садоводы, разводящие плантации ореха, фундука и шелковицы. Пожалуй даже господствующий вид хозяйства у них шелководство, которым они издавна славятся. Так арабский писатель X в. Истархи, говоря об Албании, указывает, что в окрестностях города Бердаа в большом количестве растет никому не принадлежащее дерево „тут", на котором выращиваются шелковичные черви и коконы.

Все это наложило определенный отпечаток на хозяйственную их деятельность, на быт, выработало в этой местности оригинальную типическую крестьянскую усадьбу и постройки, с одной стороны сближающие их с народами Европы, с другой—носящие в себе много элементов Востока и прежде всего Персии.

От Нухи до Куткашена тип крестьянской усадьбы один и тот же: прямоугольный участок обнесен со всех сторон каменной или из сырцового кирпича стеной под черепичной кровлей. В редких случаях (в бедных хозяйствах) мы видели земляной вал, а на нем ограду из коль-

ев, на которые положены ветви колючего кустарника „Держи дерева“. Высокие всегда на запоре, ворота с калиткой ведут в усадьбу.

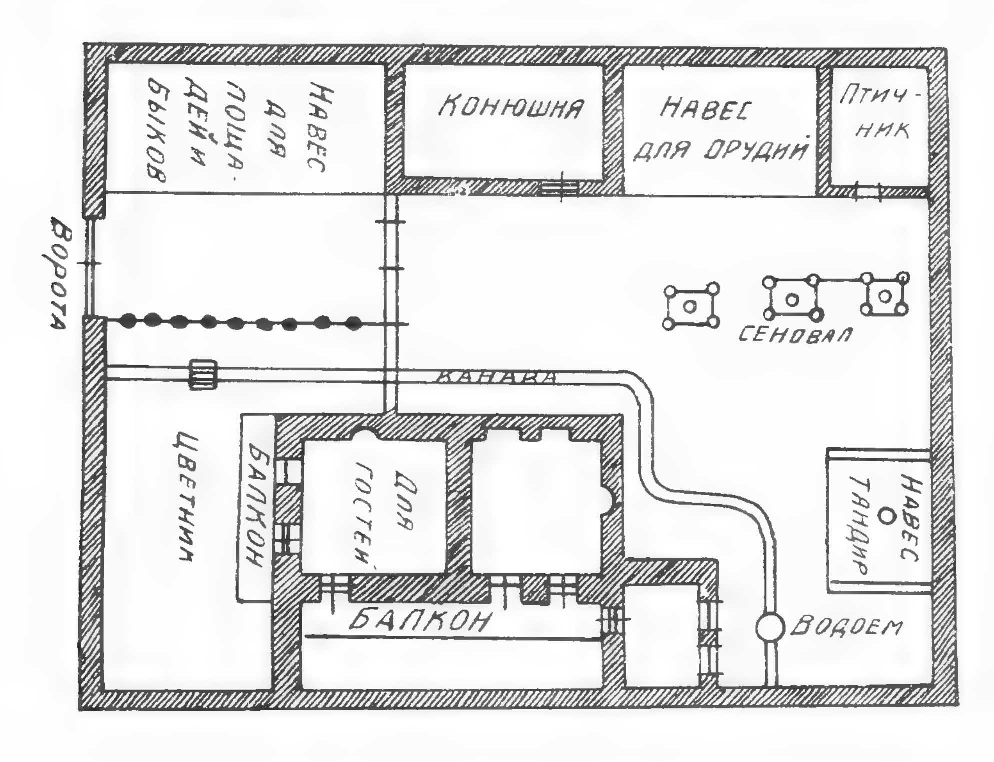


Рис. 1.

Чтобы дойти до постройки усадьбы, расположенной на прямоугольном участке, усадьбы, обнесенной каменной или глинобитной оградой, надо было пройти ряд культурных ступеней. В полную противоположность селениям каракоюнлинцев Нухинского уезда или типичным усадьбам тюркских селений других уездов, устраивающих ограду в буквальном смысле „вокруг“ жилища, очень часто по естественным границам участка (напр. по краю оврага, вдоль извилистой линии канавы или ручья), здесь везде мы видим прямые линии: под прямым углом друг к другу идущие стены оград в усадьбах зажиточных, или колючая изгородь в усадьбах бедных. И те и другие часто переброшены через канавы и ручьи, по всем направлениям пересекающие местность.

Скученных селений в Нухинском уезде немного: тип хозяйства (садоводство, шелководство) вынудил население давно уже перейти на смешанную систему землепользования: с одной стороны в отдалении находятся пахотные участки, на которых разводят рис и пшеницу (последнюю, правда, в незначительном количестве). Пользование пахотными участками происходит на общих для всего Азербайджана основаниях (на душу от 100 кв. саж. до $^3/_4$ десятины), с другой—отруба, участки иногда очень значительные, занятые садовой, фундуч-

ной и тутовой культурой. Посреди такого сада в тени огромных орешников и каштанов находится усадьба крестьянина.

Высокие ворота из двух половинчатых дверей (5 арш. ширины и до 7 арш. высоты) под черепичной двускатной крышей ведут с дороги в усадьбу, со всех сторон обнесенную оградой, как мы уже говорили, из камня, глинобитной, почти везде крытой черепицей. Кругом усадьбы сад, плантация фундука (от 1 до 3 десятин) и плантация туты (от $^1/_4$ до 2 десятин). Иногда (в с. с. Варданлы, Варташен, Кут-кашен, Нидж, Бум, Газря) тут-же плантация „кандира“—вид конопли, специально разводимой для выделки веревок Сад и плантации обнесены канавой и валом.

Усадьба от усадьбы на большом расстоянии. Этим об‘ясняется очень большая площадь, занимаемая селениями. Так, сел. Нидж—длиною 7 верст, сел. Варданлы—$4^1/_2$ версты, сел. Куткашен—5 верст, Варташен—5 верст, Бум—$4^1/_2$ версты и т. д.

Войдя в ворота (на которых обязательно имеется железный молоточек для вызова стуком хозяев), вы идете по дороге вдоль стены ограды с одной стороны и палисадника или цветника за деревянным заборчиком—с другой. В цветнике очень часты розы. Дорога идет до цветника, возле которого имеется калитка или проход на балкон дома. Вдоль дороги часто к ограде пристроен навес для упряжных животных или верховых лошадей приезжих или гостей. Далее к ограде прислонена конюшня под черепичной крышей. В конюшню ведет одна дверь; под самым потолком конюшни из хвороста, наложенного на балки и присыпанного землей, прорезано 3—4 оконца как для света, так и для выбрасывания скопившегося навоза. Обычно высота конюшни $3^1/_2$—4 аршина, ширина 5—6 арш. Длина редко превышает 12—15 аршин. Обычно конюшня расчитана на 1—2 лошади, пару быков или буйволов, и 2—3 коровы. Кроме того почти в каждом хозяйстве имеется осел. По длине конюшни у стены, противоположной двери—ясли, вырубленные из целого ствола дерева, шириною $^3/_4$ ар. и глубиною несколько меньше $^1/_2$ арш. Ясли устанавливаются на каменных столбах на высоте около 1 арш.

Рядом с конюшней вдоль стены-ограды установлен навес под черепичной крышей для арбы, плуга, сохи и пр. хозяйственного инвентаря. Бока, вернее один бок навеса, плетенный из веток. На небольшом расстоянии от навеса небольшое невысокое строение под соломенной или камышовой крышей для птицы, с дверью, в которой внизу сделана небольшая дверца, на ночь закрываемая для свободного прохода птицы. Разводят кур, уток, индеек, избегая гусей, портящих посевы и насаждения.

Перед конюшней на врытых в землю столбах сеновал. Обычно он устраивается так: врывают по углам квадрата (в 4 арш. каждая сторона) по столбу, высотою в 8—9 арш. Посреди врывается еще один столб. На высоте чуть больше человеческого роста устраивается помост, для чего пользуются оставляемыми на столбах на опреде-

ленной высоте сучьями, на которые кладутся поперечные брусья. На помост складывают, укрепляя на средний столб, до 10 ароб сена. Таких сеновалов бывает во дворе 3—4.

У одной из стен ограды, поближе к жилью, устраивается еще один навес, под которым устроен врытый в землю тяндир—печь для выпечки хлеба. Навес этот обычно размерами 5×5 аршин, с боков оплетен ветками и открыт спереди. Следует обратить внимание, на то, что выпечка хлеба при помощи „саж'а" прототип которого по всей вероятности металлический щит, почти совершенно отсутствует. Между тем у народов кочевых тюркских (казаков, узбеков, туркмен и др., а у нас во всех уездах и преимущественно скотоводческих) выпечка хлеба на „саж'е" обычное явление и традиция эта, хотя население и перешло к оседлой жизни, сохраняется прочно, являясь одной из существенных бытовых особенностей.

По двору усадьбы обязательно проходит хотя бы небольшая канава с проточной водой. В самом близком расстоянии от дома на канаве делается небольшой водоем, откуда пользуются водой для домашних надобностей.

Переходя к самому дому, мы должны будем говорить о нем несколько более пространно, ибо дом этот имеет несколько интересных подробностей, отличных для нашего района. Не надо забывать, что район этот шелководстсенный с обильно выпадающими осадками. Обстоятельства эти побудили местных жителей придумать червоводню под крышей дома, чтобы, с одной стороны, с'экономить в строительном материале, с другой, быть в состоянии всегда во всякую погоду пройти в помещение для червей. Наконец, и соображения лучшей охраны и защиты заставили червоводню устраивать под крышей дома.

Устройство дома в 3 и 4 районах уезда таково: подняв на фундаменте стены на высоту полуаршина от поверхности земли, кладут балки для пола. Обычно полы настилаются деревянные и только в очень бедных домах поднимают земляную настилку пола на ту же высоту (½ арш.) и покрывают пол кирпичем.

План постройки обычный для Азербайджана: две комнаты, отделенные друг от друга глухой каменной стеной. Одна комната предназначена для гостей и обращена дверью и окнами в сторону ворот. Перед комнатой хозяйской (также и для гостей) небольшой балкон. В боковой стене комнаты для гостей имеется дверь, выходящая на балкон хозяйской половины. В конце хозяйского балкона или непосредственно из жилой хозяйской комнаты имеется ход в кухню, обычно с кирпичным или земляным полом.

Окна в комнатах с одной стороны и обычно в той стене, где пробита дверь. Они небольшие 1×1½ арш. и заделаны решеткой из толстой железной проволоки или прутьев.

Обычно с балкона, реже со двора, приставная лестница ведет в чердачное помещение—червоводню. Устройство этого помещения

оригинальное: стропила черепичной крыши не положены непосредственно на стены дома: по углам стены имеют каменные столбы, на которых лежат балки. Пространство между стенами дома и балками забрано плетнем из прутьев. Столбы и плетень возвышаются на 1—$1^1/_2$ арш. от стен. На края такого добавочного помещения установлены стропила крыши. Таким образом под крышей получается помещение достаточно просторное, постоянно вентилируемое через плетеные стенки, что особенно важно в этой местности, где много влаги в садах, затененных высокими ореховыми и каштановыми деревьями. Крыша из плоской прямоугольной черепицы устанавливается высокая и потому почти не протекающая.

О внутреннем устройстве комнат приходится говорить особо, ибо при кажущемся сходстве с комнатами в домах других уездов все-же есть такие особенности и настоль отличные, что говорить о них приходится. Комнаты обычно не столь большие: 6×8 аршин при высоте 4 аршин. Каменные стены имеют большое количество ниш (стенных шкафиков), обычно без дверец. У стены противоположной входу—камин. Камины в комнате для гостей и хозяйской отличаются друг от друга: камин в хозяйской комнате делается с широким топочным отверстием; камин в парадной комнате с таким узким топочным отверстием, что больше 2 тонких поленьев поставить в него нельзя.



Рис. 2.

В хозяйской комнате обычно ниши в 2 яруса, отделенные широким поясом—выступом, идущим вокруг по всем стенам на высоте чуть выше человеческого роста. Ниже расположенный ярус ниш заполняется сундуками, окованными в железо, причудливо раскрашенными с сигнальным звоном замков, иногда переливчатым. В верхнем устанавливается парадная посуда и кой-какой скарб, не требуемый

в ежедневном употреблении. Иногда в нижнем ярусе ниш укладываются друг на друга постельные принадлежности: сложенные тюфяки, одеяла, подушки и мутаки. Здесь ниши, следовательно, заменяют „юк“, отдельно у какой-либо стены устраиваемый тюрками других, преимущественно западных, уездов на специальной доске—подставке, на которую собирают постельные принадлежности.

Снаружи ниши отделаны несколько в арабском стиле: у стенок нечто вроде плоских колонок по краям и арочка сверху.

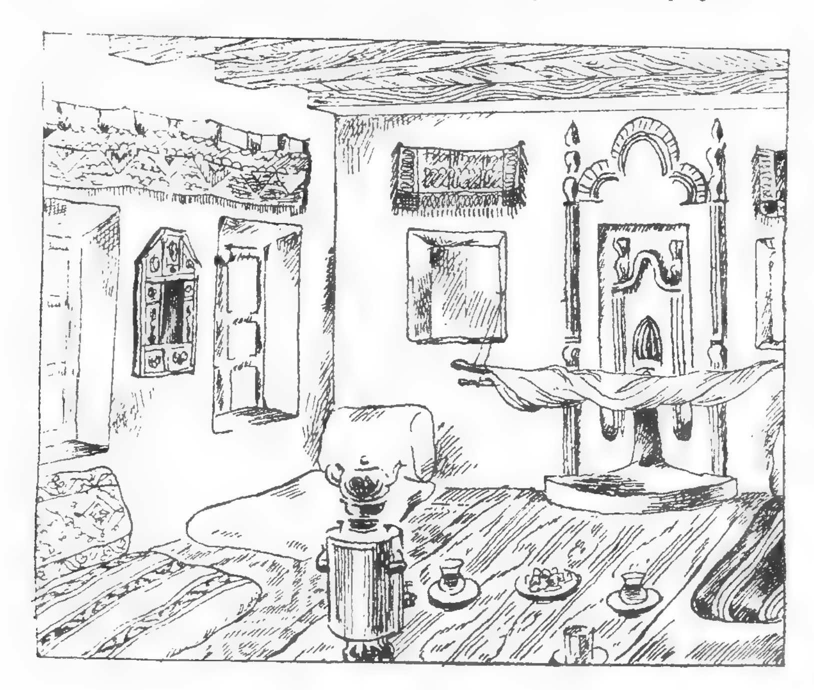


Рис. 3.

Комната для гостей имеет ниши, но в меньшем количестве. Зато камин этой комнаты отделан по возможности красиво: все понимание красоты хозяева и мастер вкладывают в его устройство. (см. рис. № 4)

Характерной чертой каждого камина является верхняя защитная выступающая часть в виде (в основе своей) рассеченного шлема, или очень частого на старинных мусульманских кладбищах 15—16 ст. шестиугольного купола надгробных сооружений („кюмбяз“). По краям камина у стены края этого выступающего, сказали бы мы,—„щита“ (верхней части топочного отверстия) опущены в виде красивых драпировок.

Топочное отверстие крайне неширокое в комнате для гостей, становится очень широким и поместительным в хозяйской комнате. Да это и понятно: здесь часто пекут на опрокинутой медной посуде хлебные (иногда с начинкой) лепешки, готовят повседневную пищу, наконец, греется вся семья, собирающаяся у камина.

Камин в комнате для гостей часто орнаментированный выпуклым орнаментом, еще и покрыт интересной живописью из виньеток цветов

и листьев. Обычно две колонки из гипса отделяют место камина от остальной стены. Колонки эти соединены вверху бордюром в виде арки из трех дуг, упирающихся на дуги, повернутые в обратную сторону. Мы взяли наиболее часто встречающиеся формы и обычных украшений камин, как типический для описываемого района. Топочное отверстие с несколько скошенными внутрь стенками, имеет рамку из колонок, между которыми красочный орнамент из цветов и листьев в персидском вкусе.

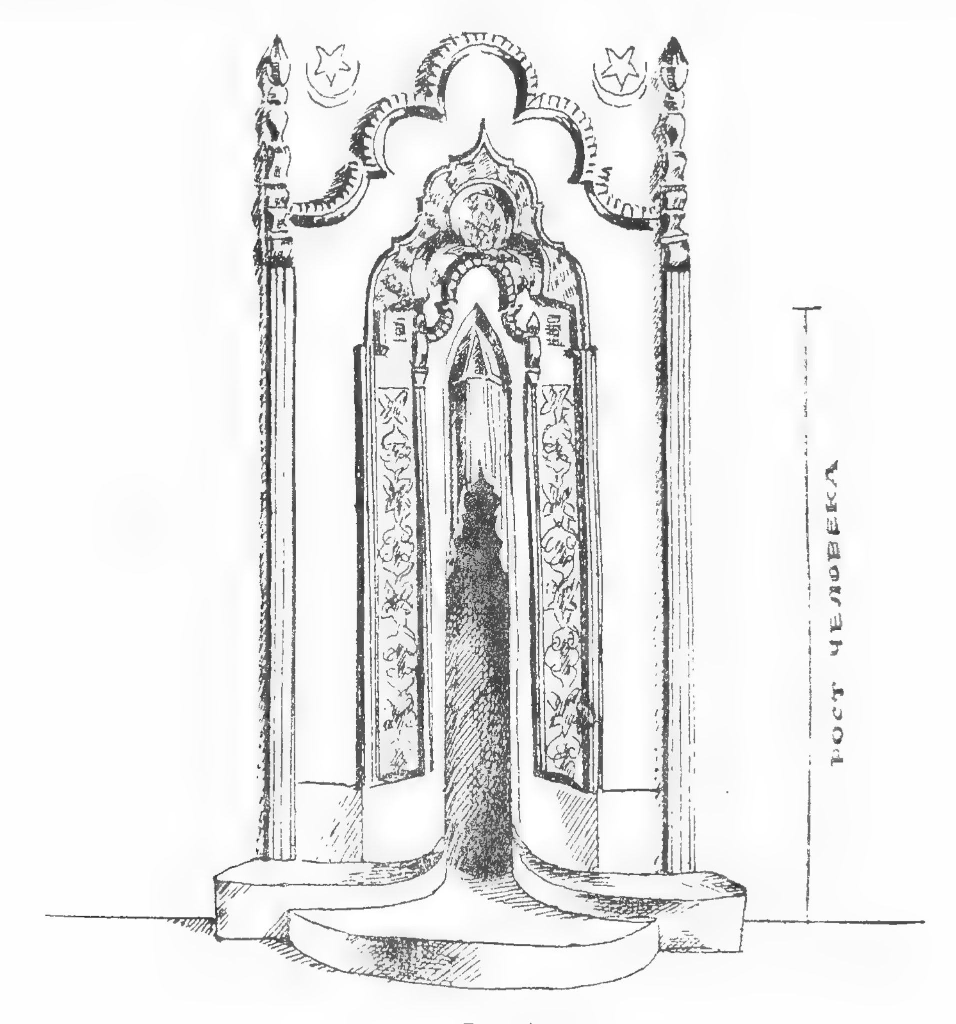


Рис. 4.

Пол топочного отверстия кирпичный оштукатуренный, полукругом выступающий в комнату.

Потолок комнат деревянный из досок, положенных на балки. Обычный лесной материал—ореховые или каштановые доски и балки.

Внутреннее убранство комнаты для гостей состоит из ковров, постланных по обе стороны от камина в углах. На ковры положены пышные мягкие тюфяки и к ним у стены прислонены толстые подушки так, что образуется нечто вроде кресла или небольшого турец-

кого дивана. Над нишами в стенах висят вышитые небольшие занавеси, обшитые по краям галунами и бахрамой. Иногда по одной из стен протянута полоса расшитая, цветными шерстяными нитками и обшитая галунами. Замечательно, что орнамент на вышивках очень напоминает те прямоугольные рисунки, которые так часты на черноглиняных сосудах, которые извлечены из доисторических могильников Ганджинского и Шамхорского районов.

В кухне, которая часто даже не оштукатурена, около камина, по обе стороны шкафики (стенные), полные медной посуды. Тут же из долбленного дерева, бочки, в которые ссыпаются орехи, зерно, рис для повседневного употребления. На полу стоят кувшины с водой, корыта для теста и пр. кухонный скарб.

К подробному описанию домашней утвари мы еще вернемся. Теперь хотелось бы отметить еще одну подробность каждой усадьбы: на канаве обязательно делается большой водоем, откуда берут воду. Водоем этот с проточной водой весь выложен камнем—плитняком или кирпичем.

Азиз Губайдуллин.

Пугачевщина и татары.

В XVIII веке татарский народ состоял из вполне сложившихся классов земельной аристократии (князей и мурз), мусульманского духовенства, служилых татар или мелких земельных собственников, владевших на вотчинном праве, торговых татар, крестьян ясачных и помещичьих, которых татары называли „Кул-Чура" или просто „Кул" (раб). Ко времени пугачевщины уже появился новый элемент, а именно заводчики и фабриканты. Поэтому с методологической точки зрения совершенно неправильно было бы поставить вопрос об участии татарского народа в общем и целом в том движении XVIII столетия, которое известно под названием „пугачевщина".

Раз у татар существовали вполне зрелые классы общества, то и их отношение к этому явлению должно было быть различным.

Нельзя требовать от мурз и князей, даже более или менее крупных служилых татар „чуровладельцев", чтобы они по каким-то национальным интересам могли участвовать на стороне восставших крестьян или боровшихся против колонизации башкир, участвовавших поголовно на стороне Пугачева.

Еще только за шесть лет до появления Пугачева мурзы Казанских Слобод в своем наказе Комиссии 1767 года хвалились тем, что их „предки" служили „великим государям-царям" в подавлении различных восстаний. Между прочим, они упоминают [об участии в борьбе Московского правительства и против „Гришки Расстриги", против бунтовщика Казанского уезда Арской дороги, татарина „Дуссаноли", в „усокращении башкирского замешания против бунтовщика башкирца Алдара", в 7175 при отогнании „воровской" партии Стеньки Разина, в усмирении башкирца-бунтовщика Сейта, в 1708 против бунтующих „воров"— башкирцев, когда восставшие русские и туземные крестьяне, грабя помещиков, поджигая монастыри, подошли к Казани на 30 верст, и город был спасен только благодаря отпору своих классовых врагов, казанских мурз и служилых татар [1]), за что они и получили „похвальный лист" [2]).

[1]) Материалы по этому эпизоду из классовой борьбы можно найти. в описании документов, хранящихся в Мос. Архиве Мин. Юст., кн. 5, отд. 2; у Витевского, „Неплюев и Оренб. Край" том I, стр. 13, у Н. А. Фирсова, „Инородцы бывш. Каз. царства". Особенно яркую картину дает татар. летопись (Покровский, „Отрывок из одной тат. летописи", Каз. 1905).

[2]) Сборник Рус. Ист. Общества, том 115. стр. 306. Башкирские бунты, по нашему мнению, являются также одной из страниц борьбы против крепостного права. Колонизационный вопрос был тесно связан с крепостным хозяйством.

Также не могло итти с народом и магометанское высшее духовенство в целом, во главе которого стоял тотчас же после пугачевщины сам крепостник Муфтий Мухамед-зян Хусаинов, о котором предание говорит, что он узаконил крепостное право, подводя дворовых девок—татарок Тевкелева под категорию рабов средне-векового мусульманского Востока. Также всецело не мог стать в ряды Пугачева татарский крупный торговый класс, который имел, главным образом, торговые связи с Средней Азией и Киргизией и потому не мог вести правильную торговлю при существовании „смуты“, при грабежах пугачевцами бухарских караванов, хотя сокрушение власти и мощи феодалов в основе могло принести им немалые выгоды. Здесь мы приведем перевод одного татарского документа, иллюстрирующего настроение крупного татарского торговца во время Пугачевщины. Татарский писател XIX века Насиров в одной из своих рукописей [1]) говорит, что ему рассказывал его друг купец-историк Мухамед-Зян Аитов следующее: „Отец рассказывал мне, что дед мой в то время был в Яике; распространился слух, что Пугачев отправился завоевать Казань; а дедушка Аит им сказал, что он (Пугачев) так скоро не возьмет Казань, ибо царь Иван Васильевич семь лет (?) осаждал ее и то с трудом взял. Эти слова были доведены до сведения атамана Яика, назначенного Пугачевым. Тогда по повелению атамана у дедушки связали руки и ноги сырым ремнем и бросили в степь. После этого друзья дедушки пошли к атаману и просили его, чтобы он простил и сказали, что Аит ничего худого не говорил про Пугачева. Атаман простил Аита. Затем Аит купил 50 шелковых платков для того, чтобы сделали из них знамена и отнесли их к атаману. Еще дед Аит рассказывал, что в то время (в Яике) воцарился такой беспорядок (نظامسیزلق), что несколько тысяч штук принадлежащих ему овчин употребили вместо досок для моста, чтобы переправить войско“ [2]).

Из этого отрывка явствует, что татарской крупной буржуазии не совсем нравилось это „беззаконие“, почему многие из ее среды и приняли сторону правительства.

Далее для ясности мы остановимся на вопросе о татарских классах несколько подробнее.

Начнем с высшего класса общества, а именно с мурз, князей, отчасти и служилых татар. Хотя этот слой благодаря сильному развитию торгового капитализма среди татар в XVII-XVIII ст. и отчасти вследствие запрещения иметь крепостных из православных, начиная с 1628 года, узаконенного уложением Алексея Михайловича, сильно ослабел; этому же особенно способствовали указы Петра I-го в 1713-15 г.г., еще сильнее подчеркнувшие это ограничение в правах мурз и служилых. Эти ограничивающие законы существовали до Екатерины

---

1) В 1926 году эти рукописи изданы с моей поясняющей статьей Ак. Центром Т. С. С. Р. под. ред. Али Рахим.

2) Рукопись Насирова (Рук. Биб. Готванда) в главн. библ. Каз. Унив. № 63.

II и не были отменены даже ею, несмотря на то, что она провозгласила „веротерпимость“ незадолго до пугачевщины. Таким образом, татарские крепостники были оставлены под угрозой совершенно потерять рабочие руки в случае, если они будут эксплоатировать своих „Кул-Чура“(*), как их братья по сословию, русские дворяне, ибо татарские крепостные под гнетом своих национальных поработителей могли переходить в православие и, таким образом, освободиться от своих „бояров“, как выражались тогда татары. Класс крупных землевладельцев еще был ослаблен тотчас же после падения Казани, когда земли у многих восставших или участвовавших на войне беков, мурз, карачеев, ханов, и их родичей были „отписаны“ на казну и розданы или русскому служилому люду, или же православному духовенству [1]).

Таким образом, этот класс утратил все свои латифундии около Казани и речных периферий. Несмотря на то, что князья и мурзы потеряли свою экономическую почву, однако, ко времени пугачевщины этот класс сохранился и имел твердое классовое сознание, которое рельефно выразилось в наказах и в „представлениях“ Екатерининской Законодательной комиссии 1767 года.

Когда разбирался вопрос о преимуществах и правах дворянства депутатом Аюпом Енекиевым была подана записка с подписями других представителей этого татарского класса. „В дополнение чего“, читаем мы в этом документе, „высокопочтенных господ депутатов собранию имею честь об‘яснить и притом просить, что оное мое об‘яснение милостиво было принято в закон. Предки наши были природные князья, мурзы и служилые татары и не ясачные крестьяне, которые в давних годах выехали самопроизвольно в Великославную Россию из Золотой Орды для предложения предкам Ея Императорского Величества верностной службы, которые всéх опыт показали с избранным успехом во время воен против неприятеля по разным городам столь разительно, а особливо, что оную продолжают без получения от предков Ея Императорского Величества жалованья содержа себя своим коштом, за что только щедро были награждены: князья и мурзы дипломами и жалованными грамотами и поместными землями, также служилые татары по выписям поместными землями с разными угодьями, о чем значат князьям и мурзам и служилым татарам право иметь по разному числу четвертей, а некоторые имеют изстари дворовых людей из татар, почему по крещению каковых князей и мурз предпочтены в Российском законе князьями, а некоторые дворянами. Того ради для нас не почитать с простыми и незаслуженными ясачными крестьянами и прочими не служилыми татарами. Для того покорно прошу, чтобы между нами учинить раздел, т. е. чтобы как князья, так и мурзы и служилые татары, всякое по своему званию имел о себе пре-

*) Так называли дворовых холопов татары в XVI и XVII веках.

[1]) См. Перетяткович „Поволжье в XV и XVI веках“.

имущество и чтобы мы от простых и неслужилых ясачных татар были отличны". [1]).

То же самое повторяли в своих „представлениях" другие депутаты татары по отдельности [2]).

Однако, в комиссии этот вопрос не был разрешен, и татары—мурзы не были уравнены в правах, хотя об этом говорилось и в каждом наказе от мурз и служилых татар. То же самое мы видим в челобитии мурз и служилых татар, поданном императрице за год до пугачевщины (1772 г.), в котором они просили „не мешать их служилого имени и не сравнить с государственными и прочими крестьянами" [3]).

Этот татарский помещичий класс в течение всего XVIII ст. сохранял в своих руках крепостных из татар. Например, мы знаем, что по сведениям 1718 года, когда на основании указа Петра I-го 1713 года православные крестьяне, находившиеся в руках татарских помещиков, отписались в казну, то в руках касимовских мурз всетаки осталось 3664 души мусульман [4]). По „Ведомости" 1781 г. в Казанском наместничестве в руках мурз и служилых татар было одних дворовых людей 555 душ [5]).

Затем мурзы слобод города Казани в своем наказе заявляют, что „прадеды и деды и отцы наши изстари, а по них мы нижайшее владение имеем по купчим движимым и недвижимым, також дворовыми людьми и крестьянами. А оные наши купленные и приданные за нашими женами крестьяне и дворовые люди из татар же". Тоже самое подтверждается и в наказе от служилых мурз и татар разных дорог Казанского уезда, Пензенского, Саранского и Слободского уездов [6]). Как это мы видели в выше приведенном отрывке, это крестьянство покупалось и продавалось, как рабы на мусульманском Востоке.

О продаже таких крепостных татар у нас имеется очень любопытный документ, который мы хотим привести в русском переводе: „1788 года января 8 дня я служилый человек Старой слободы Казанского уезда Арской дороги Юсуф сын Ден-Мухаметов продал доставшегося на мою долю раба (اوزومنيك حصه‌مه‌تيكان قوللومنى) Исмаилу, сыну Апанай-Хафиза за сто рублей, оные рабы живут в деревне Кушар Арского округа двором своим (يورت برله‌تورغوچى‌در) Указанные рабы 1-й Бикбау сын Сейдки, его жена Носиха, дочь его, один малолетний сын Бик-

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Об. том 43. См. об этом же у Флоринского, „Из ист. Екат. Закон. Ком. 1767 г." стр. 30.

[2]) См. Ташкин, „Инородческое население Поволжья, Приуралия и Сибири" часть I, стр. 105.

[3]) Семевский, „Крестьяне в царствование Екатерины II", т. I, стр. 588.

[4]) Клочков, „Население России в этоху Петра I-го" стр. 312, т. I.

[5]) Сб. мат. по ист. Казан. Края в 18 веке, изд. под ред. Д. А. Корсакова, И. З. В. при Каз. Университете, том 18, вып. 4-6, стр. 365.

[6]) Сб. Рус. Ист. том 115, стр. 312, 328, 333, 341.

чантай, сын другого раба Муртаза Мукминов и все земли и сенные покосы, которыми владеет Бикбау в деревне Кушаре должны с сего времени принадлежать Исмаил-Аге"[1]).

Классовая борьба внутри этого татарского крестьянского хозяйства шла довольно сильно. Поэтому казанские мурзы в своем наказе (§ 17) жалуются на своих крестьян в следующих словах: „А из оных наших дворовых людей и крестьян некоторые бывают не в послушании нас, а иногда бегают и будучи в том побеге чинят воровство". Поэтому мурзы просят, чтобы „того ради повелено было таковых приличившихся или без оного изобличения, только в одное случае подачи на них от нас, от владельцев их, доношениев отсылать их с казенной работы куды указом повелено, в счет за них же дворовых людей и крестьян рекрут".[2]). Иногда эта борьба чрезвычайно обострялась, от «побоев и воровства» переходила в вооруженное столкновение. Хотя по вопросу о борьбе мурз и их крепостных не собрано достаточного материала, однако, один из эпизодов этой вооруженной борьбы нам известен. Это восстание крепостных татар известного своей жестокостью и зверством карателя башкирских повстанцев, инициатора присоединения к России киргиз-кайсаков, Кутлук-Мухамета или Алексея Тевкелева, в 1744 году. В теперешнем Елабужском кантоне ТССР у него было большое поместье, пожалованнное правительством за его заслуги, с крепостными крестьянами из татар. Тевкелев, привыкший безответственно эксплоатировать население Башкирии, так же жестоко обращался со своими крепостными, и произвол его особенно был чувствителен для них.

Поэтому зависимые татары-крестьяне деревни Балтайской и Мордвинской, принадлежащие Тевкелеву, вступили в открытую вооруженную борьбу со своим барином. Некоторые из них, оставив свои жилища, поселились на реке Салоуше, в глухом лесу, откуда они делали нападения на прочие деревни Тевкелева и разоряли их, угрожая жизни и самого мурзы. По требованию последнего прислана была военная команда, которой крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Тогда против повстанцев из Казани был отправлен поручик Измайлов, состоящий у розыскных дел, и восстание было подавлено.[3]) Из этих отрывочных фактов видно, что в татарском обществе существовали, как во всей России, помещики и их рабы, и между ними шла беспощадная борьба.

Кроме крепостных и дворовых, в XVIII веке существовали свободные (یاساقلی تاتارلار) ясачные крестьяне, которые в каждую минуту могли быть превращены в крепостных по одному мановению императрицы и пожалованы тому или иному выслужившемуся мурзе.

[1]) 335. مستفادالاخبار، جلد ا،ص.

[2]) Сб. Рус. Ист. Об. том 115 стр. 312—313. Тоже самое мы находим в наказе от служ. мурз разн. дорог в § 31 стр. 318.

[3]) Витевский. „Неплюев и Оренбургский Край", том II. стр. 216—217.

Ясачные татары в XVIII веке были большинством и основным ядром татарского народа. Их экономическое положение было далеко не одинаково с положением русских государственных крестьян. В XVIII веке ясачные татары были разбросаны по всей России. Тяжелые подати повинности, рекрутские наборы, солдатские постои, религиозные притеснения заставили их бежать на разные окраины. В особенности они бежали в Башкирию и Сибирь. Если в XVII и XVIII веках Дон и Яик были убежищем для беглого русского крестьянства, то широкая Башкирия играла ту же роль для татарского крестьянства. Татары-выходцы из Алатырского и Симбирского уездов носили имя мещеряков [1]), а татары и отатарившиеся финны, переехавшие из Казанской губернии носили название „тептяри“ или просто татары.

Одной из важнейших причин бегства татар-крестьян в Башкирию было и малоземелье, поэтому ясачные татары в своих наказах жалуются, что „многие из нас ясачников, по малоземелью имеют крайнюю нужду и в ней недостаток.“ [2])

Кроме всего сказанного, ясачные татары Казанской губ. сильно страдали от закабаления заводчиками Оренбургского края, к чему их принуждали тяжелые поборы, подати и малоземелье при таком экстенсивном хозяйстве, которое существовало у всего российского крестьянства. Известно, что приказчики или агенты горных заводов ездили по татарским деревням, прельщая их хорошим жалованьем и условиями труда, нанимали их в качестве рабочих, отдав им вперед, на основе круговой поруки, задатки. „Поэтому,—пишут ясачные татары в одном наказе,—когда они бывают обзадачены наперед большими задатками, то из-за оных 20 руб. принуждены работать лет (10) десять и пятнадцать, да и оные едва ли совсем расчесться том может“. Хотя они там получали вознаграждение и „не малые“, но эти деньги все приходилось оставлять в руках заводов, „потому что харчь, платье и обувь принуждены те рабочие люди покупать у тех же хозяев за тройную и больше цену“.

Из этого видим, что это ясачное крестьянство принуждено было пролетаризироваться, отчасти из них и готовилась та армия заводских крестьян, которые готовили артиллерию для Пугачева и чеканили ему монеты.

Наконец, необходимо принять во внимание различные притеснения чиновников. Н. Н. Фирсов в своей книге „Народное движение в России“ приводит из архивных документов такой любопытный факт, что на комиссара майора Бутырева подано было „с двадцать челебитьев“, по которым мы узнаем, что он брал взятки с татар „деньгами, и овцами, и баранами; он облагал даже татар в свою пользу по 16 коп. с души и по овце с жительства в год“. Но комиссар даже и этим не ограничился и установил своеобразную барщину из татар, числившихся государственными крестьянами, заставляя работать

---

[1]) Оренбургская топография Рычкова, том I стр. 102.

[2]) Сб. Рус. Ист. Об. том 115 стр. 393.

их в свою партикулярную пользу в летнее время без всякой платы. [1])

Еще раньше до этого явления существовали систематические взятки, например в XVIII веке татары жаловались на губернского комиссара, что сверх подушных денег чиновники собирали с них в свою пользу от 3—5 коп. с души[2]). Если принять во внимание, что „инородческое население“ было обложено подушной податью с 1737 года вдвое, да, кроме того, собирали хлебом [3]), то будет ясно, как это было тяжело для этих крестьян; наконец, ралигиозный гнет и насильственная руссификация побуждали татарских крестьян бежать из своих мест.

Все эти неимоверно тяжелые условия заставляли татар-крестьян бежать в Башкирию. В результате этого Башкирия превратилась в колонию беглых крестьян-татар, почему и Башкирия со всем своим населением пристала к Пугачеву.

Еще во время Петра Великого замечалась убыль населения в Казанской провинции; например, известно, что по переписи 1717 года убыло 34.485 муж. душ. Правительство обратило на это серьезное внимание, ибо во время сбора подушной подати в 1725 году замечено было еще больше убыли, поэтому на запрос центра из Каз. пров. ответили следующее: „Оные убылые явились в ясачных татарах и подушных денег за них платить некому, а если спрашивать за такое многое число убылых на оставших, то остальные от тяжести побежать могут“ (ПСЗ № 4233). Это бегство каждый день все росло; благодаря этому в 1736 году известно стало, что в течение 20 лет число населения Башкирии выросло почти в два с половиною раза. [4])

В 1760 году в одной Уфимской провинции, число одних мещеряков достигло 15.530 м/д., в число которых не входят татары не мещеряки. [5])

В заключение необходимо сказать несколько слов о татарском духовенстве.

Известно, что это сословие еще в эпоху Казанского Ханства было группой вполне сложившейся и занимала самое высокое положение, почему ярлыки казанских ханов начинались с обращения к „великим сейдам“, ставя их на ряду с „эмирами“ и „высшими судьями“, о чем свидетельствует ярлык Сахиб-Гирея, найденный Вахитовым. Еще путешественник XVI столетия Герберштейн с удивлением пишет о высоком положении этих сеидов или высших духовных лиц, стоящих на самой высокой ступени иерархической лестницы духовных феодалов ханства [6]). Эти сеиды во время междуцарствий часто обладали вер-

---

[1]) Стр. 131—136.

[2]) Н. А. Фирсов, „Инородческое население“.

[3]) Ташкин, стр. 20.

[4]) И. А. Фирсов, „Инарод. население“ стр. 228.

[5]) Ден., Население России, по пятой ревизии.

[6]) См. Вельяминов-Зернов, „Исследов. о Касимовских царях и царевичах“ т. I, стр. 422.

ховной властью. Кроме того, они также обладали экономической мощью, имея крупные латифундии в стране, на что указывают названия деревень в ТССР „Сейтово“, „Кульсейтово“. Эти сеиды. утратив свои земли, не потеряли значения в стране и после падения, Казани, и выступили во главе повстанцев в 1553 и 1558 г., когда татарские феодалы боролись с московской властью за восстановление своей власти в ханстве. [1])

Духовные лица, стоящие ниже на иерархической лестнице, также играли немаловажную роль. В сношениях Казани с Москвой мы также встречаем подписи: „абызов“ и данешменов“. Некоторые муллы также владели деревнями, на что указывают названия татарских деревень „Мулла или“ (Муллино), что обозначает „деревня муллы“. Один из мулл быв. Свияжского уезда дер. Ширдан владел большими поместьями, усадьба которого имела двадцать ворот и, у которого находилось одних вооруженных дворовых (قول-چورا) сто человек. Из рукописи Насырова мы знаем, что у Абдразака влияние было настолько широко, что царь Михаил ему поручил взымать все подати с горной стороны быв. Каз. ханства [2]).

Репрессии на магометанство и на мулл, существовавшие до Екатерины II, еще более усилили значение этих мулл. Чтобы не долго останавливаться на этом вопросе, отметим только тот факт, что в 1743 году по указу 19—XI 1742 года в Казани и ее уезде из 536 мечетей было сломано 418, в Сибири из 133 мечетей было сломано 98, а около Астрахани из 40 было сломано 19 [3]).

В XVIII веке муллы фактически были господами положения в татарской деревне, и суд даже был в их руках, ибо вследствие незнания русского языка и законов все споры решались муллами.

Почему же народ так крепко держался за ислам и дал большую власть жрецам его? Весь секрет заключается в крепостном праве.

Дело в том, что начавшаяся после Петра Первого феодальная реакция в связи с развитием внешнего хлебного рынка и поднятием цен на русский хлеб заставила русское дворянство искать новых крепостных, новых латифундий. В Поволжье в этом отношении находился большой людской запас в лице ясачных крестьян-иноверцев. Однако, русское дворянство не было в состоянии провести это намерение в жизнь по чисто формальным причинам. Еще в уложении Алексея Михайловича была включена одна статья, по которой „татарам и другим инородцам не отдавать своих земель русским помещикам, не под каким предлогом“. Точно также запрещалось русским владеть крестьянами-иноверцами. Этот же закон был подтвержден указом от 21/X—1737 года, где даже запрещались купля и продажа земель между русскими и татарами-

---

[1]) Напр. Зенсейт играл довольно крупную роль. См. Ник. Лет. том VII, стр. 201.

[2]) Рукописи Готвальда № 62, Насыров, „Некоторые ученые Имамы Казани и др. мест“, стр. 27.

[3]) П. С. З. том XI № 8664, XII. № 8478, XIV № 10, 597.

мусульманами. Эти законы хотя и существовали, но фактически переход татарских земель (особенно у мелких служилых) продолжался путем различных обходов, особенно практиковался способ снабжения деньгами какого нибудь бедного татарина, который формально от своего имени покупал земли у своих татар, и потом русские помещики его крестили и брали купленные им земли себе, на что мы находим много жалоб в наказах различных групп татар в Ком. 1767 г. [1]).

Для того, чтобы крепостническое правительство России в XVIII веке могло этот земельный и людской запас пустить в оборот своего крепостного хозяйства, нужно было крестить этих татар, дав им сначала большие льготы, а когда пройдет срок льгот, то раздать их помещикам, хотя это формально и запрещалось законом [2]).

Свободное татарское крестьянство и мелкие служилые татары, чтобы не подпасть под иго этих помещиков, цеплялись за религию ислам, почему они, если сказать словами архимандрита Алексея в 1733 году, „в обычаях своих весьма замерзли, ко крещению по благоволению не приходят, разьве кои из них привлечет крайняя нужда" (а именно: освобождение от наказания за преступления, от рекрутчины и др.) [3]).

Религиозная нетерпимость правительств Петра, в особенности Анны и Елизаветы, заставили мусульманское духовенство стать в оппозицию к правительству. Это мы в особенности видим по участию татарского духовенства в башкирских бунтах, (напр. муллы Батарши, который был мещеряком). Однако, продолжающееся бегство татар в Башкирию и накопление там горючего материала, участие их в бунтах [4]), движение татар-крестьян в Казан. уезде в 1740 году, сильные волнения в самой Казани в пятидесятых годах в связи с изгнанием татар из Старой слободы в Новую, сознание необходимости воспользоваться мусульманским духовенством для связи с Азией и захвата Киргизии, все это заставляло правительство изменить свою строгую политику; к тому же и были причины чисто дипломатического характера, а именно борьба с Турцией [5]). Историк Щербатов, критикуя религиозную политику предществующих правительств, в своем „Статистическом рассуждении о России" писал, что „Российское правитель-

---

[1]) Сб. Рус. Об. том 115 стр. 322, 304, 339, 340. 401, 341, 332, 353. См. подробности у Богословского „Дворянские наказы" (Рус. Богатство, 1897, кн. VI).

[2]) Напр.. в 1797 году Казанская Губернская Канцелярия доносила следующее: „разных народов новокрещены от Новокрещенской Конторы раздаются разного чина людям, под видом якобы их восприемникам, и будто бы на некоторое время для обучения христианскому закону, а указы на оные дают владелые и др.". Е. Малов в своем исследовании „о Новокрещенской конторе" (Казань 1878 г.), открыто признается, „что факты прикрепления новокрещенных были не редки", стр. 23.

[3]) Можаровский. „Изложение хода миссионерного дела по просвещению Каз. инородцев" стр. 83.

[4]) См. Соловьев, Ист. Рос. том 24, гл. I, стр. 940.

[5]) Там же, том 21, гл. I, стр. 575.

ство употребляет такие способы и самые сие магометанцы тайно своим сообщением основанном на вере стараются всегда соединены быть, и даже до того дошли, просили позволения ездить в Мекку и Имамов своих в Турции постановлять". Однако, эти причины, хотя принудили правительство Елизаветы и Екатерины несколько изменить эту политику, но полной свободы вероисповедания не было дано вплоть до 1773 года, до первых выстрелов Пугачевщины.

29 мая 1773 года через ген. прокурора Вяземского об'явлено было, что „как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил сходствуя Его Святой Воле в сем поступить изволит, желая только чтобы между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали" [1]).

Несмотря на то, что вплоть до пугачевщины религия мусульманская была в ужасном гонении, класс высшего мусульманского духовенства не только не принимал участия на стороне Пугачева, но он активно боролся с ним. Дело в том, что самые влиятельные муллы сами происходили из класса мурз и имели крупные земельные владения. Например,известно, что бывший депутат Комиссии, мулла Муслюмов был правнуком мурзы Чупагола, сына Давушамурзы, откуда произошли две русские дворянские фамилии, князья Дашкины и Дашковы. Также известно, что знаменитый мулла Сулейман происходил от Ханмурзы. Кроме того, многие муллы употреблялись русским правительством в качестве послов или шпионов в различные мусульманские страны. Например, выше сказанный Муслюмов ездил в Киргизию в качестве правительственного агента, за что получил медали и пожалованные земли. Целый ряд Каргалинских мулл был отправлен в 1751 году по поручению „Падишаха" в Бухару, Индию, о которых говорится в „Путешествиях Измаила" на татарском языке. Мухамедзян Хусаинов, до назначения его первым муфтием, также ездил в Среднюю Азию и агитировал в пользу России, за что получил различные медали, чины, и поместья, о которых татарский историк Марджани восклицает: „эти пожалования, наверное, достались ему не даром" [2]). Так как высшее духовенство само было в татарском обществе привиллегированным сословием, то о нем приходится говорить вместе с мурзами и выделить от простого духовенства, положение которого было приниженным.

II.

Далее мы перейдем к выяснению степени участия в пугачевщине каждого из татарских классов в отдельности.

Само правительство очень хорошо сознавало, что татарский не трудовой элемент не может быть всецело с Пугачевым. Поэтому ген. Бибиков во время разгара восстания пугачевцев в Башкирии отправил „восемь надежных татар", со внушением, „чтобы они (т. е. вос-

---

[1]) П. С. З. т. XIX № 13, 996.

[2]) مرجانی، مستفادالا خبار، جلد، صحیفه ٦٨٩

ставшие), пришед в раскаяние, обратились и употребили себя при войсках правительства на истребление сего злодея", снабдив их переводом об'явления Бибикова на татарский язык [1]).

Не может быть сомнения в том, что под словом „надежных татар" подразумеваются мурзы, служилые, торговые татары и муллы находящиеся в Казани. О них Бибиков писал Екатерине, что они „еще вообще в верности своей Вашему Императорскому Величеству не поколебались".

Известно, что некоторые из мулл высшего ранга не только „не колебались", но и были добровольными агитаторами правительства. Например, тот же Муслюмов, по словам татарского историка Риза Фахруддинова, „проповедывал среди башкир и вообще среди мусульман действовать против Пугачева и вел открытую борьбу против него".

Татарский Ахунд Абдунасыр Абдусалямов за „верность и усердие к службе" в это время получил право торговать во всех областях империи [2]).

Однако, один сельский простой мулла из дер. Саба, быв. Мамадышского уезда, по имени Селим, сын простого крестьянина Абдрахима, действовал на стороне пугачевцев; когда последние около Казани были разбиты, то мулла убежал в Киргизию, откуда он перебрался в Бухару. Но мулла Селим был совершенно другой тип: во-первых, он был крестьянского происхождения; во-вторых он был не ахунд, а простой деревенский мулла; в-третьих, он даже не фанатик, ибо он, по словам Марджани, „не воздерживался от пробы опьяняющего питья", в то же время Селим—человек общественный, ибо он будучи в бегах, в Бухаре защищает татарских купцов в феодальном бухарском суде. Такое же явление мы наблюдаем у мулл казан. татар. Из протокола заседания военной коллегии от 1773 г. (14—II) мы знаем, что Абдряшид—мулла был „в мятежеской шайке казаков" [3]). Некоторые же из рядовых мулл даже командовали отдельными отрядами пугачевцев. К таковым относится, например, мулла Адигуш Тюмелев, который издавал указы, предостерегавшие повстанцев от анархии и грабежа сельского населения. (См. статью о пугачевщине, М. Н. Покровского, в „Правде" за 1925 год, № 21, стр. 3). Кроме того, в недавно найденных материалах по истории пугачевщины мы находим об'явление благодарности со стороны Пугачева „за ревностную службу" одному мулле (там же). Нет сомнения, что в числе причин этой „ревностной службы" со стороны мулл не малую роль играли те обращения Пугачева, в которых он „жаловал мусульман верою и законом"; и если бы на самом деле эти обещания были осуществлены, при благоприятном исходе движения, они

---

[1]) Грот., Мат. для Ист. Пуг. бунта (Зап. Им. Акад. Наук том I, стр. 51).

[2]) Пол. Соб. Зак. № 14540.

[3]) Железнов, Подлинные бумаги о бунте Пугачева (Чт. в Мос. Общ. Ист. и древ. Рос. 1880 г., кн. 2, стр. 48).

сильно помогли бы развитию экономического положения этого сословия.

Но, с другой стороны, не следует упускать из виду, что простые деревенские муллы с экономической стороны ничем не отличались от простых ясачных татар. По этой причине такие муллы были так же угнетаемы своими мурзами, как и простые крестьяне. Вот почему один из таких мулл, по имени Аббас, написал письмо на имя Пугачева с жалобой на мурз дер. Буклаучи (в сов. Арском кантоне) и сына его Мустая „в причинении ему обид и в ежегодных самовольных поборах в размере 1 р. 50 коп.“[1]). Вот почему недавно изданный Пугачевский Архив сохранил нам целый ряд имен таких мулл-пугачевцев служивших в „Русско-азиатской армии“. Например, к таковым относятся: „походный командир“ Пугачева мулла Абдулов Абдей, „главный командир“ его Арасланов Кинзя, „депутат“ Бакий-мулла, Бигашев Адель, служивший „войсковым предводителем и переводчиком главным атаманом“, работавший в этом народном движении весьма серьезно и сознательно[2]).Эти муллы, будучи единственно грамотной частью татаро-башкирскаго общества, большей частью служили переводчиками или „писарями“. Например, тот же мулла Бигашев служил переводчиком, среди них же был „отставной писарь мулла Хабей Шарипов“,[3]) мулла Махмут Муртазин также соглашался послать своего сына в пугачевскую армию в качестве писаря[4]).

Переходя к вопросу об отношении к пугачевщине класса мурз и богатых служилых татар, мы должны отметить, что они всецело участвуют на стороне правительства. Как и в предыдущие годы XVIII столетия, правительство Екатерины II воспользовалось мурзами по двум направлениям: во-первых, использовало их в качестве агитаторов, во-вторых, ставило их во главе карательных отрядов против пугачевцев.

Сын Алексея или Кутлуг-Мухамеда, секунд-майор Тевкелев был отправлен казанским губернатором к татарам и башкирам, „чтобы он трудился поощрять их к надлежащему исполнению верноподданической должности обнадеживанием Всевысочайшего Ея Императорского Величества благоволения“. Главнокомандующий войсками, действующих против повстанцев, ген. Кар, в своем рапорте Военной Коллегии, в ноябре 1773 года, говорит о нем: „в чем надеюсь, что секунд-майор Тевкелев, подражая покойному отцу своему, не оставит опытом своей верности во всем том успеть“. Каков был результат пропаганды этого мурзы, мы не знаем, но известно, что майор Тевкелев бился еще под командой Фреймана и участвовал в рискованных моментах. Например, когда в сражении при Бакалах казаки Фреймана перешли на сторону пугачевцев, то против них был отправлен Тевкелев с 500 башкирами.

[1]) Центроархив. Пугачевщина, том I, Госиздат, 1926, стр. 253.
[2]) Там же стр. 99—100.
[3]) Там же 96.
[4]) Там же стр. 253.

Но в деревне Ахбашевой и Крым Сароз на последнего напали взбунтовавшиеся башкиры и тотчас же увлекли с собой отряд Тевкелева, а самого мурзу взяли в плен[1]. Кроме последнего мурзы, известен еще один татарин, капитан Башарин, который также попал в плен во время осады Пугачевым Илецкой крепости, но был отпущен, благодаря заступничеству своих солдат[2]).

В документах сохранилось еще несколько имен мурз действовавших против Пугачева, которые отличили себя своею верностью, усердием к службе, будучи с похвалою употребляемы при защите городов и в других сражениях со „злодеями". К таким относится Касимовский мурза Ибрагим Чанышев, который в награду получил право торговать во всех городах империи[3]). За это „усердие и верность" татарские мурзы не замедлили получить после подавления бунта давно желанную мзду.

В 1783 году императрица в своем указе, данном фельдмаршалу Потемкину, приказала татарским мурзам и „чиновным людям", если они поступят на военную службу, дать им обер-офицерские чины. Через четыре года после этого мурзы окончательно были уравнены в правах с русским дворянством[4]) и богатые служилые татары, стоящие несколько ниже князей и мурз в сословной иерархии, также не отставали от своих старших братьев. Когда мы говорим о служилых татарах, необходимо принять во внимание, что служилые татары уже ко времени пугачевщины не представляли из себя одного класса, хотя все принадлежали к одному и тому же сословию, с определенными правами и обязанностями. Среди них были так называемые „служилые и торговые татары" и средние и мелкие землевладельцы, владеющие землей на основах вотчинного права; но и среди них были такие, которые работали на татарских заводах, на которых я подробно остановился в другом сочинении на татарском языке[5]). Словом, уже в эпоху Пугачева сословие служилых татар успело само разложиться, большинство из них были те, которые жили „рукоделием своим".

Поэтому депутат от русских и татарских купцов Коченев о них на заседании Екатерининской Комиссии в 1767 году заметил, что „служилые и ясачные татары суть те же крестьяне". Поэтому на стороне правительства из этого сословия участвовали те, которые были людьми торговыми, или „чиновными", или же промышленниками. Активным борцом против пугачевщины был отец первого европейски образованного писателя из татар, Ибрагима, Сагит Хальфин, депутат от

---

1) Анучин. Действия Бибикова (Рус. Вестник, за 1872 г., том 99, стр. 474—5).

2) Дубровин, Пугачев и его сообщники том 2 стр. 193.

3) Полное собрание Зак., № 145--40.

4) Там же, № 25936. Тот же мурза в 1774 году действовал против повстанцев с 800 вооруженных татар и вотяков. (Центроархив. Пугачевщина. том I. стр. 242). Недалеко от последних мест у Тевкелевых были поместья.

5) История татарских классов в 18 веке.

казанских мурз и служилых татар в Комиссии 1767 года, переводчик Адмиралтейской конторы, впоследствии получивший чин бригадира. Хальфин во время осады Казани пугачевцами скрывался вместе с чиновниками, дворянами и православным высшим духовенством в Кремле, а после подавления бунта был ответственным переводчиком в следственной комиссии, которая была организована под руководством Панина[1]). По примеру прежних лет правительство пользовалось силой служилых татар с первых же дней восстания. Например, генерал Кар в своем донесении императрице 31 октября 1773 года пишет следующее: „я вчерашний день прискакал, и по учиненному госп. Казан. губернатором распоряжению нашел в сборе военных сил действительно уже следующих по новой Московской к Оренбурге дороги армейских по 600, а гарнизонных по 800, конных вооруженных служилых татар“[2]). Кроме того, известно, что эти служилые татары участвовали во время атаки отряда Хлопуши около деревни Юзнева в Башкирии. Однако, эти служилые татары в своей массе были не совсем надежными воинами, ибо они состояли из людей различного экономического состояния. Поэтому мы имеем случай перехода некоторой части их на сторону пугачевцев. Ген. Кар в том же донесении говорит, что когда началось сражение с отрядом Хлопуши „осемнадцать человек татар без малейшего сопротивления предались, по поводу которого кричали о таковой же сдачи с разными обещаниями“ [3]) Еще один факт указывает на то, что между пугачевцами татарами-мещеряками и служилыми татарами не было не только вражды, но существовали некоторые даже дружественные сношения, которые отчасти свидетельствуют о том, что последние участвовали поневоле. Писатель Насыров в одной из своих рукописей на татарском языке со слов Аитова передает следующее: „За год до прихода Пугачева в Казань из нашей Казани некоторое количество людей было отправлено на войну; между ними был некий мулла Юсуф, который был человеком весьма воинственным. В Бугульме муллу Юсуфа встретил один пугачевский полковник мещеряк Аит и спрашивал, знает ли он в слободе (в Казани) его друга Аита; Юсуф сказал: „знаю“, тогда (полковник) ему отдал большую шапку для передачи Аиту, сказав что эту шапку он только что получил, застрелив одного русского полковника“. „Я не знаю, замечает Насыров, каким образом могли, встречаться люди двух противоположных сторон?“ [4]).

Все же документы сохранили нам довольно большое количество имен служилых татар, по преимуществу занимающихся торговлей и

[1]) Владимиров. „Исторические записки о 3 Казан. гимназии“, стр. 47.

[2]) Грот., Матер. для истории Пуг. бунта (Зап. Ист. Ак. Наук том I стр. 21). В Пугачевском Архиве встречаются бумаги, переведенные этим лицом.

[3]) Тоже стр. 26.

[4]) Рукопись Биб. Готвальда № 63. Возможно. что это был Аитов Абдул Карим мещеряк. активный пугачевец, „есаул“. См. Центроархив. Пугачевщина. том I, стр 65. 246.

промышленностью, которые усердно служили крепостническому правительству Екатерины. В указе императрицы 1773 г. о вознаграждении сторонников правительства из башкир и татар, перечисляются имена следующих лиц с указанием их просьбы о предоставлении им преимуществ за заслуги:

1) Казан. уезда, дер. Уразлей, служилый татарин Алей Ибраев просит разрешить ему свободную торговлю.

2) О том же самом просят служ. татары Батырь Адельяшин Каз. уезда, дер. Кушар, служ. тат. Баязид Усманов; Каз. уезда служ. тат. Усман Смаилов с братьями и Абдрешит Ибраев.

3) Каз. служ. татарин Утяган Уразметев просит „о позволении ему с тремя сыновьями производить в Казани купеческий торг".

4) Свияжского уезда деревни Шардин Эмар Ишмаев просит разрешения переселиться в Оренбург.

5) Каз. уезда Арского округа служ. татарин Адиль Измаилов просит переселиться в Уфу.

6) Наконец, интереснее всего: Каз. служилый татарин и „фабрикант" Ибрай Юсупов просит „о дозволении, как ему, так и братьям его Смойлу и Мухемету и патомкам его иметь по всей России торг и промыслы, также, чтобы беспрепятственно употреблять в разные продажи товар с его фабрики".

Правительство всем этим своим сообщникам дарует все просимое ими, кроме того, вознаграждает некоторых из них медалями, а некоторых саблями.

Между прочим, ‚именным указом от 18 мая 1775 года Казанского уезда Алацкой дороги служилому татарину-фабриканту Ибрею Юсупову, в вознаграждение приличных трудов и усердия во время в Башкирии смятении позволено с двумя родными братьями торговать во всем государстве без отправления по купечеству служб". Относительно упомянутого Абдрешита Ибраева мы еще имеем документ с сургучной печатью Сената и за подписью секретаря, который был доставлен мне во время практических занятий учеником Татрабфака Казаковым. Из этого документа мы узнаем, что упомянутый служ. татарин был „из деревни Береске Каз. уезда и дороги". В нем мы, между прочим, читаем следующее:

„Помянутый Ибраев служил в Оренбурге, в чем свидетельство имеет от губернатора, что он Ибраев, чрез все время осады поступил усердно и храбро, потом во время, когда злодей был у Казани, о чем свидетельствует бывший в тамошнем крае ген.-майор Потемкин, за что и удостоили серебряною медалью, вследствие вышеуказанного именного Его Имп. Вел. повеления от Прав. Сената ему Ибраеву и пожаловали серебряную медаль, которую носить ему по примеру других на шее на голубой ленте" . . . . [1]).

[1]) Этот документ перед от'ездом в Баку я подарил Академ. Центру Нарком проса Т. С. С. Р.

Из вышеизложенного мы видим, что представители части служилого татарского сословия, которые были воинами по обязанности, а торговцами и промышленниками по занятию, были на стороне правительства.

Когда речь идет о служилых татарах, необходимо остановиться на так называемых служилых мещеряках. Как было сказано выше, мещеряками в Башкирии назывались татары, выселившиеся из других областей империи. Среди них преобладали именно люди из того племени, которое татары называют „Мишер“ и, которые отличаются своеобразным говором. Мещеряками правительства Елизаветы и Анны пользовались во время башкирских бунтов, натравливая их на башкир и обратно. Сначала они были в зависимости от башкир, платили им оброки за занятые ими земли, но потом были освобождены от них. Мещеряки, подобно башкирам, не несли рекрутской повинности, а включались в иррегулярные войска и несли службу отдельными конными отрядами, почему они и назывались служилыми. Управлялись мещеряки своими старшинами, которые выбирались или назначались из родовитых, богатых людей. Ко времени пугачевщины у мещеряков уже существовало классовое расслоение, были рядовые простые мещеряки, которые вели трудовую жизнь, но у них были богатые муллы, подобно известному Батырше, и были депутаты в Екатерининскую Комиссию, вроде Абдулл Желиля Максютова, который причислял себя к благородным, защищал свой класс и говорил, что „благородные не подвержены никакому телесному наказанию, кое извергает их из звания благородных“ [1]. Кроме того, были среди мещеряков „князья мечети“ и земли, как вышеупомянутый Абдулла Мурза Муслюмов, основавший первую деревню в степи между Верхнеуральском и Троицком, названную по его прозванию „Ахундовой деревней“, ибо он был „ахундом“; до основания магометанского духовного собрания фактически он исполнял должность муфтия [2]. Между прочим, последний, как было сказано, вел пропаганду против Пугачева и открыто боролся против него. Но не один этот мурза и мулла из мещеряков боролся против Пугачева,—были и другие борцы за свой класс. Напр., тот же указ (П. С. З., том XX, № 14.540, стр. 455), о котором было сказано выше, сохранил два мещеряцких имени, а именно старшину Салтимурата и Бехтиара Янышева, которым было позволено „производить в России торговые промыслы, иметь заводы“ за то, что они отличались в борьбе против врагов правительства.

Хотя и некоторые неродовитые и обыкновенные служилые мещеряки служили в правительственных отрядах, даже 150 улан и большой отряд, состоявший из мещеряков, участвовали при пленении самого Пугачева [3], однако, правительство мало доверяло им, и они считались малонадежным элементом. Поэтому генерал Кар в своем

---

1) Сб. Рус. ист. общ., том 32. стр. 217—218.

2) رضا والدين فخرالدينوف «آثار».

3) Грот., Зап. ист. Ак. Наук, том 25, стр. 41.

рапорте военной коллегии из деревни Кутлуметева от 15 ноября 1773 года писал следующее: „Из сего государственная военная коллегия усмотреть соизволит, что как я представлял о ненадежности сих народов, так и пошло открываться, ибо 1000 человек конных, не видя себе никакого притеснения, поддались в открытой степи без всякого сопротивления... Почему я теперь собирающиеся ко мне достойные мещеряцкие и башкирские команды и принужден иметь за собой, а сам с пехотою их прикрываю". В самом деле, кроме этих случаев бегства, татар-мещеряков, Пугачев имел близкого сообщника из мещеряков; это был сотник из мещеряков Уфимского уезда деревни Бузовязовой Усаев.

Канзафар Усаев или Усейнов был 37-летним мужчиной, когда он выступил на стороне Пугачева. Он был человеком умным и рассудительным, так что даже следственная комиссия дала ему характеристику: „не глуп, но легкомыслен" [1]) Канзафар был не простым искателем приключений, а человеком грамотным, как на татарском, так и на русском языках, и вступил в ряды Пугачева после серьезной проверки личности вождя. Несмотря на то, что Канзафар не был известен в народе как мулла, но все же население называло его муллой, вероятно, потому, что он был человеком грамотным и для своего времени интеллигентным. Из материалов архива Пугачева мы видим, что одно челобитие было написано на имя „главного полковника муллы Канзафара Усаева всещедрого и милосердного благодетеля всех подчиненных членов" (Центроархив, Пугачевщина, том I, стр. 232).

Подобно башкирскому герою Салавату Юлаеву, с которым он и работал вместе, он был активным борцом [2]). Сначала он служил в отряде старшины башкирского войска, князя Асланова, участвовал в походе Пугачева под Оренбургом, и, за храбрость во время борьбы с высланными из крепости войсками, пожалован был ему чин походного полковника. Затем он был послан Пугачевым в Уфимский уезд для агитации, где ему удалось собрать 80 человек казаков, с которыми он самостоятельно выступал.

Перед отправлением Канзафара на это ответственное дело Пугачев издал специальный указ, в котором говорилось следующее: „Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Государственной Военной Коллегии верноподданному рабу и сыну отечества Уфимского Уезда Ногайской дороги деревни Узовьязовой, главному полковнику Канзафару Усаеву. По прежде усмотренной в Вас к службе Его Величества усердной ревности и прилежности повелевается в ниже писанном обстоятельстве. Во первых, получа тебе сей указ и приложенной при сей для об'явления во всенародное известие имянной манифест несклонившемуся народу во всех жительствах, в которых ты склонение иметь идешь с таковым и притом об'яснением,

[1]) Грот том 1, стр. 74.

[2]) В документах Пугачевского Архива его имя часто упоминается вместе с именем Юлаева.

дабы они под скипетер Его Императорского Величества склонялись добропорядочно, которые по получении Всероссийского престола от всяких прежде находившихся (от бояр и заввисцев несытого богатства) податей и великих тягостей освобождены будут, и дана быть имеют всякому свободная вольность из приклонившегося народу набирать всячески стараясь достаточное число войска. И по набирании, употребляя все свои силы противозлодейских напастей, иметь защиту и оборону, а верноподданных рабов не докаких обид и притеснениев не допущать, злодеев же в том до удач и учинения злодействия намерения отвращать, а единственно стараться ко искоренению онных.

„В случае же сего жалованного Вам рангу наивященные свои заслуги оказывать да и по усмотрению Вашему из находящихся команды свои имеешь жаловать от себя в сотники и есаулы достойных вероятию людей, в прочем поступать тебе во всем как верному доброму рабу принадлежит, за что по усмотрению Вас заслуги манаршию от его императорского Величества милостию награжденных удете на против же того и самим Вам верноподанным никаких напрасно обид не ченить под опасением от государя жестокого гнева: во верность чего за подписанием государственной военной коллегии присутствующих и за приложением печати сей указ дан Июня дня 1774 года. Иван Творогов.

Секретарь Алексей Дубровский

Повытчик Герасим Степанов“ [1]).

Известно что Усаев в одном месте взял 25 человек пленных и 200 рублей денег и повесил капитана одной крепости, но этот поступок едва не стоил ему жизни. За это дело Канзафар был арестован полководцем Пугачева, но случайно избег казни и опять стал участвовать на стороне Пугачева под Уфой, где он попал вторично в плен Михельсону. Канзафар был освобожден последним по просьбе одного мещеряцкого старшины, бывшего в команде Михельсона. По дороге на свою родину Канзафар встретился с одним пугачевским агитатором и пошел с ним к вождю; после долгих поисков он нашел Пугачева и пристал к нему. Перед походом на Казань Пугачев с большими полномочиями отправил его в Уфимский уезд для агитации и набора войск, где ему удалось набрать 400 человек [2]). Но этот неутомимый борец, по словам официального документа, был „куплен за сто рублей, через старшину башкирского Кидряси, ибо имя его весьма славно было между бунтующими башкирами“. Канзафар был казнен в Уфе [3]). Мы видим отношение к пугачевщине татарской служилой крупной буржуазии и простых служилых татар. Теперь мы переходим к уяснению вопроса об участии городской мелкой буржуазии.

---

[1]) Красн. Архив том 8 за 1925 г. „Указы Пугачева и его Коллегии“ Голуцев.

[2]) Главные пособники Пугачева, сост. И. П. (Русская Старина, том 16 за 1876 г., стр. 502—505).

[3]) Грот, 1, 12. Из письма мещерского главного старшины Аблая Смайлова (август 1774 г.), действовавшего в союзе с правительственными войсками, узнаем:

Положение казанской городской буржуазии до прихода Пугачева было довольно стеснительное. Закон о дозволении вести торговлю только купцам исполнялся чрезвычайно усердно. Известно, что на этой почве в 1762 году было закрыто около 29 лавок у татарской мелкой буржуазии, где велась торговля специально татарскими товарами и мелкими монетами, которые шли на украшение татар и других туземцев края. Кроме того, запечатаны были лавочки татарских ямских людей. Даже запрещено было татарам вести торговлю старыми вещами и готовыми с'естными продуктами [1]).

Потом этот вопрос поднялся даже на заседаниях комиссии 1767 года. К этому экономическому удару по буржуазии ко времени пугачевщины еще существовали обиды, чисто религиозного характера, которые для мелкой буржуазии имели громадное значение; поэтому казанские мурзы от имени всего населения жалуются в своем наказе в следующих выражениях: „Мы нижайшие уповаем, что нет противнее человеку, какого он закона и звания не был, перетерпеть от посторонних поношения и ругания его закона, и через то происхождение входит в большой азарт, паче прочих не потребных и ругательных речей; а часто бывает, разных чинов люди крайние употребляют их о законе и о пророке нашем, такоже во время богомолия нашего ругательные слова, и тем причиняют им крайнюю обиду“ [2]). Кроме того, еще не забыто было то жестокое отношение правительства, которое мотивировалось религиозными принципами и которое ударяло по экономическому благосостоянию казанского населения. Возьмем один яркий пример таких жестокостей. После большого обычного пожара в казанской татарской слободе известный церковный диктатор Лука Конашевич решил воспользоваться этим случаем, чтобы изгнать татар из Татарской старой слободы и в 1749 году написал донос в Синод, где говорилось, между прочим, что „оных татар, яко христо-ненавистных недоброходов, для происходимых от них христианскому благочестию соблазнов, от общежительства с православными христианами удалить и на том месте, где оные прежде жили, строиться им не попускать (разве кто из них пожелал восприять святую православную христианскую веру и святое крещение)“ [3]). Даже сам пожар был представлен Конашевичем, как „огненное знамение божие“ за то, что правительство терпело „нечестивых“ татар. Доклад этот был принят на об'единенном собра-

---

„Вор“ Канзафа пойман „старанием“ старшины Кудряча (Кидряса) Муллакакева. Спасшиеся от поимки товарищи Канзафара разглашали затем по дороге, что они отомстят, приедут сюда скоро с командой в 2.000 чел., которую возьмут у своего „командира Селяусина“ (сына „вора Кинзи Арасланова“). Аблай Смайлов заключает и письмо по начальству выражением своей тревоги ввиду этих угроз (Пугачевщина, Центроархив, том 1, стр. 232).

[1]) Щебамский, Пугачевщина (Вестник Европы, за 1866 г., том 1, стр. 313).

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ., том 115, стр. 311. Эта мысль повторяется во всех наказах татаро-башкир.

[3]) Описание документов и дел, находящихся в архиве Св. Синода № 272.—131.

нии Синода и Сената, и татар стали переселять на болотистое место, откуда произошла Новая Татарская Слобода, что стоило очень дорого мелкой буржуазии: во-первых, они отдалились от базара; во-вторых, потеряли ту землю, которою они владели как усадебной. На этой почве мы видим, что происходили даже частые столкновения с властями [1]).

Вышеупомянутые причины не позволили татарской мелкой буржуазии активно выступить против Пугачева. Кроме того, самое уничтожение крепостного права не шло в разрез с интересами этого класса: ибо уничтожение сословных рамок, освобождение огромного количества крестьян, переход всей помещичей земли к последним, все это уничтожило бы те преграды, которые задерживали развитие татарской торговли и ремесла; помимо того, в случае успеха пугачевщины, поднялась бы покупательная способность крестьян.

Сами пугачевцы также не отстранялись от купечества вообще и от татарских торговцев в частности. Рычков в своих записках сохранил один весьма любопытный эпизод, на котором мы здесь думаем кратко остановиться:

„27 числа (т. е. января 1774 года), говорит Рычков, по резолюции ген.-губернатора выпущены за город Байрекинский торговый татарин Аит Усеев (провиантский и соляной подрядчик) с сыном его Абсолямом и с семейством, да и бывший переводчик Мансур и еще разные татары, всех до 40 человек, по их прошениям, чтобы как нибудь им пробраться в их жительства через Бердскую Слободу (где тогда находился Пугачев). Они под оной слободой встречены были злодеями... кои, окружив их, спустились с ними с той слободы. 12 из оных злодеев, поехав ближе к городу, кричали, чтоб выслать к ним из города торговых людей больше: они де нам надобны“ [2]).

Однако, это татарское третье сословие не выступило ни за, ни против Пугачева, оно действовало с таким расчетом, который полезен для него в данный момент, и старалось держаться пассивно. Для иллюстрации мы попробуем разобрать отношение городского населения в двух татарских центрах: в Каргалах (или в Сейтовской слободе торговых татар) и в Казанских татарских слободах.

Как указывает само название Сейтовской слободы, она была населена со дня ее возникновения торговыми татарами, переселившимися, главным образом, из Казанской губернии. Двадцать лет спустя после пугачевщины одних купцов и мещан из татар было там 1988 душ, а крестьян 686 душ [3]).

В полдень 1-го октября 1773 года Пугачев со своим отрядом приехал в Сейтовскую слободу, где жители давно приготовились к встрече его: по площади растилали ковры и поставили парадный стол; как только Пугачев под‘ехал и стал слезать с лошади, двое татар, под-

[1]) См. Рукопись Насырова, Рук. Биб. Гор. Каз. Унив. № 635 иб.

[2]) Пушкин. Соб. Соч. Акад. Изд. том II, стр. 397—398.

[3]) Ден. Население России по 5-й ревизии, II, 313.

хватили его под руки, а все остальные сняв шапки пали на землю и лежали до тех пор, пока Пугачев не сел на приставленный ему стул. Здесь же по поручению Пугачева был составлен манифест на татарском языке [1]). Эти царские почести были оказаны Пугачеву и его сообщникам, пока они были сильны. Но когда они ослабели, то купеческая слобода не замедлила изменить ему. Когда Пугачев отступил от Оренбурга, а его главный сообщник Хлопуша заехал захватить с собою жену и сына, которые остались в слободе, то сейтовцы схватили его и посадили под крепким караулом в погреб и послали уведомление Оренбургскому губернатору (он был казнен в Оренбурге) [2]).

Особенно ярко описывает это событие Рычков: „24 числа (24-I—1774 года) был привезен из Каргальской Слободы об‘явленный злодей Хлопуша, и с ним сообщников из яицких казаков пять человек, да Каргалинский татарин (бывший) в упомянутой слободе от злодея Пугачева главным учредителем; тут же приехали оттуда несколько от тамошних лучших татар, что бы тем доказать свои верность и усердие“ [3]). Однако, Сейтовская слобода была отомщена за эту измену. Пугачевцы „с хуторов Епанечкины вернулись в Каргалинскую слободу и начали по всем улицам раз‘езжать, и из лучших тамошних богатых татар закололи копьями четырех человек и других ранили... причинили там многим смертоубийства, а многих увели с собой... и разграбили лучших людей“ [4]).

Перед началом осады Оренбурга в самой слободе осталось мало татар, ибо губернатор распорядился их „привести в город и поручить начальство над ними Кол. Советнику Тимошеву“ [5]). На вопрос Пугачева: „где у вас люди хорошие?“, встречающие его в слободе татары ответили: „в Оренбург все они забраны“ [6]). Оренбургский губернатор пользовался силой Каргалинских татар и до осады Оренбурга. Например, когда оренбургский губернатор услышал о событиях в Яике, то в войсках, отправленных туда был отряд из сейтовских татар в 300 человек [7]). Перед началом осады был издан приказ: „Сейтовских татар отвести в город“; таким образом они все были мобилизованы. Эти татары служили в кавалерии, работали в качестве разведчиков, их использовали для добывания фуража, даже некоторые употреблялись в качестве шпионов [8]). Но эти сейтовские татары были элементом весьма ненадежным. Дезертирство и переход их на сторону повстанцев были делом не редким, и это дезертирство росло, прогрессировало. Возьмем несколько фактов. Рычков в своих записках сохранил

---

[1]) Дубровин Пугачев и его сообщники, том II, стр. 38—39.
[2]) Пушкин, приложение к „Истории Пугачевского бунта“, стр. 412,
[3]) Там же, 412.
[4]) Там же, 415—416.
[5]) Там же, стр. 29.
[6]) Дубровин, II, 38—39.
[7]) Собр. Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наук, том II, стр. 281.
[8]) Там же, стр. 29.

много таких случаев. Например, из отправленных в начале осады фуражиров-татар „отлучилось к злодеям 44 человека“ [1]). Точно также из 50 сейтовских татар, отправленных с той же целью 14/XI—1773 не возвратились и „признавали, что они в злодейский лагерь или в Каргалинскую свою слободу ушли“ [2]). В декабре же такие случаи еще более стали повторяться, почему Рычков замечает, что „оные колеблющиеся Каргалинские татары, по примеру прежних тамошних же татар, и сами передались к тем злодеям“ [3]). Наконец, в январе 1774 г. мы замечаем, что эти татары начинают дезертировать даже из постов, „по сей причине и выслано из тех же Каргалинских праздно шатающих в городе татар с женами и детьми 61 человек, кои все пошли прямо в злодейский лагерь“ [4]), однако, всех оставшихся не освободили, ибо это увеличило бы силу врага.

Должно быть, по вышесказанным причинам к весне 1774 года начальство Оренбурга перестало посылать Каргалинских татар, а вместо них отправляли по разным нуждам вместе с русскими других татар, например, Касимовских [5]). Нужно заметить, что Каргалинские татары иногда действуют на стороне повстанцев. Например, во время сражения около Оренбурга 6/XI—1773 года 38 сейтовских татар попало в плен правительственным войскам [6]). Кроме того, известно, что среди войск Пугачева было „татар и заводских крестьян около 3000 человек“ [7]).

Из изложенного мы видим, что население Каргалинской купеческой слободы „колебается“, играет пассивную роль, и, находясь между двух огней, сильней страдает.

Аналогичное же явление мы замечаем и в другом городском центре, а именно в Казани. Нужно сказать, что Казань в XVIII веке играла роль главного общественно-политического и культурного центра среди российских татар. Поэтому и Екатерина II придавала большое значение татарскому населению Казани; обращаясь к ним она говорила в манифесте своем от 24/11—1774 года следующее:

„Равным образом служит к Высочайшему Нашему благоволению и оказываемая верность от Казанских татар в сопротивлении и отражении разбойничьих набегов самозванца Пугачева. Мы ожидаем от них и впредь подобных к общей пользе услуг, всемилостивейше сим же обнадеживаем их, яко дознанных в действительном усердии подданных, как достойным ныне воздаянием, так и впредь непременным нашим монаршим признанием и покровительством всех их настоящих законных свободах“ [8]).

[1]) Там же, стр. 335, 356.
[2]) Там же, стр. 309.
[3]) Там же, стр. 327—357.
[4]) Там же, 384—385.
[5]) Там же, 403.
[6]) Там же, 316.
[7]) Там же, 327.
[8]) И. Железнов. Подлин. Бум. о бунте Пугачева (Чт. в Моск. Об-ве древ. Рос. 1860 кн. II, стр. 48).

Как видно из этого отрывка манифеста, правительство этим актом намекает на те требования, которые были пред'явлены различными классами татарского общества правительству.

Чтобы познакомиться с настроением и поведением мелко-буржуазного татарского населения казанских татарских слобод, мы здесь приводим отрывок из рукописи того-же Насырова, которая составлена на основании рассказа Аитова:

„Покойный мой отец рассказывал, что во время прихода Пугачева мне должно быть было лет около десяти, — когда был распространен слух о приходе Пугачева, Казанским губернатором тогда был... (неразборчиво). Была запрещена поездка на Макарьевскую ярмарку. Большим деятелем среди казанских татар тогда был упомянутый выше в рассказе об Аксак Кааротуне (т. е. Л. Канашевиче), старик Ибрагим.

Этот старик Ибрагим приказал населению Слободы, все то, что приготовлено из белого хлеба, сухарей, меду, масла, яиц, пива и из тому подобных припасов, для поездки на Макарьев, принести ко двору мечети. Перед мечетью поставили столы, и эти припасы положили на них. После этого начали под'езжать башкиры из войска Пугачева, среди них еще были чуваши, черемисы и тому подобная смесь, некоторые из них были в поповском, некоторые в штофных костюмах, а некоторые же в бабьих зилянах (в то время, оказывается, женщины носили зиляны—халаты), они были босые, многие одеты в бабьи сарафаны, шелковые женские и штофные костюмы. Оружие у них состояло из копья, ружей, у некоторых были железные вилы, косы, а иные имели в качестве оружия только заостренные огнем деревянные палки. Старики и вышеуказанный Ибрагим стояли перед мечетью. Пришедшие из Пугачевского войска башкиры спрашивали:

„Вы Иль или джау (друзья или враги)?“.

Старики ответили:

Иль! Иль! (друзья, друзья).

Башкиры говорили:

„Если иль, то идите к батюшке, примите присягу на верность“. Тогда старики просили их слезать с лошади, отпускали их, накормив и напоив. Таким образом, мучились три-четыре дня, но когда пугачевцы-башкиры стали настаивать, чтобы они присоединились к ним, то старик Ибрагим сказал народу:

„Теперь уже нечего делать“ и, посадив 7 человек на коней, вооружив и привязав на правые руки их знак Пугачева—синего цвета тряпки, а сам пешком с дубинкой в руке направился во главе 7 человек из места называемого Ак-кум Асты и через Мокрую, желая попасть на Арское поле, но дорогой он заметил поднявшуюся пыль и сказал:

„Ой, молодцы, слезайте с коней, прикрепите седла, перевяжите тряпку на левую руку“.

Затем он сказал:

— „Теперь сядьте не коней; эта пыль должно быть поднимается от войск генерала (Михельсона), присланного падишахом, (т. е. Екатериной) для города“.

Тогда молодцы галопом поскакали и присоединились к войскам Михельсона, Когда Михельсон прибыл, Пугачев был разбит, рассеян и убежал. Находящийся в крепости народ ужасно голодал, ибо не было разрешения открыть ворота в течение нескольких дней. А старик Ибрагим собранное продовольствие приносил в крепость и раздавал его через пушечные отверстия солдатам. После этого в городе организовался суд: некоторых повесили, иным отрезали голову, (между прочим) оказывается был бедный солдат татарин, который служил начальником артиллерии и вот его-то и повесили между двумя (татарскими слободам), еще одного повесили у начала озера (Кабана), затем в суде, организованном для наказания бунтовщиков, говорили, что мол, казанские татары были на стороне бунтовщиков, потому их нужно истребить, и все согласились с этим, но в войске Михельсона оказался генерал, крещенный татарин, вот он то не подписал (этого приговора), сказав, что татары помогали продовольствием нашим войскам. После этого те солдаты, которые сидели в крепости (т. е. во время осады) утверждали, что если бы татары нас не кормили, то мы погибли бы (с голода) [1]).

Но Аитов почему то не отметил об одном важном факте, который, если на самом деле был, мог дать правительству повод обвинять Казанское население в „измене“ а именно:

как передает Пушкин, на Арском поле Пугачев, сидя в кресле, принял татарскую делегацию и принесенные ими подарки. Точно также не подтверждается, что будто бы, Пугачев обедал у торгового татарина (не крупного тогда) Мусы Апанаева, впоследствии ратмана Казанской татарской ратуши, о котором рассказывал покойный старик Юсуф Ананьев.

Вот эта двойственная политика отчасти и спасла татарские слободы от пожара, грабежа и правительственных репрессий.

Все же во время пугачевщины в татарских слободах города Казани господствующим элементом были служилые торговые татары, что видно из приведенного документа, где роль первой скрипки играли те, которые готовились ехать на ярмарку. Однако, татарская

---

[1]) Это точный перевод рукописи Насырова. В 1886 году об этом было сделано сообщение А. Ильясовым в Общ. Арх. при Казанском университете и доклад был частично напечатан в 1886 году в „Волжском Вестнике“ № 2. Нужно сказать, что это сообщение несколько отличается от нашего отрывка. Однако, нащ текст должен быть более правильным, ибо Насыров был другом рассказчика М. Аитова, он учил его детей и жил одно время у них. В русском тексте сообщения всетаки есть любопытные подробности, например, интересно следующее место: „Когда Пугачев ушел, то казанские дворяне собрались на совещание. Совет постановил истребить всех татар за то, что те будто бы. поддались Пугачеву. В войске Михельсона находился генерал Муртаза, родом караим; он об‘явил, что татары помогли нашему войску“,

буржуазия не могла сочувствовать пугачевщине, ибо все же их ближайшие интересы пострадали от этого движения. На этот счет мы имеем чрезвычайно любопытный факт. Тот же Насыров в одной из своих рукописей пишет следующее:

„На полях Джамиа [1]) написано: „В 1773 году второго дня скорпиона Джамаль Джан (т. е. Емельян) Пугачев захватил город Каргалу; в 1774 году даты христианской июля 15 дня пришла команда (отряд) Джамаль-джана в деревню Кышкар [2]) и ограбили Сагида сына Усмановых... днем". Очевидно, таких фактов было очень много, почему торговые татары в роде Ибрая Юсупова боролись в рядах правительственных войск.

Из всего изложенного мы видим, что татарский землевладельческий класс, чиновничье служилое сословие, крупные торговцы и промышленники всецело стояли на стороне правительства, мелкие служилые элементы частью были на стороне Пугачева, а мелкая буржуазия колебалась и вела чисто шкурническую и двойственную политику.

III.

Теперь мы остановимся на отношении низших классов татарского общества к пугачевщине. Прежде всего остановимся на казаках. Известно, что еще в XVI веке среди казаков были разные элементы, в том числе и татары. Поэтому Иван Грозный на жалобу ногаев ответил, что „казаки не одни русские". „На поле" писал он „ходят многие казаки, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, и из наших украинцев с ними же смешавшись ходят". [3]) С XVII столетия среди казаков определенно были и татары.

Очевидно, среди казаков-пугачевцев также были татары, ибо Семенов в своем рапорте из Яика от 14/IX—1774 года упоминает об одном „казаке из татар", который сообщил ему о верности Яицких казаков правительству [4]). Возможно, что и татарин Идорка, который оказал Пугачеву услугу в сношениях его с киргизским ханом Нур-Али, также был казаком. [5]) В протоколе заседания Военной Коллегии от 14/IX—1774 года в числе преданных смертной казни казаков упоминаются следующие имена: Абдрешит Мулла, Калбуй Алкупов, Ашреб Муртазин. [6]).

Если мы перейдем к вопросу об отношении татарского трудового элемента к пугачевщине, то мы смело можем сказать, что он был

---

[1]) Очень распространенное руководство по арабскому праву (Фикх).

[2]) В современном Арском Кантоне, где в начале XVIII века и в XIX веке было много татарских богачей, существовали принадлежащие им фабрики, развалины которых и по сей день можно видеть.

[3]) Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Поволжья, отд. II, стр. 122,

[4]) Грот. Мат. для истории Пугачевского бунта (Зап. Ак. Наук, том 25, ст. 621).

[5]) См. подробности о роли Идорки в „Народных движениях в России до XIX века», Н. Н. Фирсов, стр. 146.

[6]) Железнов И. Подлинные бумаги (Чт. в Моск. Общ. Ист. и Древностей Российских. 1860, книга 2, стр. 48).

на стороне Пугачева. Тут классовые интересы связали трудовые элементы всех народностей в борьбе их с крепостническим правительством. Вполне прав Игнатьев, автор исследования о Салавате Юлаеве, когда он со злобой говорит, что „теперь казалось забыта была старая племенная вражда, в видах поживы; христиане, магометане и язычники действовали вместе, братались друг с другом, русские подчинялись ловкому татарину или башкиру, татарин или башкир—ловкому русскому“.

Это вполне понятно: Пугачев опирался не только на трудовые элементы русской народности, но и шел по линии трудовых элементов „угнетенных народов“ Восточной России. „Мухамедоны и калмыки,— писал Пугачев в одном обращении,—будьте в готовности выезжать ко мне. Содержащиеся в тюрьмах и у хозяев жалующихся в недовольности всех без остатку выпущайте, если будут оказываться противники, таковых головы рубите и кровь проливайте, чтобы были детям их в предосторожность. Вы должны служить мне до последней погибели“. (см. газету „Известия“, за 1925 г., 8/II, № 32, стр. 3. Ст. Томинского). Еще ярче была выражена воля вождя крестьянской революции в манифесте на татарском языке от 29 рамазана 1773 года. Пугачев жалует в этом манифесте трудящиеся угнетенные народы „землей, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим“.

(بویورمن یارلوقاغوچی یرینگیزی سونگزی و بالقنگزی و اوطونکزی و قرنگزی
ویغاچگزی وپورخ و آقچه و قورغاش و ایتمك و طوزی وغیری‌سی ایلان)

Пугачев дает им право „рубить головы“ и грабить имущество у угнетателей бояр, генералов и майоров, капитанов и других, если они будут противиться, ибо „в свое время,—говорится в манифесте,—они вас ели: моих рабов они лишили воли и свободы, теперь посев их косите, если не подчинятся“ [1]). Свой манифест Пугачев заканчивает следующими словами: „Даю слово: кто раб помещика и (кто) попал в руки крестьянских тиранов, с сегодняшнего дня свободен“ [2]).

У нас под руками пока нет материала, чтобы выяснить вопрос об отношении к пугачевщине наемных рабочих из татар, но Рычков сохранил нам драгоценный материал, иллюстрирующий настроение последних. „Один татарин Казанского уезда, пишет Рычков, бывший (во время осады Оренбурга) в работниках у бухарцев, отважился было бежать из города к Егорьевской церкви, с намерением туда пробиться, пойман казаками, и по приводе в город отдан под караул“ [3]).

---

[1]) Полный татарский текст этого места.

کمدور باش تارتغوچی وقارشولق قیلغوچی و بیار و ینارال و مایور وکاپیتان وغیرسه باشی کیسولی و مالی طالاولی آلونکر وباشنی کیسمونکز خزینه‌سی بولسه پادشاه غرکیلتوروگا...بروقتده‌سزله‌ری انلار آشادی ایدی مینم قوللار منی ایرکسز واختیارسز ایتدی اکنون چابولکز اندمك باش صالماسه
کمدور بایارقولی وکراستیان ظالم دستنده کرفتار اولسه بوکون مندین ازاد»

[2]) См. указы Е. И. Пугачева и его Коллегии.
Голубцева, Красный Архиф, том I, (VIII) за 1925 г., стр. 196—7.

[3]) Собрание сочинений Пушкина, Приложение, том II, стр. 374.

Известно, что активными участниками в пугачевщине были заводские и приписанные к ним крестьяне, в том числе и татары, о которых было сказано несколько слов выше, когда шла речь о найме татар—ясачников на эти заводы в качестве рабочих. Но были и татары—крестьяне, прямо приписанные к горным заводам принудительным путем. Например, известно, что на заводе Семена Иноземцева в эпоху Елизаветы было приписано 126 душ татар[1]).

Может быть, именно эти татары—рабочие и служили тем мостом, через который во время пугачевщины горнозаводские рабочие создали „смычку" с татарскими крестьянами и башкирами в борьбе с хозяевами горных заводов. В указе, присланном „Ее Императорскому Величеству из Пермской провинциальной канцелярии в Соликамскую воеводскую канцелярию" говорится, что „многие из заводских служителей жители из приписанных государственных крестьян, по обольщению злодейской партии воров башкирцев и татар склонились для грабежа и разорения заводов и жительств в их злодейской толпе ездят, от чего и думают, по легкомыслию и глупости своей получить себе прибыток и от толпы (т. е. от татар и башкир) оборону". Правительство боялось этой „смычки", пускало в ход провокацию, что „от реченной злодейской толпы последовать может крестьянам великое грабительство, а женам их блудное насилие" и этим хотело разделить эти два элемента[2]). Однако, эта смычка не уничтожилась. Главные экономические корни действия татарских крестьян горнозаводских районов совместно с заводскими крестьянами и рабочими заключались в том, что эти заводчики отнимали у них земли, леса и сенные покосы, на что они жаловались еще в своих наказах на Екат. Комиссии 1767 года. Например, ясачные татары Кунгурского уезда пишут, что „Его Сиятельством госп. графом Ил. Гр. Чернышевым построен в 1763 году Ашинский медноплавильный завод, и которому уже лесов, как на обзаведение того завода обывательских домов, так и на угольное сжение, знатное число вырублено и вырубается, также знатное число сенных покосов... да сверх того приписанные его Сиятельством к заводам крестьяне, по приказаниям от заводчиковых приказчиков селятся в наши татарские деревни, на наши земли, без всякого к тому нашего договора, также на лугах наших сено косят усильством своим. От каковых причиняемых нам притеснений претерпеваем самокрайнюю нужду и недостаточество[3]). Когда появилась пугачевщина, эти скромные жалобы превратились в открытое движение татар. „Злодейские татарские партии", вооруженные луками, стрелами, ружьями, конные

---

[1]) П. С. У. № 10, 131. Конечно, в это время у татар не было пролетариата в полном смысле этого слова. Однако, существовали наемные рабочие, не порвавшие связи с деревней, работающие на татарских промышленных предприятиях и у отдельных хозяев. См. нашу статью „К истории татарского торгового класса". („Известия Вост. Факультета" АГУ, № 1).

[2]) Историч. документы и выписки о шайках Пугачевского бунта 1774 года Рукопись Библ. Отечествоведения Каз. Унив. № 92, лист 1, 18.

[3]) Там же, стр. 90.

и пешие во всем этом районе борются и самостоятельно или совместно с башкирами, русскими владельческими и заводскими крестьянами с правительственными отрядами. Для того, чтобы читатель мог познакомиться с характером борьбы татарского крестьянства, мы приведем несколько примеров. В донесении „соляной продажи целовальника Свидрачева“ в главную контору графа Воронцова от декабря 1773 г. мы читаем следующее: „Будучи я в том городе не выехав еще с тою казною, по поданной злодейской толпы приехав в тот город Осу ночным временем на 21-ое число сего декабря с луками, стрелами и саблями партия Гунвинских татар о 20 человеках, а по приезде тем своим злым намерением взяв и увезли неведомо куда того города воеводу Ф. Д. Пироговского, а потом увозе в день того же 21 числа пока приезжали таковые ли татары пять человек с луками, саблями и пистолетами, да один из русских с ружьем про которого мне сказывали Осинской мирской староста И. Дьяконов, что те-де русак села Крылова крестьянин по части его сиятельства князя М. М. Голицына... что та злодейская толпа намерена ехать в Анненский Казенный завод, а оттуда намерена де пока ехать через Яхощихинский завод до города Соликамска и Чердыни“ [1]).

Служитель Ив. Вологдин в своем рапорте от 11 марта 1774 года в Ильинское Водчинное правление пишет следующее: „Сего числа после полудня злодейская партия, Тульенские и прочие татары во многолюдстве, с ружьями и луками на лыжах выступили из лесов к селу Белявскому, упорно наступали на оное, но Верхне-Мулинский Управитель Ив. Варихин с командою вступил с ними в сражение“ [2]). В этом же сражении, кроме татар и русских, участвовали на стороне пугачевцев и калмыки, таким образом, это было своего рода сражение всех угнетенных элементов Пермского края [3]). В некоторых местах башкиры и татары являются не только простыми бойцами на сражениях, но и берут почин в деле пропаганды и агитации. Например, в указе из Пермского горного начальства Добрянской заводской конторе от 3—I—1774 года мы читаем следующее: „что в Кунгурском уезде по разным заводам, острожкам, селам и деревням раз‘езжают воры—башкирцы и с ними кунгурские татары разными партиями, во многолюдстве и разглашают простому народу известное высокое имя Императора Петра Третьего, причем чинят многие грабежи и разорения. По какому разглашению некоторые поселяне, по легкомыслию и простоте своей, преклонились и дают им провиант и фураж, другие же с теми ворами—башкирцами и татарами в их злодейской толпе находятся...“ [4]). Кроме того, по доносу бывшего старосты дворцовых

---

[1]) Там же, стр. 53.

[2]) Там же. лист 90 (2), лист 94.

[3]) Там же, лист 80.

[4]) Там же, лист 80. Таким образом, на основании известных материалов совершенно нельзя сделать вывод, что пугачевщина провалилась благодаря антагонизму между русскими рабочими и туземцами Башкирии, как это пытались не-

сел Елабужской волости от 29 января 1774 года, Еф. Беспалова, мы знаем, что, 29 декабря 1773 года священник села Круглого Поля Илья Дмитриев и ясашный татарин из деревни Бирюгану Муса Бикменев, по приезде к ним из злодейской толпы, собирали сходы, принуждали называть „злодея“ именем имп. Петра III, угрожая смертью и разорением всем, кто станет именовать его Пугачевым, насильственно заставляли жителей итти в казаки и при этом и денежные взятки брали, и смертные побои наносили (Пугачевщина, том I из архива Пугачева, стр. 258).

Известно, что еще во время прежних движений в Башкирии одной из серьезнейших причин бунтов была установленная правительством соляная монополия, которая лежала тяжелым бременем на всем населении России. Но это было особенно заметно в Башкирии, где соль самими добывалась, а пользоваться ею не разрешалось, и населению приходилось покупать ее за весьма дорогую цену. Во время пугачевщины эта злоба проявилась с новой силой, поэтому и татары-крестьяне наряду с другими принялись за расхищение казенной соли. Сведение об одном из таких эпизодов сохранило нам донесение из одной промысловой конторы в Кунгурский промысловый Магистрат от 29 марта 1774 года. В этом донесении говорится, что „злодейскою толпою, татарином Верх-пренской Четверти Темиром с товарищами 50 чел. из соляного амбара усильным образом увезено соли 40 пудов“ [1]. Полковнику Михельсону приходилось иметь дело с этими восставшими татарами. Известно, что он при взятии обратно Осы имел сражение с татарами и башкирами [2].

Трудовые элементы татарского народа приняли крупное участие на стороне Пугачева и при приближении его к Казании и в боях около нее. Казанский купец М. А. Сухоруков рассказывал известному Фуксу, что „отряды Пугачевской сволочи состояли по большей части из татар, башкирцев и многих калмыков и крестьян“. Отсюда он делает вывод, что в плену были одни русские, а казанских татар не было: „также не видал я пленными и сукончиков“ [3].

И архимандрит Платон Любарский в письме к своему другу от 24 августа 1774 года из Казани, описывая нападения Пугачева на этот город, также отмечает присутствие в его войске татар [4]. Также известно, что после первого сражения под Казанью для второго нападения на Михельсона Пугачев „разослал от себя сообщников своих в близь города лежащие села и деревни и обещая великое награждение,

---

которые утверждать. Очевидно свалить вину в этом провале на одни „национальные“ элементы нельзя: существовали другие, более глубокие, причины провала пугачевщины.

[1]) Там же, лист 145.

[2]) Пушкин, стр. 89.

[3]) Каз. Губ. Ведом. за 1843 год, № 44, Фукс, Сказан. Каз. купца Н. А. Сухорукова о пребывании Пугачева в Казани.

[4]) Пушкин, Ист. Пугачевского бунта, прибавление, стр. 440.

собрал разных сволочи, а больше татар и новокрещенных чуваш, столь много, что людство его составило более 25 тысяч"... [1]). Также известно, что после окончательного поражения Пугачева под Казанью, по словам Пушкина, из 2000 убитых оказались большей частью татары и башкирцы [2]).

Должно быть Пугачев сам совнавал знчение татар-крестьян и башкирцев для успеха его дела, и их места жительства он считал своим последним убежищем. Поэтому Глахов в своем рапорте от 12 сентября 1774 года, об'ясняя, почему Пугачев переправился через Волгу около Царицына, пишет: „Пугачев единственно для того уклонился Узеням и Яику, чтобы отвести наши войска в право. Дабы между тем очистить себе путь влево к башкирцам и татарам, где его с вернейшими его сообщниками и весьма малою толпою порознь по защищение примут и скрываться дозволят до времени, в которое он усмотрит удобный случай в тех краях опять разбросать злодейский пожар" [3]).

Вот почему совершенно не справедливы те замечания некоторых исследователей, которые говорят, что и большая башкирская армия, покинула Пугачева под Казанью, что она отказалась от дальнейшей борьбы, когда выходила за пределы своей территории.

Таким образом, татарское крестьянство было одним из важнейших элементов пугачевщины.

Поэтому при подавлении этого движения правительственные отряды обращались с татарами чрезвычайно жестоко, они не только истребляли самих татар, но и уничтожали их имущество, выжигали целые татарские деревни. Не лишне будет здесь привести одну характерную выдержку из рапорта А. Подвинцева в вотчинное правление, находящееся в пригороде Осе, от 19 сентября 1774 года. Подвинцев в 4-м пункте своего рапорта пишет следующее: „10 числа по утру армия наша пришла в татарские деревни Блогарину и Елпачиху, где из жителей ни одного человека не было. Первую Блогарину выжгли, а на другой день, пройдя 40 верст, вступили в деревню Борду. В ней нашли только двух татар, глухого и слепого. Сего последнего спрашивали о жителях, но как ничего допытаться не могли, то отсекли ему голову и деревню выжгли. Далее по случаю наступившей распуты вверх по Тулье не пошли и возвращаясь к Осе татарскими деревнями предавали их огню. В одной из них Антоновой двое или трое татар заперлись в юрту, из окошек стреляли по нас и ранили... На другой день в 11 татарских деревнях опять выжгли до 800 дворов" [4]).

---

[1]) Там же, стр. 455.

[2]) Пушкин, стр. 91.

[3]) Ак. Грот. Мат. (для истории Пугачевского бунта) Зап. Ак. Наук. том 25, стр. 30.

[4]) Ист. докум. и выписка о шайках Пугачевского бунта 1774 года. Рук. Библ Отечествоведения Каз. Унив. №92, лист 99.

И. И. Мещанинов.

Археологическая экспедиция общества в Нагорный Карабах и Нахкрай.

В мае 1926 года Общество Обследования и Изучения Азербайджана приступило к снаряжению первой организуемой им археологической экспедиции с основным заданием обследования на местах до-исторических памятников края. Из намеченных районов обследования внимание было обращено в первую очередь на весьма характерный разнообразием типов курганных погребений район Ходжалов в Нагорном Карабахе. Этот пункт работ был избран по двум основаниям: во-первых, рассеянные по Азербайджану курганы нуждаются в уточнении их типов, что легче всего поддается именно в окружении Ходжалов, раскопка же одиночных курганов без установления хронологической последовательности их типов повела бы только к обогащению музейных хранилищ новыми экспонатами, но не дала бы возможности выявить общую картину хронологической смены культур. Ввиду этого Общество и Азербайдж. Археологический Комитет не считали рациональным начать научные работы с других местностей, хотя бы и не менее богатых до-историческими памятниками, но все-же не столь наглядно представляющих свой материал труду исследователя, перед которым поставлена задача не отрывочных раскопок с поисками „вещей“, а планомерное изучение древностей края. В этом отношении, сосредоточение в одном месте Ходжалов пяти разновидностей курганных насыпей делает Ходжалы прекрасным исходным пунктом для начала планомерного научного изучения до-истории Азербайджана. Во-вторых, те-же Ходжалы младшим типом своих курганов, в котором была еще Реслером найдена ассирийская бусина, давали повод здесь на месте проверить вопрос об отношении восточного Закавказья к Ассирии и Урарту, что представляет несомненный научный интерес, так как культура вообще Закавказья до настоящего времени во многих научных пособиях продолжает именоваться „Урартийскою“ или культурою „стран Наири (=Урарту)“.

Конечно, урартский вопрос и тем более вопрос о самых основах культуры древнего Азербайджана не мог и не может быть разрешен на одном только Ходжалинском поле. Но все же начать археологическое обследование края именно с этого пункта признано было, по изложенным выше мотивам, наиболее целесообразным. Поставив целью научное обследование края, а не простое только собирание музейных коллекций, Общество и Археологический Комитет отло-

жили на будущее время работы в таких археологически богатых местах, как Ганджинский и Казахский уезды, с их обилием разнообразных погребений, Нухинский с его пережиточно сохранившимся удинским населением и тем более Ленкоранский, где исследователю придется иметь дело не с одними только памягниками древности, но и с вопросом о связи Северного Азербайджана с персидским, а через него и со всею архаическою Переднею Азиею.

Состав экспедиции определился еще в средине мая. Руководство ею было возложено на действит. члена Общества и члена Арх. Комитета И. И. Мещанинова. Археологический Комитет принял участие в ее работах, командировав Зам. Пред. Д. Александровича, ученого секретаря В. М Сысноева и инструктора И. Азимбекова. Кроме того, членами экспедиции состояли секретарь центрального совета Общества А. Алекперов, аспиранты Ленинградского Государственного Университета Б. А. Латынин и Т. С. Пассек и студент Азербайджанского Педагогического Института И. Джафар-Заде. Из них В. М. Сысоев нагнал экспедицию уже в Нахичевани, заменив вернувшегося в Баку Д. Александровича. К экспедиции примкнул только проф. Азербайджанского Государственного Университета В. М. Зуммер, специально занимавшийся обследованием мусульманских памятников Нагорного Карабаха и Агдамского уезда.

В двадцатых числах мая экспедиция направилась через Евлах в Агдам, где задержалась на несколько дней для собирания сведений о древностях уезда и ознакомления местных работников со своими задачами. Здесь работы экспедиции были значительно облегчены радушным приемом, оказанным ей представителями местной власти. К сожалению, древности Агдамского уезда остались не обследованными экспедициею, задержавшеюся в Ходжалах значительно больше, чем было предположено на организационных заседаниях. Об'ектом исследования в Ходжалах были избраны два кургана и три каменных ящика, давшие богатый археологический материал, перевезенный в Баку для подробного его изучения. Делать по нему какие либо научные выводы до окончательного изучения представляется преждевременным, но все-же и теперь, при беглом обзоре находок, можно усумниться в том, что экспедиция даже в самом младшем из курганных типов Ходжалов нашла памятники урартского периода. Гораздо больше оснований предполагать, что Ходжалинские курганы старше времени образования на юге урартского государства и являют собою памятники местной культуры, притом далеко не одновременны во всех своих пяти типах.

6-го июня экспедиция выехала в Нахичеванскую республику, остановившись по пути в Тифлисе и Эривани для ознакомления с их музеями. 12-го июня экспедиция приступила уже к работам в 18-ти верстах от гор. Нахичевани у армянского монастыря Кызыл Ванк, расположенного в трех верстах от селения Тазакенд, где ей, по условиям местности пришлось сделать свою стоянку. Могильное поле

Кызыл-Ванка было еще в 1905 году частично разрушено постройкою железно-дорожной линии на Ордубад. Здесь экспедиции представилось возмоным лишь ограничиться разведочными работами в течение шести дней. Несмотря на такой краткий срок, собранный материал из семи погребений все-же оказался исключительной научной ценности, дав в одном культуру железного века, а в шести других, век бронзы. В этих последних оказалась богато представленною известная крашеная керамика, наводившая научных исследователей на мысль сопоставить ее с керамикою Асхабада (Анау) и даже архаического Юга Персии (Элама).

Эта кратковременная разведка является начальным этапом для намечаемых работ в том же Нахичеванском крае, в котором особое внимание привлекают окружения Ордубада, в частности сел. Данагирди, давшие бронзовые находки, тождественные Кызыл-ванкским и в то же время имеющие, по словам местных работников, памятники, носящие клинообразные надписи, по всей вероятности урартского происхождения. Тут снова, но уже по другим данным, встает тот же как и в Ходжалах, вопрос об урартской культуре Закавказья. Что дадут изыскания в этом районе, покажет будущее, но осмотр Кызыл-Ванка и ознакомление на месте с его крашеною керамикою явно предуказывает, что и здесь культура до-исторической керамики многими веками предшествует тем клинообразным текстам урартского письма, которые обнаружатся тут, если подтвердится правильность полученных еще в Баку сообщений Ордубадского учителя.

И здесь в Нахичевани, не в меньшей степени, чем в Агдаме экспедиция воспользовалась всемерным содействием властей, поставивших работы ее в наилучшие условия. Совнарком Нахичевани, во главе с Г. Султановым, лично посещал места раскопок, отдельные же ответственные работники проявили свой интерес к археологическим изысканиям, почти вплоть до личного в них участия, к сожалению кратковременного из-за текущих служебных обязанностей. Таким искренним «соучастником» экспедиции оказался Пред. ЦИК'а Нахреспублики, Баба Бабаев, принявший меры к охране древностей края и по от'езде экспедиции и крайне охотно отозвавшийся на последовавшие за сим письменные с ним сношения для подготовки материала к будущей экспедиции. Такое же приятное воспоминание сохраняется и о часто посещавшем место работ в Ходжалах агдамском уездном аграноме А. Алиеве и о многих других самоотверженных любителях старины, как в Нахичеванской республике, так и в Агдаме.

18-го июня экспедиция прекратила свои работы, задержавшись на два дня в Нахичевани, где ею был прочитан ознакомительный доклад о своих работах в многочисленной аудитории Тюркского театра. По возвращении в Баку членами экспедиции была наскоро оборудована предварительная выставка находок, передаваемых на постоянное хранение бакинских научных учреждений. Исключительное внимание к выставке со стороны всех слоев населения центра Азербайд-

жана служит одною из наиболее приятных наград, воскресивших в участниках проведенных работ энергию и надежду на плодотворность предстоящих впереди исследовательских трудов по изучению древностей родного края.

Настоящая краткая заметка ограничивается лишь этими сведениями, так как Общество Обсл. Изучения Азербайджана, ознакомившись с результатами экспедиции, признало желательным отдельное опубликование их с подробным описанием, как самих добытых предметов, так и обстоятельств их находки с воспроизведением фотографий, исполненных членом экспедиции А. Алекперовым. К обработке материала для этого издания будет приступлено в ближайшем будущем.

В. М. Сысоев.

Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью, 1—12 мая 1925 года.

(Легенда о кладе Александра Македонского).

По поручению Общества Обследования и Изучения Азербайджана, мною была совершена поездка в Шемахинский уезд для раз'яснения вопроса о, так называемом, кладе Александра Македонского. Еще зимою 1924 г. группа местных жителей Шемахинского уезда, через некоего Мойера, возбудила перед Совнаркомом АССР вопрос о кладе Александра Македонского, будто бы скрытом где-то, в местности, только им известной. Они так были уверены в несомненном существовании клада, что доходили до самых высших инстанций СССР со своими предложениями и рассчетами. В виду широкой огласки дела и видимой твердой уверенности кладоискателей, а также в виду того, что легенда об этом кладе уже не первый раз появлялась в Закавказье, начиная, кажется с 60-х годов прошлого столетия, решено было произвести археологическую разведку, чтобы во всяком случае положить конец этим праздным разговорам и вымыслам. Азербайджанский Археологический Комитет и Общество Обследования и Изучения Азербайджана в нескольких совместных заседаниях определенно признавали, что Александр Македонский никогда не был и не мог быть в пределах Азербайджана и никакого клада, закопанного его войсками в этих местах, не мог оставить. Лет 10 тому назад, повидимому, около Шемахи, была, для исследования вопроса об этом кладе, комиссия тифлисских археологов, Казнаков и др., но результаты ее работы неизвестны.

По поручению Общества я, в сопровождении инструктора Азербайджанского Археологического Комитета, и П. Ф. Савельева, представителя группы кладоискателей, отправился из Баку в Шемаху. Прибыв в Кюрдамир из Баку по железной дороге, мы из Кюрдамира от правились сначала в Ахсу, по хорошему ровному и прямолинейному шоссе (32 версты). От Ахсу до Шемахи идет шоссе, но от Ахсу большой и тяжелый под'ем на гору со множеством мелких зигзагов шоссе. Местность от Кюрдамира по Ширванской степи до Ахсу очень ровная, почти совершенно не имеющая водных потоков; только ближе к Ахсу проходят ответвления горной речки Гердеман-чай, которая на пятиверстной карте показана дающей свои ответвления значительно

южнее, ближе к железной дороге. Но в 1925 г. весна стояла очень сухая, а потому все эти русла речки почти совершенно пересохли, и только кое-где можно было найти еще не пересохшие мокрые места в ложбине. Даже ближе к горам Гердеман-чай в этом году имеет мало воды. В другие годы, если весна бывает обильна дождями, и рано начинается таяние снегов на горных высотах, воды в речке бывает очень много. В этом году вся степь начала выгорать, желтеть уже в начале мая. Повсюду в степи виднеются стоянки (кибитки, юрты) кочевников, которые уже начинали собираться в горы на эйлаги. Бывшая почтовая станция Карасакал, на перегоне из Кюрдамира в Ахсу, представляет собой несколько почти совершенно разрушенных остатков построек.

В Кюрдамире мы были утром в воскресенье, когда бывает недельный базарный день. На базар отовсюду спешили верхом, а иногда и пешком многочисленные толпы жителей из соседних селений. В Кюрдамире и его районе виноградарство является одним из главных занятий населения. Обыкновенно здесь виноградные лозы поднимаются по стволам и ветвям деревьев, иногда на очень большую высоту. Зима 1924/25 г. была очень сурова, а потому масса виноградных лоз, цеплявшихся по деревьям, обмерзла, погибла.

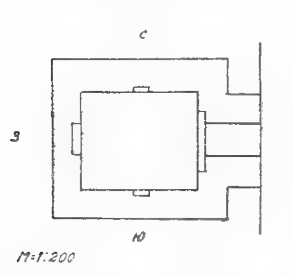
До самого селения **Ахсу** не было никаких памятников древности. Р. Ах-су теперь протекает перед селением (к юго-западу от) Ахсу; на речке находится большой мост, состоящий из древней каменной южной части и новой железной (из железных ферм) северной части. Длина первой около 30 саж. и длина второй (северной) около 50 саж. Каменный мост-древний, сделан был прежде с небольшим под'емом посередине („горбатый"), но теперь часть моста добавлена— поднята кладкой до ровного уровня. Высота моста, вообще, около 2 сажен над речным руслом. Каменная часть имеет две полукруглые, слегка стрельчатые арки, опирающиеся на каменные быки; все из хорошо тесанного камня. Древний мост постройки лет 100—200 тому назад, кроме верхней добавочной кладки и цементования; железный— лет 20 не более. Верстах в 3 к юго-востоку от Ахсу находится место **Хараба-Шаар,** это и есть остатки того города **Новой Шемахи**, который приказал заселить в 1734 году Надир-шах, когда он решил создать новый город вместо прежней старой Шемахи. Здесь теперь замечается только земляной вал, образующий прямоугольник; есть, говорят, следы прямых улиц, и заметны некоторые фундаменты зданий; вообще, развалины не обширны. Перегон от Ахсу до Шемахи, 37 верст, представляет собою в первой половине довольно крутой под'ем (до 4.000 футов), а дальше все длинный и постепенный спуск до самой Шемахи (2.230 футов).

Шемаха имеет красивое местоположение. Главная часть города теперь расположена в верхней (с. зап.), нагорной половине города; старый город, сильно разрушенный землетрясениями, а также в период гражданской войны, был расположен в ю. в. низкой долине, ко-

торая протягивается дальше по долине р. Дзогилавы (у молокан Шалюбасан-чай), впадающей в реку Пирсагат. От Шемахи можно иметь довольно хорошее, минуя горные высоты, сообщение по долине р. Пирсагат, с селением и жел. дор. станцией Наваги. В древности, без сомнения, это была прямая и обычная дорога для торговых и военных передвижений из Шемахи в Сальяны и, вообще, к устьям рек Куры и Аракса.

Шемаха.

В юго-западном конце верхней части Шемахи над обрывом, который господствует над долиной речки Дзогилавы, расположено место бывшего ханского (ширваншахского) дворца, от которого однако почти ничего не сохранилось: здания разрушались и перестраивались несколько раз, так как уже в самое последнее время тут был дворец русского губернатора, а затем дом богача Лалаева. От старины ничего не осталось, кроме юго-восточной стены усадьбы, в которой можно увидеть как бы часть кладки более древней. В восточной части этой постройки помещалась конюшня; под этой конюшней сохранилась единственная древняя часть—небольшая четырехугольная комната, шириной (ю.-с.) 2,5 м., длиной (зап.-в.) 4,5 метра.



Потолок сделан куполом на 4 сводах; купол из четырехугольного потом переходит в круглый. Высота арки 2,05 м,, высота купола 3,12 м. Арки над нишами и входом стрельчатые.

На полу была надгробная плита с арабской надписью: ШайхСафи-эддин-бен-Джебраил бен Шейх Гитаб (?) Эддин бен (я Мухаммед яхек??) Шайх Микяил бен Сеид Джебраил. Число: 24 hамал год 761 (=1359/60). (Длина плиты 1,41 м.; шир. 0,56; толщина 0,11; разбита).

(У Дорна, стр. 386, п. 103:—Auf einem Grabstein des Piri Schirvan: Ахунд Шайх Микаил бен Сейид Джабраил и Шайх Сафи-эддин-бен-Сейид Джебраил бен Шайх Кутб-эддин бен Шайх Салих).

Несколько северовосточнее от б. ханского дома находится, так называемая, усыпальница Ширваншахов: здание почти кубической формы с плоской крышей.

С западной и южной стороны стенки сложены из хорошо тесанных плит (9 рядов, каждая плита 6 × 8 верш.), а ниже из простых булыжников, грубой работы; углы (ребра) усыпальницы слегка срезаны плоскостью (шириной немного более 1/4 арш.).

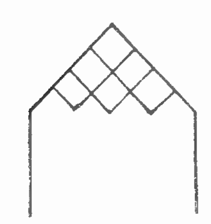
Усыпальница, стоящая на уклоне к западу, имеет с восточной стороны уровень, совпадающий с уровнем почвы.

Крыша ровная, покрытая землей; по крыше 6,5 × 8,5 метра.

На западной части крыши стоят 3 надгробные плиты, слегка покосившиеся, их размеры: а) 0,81 м. выс.; 0,63 шир. и 0,16 толщина

б) 1,19 м. выс.; 0,65 шир.; 0,19 тол., в) 1,36 выс.; 0,59 шир.; 0,13 толщ. На них надписи, одна с датой 1029 г. х (=1620 г.).

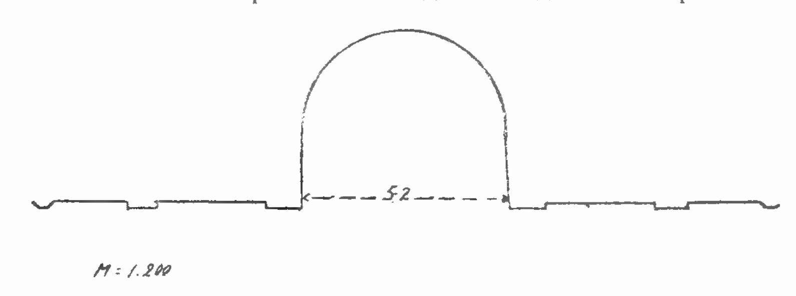
В восточной части Шемахи, почти в средине города, там, где высокая часть начинает спускаться к низкой, находятся развалины древней армянской церкви (килиса, ванк) на улице Куча-Булаг. Сохранилась только алтарная часть, восточная, с 5 нефами. Высота сохранившейся алтарной части до 8 метров, углы алтарных выступов срезаны и имеют вверху украшение в виде сталактитов.



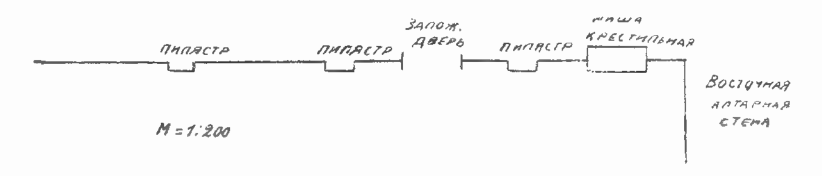
Каждый неф имеет циркульную (иногда слегка стрельчатую) арку.

Алтарная часть имеет длину до 15 метров.

Северная стена длиной до 18 метров.



Внутри самой церкви (крыши и части боковых стен уже нет) заметны фундаменты 6 столбов, на которых была укреплена крыша: столбы расположены в два ряда. Каждый столб был из цельного камня, как это видно по одному сохранившемуся столбу; столб почти квадратный (0,75 × 0,73 м.), с срезанными углами. От столба до алтарного пилястра 3,85 м.



В северной стене ниша с крестильной чашей, на ней надпись армянская в 4 строки, плохо сохранившаяся.

Стены сложены из белого хорошо отесанного камня, не оштукатурены.

Алтарный неф имел богослужебное назначение, а боковые нефы закрыты глухой (с дверью) стенкой, за которыми расположены, по-видимому, комнаты, а не богослужебные части храма.

На западной стороне города внизу находится небольшое кладбище, на нем обычного типа 8-гранный гумбез **Шах-Андан,** каменный. Внутри имеется 8 ниш на каждом ребре. Гумбез имеет круглый внутри купол. Ширина 4,6 м. и длина 4,6 (с нишами); высота 4,5 м. Внутри находятся две надгробные плиты с арабскими надписями. На одной

плите высечено рельефом ожерелье, ножницы, зеркало, сундук, подставка для корана, браслеты, гребенка.

На другой надпись с датой 1077 (=1666/7 г.).

По дороге из Шемахи в Келаханы приходится переезжать через речку. Через нее был перекинут каменный старинный (горбатый) мост, как в Ахсу; только не длинный, в 3 пролета, с арками слегка стрельчатыми, и быками, как в Ахсу; высота до 2 сажен, часть теперь обрушилась (две арки целы, третья обрушилась).

На восточной стороне моста двойная надпись: на арабском и на армянском языке от 1828 года.

За речкой, почти сейчас же за этим мостом наверху холма раскинулось огромное кладбище **Едды-гумбез**—семь усыпальниц. Усыпальницы высотой до 7 метров и более, обычного типа, 8-гранные. Кроме того, множество надгробных плит с различными датами, начиная от очень древних до самых поздних. Дорн указывает там гробницы: Джафар-Кули-хана, Мустафа хана 1261 (=1841), Ахмед Ага, Али Асгар и Абд-ул-Азиз 1250 (=1834/5).

Верстах в 2—3 к северо-востоку от Шемахи находятся интересные в археологическом и историческом отношении места: Гюлистан (Кыз-Каласи) и Пир-Дереки, это довольно высокие горные вершины с развалинами. К сожалению, мы их не могли посетить, за недостатком времени.

Келаханы.

В 6—7 верстах к ю. з. от Шемахи, за невысоким горным хребтом, расположено селение Келаханы (Калаханы, а иногда даже называют Гуллу-ханы). Это селение в настоящее время заселено армянами. Говорят, что армяне поселились в этих местах только лет 200—250 тому назад; прежде это было большое зажиточное селение, имевшее до семи сот дворов, хорошие виноградники и т. д. Во время гражданской войны 1917—18 г.г. селение было совершенно разорено, жители убежали. Только с 1920 г. прежние армяне стали возвращаться на свои места, восстанавливать хозяйство и уничтоженные виноградники. В районе этого, именно, селения народная *молва ищет „клада Александра Македонского“*. Здесь, на месте, мы собрали сведения о тех рассказах, которые ходили в народе об этом кладе. Савельев П. Ф. руководился теми воспоминаниями, которые сохранились от рассказов и указаний местного жителя Сагатела Ованесовича Галустова, который в последний раз вместе с ним осматривал эти места в 1913 г. Сагател умер в 1918 году. Нами был приглашен Агабан Ованесович Галустов, младший брат Сагатела; но оказалось, что старику лет 80, и он ничего не знает и не помнит о кладе. Житель селения, Мирзаджан Микаэлович Гамазов (50 лет) рассказал нам, что лет 20—30 тому назад сюда приезжал один человек (не русский), грек, он пришел к его отцу, вместе с ним осматривали разные места, потом местах в 7 взяли земли, потом будто бы произвели анализ и об‘явили, что из

взятых образцов 5 не годятся (?); затем обошли гумбезы и осматривали их; тот же человек говорил, что есть старое место для бани, а кругом есть много ценного,—однако правительство не разрешило произвести раскопки. Гамазов же помнит, что бабушка его говорила, что здесь много мест, где есть много золота; пробовали копать, но ничего не нашли. Другие сельчане говорили, путаясь в сообщениях; говорили между прочим, что клад находится в 100 саженях от гумбезов: большинство утверждало, что ханы построили здесь особое помещение, в которое прятали свои драгоценности. Они утверждали, что до армян на этих местах жили мусульмане, и селение тогда называлось Шихляр. Самое название Келаханы об‘ясняли так: „кяла“—по фарсидски значит большой, великий,—следовательно, „Келаханы“--„великие ханы“; другие об‘ясняют „Кала“—башня (гумбез), т. е. башни (гумбезы) ханов.

Говорили также, что лет 20—30 тому назад сюда приезжал один армянский ученый священник (епископ Сумбатян), который все осматривал и описывал: 8 гумбезов и еще один разрушенный фундамент ханской бани (хаммам).

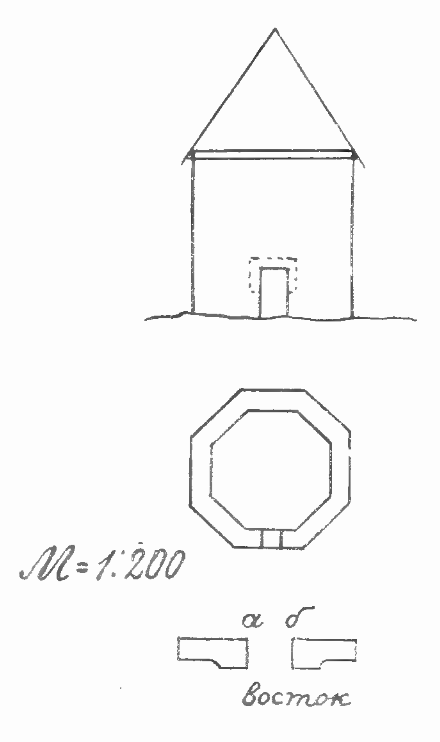
Сообщили также несколько местных легенд. Один житель из окрестностей однажды проходил, дескать, по дороге мимо хамама (бани) и увидел там змею. Он заинтересовался этим и хотел раскопать. Увидев змею, он пришел домой, взял блюдечко с медом и принес на это место; змея с‘ела, уползла в глубь земли, затем вернулась и положила на блюдечко кусок золота. Так этот человек делал несколько раз, всегда получая от змеи золото. Умирая, он передал своему сыну этот секрет. Сын тоже сделал это несколько раз, но потом захотел захватить весь клад и решил для этого проследить за змеей. Однако змея это заметила, позвала на помощь всех змей, которые напали на человека и убили его. После этого люди испугались и переселились на другое место. Селение было в 700 дворов, но змеи уничтожили почти всех, оставив только семь дворов, но и те испугались и ушли.

Вообще, в окрестностях здесь часто находят монеты, даже серебряные,—большею частью большие, толстые. Однажды, когда копали землю под виноград, нашли на глубине 1 аршина кувшинчик, а в нем серебряный поднос и чашку. Лет 20—30 тому назад срывали „ток“ (место, где молотят хлеб) и нашли кувшин, полный альчиков (550 шт.). Лет 40 тому назад копали колодец для зерна и на глубине 2 сажен нашли скелет, на нем бусы крупные, янтарные, серебряные деньги.

С западной стороны селение ограничено неглубоким оврагом, который образован небольшим ручейком из родника, выбивающего у подножия горного хребта. По другую сторону этого оврага находится обширная (около 1 версты сев.-юг, 1/2 версты в.-з.) равнина с легкой покатостью к ручейку. На этой поляне, повидимому, прежде было обширное кладбище. На нем сохранились и теперь в довольно хорошем виде 8 гумбезов (надгробных мавзолеев), с восьмигранным же пирамидальным куполом, все из хорошо тесанного известняка желтоватого или сероватого цвета:

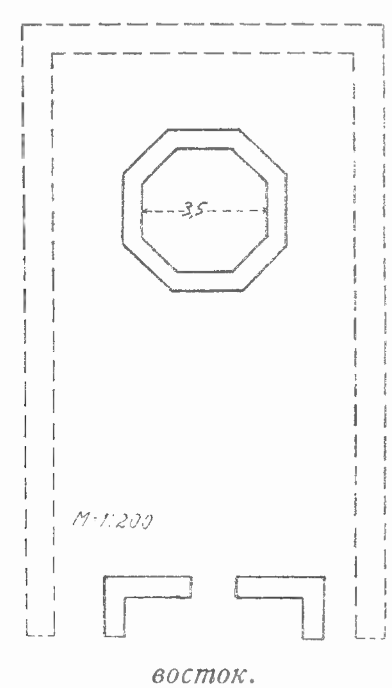
1) Крайний с севера гумбез имеет впереди себя специальный портал.

Длина и ширина внутри 3,05 м., высота гумбеза до купола 4 м., высота купола 3 м. Входное отверстие в восточной стене 1,3 × 0,75 м.; над входом 2 розетки и украшения; перед входом в расстоянии около 2,5 м. фундамент портала, со следами арки. Рядом с гумбезом несколько надгробных памятников с надписями и без них. Одна от 627 г. х. (1230 г. хр.); памятники сундукообразные.



2) В нескольких десятках метров к югу от первого находится второй гумбез, почти такого же плана и вида, как первый. Гумбез, по видимому, имел ограду, от которой сохранились только следы фундамента, размером прямоугольник 20 × 10 метров.

3) Еще дальше был третий гумбез, восьмигранный, длиной и шириной по 3,2 м.; высота 3,5 м.; 2 м. высота купола; толщина стен 0,8 м.; вход в восточной стенке, над входом розетки. Кругом гумбеза была ограда в виде четырехугольника. Около лежал на боку намогильный камень, когда его подняли, то на боковой стороне оказалась прекрасно сохранившаяся арабская надпись, текст из корана.



восток.

4) Гумбез похожий на предыдущие, 8-гранный, но камни, из которых он сложен, крупнее. Над входом две розетки и имя „Али“ (как в ханском дворце в Баку). Кругом была ограда, а с востока остатки отдельного портала.

5) Гумбез такой же 8-гранный, над входом камень с арабской надписью от 1074 г. (1663/4) в 3 строки в рамке с именами: „Шейх-Ибрагим бин Ахмед бин Шейх Исрафил“, а имя строителя Абдул Азим. Длина и толщина около 3,14 м.; толщина стен 0,79; входное отверстие в восточной стенке прямоугольное 1,39 × 0,79 м. снаружи, а 1,21 × 0,62 внутри; высота порога над цементным полом 0,21, до земли 0,25. Над входом розетки нет. Сохранились следы фундамента ограды.

Два гумбеза почти рядом: 6) немного меньше, над входом 3 розетки грубой работы, 7) выше—до 7 метров высоты. Впереди, с востока, на расстоянии 7—8 метров отдельный портал (высотой, может быть, до 3—4 метров).

8 и 9) Несколько западнее еще 2 таких же гумбеза.

10) Развалины *намогильного памятника* (у народа *„баня“* — *„хамам“*).

К югу от гумбезов, саженях в 50 находятся какие-то развалины: куча камней, несколько прикрытых землей с проросшей травой и чахлым кустом инжира. Высота холма развалин около 3—4 метров, длина и ширина (диаметр холма) около 10 метров. Местное население называет это развалинами бани (хамам). С запада протекает ручеек-канавка от выходящего здесь из пригорка родничка. Канавка вообще окружает холмик почти со всех сторон, а за канавкой накидан невысокий (до 1 метра) валик земли. В 200 саженях к югу от этого холмика с развалинами „бани“ находится небольшой источник какой-то минеральной солоновато-кислой воды: почва около родничка немного (на $1/2$ метра) приподнята, глиноватая или иловатая, диаметром около 1 метра, в средине выход воды: поднимается и булькает очень слабая струя воды с газом и очень немного стекает по скату. Местное население считает этот родник очень давним—„вечным“. Именно, с этими местами народное предание связывает легенду о кладе Александра Македонского.

Проводником здесь нам служил П. Ф. С. Он сказал, что в 1913 году в эти места он приехал вместе с Сагателом О. Г. С ним они дошли до развалин „бани“; затем Сагател, выравнявшись по „северной“ (нужно было говорить—„западной“—) стенке развалин, направился прямо и вышел к „вечному“ роднику. От этого родника он пошел обратно к „бане“ и искал „живого“ родника, т. е. с обыкновенной пресной водой, но источника не нашел, а сообщил, что нужно найти пресный „живой“ источник, отсчитать от него несколько (а сколько, именно, не сказал) шагов и копать. Сагател не сказал также, в какую сторону—направо (к западу) или налево (к востоку) нужно отсчитывать шаги. Он говорил, что в этом (?!) месте находится подвал каменный, в котором скрыт богатый клад, а Сав., неизвестно, с чьих слов, упорно утверждал, что это клад Александра Македонского, древне-греческий.—Сав. говорил, что, когда Александр Македонский закончил свой поход в Индию, он стал возвращаться в Грецию и пришел к восточному берегу Каспийского моря. Построив корабли, он переправился к западному берегу Каспийского моря и скоро дошел до окрестностей Шемахи, но здесь, вследствие предстоящего столкновения с врагами или бунта своего войска, закопал свои сокровища, а затем двинулся дальше, оставив здесь все свои необыкновенные богатства. Конечно, в этих рассказах Сав. мы можем видеть отзвук богатого материала об Александре Македонском—об Искянда-

ре Зюлькарнайн—Двурогом Александре, о котором существовали большие поэмы и повести—„Александрии“ или „Деяния Александра Македонского“, полные всевозможных легендарных, фантастических сведений—напр., о людях с песьими головами и т. д. Ни Александр Македонский, ни кто-либо из ближайших его выдающихся военачальников в пределах современного советского Азербайджана не был и быть не мог, а особенно около Шемахи. Поэтому предание о кладе Александра Македонского и т. п. совершенно недостоверно по самому своему существу. Но это не мешало народу верить в подвиги Александра. Достаточно сказать, что начало постройки Дербентских и других по соседству стен, так называемых Сур-ат-тин (длинный рог) или Искяндер-самты около железн. дор. станц. Дивичи и Кизил-Бурун,—все это народным преданием относится опять-таки к времени и деятельности Александра Македонского, хотя тогда еще не была сознана необходимость постройки стен Дербентского прохода, а может быть, даже самый проход был покрываем водой (см. у Тацита). Определенно, первые работы по постройке Дербентских стен восходят только к Кубаду I, (488-531 по р. хр.), сасаниду, и его сыну Хосрою I Ануширвану (531-579 по р. х.), т. е. к V-VI в. по р. х., почти на тысячу лет позже Александра Македонского. Тем не менее в XII в. знаменитый гянджинский житель поэт Шейх-Низами (умер в 1201 г. хр. эры, погребен близ Ганджи) написал большую поэму „Хемсе“ (Пятерица), пятая часть которой называется „Искандер-Наме“. В ней тоже рассказывается о легендарных подвигах Александра Македонского в Азербайджане, о его любви к Наушабе, царице города Бердаа (ныне Барда, близ Евлаха) и его борьбе с нашествием русов.

Саг. не указал Сав. точно место клада и не указал пресного источника, и они даже не нашли его. В настоящее же время, с нами, Сав. стал искать этот источник и нашел его в овражке, поросшем молодым кустарником. Источник („фонтан“—по местному выражению молокан) оказался с довольно значительным количеством воды, довольно порядочной на вкус; оказалось, что он теперь обложен тесаным камнем, а на камне армянская надпись „15 окт. 1912 г.“ Савельев высказал удивление, как это Саг. в 1913 г. не мог найти источника, хотя источник уже был обделан камнем в 1912 г., он видел в этом хитрость Саг. От „бани“ к югу начинался овражек, который делался глубже по мере того, как удалялся к югу. Вот и все, что „доказал“ нам Сав. Руководясь всеми этими признаками (стена „бани“, два источника), но не имея точных данных, мы решились действовать ощупью, искать следов подземного погреба, а именно, мы заложили траншею против пресного источника на верхней части овражка (тут его глубина была не менее 5-8 сажен вертикально), на левой (восточной) стороне овражка. Траншея была проведена перпендикулярно к линии оврага, имела длину 15 саж., ширину 1 саж., глубину до 1 саж. и в восточном краю немного более. Работало здесь от 30 до 40 человек 4 дня (5-8 мая); рабочие местные жители, армяне. Глубина траншеи

была доведена до материка, до нетронутого слоя земли. Потом перпендикулярно к середине траншеи мы провели еще другую траншею (длиной 5 саж.). Мы рассчитывали, что, может быть, наткнемся на следы какого-либо подземного сооружения или на какие-нибудь выбросы копаной земли. К сожалению, все наши старания совершенно не увенчались никаким успехом: ничего не было найдено, даже каких нибудь случайных погребений. Только, почти в средине первой траншеи наткнулись на что-то вроде круглого небольшого колодца, в котором нашли следы накопанной земли и отбросов кухонных (яичная скорлупа), а невдалеке от этого места нашли 20-30 костистых чешуек от осетра. Больше решительно ничего. Когда стала выясняться безнадежность раскопок здесь, мы перевели часть рабочих на правую (западную) сторону овражка и заложили там, последовательно, пять небольших траншей, до 5 саж. длины, 2 арш. ширины и глубиной до 2-х арш. и более. Траншеи были расположены опять приблизительно по линии „пресного" родника. Первую траншею заложили там, где, по сообщению местных жителей, несколько лет тому назад—давно—нашли серебрянный „поднос" и чашку; там ничего не нашли, кроме кувшина красноватой глины с троечастным верхом горла, средней величины.

Когда предварительно опрашивали жителей, то одни из них, между прочим, сообщали, что, когда они в одном месте пахали, то плуг всегда натыкался на какой-то камень. Когда мы на другой день хотели найти это место, то рассказчик исчез, а другие говорили, что брат не позволяет ему показать это место. Когда стали рыть крайнюю южную траншею, то наткнулись на один большой камень неправильной формы; расширяя место раскопок в стороны, обнаружили несколько больших каменных плит, неправильной формы. Выяснили, что здесь имеется погребение в каменном ящике, направление восток-запад, длина около двух метров в общем; плиты каменного ящика были сильно сдвинуты, и даже нельзя было вполне выяснить, которые плиты были боковые. В восточном краю нашли сначала большой кувшин красноватой глины с троечастным верхом горла; кувшин лежал на боку. Под этим кувшином, тоже на боку, лежал небольшой кувшин красноватой глины с троечастным верхом горла; кувшин был покрыт известковым (соленоватым) налетом; под кувшином оказались три черепка кувшина (?) черноватой грубой глины. От трупа (лежачее положение с в. на з., голова на восток, руки около груди) в сущности ничего не сохранилось; не сохранился даже череп, только от больших костей и от одной берцовой кости остались совершенно истлевшие остатки: все превратилось в известковую массу, слой которой (от трупа) был менее 3 с.-метров толщиной. Около пояса сохранились сильно перержавелые остатки шашки. Труп был на глубине менее 1 метра от поверхности земли; все придавлено плитами. Почва очень сухая. Можно только предполагать, что кости трупа здесь не сохранились, потому что здесь было очень сухо, и солнце сильно прогревало это ме-

сто. Внутренность погребения представляла собой очень твердую землю, которую приходилось разрывать с большим трудом железным заступом или киркой.

Когда стала вообще выясняться бесплодность всех работ по этим траншеям, я решил сосредоточить свое внимание на развалинах „б а н и“ (х а м а м а). Там было поставлено 10-15 человек. Когда разобрали верхний слой земли и часть наваленных в беспорядке камней, выяснилось, что сохранились остатки стен из тесаного известкового камня. В верхнем слое земли нашли „копейку“— русской чеканки 1862 г. Вскоре нашли большой камень, который имел полукруглую выемку; это был, очевидно, камень от верхушки портала с купольной выемкой, слегка стрельчатой аркой. На другой день стало ясно, что стены здания сохранились почти до половины своей высоты. Прежде всего мы совершенно очистили снаружи северную стенку, ее длина 7 метров, высота до земли 1,3 (и даже несколько глубже); на средине наружной стороны стенки выделан пилястр шириною 0,38 м.; глубиной 0,05; пилястр сверху вниз имел высоту 1,13 метра, т. е. он оканчивался, не доходя до разрытой части земли, значит, в настоящем своем, начальном виде нижний конец пилястра доходил до уровня земли, отмечая собой начало цоколя здания. Стенка снаружи была сложена из хорошо обтесанных камней размера 30 × 60 см. в среднем, светлосерого известняка. Толщина стенки была около 0,8 м., она составляла северную наружную стенку здания. По другую ее сторону, с юга выяснились два помещения—две комнаты: восточная (№ 2)—3 м., восток-з., около 3 м.—с.-юг и западная (№ 3) около 3 метр. вост.-з. × 2,74 с.-юг. Дальнейшие раскопки (в следующие дни) выяснили, что восточная стенка, а также западная вместе с прилегающими к ним частями стен были почти совершенно, до фундамента, уничтожены; части же стенок ближе к средине здания хорошо сохранились, на высоту до 1 м. и более. Вдоль южной и западной стены в комнате № 2 шла какая-то приступочка: 0,40 выс. × 0,40 шир. Высота сохранившихся стен до приступки 1,20, до пола 1,60.

Еще ранее обнаружилась комната (№ 1)—помещение, расположенное к югу от восточной средней комнаты. Здесь совершенно хорошо сохранились все 4 стены из хорошо обтесанного камня. Когда на второй день раскопок мы стали разбирать кучу камней, то с южной стороны по стенке мы заметили тесаную кладку и увидели сначала плиту, вставленную в стену, имевшую в своей верхней части выпуклый выступ величиной около 5 × 5 вершков в квадрате, как-бы площадку, заготовленную для надписи. Я велел осторожно окопать прежде всего эту плиту. Когда тут разобрали камни, то оказалось что ниже этого выступа плиты находятся обычные на надгробных камнях сталактитовые выступы магометанского (арабского) стиля, а затем и резьба. Выяснилось затем, что это как бы „михраб“, какие делаются на мусульманских надгробных камнях. Работа хорошая, чистая, хорошая сохранность. Размеры михраба: 0,32 м., ширина и вы-

сота до пола комнаты 0,93 м. Предполагая, что внизу на этой плите имеется надпись, я велел осторожно разбирать камни и вычищать землю. Скоро дошли до пола, сложенного из хорошо обтесанных плит. На полу около михраба, перпендикулярно к нему, были положены пять плит—по направлению к средине комнаты. Высота этих надгробных камней над полом 0,19 м., ширина их (всех 5 камней)—1,37 м. и длина (в. з.) 0,81 м. Из этих пяти камней—два к средине были прежде, очевидно, оштукатурены; а три камня были просто заложены между ними и михрабом—для прочности. Надписи никакой не оказалось. Целы были все четыре боковые стенки комнаты, высотой от пола около 1,66 м. до наиболее сохранившейся части. Дверь, повидимому, была в восточной половине северной стенки, она вела в среднюю восточную комнату. До пола комнаты с михрабом добрались только к вечеру. Почти на самом полу нашли небольшую глиняную чашечку, похожую на маленькую чашечку, из Делижана. Допуская всякие возможности, мы вечером не стали поднимать плит пола, а также на ночь оставили ночных сторожей, с которыми остался на ночь и Садиги Г. Утром следующего дня мы совершенно очистили пол и стали осторожно поднимать сначала камни около михраба. Когда подняли два оштукатуренные камня, то оказалось, что под ним имеется большое отверстие, пробитый свод нижнего склепа, находившегося под этой комнатой. Толщина пола свода была 0,35 м. Открытое отверстие 0,80 × 0,59; отверстие, очевидно, было пробито хищниками. Полные надежд мы стали заглядывать вниз, в склеп, но нас постигло глубокое разочарование: внизу в склепе виднелись кости, разбросанные в беспорядке, а в юго-западном углу лежал целый череп и часть больших костей—в одной куче, земли было немного на полу, очевидно, склеп давно был ограблен,—все выбрано.

Склеп имел 3,10 вост.-з. × 2,40 м. с.-юг, высота 1,90 м. Верхний свод был с легкой стрельчатостью, почти коробовый. В восточной стенке оказалась наружная входная дверь (отверстие) 0,69 шир. × 1,15 выс., толщина стенки 0,62; отверстие имело стрельчатую арочку. Через это отверстие внутрь склепа насыпалась—наплыла земля, которой внутри склепа около отверстия было более 0,5 метра высотой, а дальше к западу все меньше и меньше, а у самой западной стены меньше, чем на 0,20 м. Из этого склепа мы взяли череп и большие кости человеческие; кроме того, нашли кости курицы и еще какие-то кости животных, обломанные. В склепе было сыровато, но воздух не спертый. Приходилось землю вытаскивать ведрами через верхнее отверстие и ее осторожно и внимательно пересматривать. В земле нашли несколько осколков фаянсовых блюдечек, лампу глиняную (чираг), обломанную, кусочек кремня, следы углей или чего-то обгоревшего (волос или материи), кусочек дерева истлевшего, кусочек железа (шашки или ножа), четыре сильно окисленные, совершенно позеленевшие монеты, из них одна маленькая, как бы обрубленная (как у ширван-

шахов—рубленная—четырехугольная, продолговатая). Очистив совершенно землю, мы дошли до пола склепа, устланного хорошо тесанными большими плитами 0,60 × 0,80 м. Мы поднимали плиты, но под ними оказалась нетронутая земля, очень сырая. С восточной стороны была окопана наружная стенка, в ней было входное отверстие в склеп, а к нему вела небольшая каменная лесенка. Так как с западной стороны мог быть еще склеп, то мы окопали ниже уровня пола комнаты № 1 и установили, что там нет ничего. Из комнаты № 2 в комнату № 3 вела небольшая дверь: 0,74 м., сделанная посредине западной стены, у двери порог, высота его 0,20 м., ширина по порогу 0,73 м., толщина стены по порогу 0,80 м. Комната № 3 имела в ширину (с.-ю.) —3 метра, а в длину (в.-з.) более 3 метров, так как вся западная окраина этой комнаты разрушена, а далее начинается уже низкое место. Высота стен в восточной стороне 1 м. и более, а к западу сходит на нет: сначала тесаные плиты в 6 рядом, а потом 4-2 и совсем ничего. Очистили землю и камни в комнате № 3 почти до самого пола и обнаружили пол, являющийся как бы верхним сводом нового склепа; хотели его пробить, но он оказался очень крепким, а вместе с тем из комнаты № 2 обнаружили *вход в склеп № 2 под комнатой № 3.* Именно, когда выяснили, что пол комнаты № 2 ниже пола комнаты № 1, стали его очищать. Очистив пробовали поднимать плиты пола, но под ними оказалась нетронутая земля. Почти одновременно выяснили, что пол комнаты № 3 является *сводом нового склепа* № 2, и что из комнаты № 2 через стенку есть в склеп № 2, под комнатой № 3, входное отверстие почти такое же как в склепе № 1, с небольшой каменной лесенкой. Едва очистив вход, мы ползком пробрались в склеп, но здесь нас ожидало еще большее разочарование: *склеп был почти совершенно пуст.* Этот склеп по размерам был больше первого: 6 × 8 × 5 ар.

Свод почти коробовый с легкой стрельчатостью. Через входное отверстие наползла земля,—на 0,50 м. у входа, а дальше все меньше и меньше, у западной стены не больше, чем на палец. По земле были разбросаны части костей: нашли только два куска черепных коробок человеческих, других костей почти не было. На земле около западной стенки рабочий нашел обломанную золотую серьгу с бирюзой, нового типа, свежую на вид. Выбирая землю, ее внимательно пересматривали и в ней нашли две мелких медных сильно позеленевших, окислившихся монеты, два куска небольшого стеклянного какого-то сосудика, мелкие обломки фаянсовой посуды. В самом низу у входного отверстия в склеп, в земле мы нашли каменное украшение (шишку), которое было, очевидно, прежде помещено на самой верхушке купола здания склепов. Мы пробовали поднимать большие, хорошо отесанные, плиты пола; но под ними была уже вода. Значит, расхопки показали, что здание, считаемое народом хамамом (баней), на самом деле было мавзолеем с двумя погребальными склепами. Очевидно, что оба склепа были когда-то *ограблены.* О времени

ограбления можно только высказывать предположения, а именно: местные жители передавали нам, что в старину, когда русские завоевывали Кавказ, они стояли лагерем невдалеке отсюда, именно, на окраинах холма по близости от описанного выше „вечного“ источника с газовой водой. Там на пригорке они долго занимали хорошую полицию. Это обстоятельство, по моему мнению, помогает уяснению всего вопроса. Солдаты, русские войска, в расстоянии менее 1 версты от развалин бани, конечно, часто посещали эти места и обратили на них внимание. Очень может быть, что в какой-нибудь, более свободный и спокойный, момент какой-нибудь офицер или начальник велел раскопать „любопытное“ полуразрушенное здание. Рота или батальон солдат легко это сделали. В первый склеп проникли через пролом свода, а во второй склеп через входное отверстие. Пробравшись в склеп, они все ограбили. Когда же это было? При очистке земли сверху мы нашли русскую копейку 1862 года. Очень может быть, что это и есть приблизительная дата ограбления склепов: 60-е годы. Это же обстоятельство, может быть, и позволит об‘яснить самое происхождение легенды о кладе Александра Македонского. Очень может быть, что в склепах нашли кое-что очень ценное; но когда дело было сделано, вещи разобрали по рукам, а солдатам было велено поменьше говорить. Открыто о кладе не стали говорить, но в народе, очевидно, прошла молва, что „есть“ клад, и его приписали уже Александру Македонскому. Вот почему в 60-х годах возникли слухи о большом кладе в горах близ Шемахи, слухи, дошедшие до Тифлиса и высшего начальства (при Барятинском). Глухие слухи не были ни опровергнуты, ни подтверждены до настоящих раскопок. Что касается времени постройки склепа, то тут помогают нам ориентироваться медные монеты, найденные в склепе.

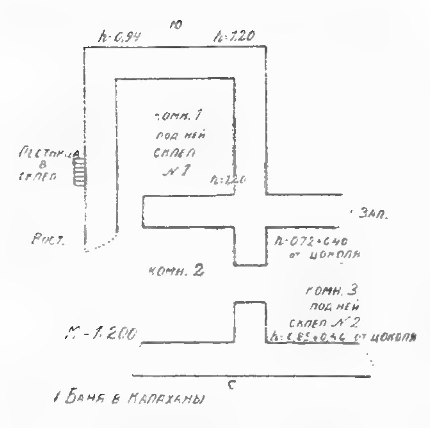
Всего было найдено 6 медных монет, сильно окисленных. 4 монеты были более крупны (весом 10, 51 грамм; 11, 60,—10, 59 и 4, 04 гр.) и 2 монеты более мелкие (1,70 и 1,44 гр.)

Все эти монеты были очищены, приведены в порядок и определены Е. А. Пахомовым. Только на одной большой монете можно ясно различить год 1087=1676 и место чеканки „Ардебиль“; эта монета на обороте имеет изображение рыбы и ветки.

На другой большой монете можно различить место чеканки—„Тавриз“ и фигуру павлина; на третьей можно различить только изображение солнца (с лучами); на четвертой, может быть, можно читать место чеканки „Шемаха“; остальное не поддается чтению. Во всяком случае монеты относятся к персидским сефевидским XVII—XVIII в., по датам и по типам.

Что же касается самых мелких монет из второго склепа, то Пахомов по типу относит их к XV—XVI вв.; на одной как будто бы, читается „Шемаха“, но вообще надписи сильно повреждены.

Следовательно, монеты указывают, как на самое раннее время, на XV—XVI в., т. е. на последние годы дербентской династии ширваншахов и период сефевидов, вообще.

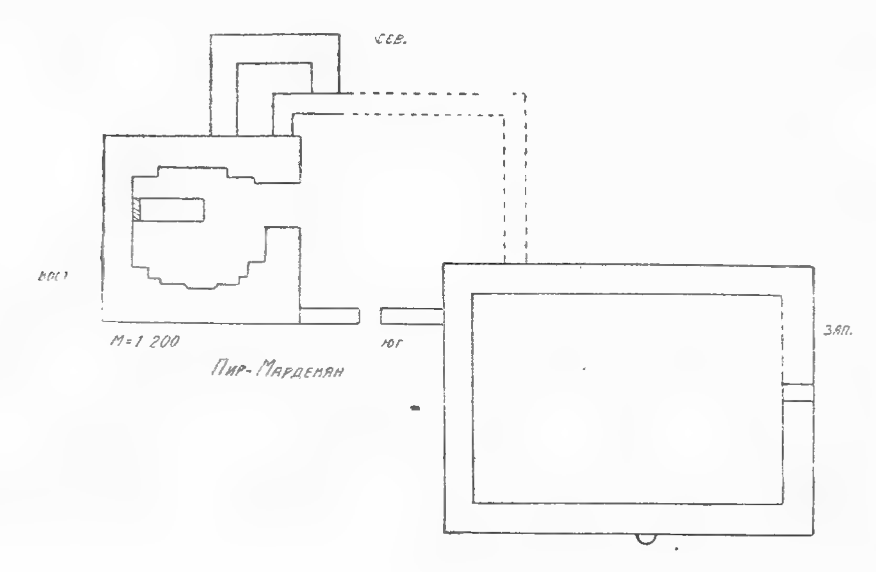


Если мы обратим внимание на то, что один из сохранившихся около Келаханов мавзолеев (гумбезов) имеет надпись от 1074 (1663 г.), почти совпадающую по временени с датой монеты 1087 г., то едва ли будет ошибочно мнение, что мы в склепах № 1 и 2, так называемого у народа „хамама", в Келаханах имеем погребение конца XVII в. или начала XVIII в. какой-то фамилии местных ханов—во время позднейших сефевидов (Сулеймана I или Султана-Хусейна и т. д.)

Из Келаханов Садиги Г. и проф. В. М. Зуммерезд или в Керкенч, где нашли несколько надгробных памятников.

Геокляр (Пир-Мардекян).

Из Келаханов мы выехали в селение Кущи, где, по словам Савельева, должно было быть второе место с кладом Александра Македонского. Верстах в 12-ти к югу от Келаханов находится большое и довольно богатое селение Геокляр, в котором много домов под железными крышами, и население в нем, в общем, постоянное, а не кочевое. Прежде это селение было, повидимому, еще богаче, были даже двухэтажные дома. На южной окраине селения близ дороги, у спуска в овражек,—долину с родником, находится старинный мавзолей Пир-Мардекян, могила, гумбез неизвестного, по имени, святого. Местное население говорит, что Пир-Мардекян она была названа потому, что святой был пришелец из селения Мардакяны на Апшеронском полуострове. Пир состоит из нескольких частей: 1) собственно гумбеза или могилы святого, 2) из большой комнаты—мечети и 3) прилегающих небольших пристроек и двориков; все вместе представляет одно целое, обнесенное оградой и стенами пира, и мечети.



Пир-Мардекян

На южной стене пира находится надпись: Строение этих сооружений принадлежит Гаджи Исмаил..... и Гаджи Ибрагим.....“

Пир внутри представляет собой комнату в виде прямоугольника (почти квадрата, 6 арш) с нишами в каждой стороне. Выше собственно прямоугольной части гробницы идет купол, сначала восьмигранный внутри. Купол со сводом имеет около 6 арш. В восточной стене находится входное отверстие. Примыкая к западной стене, расположена гробница (наружная), т. е. возвышение, сделанное из камней, длиной около 5 арш., шириной $1^1/_4$ арш. и высотой 1 арш., оштукатуренное. У западной стенки в головах гробницы помещена плита с куфической надписью, для которой сделана рамка с 11 овалами и в каждом овале слово Аллах. Плита, повидимому, была сломана на средине, а потом сложена и зацементирована, потому в надписи (Во имя Господа милосердого и милостивого. Эта могила Шейха, имама, высоко-ученого), самое важное в ней было сильно повреждено и не поддается чтению. В южной стене гумбеза сделан небольшой михраб и в него вставлена небольшая плита с надписью ширваншаха Феррухзада, сына Манучехра. Об этой надписи упоминает и Дорн, который отмечает в Пири-Мардекян еще: надгробную надпись Шайх Ссаида (?), обломки надписи с могилы Шейха и такие же обломки из прилегающей постройки. Стены были оштукатурены, но плохо. С северной стороны к восточной части пира пристроено небольшое из простых камней сооружение, но в него ведет уже не настоящая дверь—отверстие, а какой то пролаз, через который едва мог влезть самый худощавый из нас и то с очень большим трудом. В одном углу этой пристройки находится небольшая надгробная плита без надписи, а на стенке против двери, обломки надписи, содержащей в себе титул ширваншахов („Великий и высокий мира“).

С восточной стороны к пиру примыкает небольшой дворик с засохшим деревцом. В этот дворик проникают через небольшую дверь, пролаз ($1^1/_2$ 1 арш.). С восточной стороны к дворику примыкает мечеть, довольно большое помещение, пол которого ниже уровня дворика на $1^1/_2$ арш. Внутри это помещение похоже на подвал; в южной стене михраб.

Надпись в Пир-Мардекян, повидимому относится к ширваншаху Феррухзаду первому (583—600=1188—1203), сыну Менучехра II.

Кущи.

Верстах в 15 южнее Геокляра находится сел Кущи, которое представляет собой собственно, т. наз., яздаг, т. е. весеннее становище. Жители сел. Кущи зимуют внизу на Ширванской степи на пространстве от Ахсу до Келаны и Карасу, у подножия горного хребта, охватывающего с запада долину р. Пирсагат. На этой степи, раскинуты в разных местах зимние становища, т. е. глинобитные легкие постройки; таких становищ можно насчитать, пожалуй, до десятка; каждое

становище имеет десять-двадцать таких построек. Здесь живут только в зимний период, т. е. с октября до апреля включительно, около 6—7 месяцев, иногда больше, иногда меньше, в зависимости от погоды и от запасов воды. Так, напр., в 1925 г. уже в начале мая здесь совершенно не было воды, так как весна была сухая, а потому жители рано выбрались на весенние становища, и все зимние становища были совершенно пусты: ни жителей, ни животных—пустые постройки. Таким весенним становищем (яздаг) было то селение Кущи, в которое мы попали теперь. Здесь, на высокогорном плоскогории, близком к главным частям горного хребта, ограждающего р. Пирсагат с запада, поместилось несколько построек (десятка два), прочных постоянных построек, правда, не замысловатого типа, и до сотни летних кочевых юрт. Каждая юрта состоит из помещения, огороженного внизу, до высоты человеческого роста, циновками, а весь верх покрыт кошмами—войлоками; каждая юрта имеет около шести метров длины и до 4 м. ширины, высотой до 3—4 м. В одной длинной стороне вход. Скота, именно главным образом, овец, а затем коз, ослов, коров, буйволов и лошадей много, вероятно, тысяч до 15. При скоте большие злые собаки. Живут очень грязно, детишки часто почти раздетые или голые.

В описанном месте в Кущах жители остаются только в весеннее время—апрель, май, а затем, как только и здесь становится суше, жарче, начинают со скотом передвигаться дальше в горы к снеговым пространствам, на эйлаги, где живут до августа или сентября, до первых холодов.

Через Кущи проходит большая дорога из Шемахи на Кара-Су, Сагиры, и т. д. Верстах в 2 к ю. з. от сел. Кущи уже на южном склоне горного, высокого хребта есть несколько высоких крутых ущелий, там, где большая дорога из Кущей только что переваливает с северного склона на южный. Здесь в очень крутой балке, Савельев указал нам одну скалу—большой выступающий камень, песчаник, высотой до 5 саж., длиной до 10 саж., толщ. до 2—3 саж., камень выступает из горы в виде гребня. На западной стороне этого камня по низу сделаны каке-то рисунки, черточки, без всякой системы и не особенно глубоко. Когда Савельев подвел нас сюда, он стал уверять нас, что это греческие или какие-то письмена, вообще. Конечно, это не греческие, и вообще, не письмена. В полуверсте (к с. в.) еще другая скала, тоже с знаками или рисунками, а в полуверсте к югу отсюда же, С. говорил, находится какой-то серебро—свинцовый (?!) источник. На мое замечание, нет ли по краям его рыжевато-красноватых (признак железа) пятен, он ответил утвердительно. Говорил, что, руководясь этими знаками („их нужно прочитать и разгадать"), нужно здесь искать клада. Конечно, было нелепостью искать здесь клад, не имея никаких основательных данных, даже хотя бы примерных или приблизительных. Кроме того, бурить или взрывать скалу тоже было бы нелепо.

Источник тоже не нашли: он пересох.

Против первой скалы поднимался еще большой выступ голой скалы, а в ней заметно было входное отверстие пещеры. Когда мы стали спрашивать население об этой пещере, то нам сначала сельисполком и другие сказали, что в эту пещеру никто ни пойдет ни за какие миллионы. Но когда мы сказали, что мы никого не принуждаем, а только предлагаем желающим, то один молодой человек сказал, что он был в этой пещере и согласен в нее опять пройти; что пещера величиной с небольшую комнату. Когда на другой день мы хотели этого человека взять с собой и проникнуть в пещеру, он исчез; но вызвались два другие человека, с которыми удалось посетить пещеру. Она оказалась очень небольшой, менее 1 куб. сажени, внутри, хотя накануне нам говорили, что иногда в этой пещере жители прятали свое домашнее имущество, когда уходили в горы на эйлаги.

Местные жители говорят, что где-то невдалеке от первой скалы, вообще, в этой местности, давно лет 40 тому назад, нашли клад с серебряными монетами (одни говорят, нашли кувшинчик; другие говорят, что нашли около пуда), одна из этих монет (будто бы) была в ожерелье сына сельисполкома, мы сделали с нее снимок, это небольшая серебряная монета последнего хулагуида Нуширвана от 748 г. х. (1348). В том же ожерелье ребенка была круглая серебряная монета сефевида Тахмасипа II (1135—1144 г. х.=1722—1732 г.), повидимому, от 1135 (или 7 г.). Вообще, говорят, здесь довольно часто находят монеты.

Рядом с правлением в Кущах находится яма (глубиной 1,65 м., диам. 1,30 м., по более узкой части 0,80 м.), в которой был найден большой кувшин с человеческими костями. Говорят, что здесь часто находят такие кувшины.

К западу от Кущей поднимается высокая гора, на верху которой есть следы укрепления: башни (кала) и др., но теперь почти ничего нет.

Из сел. Кущи мы отправились обратно в Баку через ж. дор. ст Кара-су.

Примечание. Легенды о кладах Александра Мак. чрезвычайно распространены и говорят о золоте; все они, конечно, недостоверны. В № 1101 газеты: „Заря Востока“ от 12 февраля 1926 г. помещена заметка об экспедиции проф. Денике и Масальского в Среднюю Азию, которая будто бы нашла в Хорезме (Хиве), в бывшей ханской библиотеке перевод на арабский язык письма Александра Македонского к одному из своих полководцев,—в нем говорится о кладе из золотых листов, на которых написано медицинское сочинение. Там же сообщено, что уже в 1703 г. киевский воевода доносил Петру I, что, по словам одного венгерца, в одной горе близ городка Великого Трояна царя, которым владеют венгерцы,—Александр, царь Македонский, с царем Дарием зарыли клад—бочки с золотом и драгоценностями и т. д. При Петре I были сделаны найти попытки этот клад, но, конечно, ничего не нашли.

Проф. В. М. Зуммер.

Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов.

(3-4 февраля 1927).

1.

Наметить проблемы изучения материальной культуры и искусства тюркских народов в связи с назначенной на 5—10 мая 1927 г. конференцией в Бахчисарае: так определил цели и задачи собравшегося в Москве особого совещания по тюркской культуре и искусству в своем вступительном слове проф. И. Н. Бороздин. Материальная культура тюркских народов изучена недостаточно; мы имеем лишь разрозненные подступы к ее изучению. Многое не сделано, многое не доделано, а между тем документация прямыми остатками культуры дает возможность поправлять данные письменности, часто заведомо тенденциозные; напр., неожиданно высокой, в опровержение литературных данных, показали раскопки культуру Золотой Орды.

Не сделано раскопок в Астрахани, в Дагестане, на обширной территории хазарской державы (Верхне-салтовские вещи склонны теперь рассматривать, как аланские), а в то же время Хазария, по словам Т. И. Арне, являлась плацдармом сношений русских, арабов, скандинавов, и пережитки хазаризма А. Н. Самойлович прослеживает до караимов. Мало что известно о культуре печенегов, торков, половцев,—хотя выделение вещей торков и половцев уже намечено А. А. Спицыным и В. А. Городцовым. На территории булгар мы знаем только развалины древнего Булгара.

Больше продвигов и систематики в деле познания татарской культуры Поволжья и Крыма: мы знаем здесь уже осевших татар, строителей городов (работы Ф. В. Баллода, археологической экспедиции в Старом Крыму) определение татарских курганов дал на Керченской конференции А. А. Спицын.

Непочатым полем, целиной является изучение тюркских народов Закавказья, крайне осложненное к тому же вопросом о взаимоотношении культур.

В Средней Азии не удалось добиться планомерности в раскопках, напр., Афросиаба; в Хорезме, находившемся в оживленном культурном и торговом общении с Поволжьем и Причерноморьем, не произведены даже разведки.

Нужно провести планомерный учет наземных памятников тюркской старины; разведки и раскопки по караванным путям вскроют экономические и культурные связи тюркского мира.

В отношении целого ряда тюркских народов (казаки, киргизы, якуты, башкиры) получает значение и новый материал; археологическое изучение переплетается с этнографическим.

Проблема изучения тюркского искусства стоит в программе дня, между прочим, и на Западе. На наших глазах отдельные частичные исследования постепенно сливаются в общее русло; наряду с оригинальными тюркскими чертами отмечается ряд влияний,—широко ставится, напр., проблема сельджукизма. Большое значение, также и практическое, получает изучение прикладного искусства, художественной промышленности: ковроткачества, золотого и серебряного дела, гончарства.

Задачею дня явится усиление преподавания тюркских древностей и искусства в ВУЗ'ах, создание специального исследовательного института, отделений, обществ. С'езды по тюркской культуре и искусству, об'единяя восточных и западных ученых, должны вырости до международного масштаба.

2.

Очередным задачам археологии тюркских народов был посвящен также доклад проф. А. С. Башкирова. Памятники тюркской старины разбросаны на огромном пространстве, ограниченном Тихим океаном, Адриатикой, полосой холодной тундры, Индийским океаном и на протяжении двух с половиной тысяч лет. Эти памятники искусства и быта отличены особыми чертами, позволяющими говорить об их общем стиле. И если в памятниках позднего зодчества мы лишь с трудом отыскиваем этот своеобразный очерк, в быте он явен и до наших дней.

Первый важный вопрос, стоящий перед начинающимся изучением—это вопрос тюркской прародины, тюркской культуры древнейшей поры. Работы в этом направлении ведутся, но с уклоном в лингвистику (В. В. Радлов). То, что тюркские племена обычно приходится рассматривать как пришельцев, которые лишь с течением времени туземятся, затрудняет выделение чисто тюркских черт, которые так ценно было бы проследить у самого истока, в прародине.

Следующая задача—изучение до-мусульманской культуры тюркских народов, так как есть племена и области, оставшиеся вне влияния ислама.

Совершенно исключительного интереса проблема изучения хазарской культуры. Конечно, лишь книжной концепцией нужно признать представление о хазарской культуре, как „коллосальной бирже", где только обменивают чужое, где арабы, персы, византийцы, русские, все торгуют, а хазары посредничают, присутствуют. За Хазарией—восьмисотлетняя история: этот сильный народ держал в руках житницу юга,—заставлял трепетать Персию, и византийский Юстин II же-

нился на хазарке. Крым зовется Хазарией, Каспий—Хазарским морем, в Повонии мы знаем названия—Каганово, Хазаричи. Изучение культуры вымершего племени, хазар, кроме чисто научного значения, является до известной степени и актуальным: от Хазарии—путь не только лишь в глубь веков, к познанию тюркской прародины,—но и к пониманию особенностей тюркских племен, ныне живущих и развивающихся.

3.

Доклад о проблемах изучения искусства тюркских народов был поручен пишущему эти строки.

Тюркские народы еще недавно рассматривались, как художественно инертные, как потребители, но не производители искусства; сводная научная работа, одним из этапов которой будет Бахчисарайская конференция, направлена к установлению творческой инициативы тюркского искусства, характеризующих строй этого искусства стилевых примет, вех эволюции, поместных различий.

Основной чертой тюркского искусства, взятого в целом, его отличительной среди других мусульманских искусств функцией является слияние в нем параллельных линий развития искусств восточной традиции—Византии и Ислама (сирийские и армянские элементы в искусстве сельджуков, смешанный христианско-исламский „кавказский" стиль, преемство Константинопольской Софии в искусстве османов).

Из общей прародины тюркские народы выносят традиции неизобразительного кочевнического искусства, геометрический узор. Даже осваивая изобразительное искусство персов, тюрки перерабатывают органические элементы персидской картинности в сторону отвлеченного геометрически-линейного узора.

Так-же устойчиво, как в узоре, распознаются общетюркские черты в живописи, в частности—в миниатюре. В противоположность персидской каллиграфичности миниатюра тюркская (джагатайская, османская, азербайджанская) ищет выразительности, резкой характерности, граничащей с каррикатурой.

Сложнее установить типично-тюркские черты в архитектуре: здесь приходится говорить о местном обживании заимствованных форм и приемов, о переводе этих форм на местный материал, об отборе излюбленных, наиболее часто применяемых форм, и т. п.

Культурное окружение и взаимодействие отдельных стран тюркского искусства,—в части намеченные в статье акад. В. В. Бартольда «Кавказ, Туркестан, Волга»,—нужно переверить на материале искусства. Так, уже сейчас ясно: мечети базиличного плана, с рядами колонн внутри, типичные для Крыма, отсутствуют в Ср. Азии и Азербайджане; ярусность, равно отличающая купольные мечети Ср. Азии, Поволжья и Крыма, в Азербайджане выражена слабо; прием перехода от квадрата основания к подкупольному граннику при помощи угловой ниши—в Азербайджане не встречается, и т. п.

Сравнительное изучение тюркского искусства—в значительной мере дело предстоящих научных об'единений: Бахчисарайской конференции, Самаркандского с'езда. Поместное изучение искусства отдельных тюркских народов, также начавшееся относительно недавно, уже дало определенные результаты.

В Ср. Азии почти закончено предварительное выяснение круга подлежащих изучению памятников (работы Кружка любителей археологии, потом СредАзКомСтарИса). Общий облик архитектуры Ср. Азии намечает в двух своих статьях арх. Б. Н. Засыпкин. По изразчатой облицовке средне-азиатских памятников, кроме работ С. М. Дудина, мы имеем теперь ценные методологические указания каталога эрмитажной выставки И. Орбели. Библиография средне-азиатских ковров сведена в брошюре проф. А. А. Семенова.

Особенно острой проблемой изучения искусства Ср. Азии является момент „национального размежевания". Уже a priori трудно поверить, чтобы страна, которая по преобладающему тюркскому населению не даром зовется Туркестаном, знала только иранское искусство. Новые, с нетерпением ожидаемые опубликования Б. П. Денике („Искусство Ср. Азии"), И. И. Умнякова („Рабат—и—Малик" и „Исторические памятника Узбекистана"), А. М. Миронова („Старинные памятники Ср. Азии" и „Художественные ремесла народов Ср. Азии"), можно думать, выделением чисто тюркских элементов создадут необходимый противовес подобному пан-иранизму.

Об искусстве Поволжья, кроме старых публикаций и статей Казанского Музейного Вестника и Вестника О-ва Татароведения, мы имеем: по искусству булгар-путеводитель В. Ф. Смолина, золотоордынскому—результаты экспедиции Ф. В. Баллода, книгу П. М. Дульского об искусстве казанских татар; сдана в печать работа А. С. Башкирова „Памятники булгаро-татарской культуры на Волге". Кроме поставленных интересных проблем, касающихся нижнего Поволжья хотелось-бы знать подробнее о формах деревянного строительства, развивающегося уже под русским влиянием,—с шатровым покрытием минарета, и т. п.

По искусству „золотоордынского" Крыма основные данные добыты разведками А. С. Башкирова и У. Боданинского в Эски-Юрте и раскопками, ведшимися летом 1925 и 1926 г. экспедицией И. Н. Бороздина в Старом Крыму. По искусству „турецкого" Крыма к прежним работам У. Боданинского и В. Геригросса нужно присоединить статьи Гинзбурга („Среди коллекционеров"), путеводители и экскурсионные брошюры КрымОхрИса, РОПИК'а, КрымИздата. Б. Н. Засыпкин сдал в журнал „Крым" статью „Памятники архитектуры крымских татар", явившуюся результатом произведенного им технического обследования памятников Крыма. По народному искусству ценные данные собраны этнографическими экспедициями У. Боданинского, ныне подготовляющего труды экспедиции к печати; татарским старо-крымским вышивкам посвящены две статьи Е. Ю. Спасской. Работы по археоло-

гическому, архитектурно-техническому и этнографическому обследованию татарского Крыма решено продлить: неотложной задачей дальнейшего изучения явится, дебатировавшийся на Керченской конференции, вопрос о корнях и соотношении до татарского и татарского искусства Крыма.

Работы по изучению искусства Азербайджана, если не считать старой (1893) публикации А. М. Павлиновым Ханского дворца в Баку, начались совсем недавно. В 1921 г. выходил в Баку журнал „Искусство"—со статьями о ханском дворце в Баку и Сураханском храме. С 1925 выходят „Известия Азерб. Археологического Комитета" (вышло 2 выпуска), „Известия о-ва обследования и изучения Азербайджана" (вышло 3 выпуска), с 1926—„Востоковедение. Известия Восточного Факультета Аз. Гос. Университета" (вышел I том),—со статьями по древностям и искусству. Из журналов на тюркском языке место искусству и древностям уделяют „Просвещение и Культура" („Məarif və Mədəniət") и „Работник Просвещения" („Məarif Isçisi"). Результаты исследовательской работы, которую пишущий эти строки ведет совместно с участниками университетского семинария и членами Комиссии Искусств О-ва Обследования и Изучения Азербайджана, мне удалось суммировать в отчете Восточному факультету („Художественные памятники Азербайджана") и типологическом очерке искусства Азербайджана (в „Известиях Кавказского Историко-Археологического Института"). По народному искусству,—коврам, орнаменту,—кроме старых изданий Кавказского Кустарного Комитета (Пиралов, Кара-Мурза), позволю себе назвать мою статью „Современные кубинские ковры". Очередной проблемой изучения азербайджанского искусства должно явиться установление поместных обликов этого искусства: было-бы очень показательно сопоставить его с тюркским искусством южного (персидского) Азербайджана.

4.

Где тюрки—там и тюркское искусство: всюду, где мы встречаем тюркский этнический элемент, тюркскую культуру,—мы предполагаем найти и самостоятельное тюркское искусство. Нужно только уметь искать, находить, дифференцировать.—Таково было основное положение доклада проф. Б. П. Денике о тюркской миниатюре.

Чтобы верно идти при определении основных стилистических особенностей тюркской живописи, в частности миниатюры, нужно быть во всеоружии знания разных сторон тюркской жизни Трудность проблемы здесь в том, чтобы представить исчерпывающую регистрацию памятников искусства тюрок, характеризующих тюркский этнический элемент в мировой культуре. Нужно при этом принимать в расчет не только тюркское искусство при Исламе, но и „языческое", буддийское, манихейское: якуты и чуваши остались чужды исламу, тюркское государство приняло его только в X в.

Уже в давнюю пору тюрки-кочевники не были, как полагает М. Ростовцев, только посредниками, передатчиками влияния от Ирана

до Китая, но сами на китайское искусство влияли: памятники передают характерную посадку на лошадь, тюркский тип (золотая пластинка Эрмитажа). Рядом с орхонскими надписями должны быть и памятники искусства: такова, напр., орнаментированная колонна из Аулиэ-Ата. Черты татарского типа можно отметить в памятниках Вэйской династии, на каменных бабах, где среди предположительных монгольских и скифских есть и тюркские, и под. Китайское искусство эпохи Тан, Сун—становится таковым после того, как впитывает элементы северные, тюркские и сасанидские.

В памятниках уйгурской живописи,—изображении персонажа за чтением уйгурской книги (акад. С. Ф. Ольденбург), портретах уйгурцев на фрагментах из китайского Туркестана (Лекок)—наряду с чертами индийскими, китайскими, иранскими можно выделить и тюркские.

В архитектуре Ср. Азии влиянию тюрок можно приписать декорацию здания резной терракотой—при Караханидах и Сельджукидах; памятники Самарканда, Бухары, Коканда, возникающие с момента сложения государств узбеков, уже разительно отличаются от построек персидских мастеров при Тимуридах. И орнаментика Касимовской мечети; и новое живое искусство тюркских народов—ковры туркменов, войлочные ковры и ковры с аппликацией казаков и киргизов (работа С. М. Дудина о киргизском орнаменте); и таннутувинская мелкая пластика (шахматные фигуры),—все говорят о своеобразных чертах тюркского искусства.

С этими данными можно перейти и к живописи. Остатки уйгурских живописей; работы крымского художника Омара в Бахчисарае; стенопись карабахских мастеров в верхнем зале нухинского дворца; миниатюры муганского художника начала XIX в.; обследуемая И. К. Мрочковским живопись Ак-Сарая и мазара Биби-Ханым в Самарканде—выясняют роль тюркского начала в этом искусстве. В. В. Стасов (приоритет русского ученого) впервые остро поставил вопрос о тюркском элементе в джагатайской миниатюре. Идущий от кочевников геометризм, стилизацию, экспрессионизм установил в турецко-османской миниатюре Э. Кюнель. Пусть на первых порах выделять тюркскую живописную стихию приходится медленно, с трудом и постепенно,—работа эта, раз начавшись, пойдет, по мере накопления материала, все быстрее и увереннее.

5.

Доклад арх. Б. Н. Засыпкина касался преимущественно общих вопросов изучения архитектуры тюркских народов. Роль тюрок в искусстве всегда значительна,—влияние с XV в. османов является повсеместным. Тюрки находятся в движении, не прикреплены к месту: изучение их искусства должно вестись в связи с их историческими путями.

В VI в. тюрки выходят на мировую арену; с VI по IX в. натиск этих кочевников встречает противодействие, и они на время оседают

в нынешнем Туркестане,—затем, одолев, двигаются дальше. По дороге они встречают местные традиции, местную кирпичную архитектуру; но есть ли уже в памятниках VIII—IX в. тюркский элемент, определить до археологического обследования дороги тюркских народов мы не можем. Далее, тюрки выдвигают династию Караханидов, принимающих ислам и становящихся его ревнителями. При них создаются первоклассные по художественной ценности мавзолеи Узгена с декорацией резной терракотой, не встречаемой в Персии. Характер резьбы по дереву, присущий этой декорации, делает ее непохожей и на армянскую, но мелкая резьба по терракоте в сооружениях Газневидов в Афганистане близка к узгенской.

Тюрки продвигаются к М. Азии: по дороге—сельджукский город Мерв (Э. Кон-Винер),—наконец, Кония; но проблема сельджукизма уже достаточно выяснена (А. С. Башкиров). У берегов Босфора турки останавливаются: в основу османской архитектуры кладутся византийские приемы.

Не принимая в расчет этапов этого исторического пути, нельзя изучать и архитектуру тюркских народов СССР: все тюркские народы—ветви одного дерева, и половину своей дороги они проходят по территории теперешнего Союза. В частности, эволюция архитектуры Крыма аналогична таковой же в М. Азии. Что в ней тюркского? Этнические особенности, психологические черты тюркской расы. Тюрки не прикреплены к земле, к определенной территории: но, как результат их прогрессивной натуры,—приходя куда-нибудь, они новую для них местную культуру воспринимают быстро и глубоко. Эта восприимчивость присуща и всему искусству Ислама.

Новое дело изучения тюркского искусства обязывает к пересмотру материала, добытого ранее с иным к нему подходом, Нужно учесть местные особенности,—с помощью тюркских ученых, представителей тюркских народностей,—об'ясняя местные формы и явления из культуры тюркских народов, взятой в целом.

6.

В науке об искусстве можно констатировать в последнее время перелом—от иконографии к истории стилей, от истории искусств к искусствоведению. Такой иконографией в архитектуре является изучение конструктивных приемов, лаборатория архитекторов. Но здание расчитано на впечатление, и необходимо организовать, наряду с изучением конструкции, параллельное изучение стиля на широкой историко-культурной основе: центр тяжести переносится с кулис здания на впечатление от него,—на то, как решена строителем проблема пространства, массы, стены. Ряд искусствоведов (Вельфлин, Воррингер, Пауль Франк) применяли этот метод стилистического анализа на архитектуре западно-европейской,—нового времени, средневековой, античной: изучение вне-европейской, в частности мусульманской архитектуры еще не захвачено переворотом,—нужно внести его и в эту, наиболее отсталую, область.

Эта декларативная часть доклада Н. И. Брунова о некоторых общих проблемах изучения искусства Ислама, равно как предложенные им реальные меры: организация центра, куда бы стягивался материал чертежей и снимков, где составлялся бы карточный каталог памятников и где, параллельно монографическому обследованию, ставились бы общие вопросы стиля (таким центром, по мысли докладчика, должен стать Кабинет Архитектуры при Отделе Советского Востока в открывающемся Музее Восточных Культур в Москве), возражений не встретили. Но выведенная докладчиком универсальная формула исламской архитектуры: утверждение пространства в противоположность массе и об'ему, преобладание нематериального пространства над материальной стеной, пестрота внешней отделки, уничтожающей стену динамикой мелкого движения,—явно не покрывает ряда памятников, целых стран, целых эпох зодчества Ислама. Напр., как указал Б. Н. Засыпкин, в мечетях Ср. Азии масса стен давит, пространство неощутимо,—и такое решение задачи подсказано архитектору как раз конструктивными заданиями,—иначе здание развалилось бы при первом же землетрясении. Нельзя изолировать явления искусства, отрывать искусствоведческий анализ от социологии стиля. Искание иллюзии, преобладание декорации над конструкцией типично для искусства теряющих под ногами почву гренадских халифов, но такое понимание зодческих задач отнюдь не распространимо на органические, тектонически мыслящие эпохи истории народов Ислама. А при оценке произведения, исходящего от конструкции, зритель невольно переживает за архитектором его зодческие процессы.

Своим многолетним опытом собирателя и исследователя техники народного искусства поделился Д. К. Тренев, на примере показанных им крымско-татарских вышивок утверждавший видоизменения обще-кочевнических вкусов (средне-азиатские „городочки") под влиянием местных природных и бытовых условий,—в данном случае, богатой растительности Крыма. Доклад Ф. В. Гогель о тюрко-татарском орнаменте не был заслушан за болезнью докладчика.

7.

Заканчивая свою работу, Московское совещание выразило пожелание о том, чтобы подобные предварительные ячейки Бахчисарайской конференции были организованы перед конференцией по возможности всюду, где ведется работа по изучению материальной культуры и искусства тюркских народов. Проведя одно-два заседания, заслушав информационные и исследовательские доклады, выразив определенные пожелания к конференции и направив протоколы и резолюции в предварительный комитет конференции (Бахчисарай Дворец-Музей, Усейну Боданинскому), предварительные ячейки уже этим сделали бы много для об'единения работы, даже если бы им не удалось в дальнейшем делегировать представителя на конферен-

цию. С просьбой взять на себя инициативу организации подобных ячеек, Московское совещание обратилось через секретаря Совещания Б. Н. Засыпкина—к ряду деятелей и учреждений Ср. Азии, через меня—к проф. В. Ф. Смолину (Казань) проф. А. С. Федоровскому (Харьков), акад. А. П. Новицкому и П. Н. Лозиеву (Киев), т. Умару Алиеву (Ростов н/Д); образована такая ячейка и в Баку при О-ве Обследования и Изучения Азербайджана. Чтобы произведенная Московским совещанием наметка работы по изучению культуры и искусства тюркских народов могла стать материалом для дискуссии до Бахчисарайской конференции, Совещание постановило подробные тезисы заслушанных докладов отпечатать и разослать; той же цели хочет послужить и настоящая краткая информация.*)

---

*) Доложено на заседании О-ва Обследования и Изучения Азербайджана 8 марта 1927.

Уже после того, как настоящая статья была набрана, я получил от Ус. Боданинского извещение, что Бахчисарайская конференция не состоится ввиду того, что „С'езды Советов к этому времени в Крыму отвлекут много работников, участие коих на конференции необходимо“: предварительное совещание местных научных работников по вопросу о подготовке к тюркологическому с'езду в Самарканде состоится, повидимому, осенью этого года. Полагаю, что работа, проведенная как московским совещанием, так и местными ячейками, имеет цену безотносительно к тому, состоится или нет стимулировавшая их работу Бахчисарайская конференция.

М. Г. Худяков.

К вопросу о происхождении чуваш.

ВВЕДЕНИЕ.

Вопрос о происхождении чувашского народа и его прошлом до сих пор принадлежит к числу неразработанных исторической наукой. В 1865 году возникла теория болгаро-чувашского тождества, созданная проф. Н. И. Ильминским. Согласно этой теории, чуваши являются потомками волжских болгар—народа, оставившего яркий след в истории Поволжья.

Для обоснования своей теории проф. Ильминский воспользовался скудными лингвистическими материалами, извлеченными из неправильно истолкованных эпиграфических памятников. Для Н. И. Ильминского оказалось достаточным всего лишь 5-6 отдельных слов, принятых им предположительно за чувашские, чтобы признать болгарский язык чувашским и об'явить чуваш потомками древних болгар[1]). Лингвисты (В. В. Радлов в 1867 г., Миккола в 1913 г.) поддержали теорию болгаро-чувашского тождества тем, что отыскали в „Именнике князей“ дунайских болгар еще несколько слов, близких к чувашским. В 1902 году теория болгаро-чувашского тождества была окончательно формулирована Н. И. Ашмариным в работе „Болгары и чуваши“[2]).

Разработкой теории болгаро-чувашского тождества занимались исключительно лишь лингвисты, пользовавшиеся только словарным и при том незначительным материалом, без всякого согласования с данными других дисциплин.

Такой путь для изучения прошлого нельзя признать правильным. Необходимо охватить историю материальной и социальной культуры в широком об'еме и рассматривать прошлое чуваш не иначе, как в связи с историей всего Волжско-Камского края. Между тем, данные археологии, истории и этнографии стоят в резком противоречии с теорией болгаро-чувашского тождества. Казанские татары совершенно отчетливо сознают свое происхождение от болгар. В древних татарских селениях, основанных болгарами, татары считают болгар своими предками, а болгарские кладбища—могилами своих отцов. В некоторых селениях имеются письменные источники, свидетельствующие о непо-

---

[1]) Н. И. Ильминский „О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками“—письмо к В. В. Григорьеву,—„Известия Имп. Археологического Общества“, т. V, вып. I, стр. 80—84.

[2]) „Известия О-ва Арх., Ист. и Этн. при Каз. Ун-те“, т. XVIII.

средственном происхождении современных татар от древних болгар. Татарские народные предания полны воспоминаний о болгарах, как о своем родном прошлом. Развалины Булгара считаются у татар великими памятниками национальной старины, и к ним ежегодно стекаются тысячи паломников. Как социальная, так и материальная культура казанских татар вполне тождественна с болгарскою, между тем, как чувашская национальная культура имеет совершенно иной характер и резко отличается от болгаро-татарской. Чуваши стоят на другой ступени исторического развития, чем болгары, и материальная и социальная культура чуваш принадлежит к иному типу, чем культура болгаро-татар, так что чуваш никак нельзя считать ни за создателей, ни за носителей болгарской культуры· Историки Поволжья—проф. С. М. Шпилевский, проф. Н. А. Фирсов, проф. Н. Н. Фирсов, проф. Н. П. Загоскин, проф. Д. А. Корсаков, А. З. Валидов, Г. Ахмаров, и др. не приняли теории болгаро-чувашского тождества и не считали чуваш за потомков болгар.

В настоящее время теория болгаро-чувашского тождества культивируется в пределах Чувашской республики [1]).

Приходится пожалеть, что чуваши устремили все внимание на эту ошибочную теорию, основанную на одностороннем, скудном, плохо прочитанном, неправильно истолкованном и критически не обработанном лингвистическом материале, тогда как имеются некоторые данные для решения этого вопроса в другом направлении.

Эти данные доставляются в одинаковой степени археологией, историей, этнографией и лингвистикой, причем в целом они не противоречат друг другу и не приводят исследователей в такой безвыходный тупик, в какой завела их теория Н. И. Ильминского, построенная на одном лишь лингвистическом материале. На основании координированных данных в настоящее время возможно попытаться установить эпоху, когда чуваши поселились в Поволжьи, связать их памятники с древностями других стран и найти для чуваш определенное место в истории народов Европы и Азии[2]).

---

[1]) В. Ф. Смолин „К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар“, изд. Чувгосизд. 1921 г., стр. 35, М. П. Петров „О происхождении чуваш“. Чабоксары, 1925 г., стр. 14—15.

[2]) Печатая весьма интересную работу М. Г. Худякова, редакция „Известий О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана“ оставляет целиком на ответственности автора утверждение о том, что чуваши ничего общего с волжскими булгарами не имеют. Мысль о булгаро-чувашском тождестве была впервые высказана не Н. И. Ильминским, а Татищевым—еще в XVIII в., затем татарским ученым Хусаином Фаисхановым; эту теорию разделяли, кроме упоминаемых автором, также Z. Gombocz, Н. Ф. Катанов, а в последние годы и Н. Н. Поппе. Последний говорит: „Близость чувашского языка к булгарскому настолько велика, что мы можем считать нынешний чувашский язык потомком булгарского языка, а чувашей—потомками деревенского населения Булгарского царства, имевшего, вероятно, слабую связь с городом, вследствие чего оно не успело приобщиться к мусульманской культуре“. (Н. Н. Поппе „О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков“, Чебоксары,

I. Происхождение чуваш.

Древнейшими обитателями Волжско-Камского края являются народы финского семейства, поселившиеся здесь во времена неолита. Ни историческая география, ни археология не знают в Среднем Поволжьи народов более древних, чем финны. Финнам принадлежало исключительное господство в Среднем Поволжьи вплоть до эпохи великого переселения народов, когда в край пришли степные народы турецкого племени. Степняки влились в Среднее Поволжье двумя волнами, которые следовали одна за другою, и дали начало двум турецким народам, обитающим здесь до настоящего времени—чувашам и казанским татарам.

Появление турецких народов в Среднем Поволжьи связано с распространением здесь больших курганов степного типа. Эти курганы составляют резкую противоположность финским могильникам, являвшимся единственным типом погребений в Поволжьи с древнейших времен до эпохи переселения народов. Самая идея сооружения больших курганов, расчитанных на широкое открытое пространство, указывает на их степное происхождение. Курганы располагаются обычно группами, образуя так называемые „курганные поля", на возвышенных водоразделах, поодаль от речных русл, в противоположность финским могильникам, располагающимся всегда в долинах, у самой воды. Большое количество курганных полей имеется в Татарской и Чувашской республиках, в Марийской области и в южных уездах Вятской губернии и Вотской области. Курганы на территории бывшей Казанской губернии перечислены, в основной массе, в книге проф. С. М. Шпилевского „Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии" (1877 г.), курганы Вятской губ.—в книге А. А. Спицына „Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии" (1893 г.). Со времени выхода в свет этих работ число обнаруженных курганов значительно увеличилось и список их можно пополнить. Северной границей распространения курганных полей являются р. Пижма, среднее течение Вятки и водораздел рек Чепцы и Кильмези.

Раскопки больших курганов степного типа в б. Казанской губернии, близ Билярска, в 1915 году обнаружили принадлежность их конному народу, но не дали материалов для характеристики его матери-

---

1925). Нельзя отрицать вероятности слияния городских булгар-мусульман с другими тюрками монгольской эпохи, говорящими на языке, сходном с языком современных поволжских татар, стало быть, известной преемственности культур Булгара и Казани, но это не стоит ни в каком противоречии с булгаро-чувашской теорией хотя бы в постановке Н. Н. Поппе.

Если автор недостаточно убедителен в отрицании булгаро-чувашского родства, то основная тема статьи—об аваро-чувашском тождестве, является новой интересной гипотезой, наводя на мысль не только об аваро-чувашском, но—более того—об аваро-булгаро-чувашском родстве.

Редакция.

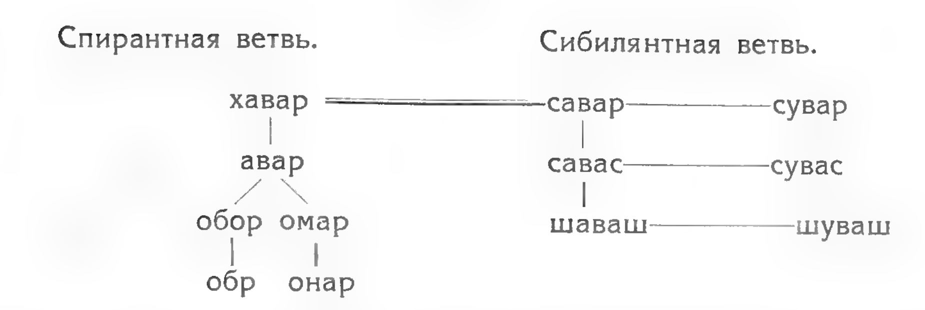
альной культуры. Однако, за последние годы этот пробел был пополнен. В 1919 году близ деревни Сунцова (Шишкина) в Малмыжском уезде Вятской губернии было найдено погребение, предметы из которого были приобретены Тушкинским музеем. В 1922 году на месте этой находки были произведены разведки, которые обнаружили здесь курганное поле и стоянку эпохи переселения народов; находки поступили в Малмыжский музей. Таким образом, явилась возможность более тесно связать курганные поля с эпохой переселения народов.

Ранние элементы в курганной культуре говорят за то, что эта культура принадлежала первой волне турецкого племени, влившейся в Среднее Поволжье в эпоху переселения народов. Географическое распространение курганных полей на севере до Пижмы и верховьев Кильмези—на территории, где никогда не жили болгары, также свидетельствует о том, что курганы принадлежали более ранней волне степняков, пришедших в Поволжье из Азии. Из географического расселения чуваш и болгаро-татар совершенно ясно, что первыми из них явились в край чуваши и что болгары пришли сюда позднее. Повидимому, чуваши и были той первой волною турецкого племени, которая оставила в Среднем Поволжьи большие курганы степного типа. Подчинивши себе местное финское население, степняки на первых порах распространили свое господство на север до Пижмы и до верховьев Кильмези, но это господство не было продолжительным. Вторжение новой волны переселенцев-болгар вытеснило чуваш из местностей, лежащих вокруг слияния Волги и Камы. Чуваши должны были подвинуться далее вверх по Волге, на запад, на ту территорию, которую они занимают до настоящего времени. Болгары же, как пришедшие в край позднее чуваш, поселились ниже их по течению Волги и стали их восточными соседями.

Появление чуваш в Поволжьи не могло быть изолированным от тех массовых передвижений, которые совершались в это время во всей степной полосе. Время его возможно определить довольно точно по хронологии тех вторжений степняков, которые совершались в Западную Европу в эпоху переселения народов. Известно, что появление болгар в Европе относится к VII веку. Переселение чуваш в Поволжье связано с более ранней волной турецких вторжений.

Предшествовавшей болгарам волной степняков были авары, появление которых в Европе произошло в середине VI столетия. С этим моментом и приходится связывать вторжение чуваш в Поволжье.

Отождествление чуваш с аварами подкрепляется тождеством обоих названий этого народа: формы „чуваш“ и „авар“ являются лишь сибилянтною и спирантною разновидностями одного и того же племенного названия. Все встречающиеся варианты этого имени связаны друг с другом, и соотношение их можно примерно изобразить следующей схемой:



Формы „шаваш", „чуваш" и „сувас"--различные варианты названий чувашского народа, с небольшими видоизменениями существующие в настоящее время в Среднем Поволжьи. Формы „Сувар" и „Омар" сохранились в названиях древнего города на Волге и современного поселения на Каме.

Повидимому, от формы „омар" происходит распространенное в Поволжьи слово „мар", которым местное население называет курганы на всем пространстве от Камы до Астрахани. Искаженная форма того же названия „омар"—„онар" сохранилась в Цыпьинском районе; этим именем местные жители называют тот легендарный народ, который соорудил в крае курганы. Формы „обор", „обр" и „хобр" (hobr) сохранились у славянских народов как обозначение древних аваров. Многочисленность разновидностей племенного названия аваров, как в сибилянтной, так и в спирантной форме, сохранившихся в Поволжьи, свидетельствуют о том, что этот народ оставил здесь прочные следы своего существования.

II. Азиатский период истории чуваш.

Тождество чуваш с аварами дает возможность пролить некоторый свет на азиатский период чувашской истории. Материалы для изучения этого периода заключаются в китайских летописях, а также в археологических памятниках Монголии, усиленно разрабатываемых в настоящее время. История аваров в Азии на основании китайских источников изложена в монументальном труде Жозефа де-Гиня (J. de Guignes) „Histoire gènèrale des Huns, Turcs, Mogols et autres Tartares occidentaux" (1756—1758), где аварам отведена вся 3-я глава IV книги во 2-ой части I тома (стр. 334—336).

В китайских летописях авары носят название народа „жужан". Характерно, что эта форма, как сибилянтная, стоит ближе к форме „чуваш", чем к спирантной „авар": форма „жуж" является лишь озвонченной и стяженной разновидностью слова „шуваш". Историки Центральной Азии отмечают смешанное происхождение жужан из элементов турецких и монголо-маньчжурских.[1]) Это обстоятельство

[1]) Проф. Пельо, в лекции, прочитанной осенью 1925 г. в Ленинграде, высказал мнение о монгольском происхождении аваров („I Вс. Тюрколог. С'езд", докл. ак. В. В. Бартольда „Совр. сост. и ближ. задачи изучения истории турецких народностей", Баку, 1926). *Ред.*

вполне подтверждается новейшей работою Н. Н. Поппе, который определяет чувашский язык, как смешанный турецко-монгольский, с преобладанием турецких элементов [1]).

Жужане играли первенствующую роль в Центральной Азии с начала V до середины VI века. Они господствовали на пространстве между Харашаром (в Вост. Туркестане), Чао-Сянем (в Маньчжурии), Байкалом и пустыней Гоби. Начало их могуществу было положено при хане Шелуне (402—410) г.), при котором жужане подчинили себе соседние племена. В течение V века жужане неоднократно нападали на Китай. В VI веке государство жужан стало клониться к упаду, и в 552 году последний хан Анихуань пал в борьбе с Тулынем, ханом турков-тугю. Часть жужан подчинилась туркам, а часть удалилась на запад в Европу.

Чуваши принесли в Среднее Поволжье из Азии элементы степной цивилизации, но поселившись в лесной стране, были вовлечены в экономическую жизнь края и подчинились воздействию окружавшей среды. Перейдя к оседлому образу жизни, чуваши усвоили те формы культуры, какие имелись у туземцев Поволжья—финских народов. Подняться на более высокую ступень экономического развития им помешало вторжение в край болгар, которые овладели главными речными путями и заняли господствующее положение в экономической жизни Поволжья. Благодаря торговле с персами и арабами, болгары создали в Поволжьи новый тип материальной и социальной культуры, основанной на денежном хозяйстве, тогда как чуваши и финны остались по-прежнему на стадии натурального хозяйства.

III. История чуваш в Западной Европе.

Мысль о том, что в эпоху переселения народов чуваши проникли в Западную Европу, является далеко не новою. Согласно теории болгаро-чувашского тождества, чуваши осели на нижне-дунайской равнине и были предками дунайских болгар. Проникновение чуваш далеко на запад является несомненным, в виду наличия значительных чувашских элементов в одном из языков Центральной Европы, но это обстоятельство говорит не в пользу теории болгаро-чувашского тождества, так как одноплеменники чуваш находятся не в Болгарии, а в Венгрии—на среднем течении Дуная, и это служит подтверждением тождества чуваш с аварами, а не с болгарами.

При своем передвижение на запад авары на время подчинили себе прикарпатских славян-дулебов. Русская „Начальная Летопись“ сохранила следующее предание об аварах: „Обре воеваху на словенех и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебьским: аще поехати будяше обрину, не дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повезти

[1]) Н. Н. Поппе „О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков“. Чебоксары. 1925.

обрена; тако мучаху дулебы. Быша бо обре телом велици и умом горды и бог потреби я, помроша вси и не остася ни един обрин; есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре. Их же несть племени, ни наследка“ [1]). В Кенигсбергской летописи, хранящейся в Академии Наук СССР, этот текст иллюстрирован миниатюрою, на которой изображен обрин, сидящий в экипаже, запряженном тройкою дулебских женщин (лист 5 оборот).

Интересно отметить, совпадение в тех чертах, какими рисуют аваров предания приволжских и прикарпатских народов. В Среднем Поволжьи сооружения больших курганов степного типа приписывается великанам. Вот образчик подобных сказаний: „Онары были человекообразные существа такого огромного роста, что когда они ходили через леса, то самые высокие деревья едва доходили им до пояса. Кости их и зубы и теперь находят иногда в земле (речь идет о костях мамонта). Онары носили одежду из железа, медные наколенники и медные, в виде тюрика, шапки. Когда онару приходилось стряхивать грязь, которая приставала на пути к его обуви, возникали целые холмы (курганы)“ [2]) Такого рода представления существуют у местных финских народов—мари и вотяков, от которых они заимствованы и русскими крестьянами Вятской губерни с небольшими вариантами (курганы образовались из песка, набившегося в лапти великанов во время ходьбы и высыпанного ими при остановке). С этими преданиями совпадает сообщение „Начальной Летописи“, что „быша обре телом велици“. У западных славян также сохранилось представление об аварах, как о великанах: в чешском языке слово „obr“, в словенском —„obor“, „obrin“ в польском—„obrzym“, в лужицком—„hobr“ имеют значение „великан“, „исполин“. Возможно, что в таком представлении об аварах имеется крупица истины, хотя и сильно преувеличенная: антропологические исследования Б. Н. Вишневского действительно отмечают среди чуваш ясно выраженный высокорослый тип, резко отличающий их от соседних финских народов. Сами чуваши связывают с курганами легенды об алыпах, находящие параллели в сказаниях других турецких народов и уводящие нас в Среднюю Азию, где легенды об Алыпе имеются у киргизов: Алып—легендарный богатырь живший в древности и построивший Акыр-Таш в Аулие—Атинском уезде.

Летописное предание отмечает, что авары не долго господствовали к востоку от Карпат и вскоре исчезли, чем вызвали удивление среди дулебов, так что даже возникла поговорка „погибоша аки обре“. В действительности же авары лишь перевалили через Карпаты и передвинулись на Дунай. Византийские источники отмечают появление аваров в Западной Европе в 558 году. Таким образом, из сопоставления китайских летописей и византийских хроник можно довольно

---

[1]) Полное собрание русских летописей, т. I, стр. 5.

[2]) И. Н. Смирнов „Черемисы“, стр. 175—176.

точно установить дату появления чуваш в Поволжьи: это было между 552 и 558 годами. В 561 году авары вели переговоры с византийским правительством об отводе им удобных земель для поселения на Балканском полуострове. Встретив отказ и ограничась получением денежной контрибуции, авары направились дальше на запад и вторглись в пределы Франкского королевства. В 563 году они потерпели поражение от франков на берегах Эльбы, но затем разбили франков и взяли в плен короля восточных франков Сигиберта. При хане Бояне авары вступили в союз с лангобардским правительством, разрушили государство гепидов в Паннонии и в 568 году, по договору с лангобардским королем Альбоином, заняли территорию гепидов для постоянного поселения. Таким образом на Тисе, Дунае и Саве возникло аварское ханство.

Аварское государство играло видную роль в политической жизни Европы в VI, VII и VIII веках. В первой четверти VII века оно занимало огромное пространство, охватывавшее всю до-военную Австро-Венгрию и Сербию (в границах 1913 года). На Адриатическом море авары завели сильный флот и завоевали Далматинское побережье. Аварские ханы поддерживали дипломатические отношения с Византийской империей, Лангобардским и франкским королевствами, с Баварским герцогством и другими соседями. В состав аварского государства входили западные и южные славяне-чехи, словаки, словенцы и сербохорваты. Авары также эксплоатировали подчиненных славян, как раньше угнетали дулебов. По сообщению хроники Фредегара, они заставляли славянское население кормить их, насиловали славянских женщин, в битвах ставили славян в первые ряды, называли их „погонщиками волов", заставляли славян строить мосты, речные суда и морские корабли [1]). Во главе правительства стоял „хакан" или „каган", чиновники назывались „югур" и „капкан", привиллегированное сословие носило наименования „тудун" и „тархан".

Внешние события аварской истории извлекаются из византийских, лангобардских и германских хроник: Менандра, Феофана, Иоанна Ефесского, Павла Диакона, Григория Турского, Феофилакта, Никифора, Кедрена, Фредегара, Эйнгардта, Лауресгамских и Фульдских анналов, Сен-Галленской хроники и т. д. Свод этих летописных известий дают C. Baronius в „Annales Ecclésiastiques", A. Pagi в „Critica historica-chronologica", De Migne в „Patrologia Graeca" и Stritter.

Об аварах обычно упоминается при общих обзорах истории Венгрии, Византии, империи Карла Великого и славянских народов.

Наиболее обстоятельные сведения заключаются в книге P. Hunfalvy „Ethnographie von Ungarn", где аварам отведены стр. 83—126. Специальную монографию составляет работа H. H. Howorth'a „The Avars", в „Jurnal of the Royal Asiatic Society" 1889 г., стр. 721—810.

---

[1]) Monum. Germ. Scriptores rerum Merovingicarum t. III. Chronicon Fredegarii lib. IV, c. 46.

На русском языке отметим „Лекции по истории западных славян“ проф. Н. В. Ястребова и его же статью „Авары“ в „Новом Энциклопедическом Словаре“ Брокгауза и Ефрона.

Во второй половине VI и в первой половине VII века авары были заняты борьбой с Византией и франками. Они неоднократно осаждали Солунь и Константинополь, на западе предпринимали походы в Баварию и Тюрингию. В начале VII века авары вторгались в Ломбардию, прочно заняли Истрию и Далмацию.

Военным успехам аваров был положен конец после неудачной осады Константинополя в 626 году. Вся страна к югу от Савы отложилась от аварского государства, и только на Адриатическом море продолжал господствовать аварский флот. Вскоре после этого болгары отрезали аваров от Фракии. Одновременно с неудачами на востоке произошло восстание чехов и словенцев. Чехи основали самостоятельное государство и отпали от Аварского ханства. В середине VII века западную границу аварского государства составляли р.р. Хуба и Энс, северную—Моравия, восточную—Карпаты, южную—р. Сава. В VIII веке начинается наступление франков на восток, вниз по Дунаю. Авары поддерживали баварцев в борьбе против франков, но эта борьба закончилась победою франков. Франки завоевали сначала Баварию, затем продолжили свое движение вниз по Дунаю. В 796 году авары были разбиты войсками Карла Великого в самом центре своей страны, на р. Тисе. После этого поражения вся западная часть Аварского государства была присоединена к Франкскому королевству, и Карл Великий учредил здесь Австрийскую марку.

В течение IX века политическое значение Аварского государства находилось в упадке. В 822 году аварское посольство в последний раз выступало на имперском сейме во Франкфурте. Австрия, Штирия и Каринтия подверглись быстрой колонизации со стороны немцев. Авары, находившиеся на той же стадии материальной и социальной культуры, как их соплеменники в Поволжьи, подчинились влиянию немецкой культуры. Натуральное хозяйство аваров всецело покорилось немецкому торговому капиталу. В IX веке авары приняли христианство. В Секеш-Фейерваре (ком. Фехер), Араче (ком. Торонтал), Сегсарде (ком. Толна) и Залаваре (ком. Зала) были сооружены каменные церкви и монастыри, усыпальницы и надгробные памятники. Строителями их являлись преимущественно итальянские (лангобардские) мастера.

Конец существованию Аварского государства положили мадьяры, которые вступили на Средне-Дунайскую равнину в 894—895 годах. По всей вероятности, в эпоху завоевания Паннонии мадьярами был зарыт знаменитый Миклошский золотой клад, найденный в 1799 году близ Арача в местечке Надж-Сент-Миклош (ком. Торонтал). Этот клад состоял из 23 драгоценных сосудов из золота и серебра, высоко художественной работы, частью византийского, частью персидского происхождения.

Мадьяры поселились в покоренной стране и основали здесь свое государство—Венгрию. Авары постепенно слились с победителями и вошли в состав мадьярского народа. Как оседлое и земледельческое население страны, они оказали сильнейшее влияние на пришельцев. Это влияние отразилось на различных сторонах народной жизни, в том числе и на языке: в мадьярский язык вошло большое количество слов из аварского языка. Множество слов, относящихся к земледелию и к материальной культуре, является в мадьярском языке сходным с чувашскими.

Обилие чувашских элементов в мадьярском языке составляет яркое свидетельство того, что ближайшие одноплеменники чуваш населяли некогда Венгрию и слились с мадьярским народом. Исследованию этих элементов посвящена работа З. Гомбоца „Die burlgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache“, составляющая XXX-й том „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“ (1912). В своей работе Гомбоц приводит обширные материалы по чувашским заимствованиям в мадьярском языке. Слабое место его книги составляет заключение (стр. 194—208), где автор пытается решить вопрос, каким путем чувашские элементы проникли в мадьярский язык. Совершенно игнорируя аварское влияние, он считает, что чувашские слова могли войти исключительно лишь от хазар или от болгар, и решает вопрос в пользу болгар, ссылаясь на теорию болгаро-чувашского тождества. За исправлением этого недостатка, работа Гомбоца представляет большой интерес для истории чувашской культуры.

В пределах Венгрии найдено много древностей, относящихся к аварской эпохе. Большая часть их хранится в Венгерском Национальном музее в Будапеште, некоторые в провинциальных музеях Венгрии: в Сегеде. (Segedin),Сегсарде, Наджвараде (Grosswardein), Пече (Fünfkirchen), Тиса—Фуреде, Кечкемете, Ньириджхазе, Шопроне (Oedenburg) и др. Знаменитый Миклошский клад хранится в Венском Hofmuseum. Описанием отдельных находок аварской эпохи занимались F. Pulszky, F. Romer, E. Henszlmann, M. Wosinsky, P. Csöplö, K. Darnay, A. Kada, F. Rèvay, L. Bella, V. Recsei, P. Gerecze, Sachen, Kenner, A. Könyöki, N. Kubinyi, J. Hampel и др. из русских ученых—Н. П. Кондаков. Большинство статей венгерских авторов с 1869 года помещено в „Archaelogiai Ertesitö“ Относительно Миклошского клада существует специальная литература—о нем писали Schönwiesner, Arneth, Jerney, J. Böhm, Kenner, Radisics, F. Pulszky, J. Hampel, V. Thomsen и др. В 1905 году вышло в свет капитальное исследование И. Гампеля „Altherthümer des frühen Mittelalters in Ungarn“, являющееся основным трудом по археологии Венгрии в эпоху I тысячелетия нашей эры. В первом томе этого труда дано типологическое исследование древностей, очерк искусства по эпохам и хронологическое определение находок. Во втором томе заключается систематическое описание всех находок. Третий том представляет собою великолепно исполненый альбом рисунков, респределенных по эпохам и по находкам, причем

древностям аварской эпохи отведено 73 таблицы (260—333). Большинство находок аварской эпохи происходит из погребений, причем руководящие указания для хронологии дают найденые в могилах визатийские монеты.

Как справедливо отметил Н. П. Кондаков в своей рецензии на труд Гампеля [1]), не все древности аварской эпохи следует приписывать одним аварам. Большая часть художсственных изделий принадлежит чужеземному искусству—византийскому, лангобардскому и персидскому. В датировке предметов аварской эпохи Гампель резко разошелся с предположениями Н. П. Кондакова. Поэтому Н. П. Кондаков в своем отзыве с неудовольствием отметил, что „во всех так называемых аварских могилах как раз не встречается вовсе тех вещей, которые в пределах Южной России мы привыкли называть (правильно или нет-другой вопрос) аварскими“. Последующее развитие археологии показало, что в этом вопросе прав был Гампель, превосходно изучивший древности Венгрии, и его выводы остались неопровергнутыми.

Как историк искусства по преимуществу, Н. П. Кондаков не придавал большого значения бытовым предметам нехудожественной работы. В своей рецензии он отметил: „Как раз предметы датированных могил довольно скудны и, кроме обыкновенных орнаментированных пряжек, известных по своему типу на громадном пространстве от Дуная до Волги, они содержат только отрывки золотой листовой облицовки с ручки ножа да случайные экземпляры золотых крестиков и серег или, точнее, ушных подвесок“. В настоящее время для нас как раз особенно важным является то обстоятельство, что найденные в аварских датированных могилах „обыкновенные“ пряжки встречаются на всем пространстве между Дунаем и Волгою. Надо сказать, что помимо этих пряжек и „случайных“ экземпляров ушных подвесок среди аварских древностей имеется еще не мало таких, которые представляют по своей конструкции или орнаментировке интересные аналогии находкам в Поволжьи: поясные наборы, браслеты, шейные гривны, наконечники копий и стрел, сабли, удила, стремена. Заслуживают также вниманння своеобразно орнаметированные бляхи и наконечники поясов из Фенлака (Гампель, т. II, стр. 395, рис. 22—23) и Кашша (Гампель, т. II, стр. 366).

Аварские древности Венгрии представляют большой интерес для археологии Поволжья, так как дают ключ к определению многих случайных находок из этого края, относящихся к эпохе великого переселения народов. Среди поволжских находок совершенно ясно выделяется группа предметов аварского типа. Ознакомление с аварскими древностями может принести особенно существенную пользу для изучения истории чувашской культуры. Перед чувашскими исследователями лежит обширное поле для изучения своего национального прош-

[1]) Известия Отделения Русского языка и Словесности Академии Наук, 1906 г., IV, стр. 446—466.

лого. Издание для чуваш „Bibliotheca Avarica“ в первую очередь—из переводов трудов Ж. де-Гиня, П. Гунфальви, Г. Говорса, И. Гампеля и З. Гомбоца, затем—из первоисточников; исследование больших курганов степного типа; изучение древностей эпохи переселения народов, хранящихся в музеях Поволжья; наконец, научное воссоздание истории чувашской культуры—вот те задачи, которые стоят пред чувашскими историками в настоящее время.

Дж. Александрович-Насыфи.

Литовские татары, как часть тюркского Востока.

(доложено на заседании Историко-Этнограф. Секции О-ва 17-го февраля 1927 года).

Вопросу о происхождении и быте литовских татар уделялось и уделяется не мало внимания. В издании Л. Кричинского—„Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины.“ Петрогр. 1917 г. приведено около 250 источников, в которых говорится или упоминается о них; в настоящий момент автор этого справочника готовит к печати второе издание, где найдет себе место свыше тысячи источников, хотя в этой массе материалов специальных исследований о литовских татарах набирается немного. Причины подобного обилия литературы по данному вопросу понятны уже из того, что литовские татары являются наиболее удаленным на северо-запад Европы тюркским племенем, сохранившим притом же многие черты самобытности вопреки нивеллирующему влиянию окружающей среды, в которую они вкраплены незначительными островками, разбросанными на огромном пространстве.

Некоторую аналогию литовским татарам в их положении почти полной изолированности от остальных тюркских народов можно найти лишь на крайнем востоке тюркских поселений, в северо-западной Монголии, где живет небольшой тюркский народец—хотоны, численностью в 300—400 кибиток, среди монголов-дэрбэтов. [1])

Но в то время, как хотоны, имеющие все-таки близких соседей тюркского племени (алтайцы, сойоты, киргизы) и поселившиеся на месте нынешнего жительства, среди монголов, сравнительно недавно (вероятно лет 100—200), утрачивают не только тюркский язык и арабскую грамоту, прежде распространенную среди них, но и вообще быстро ассимилируются с монголами даже без помощи смешанных браков, литовские татары, живущие по меньшей меры около 400 лет в окружении таких сравнительно высококультурных соседей, как поляки и литовцы, сохранили свои национальные особенности и свой особый жизненный уклад, несмотря даже на то, что потеря языка явилась серьезной помехой к общению с другими тюркскими народами, от которых притом же литовские татары обычно бывали отделены

---

[1]) З. В. О. И. Арх. О. т. XXIII—1915 г. стр. 265—277—Б. Владимирцев и А Самойлович —„Турецкий народец хотоны“.

не только большим расстоянием, но и политическими границами. Литовские татары и сейчас, после бушевавшей на территории ими заселяемой европейской войны, живут в тех же местах, где поселились предки их во времена литовских князей (XIV—XVI ст.). В колониях литовских татар арабская письменность, носящая преимущественно религиозный характер, сохранилась, как общее явление; сохранились и примитивные школы—мектебы, „годжи", в которых и происходит обучение арабской грамоте.

Применение русских букв к начертанию арабских текстов, о котором упоминает профессор А, Н. Самойлович [1]), имеет ограниченное распространение исключительно в кругу обрусевшей интеллигенции. Даже смешанные браки, являющиеся, по общепринятому мнению, главнейшей причиной утраты литовскими татарами некоторых национальных особенностей и в частности тюркского языка, как показывает опыт последних лет, не всегда ведут к окончательной ассимиляции последующих поколений при условии отмены вероисповедных стеснений, столь широко практиковавшихся в дореволюционной России.

Вопрос о заселении Литвы и Польши колонистами-тюрками является частью другого большого вопроса—о взаимоотношениях, существовавших между странами центральной Европы и тюркскими народами в эпоху их переселения из Азии. Подходом к разрешению этого координального вопроса может явиться между прочим тщательное изучение истории возникновения и жизни тюркских поселений в Литве с древнейших времен до настоящего времени. Изучение быта литовских татар, а также антропологических данных физического типа их, равно как и соседних с ними народов, поможет внести некоторую ясность в освещение того, какими путями передвигались и где оседали тюркские племена на крайнем западе занимаемой ими некогда территории.

Не касаясь здесь детально образа жизни и обычаев литовских татар, о чем уже было мною кратко сказано раньше [2]), я остановлюсь лишь на тех их бытовых чертах, в которых без труда можно найти много общего с особенностями других тюркских народов.

Земледелие у литовских татар существует в виде хлебопашества, одинаково свойственного странам умеренным и теплым, и огородничества, несомненно, занесенного из стран южных; татарские овощи в Литве известны повсеместно, и, можно сказать, что в этой области хозяйственного производства у литовских татар нет сколько-нибудь выдающихся соперников среди местного населения. В дополнение к этому можно указать, что караимы, составляющие одну крупную колонию в Литве, в городе Троках, также слывут издавна при-

---

[1]) Известия О-ва обследования и изучения Азербайджана, № 3—Проф. А. Н. Самойлович—„Литовские татары и арабский алфавит", стр. 6.

[2]) Известия Об-ва обсл. и изучения Азербайджана № 2 Дж. Александрович—„Литовские татары"

мерными огородниками; трокские огурцы выделяются своими качествам на базарах древней столицы Литвы—Вильно.

Наличие кустарного кожевенного промысла у литовских татар роднит их не только с Крымом, где преобладает выделка сафьяна, но может быть и с Поволжьем, так как уже древняя волжская Булгария славилась своей кожевенной промышленностью: болгарская юфть, по словам арабских писателей, была известна на всем Востоке и являлась важным предметом вывоза [1]). Литовские татары также производят преимущественно юфть, шедшую в прежнее время (до европейской войны) далеко за пределы Литвы.

Литовские татары занимаются также и табаководством. И в этой области они не имеют среди прочих туземных жителей ни соперников, ни подражателей; ими разводятся исключительно два сорта табака—„бакун" и „мультан", соответствующие по внешним признакам крымским сортам—„американ" и „дюбек". Повидимому, культура табака была занесена в Литву тюркскими переселенцами из Крыма или Балканского полуострова.

Отсутствие склонности к занятию торговлей у литовских татар и пренебрежительное отношение их к торговцам свидетельствует о непосредственном переходе, который они когда-то совершили от быта степного, кочевого к земледельческо-военному, служилому; повидимому, этот процесс завершился давно, если успели так прочно сложиться традиции, свойственные мелкопоместным рыцарям-феодалам.

Литовские татары сохранили привязанность к лошади, свойственную тюркским народам: они всегда отличались наездничеством, поставляя рекрутов в уланские полки, и за свою любовь и лошадям приобрели у местного населения насмешливую кличку —„кобыльники".

Употребление в пищу конины и кумыса, повидимому, давно вывелось из обычаев литовских татар, по крайней мере в настоящее время ими усвоен шариатский взгляд на лошадиное мясо, как на „макрух", т. е. пищу, дозволенную к употреблению лишь в крайности, например, во время голода или войны. Любимым блюдом литовских татар, представляющим их национальную особенность, являются «кундумы» (ед. кундум), некоторым подобием которых могут служить так называемые польские кулдуны, с той разницей, что „кундумы" литовских татар крупнее и отличаются начинкой из необычайно жирного рубленного мяса с луком. У других тюркских народов сохранились аналогии этому блюду в виде уральских пельменей и крымского кушанья „татар-аш"; так называемые чебуреки (Крым, Азербайджан) являются другой разновидностью этого блюда.

Пирог с начинкой, преимущественно мясом гуся, носит у литовских татар тюркское название—„белюш"; у поволжских тюрко-татар[2])

---

[1]) П. Голубовский—Болгары и Хозары, ист.-этнографич. очерк, стр. 15, цит из Frähn'a и Савельева.

Впрочем, выделка юфти производилась и в Крыму—в Карасубазаре, где было много кожевенных заводов, см. Крым-путевод. изд 1914 г. стр. 633- 4.

[2]) Применяю здесь этот термин, хотя и отвергнутый наукой, но имеющий за собою все же большую практику.

существует аналогия в виде пирога с начинкой, но преимущественно яблочной, под названием—„белиш". Особое место отводится кушаньям—халве („гальва") и лепешкам вроде азербайджанского лаваша, но размерами поменьше, изготовляемым на масле—„джаймы", а также сладкому нехмельному напитку из меда, который называется „сыта". Блюда эти имеют значение поминальных: их раздают участникам поминок по умершим. У туркменских племен халва имеет такое же значение.

Особого внимания заслуживает обряд побратимства, существовавший, как известно, у кочевых скифов и описанный Геродотом [1]) Этот обряд, повидимому, существовал и существует у многих тюркских племен и народов. Побратим у литовских татар носит название —„ахрець" очевидно, видоизмененное арабское الاخرة—(жизнь будущая, загробная). „Ахреци" считаются столь близкими, что дети их не могут брачиться, в то время как браки между детьми родных братьев, как известно, шариатом не возбраняются. Побратиму нельзя отказать в помощи при каких бы то ни было обстоятельствах, равно как любая вещь из имущества, которую он пожелает иметь, должна быть отдана ему беспрекословно его „ахрецем".

В мировоззрении литовского татарина сохранились несомненные следы шаманизма: мир представляется ему не иначе, как населенным массой духов преимущественно злых и стремящихся вредить человеку, но повинующихся людям, хорошо знающим молитвы (мусульманские) и обладающим „щирим мусульманским сердцем". В Слониме, например, сохранилось предание о некоем мулле, по прозванию Турчин, (т. е. турок), который будто бы обладал даром, выйдя вечером из дома, задерживать „фереев", бурно мчащихся по дороге, и требовать у них отчета. Подобные люди, по поверью литовских татар, могут изгонять духов и из больных, производя исцеление; таким образом, качества шамана переносятся на мусульманского ученого-врачевателя. Даже методы воздействия на больного сохранились те же--громкое пение молитв, резкие движения по вдохновению лекаря вплоть до неожиданных ударов по больному, чтобы овладеть его психикой в особенно трудных случаях, как например, при лечении душевно-больных.

Тюркский язык утрачен литовскими татарами, повидимому, уже давно, о чем говорит масса имеющейся у них переводной литературы на языки белорусский (вернее белорусско-украинский) и польский; все религиозные предания, собранные в „китабах", кур'ан с комментариями („тепсир")—переведены, переведены и некоторые молитвы, снабженные кроме того об'яснениями и толкованиями. Отдельные сохранившиеся тюркские слова и целые тексты уцелевшие, например, в молитвенниках—„хамаилах" являются свидетелями того, что когда-то тюркский язык был материнским языком для литовских татар; по определению тюркологов он принадлежал к кипчакскому наречию.

[1]) См. Геродот—IV-70.

Следы сильного влияния южно-тюркских наречий сказываются в таких словах как „гяур“ [1]) „душман“ а также в окончаниях на **д ж и** (а не **ч и** как в западно-тюркских наречиях), напр., куранджей (—куранджи), сюниджей (—сюнеджи) и т. п. В период тесного соприкосновения границ Польши и Турции (XV—XVIII ст.) литовские татары, как гласят предания, совершали частые паломничества на турецкую территорию, особенно в г. Хотин; вероятно, что в этот период были вообще оживленные сношения с Турцией и Крымом, так как охраняемых границ фактически не существовало.

Многие места поселений в Литве, где живут или некогда жили тюркские поселенцы, сохранили и тюркские названия, таковы: Кыркор, Казаклары, Базары, Афендзевичи (—Эфендиевичи), Орда, Тупалы и др. Некоторые из этих поселений с течением времени изменяют названия, так например, прежнее селение Кыркоры именуется позже Сорок-Татары, другие теряют свое население, сохраняя лишь кладбища, как памятники их былого процветания, таковы поселения на реке Ваке, возле Вильно,—Афендзевичи Гуроли, Ледзвиново и др.

Фамилии литовских татар при внимательном рассмотрении их корней вскрывают пестроту наслоений тюрко-татарских поселенцев в Литве: так в фамилии Найман-Кричинский первая половина указывает на происхождение этого рода от монголо-тюркского племени **н е й м а н**, фамилия Бучацкий указывает, повидимому, на происхождение из Буджака, места, где некогда кочевала Буджакская орда, фамилия—Байрашевский имеет аналогию у Касимовских татар, где есть род Байрашевы, Богушевич производится от тюркского — **б а й г у ш** (сова), Беляк равносильно тюркскому имени Билик и т. п.

Самое название—литовские татары,—преобладающее в европейской литературе, часто изменялось в другие названия—польские татары, поляки-мусульмане и т. п. В турецкой литературе, а также в Крыму в широком употреблении термин—„лупка-татар“; выражение—липковские татары можно встретить и в польской литературе. Под липковскими татарами первоначально была известна одна кочевая орда, обитавшая в пределах Киевской губернии, где от нее осталась память в названии города Липовец на р. Соби.

Отсюда, вероятно, произведены названия: Липнишки, местечко Виленск. губ. Ошмянского уезда (по старому разграничению), Липканы, местечко в Бессарабии, в 30 верстах от г. Хотина и, может быть, деревня Липаны в Богемии. Липанами или липканами в Литовском государстве назывались почтари и гонцы, развозившие королевские приказы, сопровождавшие послов и т. п. Вполне естественно, что они набирались исключительно из татар, прекрасных наездников, умевших хорошо применяться к местности даже в степях при сношениях с Крымом или Балканскими странами.

---

[1]) Слово гяур—(گاوور) есть действительно, пожалуй, измененное گبر—гебр, а не арабское „كافر“ как принято считать,—см. „Известия Азерб. Археолог. Комитета“ Вып. II стр. 73—„Древности Ленкоранского края“.

В Турции, где такие почтари и гонцы-татары встречаются вплоть до XIX столетия, им было присвоено название—„татарские янычары“ [1]).

Эти же липаны или липканы в литовском и польско-литовском государстве (XVI ст.) именуются казаками или татарами-казаками [2]), должно быть в отличие от казаков-степняков, первые известия о которых появляются к началу XVI ст.

Самое слово „казак“ несомненно, тюркское—قاچاق беглец, претерпевшее эволюцию как в отношении произношения (качак—кацак—казак), так и в отношении смысла—беглец, бродяга, независимый, вольный, вольный поселенец и наконец поселенец, свободный от налогов и повинностей, обязанный только военной службой. Прототипом казацких поселений несомненно являются древнейшие тюркские поселенцы—торки, берендеи, печенеги, половцы и др., вступавшие в союзы и договорные отношения с князьями оседлых племен и народов—византийцев, немцев, поляков, русских и защищавшие за известное вознаграждение и из любви к военной жизни границы этих оседлых поселений от нападений своих сородичей-степняков. С течением времени эти поселенцы-тюрки, подвергаясь непрерывному политическому и культурному влиянию своих соседей—немцев, славян и др. окончательно утратили свои национальные особенности, чему особенно много содействовало распространение среди них христианства.

Вероятно, что этот процесс ассимиляции начинался обычно с утраты родного языка, как наименее стойкого признака самобытности на известной ступени культуры, потерявшего притом же свое экономическое значение; язык церковных проповедников, язык большинства окружающего населения или язык политически господствующего класса вытеснил прежний материнский язык у этих тюркских колонистов, постепенно превращавшихся из отдельного народа в сословие военных поселенцев и служилых людей.

Изобилие тюркских названий местностей на Украине, Волыни, в Подолии, Галиции, отчасти в Польше и Литве, антропологические данные о жителях этих стран и отдельные черты их быта указывают на некоторую тюркскую основу, в среде местного населения на которой отложились позднейшие этнические наслоения. Помимо таких общеизвестных тюркских названий пунктов поселения, как—Кременчуг (Керменчик), Хаджибей, Аккерман, Балта, Буялык, Ташлык, Очаков и др. на Украине, можно и в самой Литве насчитать не мало таких пунктов, как например—Солтаново, Телеханы, Солтановка и др. [3]).

[1]) Р. Вальш—„Путешествие по Турции, из Константинополя в Англию через Вену“ — СПБ 1829 г. стр. 3—5.

[2]) См. А. Мухлинского „Исследование о происхождении и состоянии Литовских татар“ — стр. 24, где приведены ссылки и выдержки из Литовской Метрики.

[3]) См. J. Talko—Hryncewicz — „Muslimowie“ — Krakow 1924 г. где приведено на стр. 102 свыше 30 таких названий.

У литовских татар сохранились пережитки сословных подразделений, как следы некогда бывшей живой связи с Золотой Ордой и Крымским Ханством, это—мурзы (мирзы) и уланы. Мирза (میرزا) первоначальная форма میرزاده или (أميرزاده), сын эмира, т. е. первоначально просто люди родовитые, а впоследствии (в Крыму например), нечто вроде дворян. У литовских татар отпрыски таких родов сохранили фамилии, говорящие о их происхождении, например—Мирза-Давидович, Мурза-Мурзич и т. п. Улан—слово тюркское, произведенное от оглан (اوغلان)—юноша, вначале в применении к потомкам из ханского рода имело значение принцев крови, а позже означало просто мелких ордынских дворян, нечто вроде польской шляхты. В польско-литовских владениях уланов было так много, что они составляли целые поселения. От них, главным образом, и получили свое название конные полки-уланы, отличительным признаком которых кроме вооружения и организации является монгольская шапка с квадратным верхом, национальный головной убор современных калмыков. У литовских татар сохранились фамилии—Улан и Улан-Малюшицкий.

Польша, соединившись с Литвой (в 1569 г.), поглотила массу тюркских поселенцев-уланов, казаков, липковских и других татар, что отразилось не только на вооружении, одежде, обычаях и нравах военного сословия—шляхты, но, повидимому, даже государственный строй Польши не остался чуждым тюрко-татарскому влиянию. По крайней мере к концу того же столетия (XVI-го), когда произошло фактическое об'единение двух государств, проявила вдруг необычайную энергию до того медленно эволюционировавшая в своих правах польско-литовская шляхта; и уже в 1573 году по предложению Яна Замойского проведен в жизнь проект «народных (т. е. шляхетских) элекций» для решения важнейших государственных вопросов и в частности для выбора короля всеобщим голосованием шляхты, производившимся на равнине Воля под Варшавой, причем этот порядок оказался настолько жизненным и прочным, что продолжал упорно держаться даже после того, как сам Замойский, испугавшийся «своеволия» шляхты, пытался неудачно заменить его „более рациональной системой делегатов“[1]).

В истории Западной Европы такие с'езды для решения важнейших вопросов государственной жизни и выборов правителей (с выдвижением многих кандидатур и критикой кандидатов) не практиковались, но зато в тюркских и монгольских государственных образованиях мы находим прототип этих учреждений в виде курултая, вошедшего в обычай, повидимому, с древнейших времен и удержавшегося в практике до нашего времени. Достаточно указать на курултаи времен Чингисхана и Тимура, утверждавшие ханскую власть и решавшие вопросы войны и мира, с'езды, широко практиковавшиеся в Золотой Орде, Крыму и Туркестане до позднейшего времени, все-

[1]) И. Балабан и В. Тромпчинский—„История Польши“ СПБ—1909 г., стр. 70.

народные (конечно в классовом смысле) дурбары Авганистана в XVIII и XIX ст. ст.[1]), с‘езд в Муганской степи в январе—феврале 1736 г. (1148 гиджри), избравший Надира, туркмена из племени Авшар шахом Персидского государства и обсуждавший, между прочим, вопрос об уничтожении антагонизма между шиитами и суннитами, и на котором принимало участие около 100.000 человек [2]), наконец с‘езд (хурулдан) современной Монголии, избирающий правительство страны. Не будет поэтому погрешностью предположение, что авторы общешляхетских элекций в польско-литовском государстве копировали хорошо им известный монголо-тюркский курултай, представляющий собою также с‘езд уланов, беев, мурз и других почетных лиц, иначе говоря правящего и военного ордынского сословия, аналогичного польско-литовской шляхте‘ для которой оно, кстати сказать, являлось образцом, так как и самое появление шляхты, как сословия в Польше относится к началу XIII столетия, т. е. ко времени тюрко-монгольского нашествия на Польшу орд хана Батыя. Это предположение тем более законно, что XVI столетие, время появления и утверждения в Польше элекций, является веком необычайной идеализации политического и социального строя тюркских государств со стороны недовольных и „мятежных“ людей Европы, особенно же центрально-европейских стран, веком, когда турки рисовались европейцам, как грядущие избавители низших классов населения от голода, неправых судов и эксплоатации аристократами [3]), в эту эпоху (1548—49 г.) Иван Пересветов, сравнивая порядки турецкие и московские, говорит „чтобы к той истинной вере христианской да правда турецкая“ [4]), а несколько позже Михалон Литвин в своих записках ставит татарское правосудие выше таковового-же у москвитян, а тем более у литовцев, где обилие взяток и поборов мешает бедняку искать правды [5]).

Вопрос о возможном тюркском происхождении многих шляхетских родов в последнее время привлек к себе внимание польских ученых, которые занялись исследованием родословных, приведшим к заключению, что действительно масса родов польской шляхты ведет свое начало от тюрко-татар; ожидаемое опубликование результатов этих работ должно дать тюркологии богатый научный материал.

Польские ученые привлекли к делу изучения взаимоотношений, существовавших в прошлом между Польшей и тюркским Востоком, ряд вспомогательных научных дисциплин; так, профессор J. Talko-Hryncewicz в выпущенной им работе о литовских татарах, [6]) приво-

[1]) Автобиография Абдуррахмана-хана, эмира Авганистана, перев. с англ. СПБ — 1901 г.

[2]) Аббас—Кули— Ага Бакиханов (Кудси)—„Гюлистан—Ирам“, изд. Сб-ва обслед. и изуч. Азербайджана, стр. 119.

[3]) См. о туркофильстве Европы и Московской Руси XVI в., приложение к „Истории Турции и ее литературы“, т. I, А. Крымского, стр. 157.

[4]) Там же, стр. 161.

[5]) Михалон Литвин, „О правах татар, литовцев и мосвитян“, перев. С. Шестакова с Базельск. издания 1615 г.

[6]) J. Talko-Hryncewicz, Muslimowie, 82 и сл.

дит ряд интересных антропологических данных, на основании которых он делает не менее интересные выводы. Автор произвел многочисленные антропологические измерения и наблюдения над литовскими татарами, тюрко-татарами волжскими, чувашами, белоруссами, литовской шляхтой, литвино-латышами и украинцами. Целый ряд данных, полученных им при этих измерениях, как рост, степень белизны кожи, окраска глаз и волос, головной указатель и т. п. может быть формулирован в следующем резюме:

Общая характеристика литовских татар следующая—рост средний, отступления чаще бывают в сторону низкого чем высокого роста (однако, в более слабой степени чем у волжских татар), туловище короткое, ноги длинны, развитием костной и мускульной систем равняются белоруссам, но уступают литвино-латышам, преобладающий тип—темный, но белее чем у волжских татар и чувашей, короткоголовость выражена сильнее чем у волжских татар и литвино-латышей, а тем более у чувашей (где замечается сильная длинноголовая примесь), но меньше чем у белоруссов, украинцев и литовской шляхты, лицо широкое (шире чем у других приведенных национальностей), нос небольшой, прямой, иногда приплюснутый, губы умеренные, подбородок широкий или закругленный. Из этих антропологических данных проф. J. Talko-Hryncewicz выводит заключение, что литовским татарам не свойственен единый чистый тип, так как они представляют крайне смешанную группу, что вытекает как из преобладания людей среднего роста, так и из наличия наряду с преобладающей темной окраской кожи, волос и глаз более светлой окраски меньшинства. Та же картина получается и в распределении данных краниологии: коротко головость хотя и преобладает (63,7%), но среднеголовые составляют 27,5%, что превосходит процентное отношение среднеголовых у других рассмотренных групп; остальные данные подтверждают наличие смешения многих элементов, так,-головной указатель колеблется от крайней длинноголовости с показателем—73, до крайней короткоголовости с показателем—93. [1]) Все говорит за то, что произошло смешение двух типов—крайне короткоголового, должно быть монгольского и крайне длинноголового, вероятно финского. На основании всех этих различий исследователь отличает два преобладающих типа, которые он характеризует как турецкий и монголоидный. [2])

Сильно смешанный тип литовских татар профессор J. Talko-Hryncewicz об'ясняет многочисленными наслоениями представителей отдельных тюрко-монгольских племен, оседавших в пределах польско-литовского государства, а также теорией о смешанных браках. Эти смешанные браки не помешали, однако, литовским татарам сохранить в чистоте свой основной тюркский тип, т. к. окружающие народы и группы, особенно литовская шляхта, сами обладают многими общими

---

[1]) Там же стр. 85.

[2]) Ср. мои наблюдения - Литовские татары, стр. 91.

с ними антропологическими особенностями, приобретенными от ранее осевших и уже вполне ассимилировавшихся пришельцев, тюрко-монголов.

Эти выводы, сделанные на основании данных антропологии, вполне согласуются с историческими указаниями на множественность и сложность переселенческих волн, шедших в Польшу и Литву с востока, из степей европейского Кипчака и с юга, со стороны Балканского полуострова.

Уже в XIX ст. в среде литовских татар образовались новые роды и фамилии, недавних выходцев из Поволжья, Кавказа и других мест, как например—Матулин, Токаев, Софиев.

На связь Литвы и Польши с Турцией и Крымом на всем протяжении XV—XVIII ст. ст. и существование приливов и отливов колонистов—тюрко-татар в эти страны существуют вполне определенные указания. До самого последнего дня существования Золотой Орды (1502 г.) литовское, а временами и польское, правительства стремились быть с ней в союзных отношениях, что должно было в периоды ордынских смут способствовать колонизации польских и особенно литовских владений беженцами, тюрко-татарами.

Вначале мирные, а впоследствии и военные отношения с Крымским ханством, основанным около 1420 года, имели те же последствия; так, неудачные набеги Менгли-Гирея на Литву (1506 г.) приводят к поселению плененных крымских татар в районе г. Минска на правах военных поселенцев, подобно более древним колонистам: еще раньше Витовт, великий князь Литвы (1392—1430), развил энергичную колонизаторскую деятельность, поселяя татар как в окрестностях г. Вильно, на р. Ваке, так и в южных областях Литвы, особенно в Подолье. Однако, не он первый из литовских князей пользовался услугами тюрко-татарских военных поселенцев: уже в войсках Гедимина (1316—41), положившего начало могуществу литовского государства, были татары, они уже тогда неизменно участвуют в походах литовцев против поляков и особенно против крестоносцев.

На существование в Литве поселений тюрко-татар уже в этот период, когда ислам еще не получил широкого распространения в Золотой Орде, дает указание запись анналиста францисканского ордена под 1324 годом, который пишет: „наши братья отправленные для обращения в христианскую веру литовских земель, нашли весь народ погруженный в язычество, поклоняющийся огню, и между ними скифов, пришельцев из владений какого-то хана, и которые в своих молитвах употребляют азиатский язык“. [1]) Под скифами здесь очевидно, следует понимать тюрко-татар, пришедших из владений хана Золотой Орды—Узбека (1312—40), при котором династия и высший класс окончательно приняли ислам, но народ все еще оставался верным шаманизму.

[1]) А. Мухлинский—Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПБ—1857, стр. 7.

Литовское государство стало оформляться при князе Витене (1293—1316), брате Гедимина; к сожалению, древнейшая история Литвы не настолько нам известна, чтобы можно было ответить определенно на вопрос—не было ли в Литве еще более древних тюрко-татарских поселений? О военных походах золотоордынцев в Литву, говорится, однако, определенно: еще в 1240—41 г. тюрко-монголы впервые разоряют города Литвы. Нам также известно определенно что в странах соседних с Литвой тюрко-монгольские поселенцы, выходцы из Золотой Орды, осели уже на пороге XIV столетия, о чем свидетельствует Рукнеддин Бейбарс. По его словам в местности Будуль, близ Кракова обитал некий Шешимен со своими соратниками. Этот Шешимен охотно принял к себе Кара-кисека, внука Ногая ,бежавшего в 1301—02 году от мести хана Токты; с ним прибыло до 3000 всадников, и все они остались жить у Шешимена, „бродя по разным местам и прокармливая себя мечами“...[1]) Надо полагать, что этот Шешимен был родом тюрок, на что указывает его тюркское имя (вероятно, شيشمان). Действительно, конец XIII и начало XIV ст. ст. является критическим моментом в жизни молодого польского государства: шла жестокая борьба национального польского элемента с немецкими маркграфами, и важным центром этой борьбы, длившейся до 1319 г., является г. Краков; таким образом создалась благоприятная обстановка для деятельности здесь отрядов беспокойных выходцев из Золотой Орды. В соседнем Галицком государстве еще раньше, а именно с 1286 года, после смерти Даниила, замечается политический упадок, об'ясняющийся набегами татар; так, в 1286 или 87 году хан Телебуга совместно со знаменитым темником Ногаем совершает набег на Польшу, причем Мстислав и Лев Данилович сопутствуют им в качестве вассалов Золотой Орды: тюрко-монголы разоряют Польшу, в том числе и Краковию, о чем говорит под 1288 г. и Ибн-Хальдун.[2])

Между ханами и темниками Золотой Орды уже в XIII столетии встречаются последователи ислама, так предшественник и дядя вышеупомянутого Телебуги, хан Туданменгу, по сообщению Рукнеддина Бейбарса еще в 1283 г. (682 х.) прислал в Египет письмо, писанное по-монгольски, с извещением о принятии им ислама, а Ногай уже в 1270--71 г. (669 г. гиджры) заявил себя мусульманином. Это не дает нам, однако, права предполагать, что все тюрко-монголы. если таковые в результате этого похода остались в Краковии, могли исповедывать ислам, т. к. даже гораздо позже, как мы видели, при хане Узбеке (1324 г.) христианские миссионеры нашли в Литве „скифов огнепоклонников,“ но не нашли, очевидно, мусульман, иначе они упомянули бы об этом. Остается поэтому предположить, что упомянутый выше Шешимен (или Шишман) и соратники его были тюрки—шаманисты. Это же предположение будет в значительной мере действи-

---

[1]) В. Тизенгаузен, Сб., матер. относ к истории Зол. Орды, т. I стр. 119.

[2]) Там же, выдержки из Ибн-Хальдуна.

тельным и по отношению к спутникам Кара-кисека, внука Ногая, так как известно, что ислам, принимаемый монгольскими правителями и в более позднее время, часто воспринимался ими поверхностно, и долго не проникал в толщу народных масс.[1]) Вследствие всего этого тюркские эмигранты из Кипчака, осевшие в Краковской области в конце XIII и начале XIV века, принимая от окружающего населения христианство, должны были постепенно ассимилироваться с поляками, а отчасти, быть может, и с немцами, сильными в Кракович своей культурой в эту эпоху. Те особенности, которые свойственны и по сейчас жителям Краковской области и отличие их от остальных поляков—в обычаях, костюме, фольклоре и искусстве, а также такие качества как наездничество и воинственность, проявленная ими хотя бы во время последних польских возстаний, могут быть легко об'яснены глубоким влиянием тюркских поселенцев, оседавших здесь в эпоху переселения народов. Вопрос о том не образовались-ли уже в течение XIII-го столетия тюркские колонии и в литовских землях, несмотря на наличие не подлежащих сомнению тюрко-монгольских набегов (со времен Батыя) в эти земли, приходится все же оставить пока открытым: Литва с ее дремучими лесами и болотами была и менее доступна и, что еще важнее, менее заманчива для поселения здесь вольных степных рыцарей, выходцев из тюркских орд, по крайней мере до тех пор, пока оформившееся в XIV ст. Литовское государство не создало исключительно благоприятную обстановку для подобной колонизации. В противоположность этому земли, лежащие вдоль Карпатских гор—Галиция и Краковская область часто служили ареной передвижения больших или меньших групп кочевого населения: победное шествие завоевателей с востока на запад, во главе тюркских орд, равно как и бегство побежденных неизменно натыкались на трудно преодолимую преграду в виде хребта Карпатских гор, отклонявшую эти передвижения или к югу в придунайские низменности и оттуда на равнины Венгрии или к северо-западу вдоль гор, в бассейны Вислы и Одера. Часто на положении гонимых оказывались целые народы, как это случилось с кипчаками (половцами), бежавшими в 1238 г. в количестве около 40 тысяч семейств от преследований войск Батыя, разгромившего предварительно союзных кипчакам русских князей. Главная масса беглецов во главе с ханом Котяном устремилась, правда, на равнины Венгрии, но Галиция и Краковия также, вероятно, приняли не мало этих эмигрантов, чем быть может, и следует об'яснить движение орд Батыя на запад по двум направлениям: в то время как одна его армия двинулась прямо в Венгрию, другая повернула на северо-запад и разорив попутно города Литвы и Польши и пройдя всю Краковию

[1]) См. В. В. Бартольд—Улугбек и его время, Зап. Р. Ак. Н.— VIII сер., Петр. 1918 стр. 27, где говорится, что когда при осаде Дамаска в 1400—1401 г. внук Тимура Султан-Хусейн изменил своим и перешел на сторону осажденных, ему отрезали косу и заставили его переменить одежду, (которую он по обычаю монголов носил в походе не сменяя).

достигла Силезии, где, выиграв битву под Лигницей в бассейне Одера, повернула на юг для соединения с первой армией и для преследования главных масс бежавших кипчаков хана Котяна. Повидимому, этот момент и был исходным в смысле утверждения в Краковской области и Галиции тюрко-монгольского политического и культурного влияния, столь сильного, что даже в конце XIV ст. население Галиции, оставшись без князя и желая избавиться от власти польских королей, само обращается к помощи золотоордынцев (1340 г. по смерти Юрия II Болеслава Галицкого),

Но могли-ли попасть и в Литву отдельные осколки этой громадной армии беженцев кипчаков или половцев, как их называли русские и польские летописцы? На этот вопрос история не может пока дать нам определенного ответа. Косвенные указания на возможность поселения половцев в начале XIII ст. в пределах Литвы дают, пожалуй, некоторые географические названия, как например, Половщизна, теперь одно из предместий г. Вильно, расположенное на восток от древнейшей части города,[1]) а также тот факт, что покинувшая родные степи Кипчака масса половцев искала приюта не только в Венгрии, гостеприимно принявшей хана Котяна и его подданных, но и в других странах—на Балканском полуострове, в Закавказьи, М. Азии и даже в далеком Египте. Не будет поэтому большой смелостью предположение, что какая-то, хотя бы и не очень значительная часть кипчаков осела в пределах Польши и Литвы. Что половцам уже и раньше хорошо были известны эти страны, сомневаться не приходится: им не только часто приходилось наведываться в качестве врагов или союзников русских князей в пределы Руси черниговской, киевской и волынской, но в союзе с этими же князьями совершали они походы и дальше—к северу и северо-западу. Так известно, что Даниил Романович Галицкий, женатый на дочери хана Котяна и величавший своего тестя „батюшкой“, пользовался половцами в качестве вспомогательного войска в своих походах на Литву и на ятвягов[2]).

Около 1092 года половцы в союзе с Василько Ростиславичем разоряют Польшу; а еще раньше в 1084 г. Владимир Мономах ходил „с черниговци и с половци, с Читеевичи к Меньску“ (Минску), причем город был так ограблен, что Владимир мог впоследствии похвалиться —„не оставихом у него ни челядина, ни скотины.“ [3]) Указанные походы не исчерпывают всех тех случаев, когда половцы-кипчаки наведывались на территорию Литвы и Польши, указаний на такие случаи можно найти не мало в летописях за XI и XII столетия.

Некоторые половецкие роды, как вышеупомянутые Читеевичи, также Бурчевичи, Улашевичи и другие были осебенно тесно связаны

---

[1]) Вильно, как исторический город становится известным лишь с 1321 г., но конечно, это не исключает возможности возникновения поселений в его окрестностях и в более древние времена.

[2]) Ипатьевская летопись (Полн. Соб. Рус. Лет.)—1908 г. стр. 753, 811, 816 и 818.

[3]) Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 2-ое уч. изд. Пост. Ист.—Археогр. Комиссии Ак. Наук СССР—Ленинград—1926 г. стр. 239.

с русскими князьями союзными отношениями. Киевщина в XII ст. была насыщена тюрками как кочевниками, так и перешедшими к оседлой жизни и начиная с середины XI ст. ни одно столкновение между князьями не обходится без участия как союзных, так и „диких" половцев, время от времени появлявшихся на берегах Днепра из глубины Кипчака; еще большую роль в жизни южно-русских княжеств играли торки, они же Черные Клобуки летописи, поселившиеся в XI в. на р. Роси, имевшие центром г. Торческ и подпавшие под сильное культурное влияние славян, в XII ст. обитавшие также близ гор. Баруча в нын. Черниговской губернии, и берендеи, которых летопись часто не отличает от торков, имевшие в XII ст. уже 6 городов, где-то в районе Белая Церковь—Белополье, памятником пребывания которых здесь, вероятно, является название города Бердичева (изм. Берендичев). Эти торки и берендеи под сильным влиянием киевской Руси быстро сроднились с оседлым русским населением: в XII столетии они принимали участие даже в избрании киевского князя.[1]) Дружина киевских князей с древнейших времен пополняется главным образом из варягов и тюрок, т. к. славяне, как невоинственный элемент, были мало пригодны для этой службы, требовавшей привычки и склонности к безпокойной и богатой приключениями боевой жизни; этим только обстоятельством и можно об'яснить то явление, что еще Святослав (X ст.) так быстро и прочно усвоил и тюркские методы войны и кочевые привычки в частной жизни.

В X ст. встречаемся мы с сильным влиянием другого тюркского народа—печенегов, державшегося в черноморских степях до середины XI ст., а в качестве оседлых жителей Киевщины и Балканского полуострова и позже. Западное печенежское государство в эпоху своего расцвета по свидетельству императора Константина Багрянородного, писавшего около 955 года, включало в пределы свои между прочим Покутию и большую часть Червонной Руси, т. е. Галиции, так что владения печенегов заходили на север от Венгрии, вероятно, в район Сана и оттуда граница шла к востоку, на Киев, лежавший у самой линии печенежских кочевок, простиравшихся дальше в район нынешней Полтавщины [2]). Согласно русской летописи печенеги часто проникали не только до Переяславля, но и до Чернигова; они принимали видное участие в борьбе князей, Ярослава и Святополка за киевский стол в союзе с королем польским Болеславом Храбрым (в 1018 г.) и одни (в 1019 г.). По свидетельству Константина Багрянородного Белая Кроация была немноголюдной, так как часто отпустошалась франками, турками (т. е. венграми) и паци-

---

[1]) в 1146 г. см. Полное Собр. Рус. Лет. СПБ—1908 г. т II. Ипатьевская летопись. стр. 323.

[2]) П. Фр. Сум—Истор. рассуждение о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, также Европейскую Турцию на север от Дуная, перевод с датского Москва—1846 г. стр. 15.

наками (печенегами). Страна эта, по его словам, лежала на расстоянии 30 дней пути от Черного моря [1]), что приводит нас, считая дневной переход в 35 километров, в район Кракова. О пустынности этих земель говорит и русская летопись под 1019 годом, повествуя, что Святополк, разбитый Ярославом, „пробежа Лядьскую землю... прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы"... [2]).

Таким образом, не подлежит сомнению, что Малая Польша вернее Краковия была в эту эпоху ареной деятельности тюркских завоевателей, искавших здесь военной добычи, а, может быть, и мирной торговли с соседними народами в периоды затишья. Самое название —белая Кроация говорит, повидимому, о том, что страна эта, являясь яблоком раздора между печенегами, венграми и франками, пользовалась политической самостоятельностью, пока усилившаяся Польша к концу X ст. не заявила притязание на эту область и прежде всего на главный город—Краков.

Когда был основан этот чрезвычайно важный пункт поселения, слывущий теперь своего рода матерью польских городов, сказать трудно, так как предания относят его возникновение к глубокой древности, к VII веку нашей эры, и полумифический Крак, построивший Вевельский замок—Краковскую цитадель, по мнению некоторых жил в эпоху чешского короля Само (623 - 658). [3]) Можно только указать, что в XI столетии у дунайских болгар, тогда еще не окончательно утративших свой национальный тюркский облик, был некий воевода Кракрас, который в 1015 г. совместно с болгарским царем Иоанном и вспомогательным войском печенегов выступал против греческого императора Василия [4]). Еще раньше, во времена имп. Константина (X ст.) на правом берегу Днепра лежало в развалинах 6 городов (или стоянок), один из которых, третий по счету носил у печенегов название —Крак-нате, (другие назывались-Тунгате, Сальмакате, Сакакате и Гиаюкате); можно предположить, что такое название этому месту было дано от собственного имени—Крак или в смысле крайний, береговой, каковое значение это слово (قراغ или قراق) имеет и в современном тюркском языке. Таким образом есть основание полагать, что и Крак, основатель Веведя, был выходцем из какой-нибудь тюркской орды [5]), или он—лицо вымышленное впоследствии, а название этого поселения дано ему тюрками, так как Krakòw или Krak—òw по тюркски قراقاو должно означать крайнее жилье, крайнее посе-

---

[1]) Там же стр. 18 и 19.

[2]) Повесть врем. лет. по Лаврент. списку стр. 141.

[3]) В. Томка—История Чешского королевства, перев. с чешского В. Яковлева СПБ., 1868 г. стр. 24.

[4]) П. Фр.—Сум (по Кедрину)—Истор. рассужд., стр. 27.

[5]) На распространенность этого имени у тюркских народов и позже указывает, между прочим, надпись, доставленная недавно И. Азимбековым в Азерб-Археологич. Комитет из Нагорн. Карабаха, которая гласит: زالمرحوم المغفورايوب آقابن نبی آقاقراق надпись датирована 702 годом гиджры (1303 г.).

ление [1]) что могло в определенный исторический момент соответствовать его географическому положению на краю западных тюркских поселений в Европе; это могло быть в эпоху расцвета печенежского государства (IX—X ст. ст.) или даже еще раньше. Из всего сказанного выясняется, что и южные пределы Литвы, (район Бреста) граничили непосредственно одно время с землями, занятыми печенегами, обитавшими где-то в районе Люблина и Холма, так что трудно допустить отсутствие между ними прямых сношений, хотя на наличие их и нет определенных указаний.

Зато значительно раньше, именно в VI ст. согласно свидетельству Иорнанда или Иордана, католического священника, писавшего около 551 г., власть другого народа, основавшего обширное государство с преобладающим тюркским населением [2]), простиралась далеко на северо-запад: „вниз от Видиоариев, живших при устье Вислы и Эстонцев, обитавших на восток от Вислы, в Пруссии, жил к югу, говорит он, мужественный Хазарский народ, вовсе не занимавшийся хлебопашсством, но довольствовавшийся только скотоводством и звериною ловлею“ [3]). В этот ранний период своего существования и высшего расцвета своего могущества хазарская держава, если верить некоторым историческим указаниям, вела неудачную войну (около 570 г.) с датским королем и реидготским царем, в результате чего народы Польши, Литвы и севера, прежде подчинявшиеся хазарам, отпали от них [4]).

Согласно русской летописи ко времени образования Руси в конце IX ст., т. е. значительно позже, славянские племена полян, северян, радимичей и вятичей все еще платили дань хазарам, хотя могуществу хазарского каганата к этому времени был уже нанесен сильный удар как длительной борьбой с арабами на Кавказе, так и особенно нажимом с востока, со стороны наступавших печенегов. Несмотря на все эти невзгоды, не подлежит сомнению, что к началу IX-го столетия политическое влияние хазарского государства простиралось на большую часть нынешней Белоруссии и границы его тесно соприкасались с землями литовскими; что касается экономического и культурного влияния хазарского каганата, то оно в VIII и особенно в IX веке простиралось еще дальше, о чем нам красноречиво говорят клады монет из мусульманских стран, с которыми у хазар были оживленные торговые сношения по Каспию и через Закавказье. Великие торговые пути проходили в бассейнах Волги и Днепра и дальше, вероятно, по Висле, Неману и Западной Двине к Балтийскому морю, так что остров Готланд на этом море являлся важным центром, в котором сходились эти пути [5]).

---

[1]) О древности тюркского слова او—ev см. С. Е. Малов—Образцы древнетурецкой письменности, Ташкент—1926 г.

[2]) По этому вопросу см. А. Губайдуллин—Заметки о происхождении хазар, помещ. в этом же выпуске Известий Об-ва.

[3]) П. Фр. Сум—Истор. рассуждения, глава о хазарах стр. 22.

[4]) Там же стр., 23.

[5]) Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана. труды О-ва Обследов. и Изуч. Азербайджана, Баку, 1926 г., стр. 74 и сл.

Наконец, еще раньше хазар в центральную Европу проникли авары, изгнанные из Азии другими тюрками около 555 года [1]). К 562 году они появляются уже на берегах Одера и Эльбы, где разбитые сначала франками в битве на Эльбе (563 г.) они под предводительством хана Баяна в конце концов одерживают победу и берут в плен короля франков Сигиберта в 567 г. Авары основали чрезвычайно сильное государство, которое уже около 617 г. простиралось от Эльбы и Одера до Адриатического моря и серьезно угрожало Константинополю.

Судя по его географическому положению и обладанию аварами важным проходом, известным под названием Моравских ворот, который давал доступ из бассейна Одера к Мораве и лежал на важном торговом пути, так называемой "янтарной дороге", политическое и экономическое влияние аварского государства должно было распространяться далеко на север и охватывать весь бассейн Вислы, а, может быть, и Немана. Верховья Вислы и Краковский район, как лежащие в непосредственном соседстве с моравским проходом, были во всяком случае в их руках, а Крак, если только он существовал и предание правильно приурочивает основание им города Кракова к VII ст., повидимому, мог быть родом из какой-нибудь аварской орды. В своем движении на запад авары подобно другим тюркским народам отклонились к северу от Карпатских гор, на что указывает русская летопись, сообщающая, что обры (авары) сильно притесняли славян-дулебов, живших по Бугу, т. е. на Волыни [2]); таким образом и авары занимали сначала земли граничащие с северными склонами Карпатских гор, впоследствии занятые печенегами, до тех пор пока новые волны кочевников, пришедших с востока, не заставили их укрыться за горными массивами Карпат.

Гуннское нашествие, с необычайной быстротой захлестнувшее не только восточную, но и центральную Европу, принесло с собой и тюркские элементы: были-ли гунны в своей основной массе тюрки или монголы, но не подлежит сомнению, что по крайней мере некоторые племена, как оногуры, кутригуры и, вероятно, акациры должны быть причислены к тюркам. Атилла, об'единивший около 430 г. в одно политическое целое многие племена, распространил свою власть от Волги до Дуная и на севере через Польшу и Германию до Балтийского моря. Как бы кратковременно ни было существование этого союза, распавшегося тотчас же после смерти вождя (453 г.), мы вправе всё таки предполагать, что от него остались в наследие центральной Европе не только памятники материальной и духовной

---

[1]) Я держусь общепринятого мнения, что авары народ тюркского племени и культуры. О мнении проф. Пельо, что авары—монголы, см. доклад В. В. Бартольда—Первый Всесоюзный Тюркологический с'езд, стеногр. отчет—Баку, 1926 г. стр. 22.

[2]) Повесть врем. лет., стр. 11 и 12.

культуры [1]), но и известные этнические наслоения тюркского или тюрко-монгольского элемента, следы которых могут быть определены лишь тщательным изучением быта и антропологических данных.

Из приведенных кратких исторических справок становится очевидным, что огромная масса тюркских поселенцев поглощена населением центральной Европы, и там, где как на запад от среднего течения Днепра, существовали целые города, населенные тюркским элементом, с течением времени мы его как будто вовсе не находим, так основательно уподобился он славянскому населению. То же можно сказать о Галиции, Краковской области и некоторых других районах. В противоположность этому на далекой Литве, лежавшей в стороне от великих путей передвижения кочевого населения, имеются и до сегодня десятки тюркских поселений. Если повсюду действовали одни и те же причины столь неуклонной ассимиляции тюркского элемента с другими национальностями в виде ли экономической слабости тюрок, как результата всегда болезненного для кочевника процесса оседания на землю или оторванности от основного источника культурного развития—тюркского Востока, то здесь, в Литве эти причины, очевидно, были ослаблены наличием других, более благоприятных факторов. Помимо того, что колонии литовских татар позднейшего происхождения (от ногайцев, кочевавших всего лишь сто лет тому назад в черноморских степях, не осталось же и следа к началу XX-го столетия), здесь имело значение еще наличие и некоторых местных особенностей, как например, отсутствие сильной религиозной и национальной нетерпимости в Литве, быть может, отчасти об'ясняющееся поздним укреплением здесь христианства, благоприятное правовое положение тюркских поселенцев, политические союзы с Золотой Ордой и Крымским ханством и др.

Ислам, появившийся в степях Кипчака, если верить свидетельству Эль-Бекри в начале XI ст. [2]) и утвердившийся окончательно лишь в XIII ст. сообщил тюркам прежде чуждый им религиозный фанатизм и способствовал созданию фронта ожесточенной борьбы между мусульманами и христианами, осложненной экономическими и национальными стремлениями, борьбы, которая закончилась политическим разгромом не только северного государственного образования, Крымского ханства, но и южного, простершего было свое влияние на север от Дуная; но этот же ислам в силу свойственной ему способности к известному консерватизму, содействовал сохранению в Литве от сильных влияний, а следовательно и от ассимиляции, такой группы тюркского населения, которая казалось бы вовсе не могла претендовать на выживание.

---

[1]) О последних см. Julius Moravcsik, Attilas Tod in Geschichte und Sage, Zeitschrift für fürkische Philologie und vervandte Gebiete, II Band, 1—2 Heft, Budapest —1926.

[2]) П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до наш. татар, стр. 726.

Азиз Губайдуллин.

Заметки о происхождении хазар.

В начале XIX столетия, когда история Поволжья начала только что изучаться на основании восточных источников, вопрос о происхождении булгар и хазар был вопросом актуальным. Недостаток изданных и, главным образом, недостаточное изучение рукописей, находящихся в хранилищах Запада и России, привели к тем поспешным выводам, которые делались по отношению к вопросу о происхождении этих народов. Даже в половине XIX столетия по тем же основным причинам по этим вопросам появилось огромное количество не совсем проверенных выводов и гипотез, которые вошли даже в учебники, как неоспоримые факты и истины. Примером могут служить выводы Клапрота, русского ориенталиста Григорьева, Неймана, Сума и Германа Вамбери, которые, правда, и внесли много интересного, но в то же время их догадки продолжают служить причиной тех нерешительных мнений, которые высказываются до сих пор некоторыми новейшими авторами, писавшими о хазарах и об их культуре. Например, в статье Готье: „О хазарской культуре", вышедшей в прошлом году, перечисляются те гипотезы относительно происхождения хазар, которые были высказаны в прошлом столетии, и автор придерживается того мнения, что хазары „вероятно тюрки" [1]).

Хотя о происхождении хазар в последнее время были высказаны более определенные мысли со стороны русских и западно-европейских ученых ориенталистов, но все же мы в этой заметке хотим поднять еще раз этот вопрос. Мы считаем своевременным поднять этот вопрос еще потому, что в последнее время интерес к изучению хазарской культуры путем археологических раскопок значительно поднялся, а изучить материальную культуру какого-нибудь древнего народа совершенно невозможно, не зная, к какой расе изучаемый народ принадлежал.

Известно, что многие тюрко-татарские государственные об'единения происходили на основании завоеваний других не-тюркских стран. Вот почему тюрки в этих государствах были большей частью меньшинством и представляли из себя организаторов и военный класс. Так было, например, в Империи Газневидов, Сельджукидов, в татарских ханствах, появившихся после разложения Великой Монгольской Империи, в Империи Великих Моголов в Индии и в Османской Империи. Очевидно, также обстояло дело в государстве Волжско-Камских

---

[1]) В „Новом Востоке". № 8—9.

болгар, ибо Ибн Фодлан говорит о существовании там „меликов"— царьков. Нам кажется, что методологически будет правильно, если мы подойдем к вопросу о происхождении хазар с той же точки зрения. На основании данных письма хазарского хакана Юсифа Хасади ибн Шабруту и на основании известий арабских писателей мы можем легко заметить, что хазарское каганство представляло из себя многонациональное государство. В состав этого государства во время расцвета входило огромное количество мелких народов и государств. Вот почему Ибн Фодлан говорит, что у хазарского царя было 25 законных жен, каждая из них „дочь царя", взятая добровольно или насильно («طوعاً اوكرهاً»). Это подтверждается сообщением еврейского писателя Эльдади Годдани, который говорит, что количество подчиненных хазарскому царю царьков бесчисленно, „он берет дань от 25 государств" (Гаркави, Сказания еврейских писателей о хазарах, стр. 21). Если дело обстояло таким образом и, когда речь идет о происхождении хазар, то следует поставить вопрос только о происхождении того организующего ядра, которое являлось господствующим элементом в Хазарии. Такую постановку вопроса мы считаем единственно правильной, потому что под словом „хазары" источники понимают всю Хазарию в совокупности. Если подойти к вопросу так, то необходимо будет произвести анализ для того, чтобы выяснить вопрос, какие элементы именно существовали у хазар.

Ибн Фодлан говорит, что „их (т. е. хазар) два класса; класс, который называется кара хазар (черный хазар), кои отличаются сильной смуглостью, как индусы, и класс белый, красивый [1])". Ибн Хаукаль также говорит, что хазары бывают различные, что среди них существуют „кара хазар". Отсюда мы можем заключить, что в X столетии среди хазар существовало, по крайней мере, два антропологических типа: белые и черные. Кроме того, тот же Ибн Фодлан, а за ним идругие,говорят о существовании среди хазарского населения еще одной категории людей, которых они называют « الخزر الخلص » (истинные хазары). Весьма возможно, что эти были господствующим элементом в этом государственном союзе. Может быть, это ничто иное, как „Кабары" Константина Порфирородного, которые вследствие воинственности и проворности стояли во главе восьми хазарских родов и отличались в сражениях, и из этого же рода были „principes".

Из этого можно сделать заключение, что такого целого и неделимого народа хазар не существовало. Во-первых, тот государственный союз, который средневековые западные и восточные авторы называют хазарами, состоял из конгломерата различных элементов: одни отличались от других своими антропологическими чертами, другие своими собственными государственными об'единениями и входили

[1]) وهم صنفان صنف يسمون قرا خزر هم سمر يضربون لشدت والسمرت الى السواد اوهانم صنف من الهندو صنف بيض وطاهر الجمل و الحسن. يقوت الحموى، معجم البلدان، طبع بمصر جلد III، ص. 334.

[2]) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. III. p. 172.

в состав хазарского союза, как подчиненные политические автономные единицы, сохраняя свои политические особенности, наконец, сам хазарский народ, подобно узбекам, монголам или современным казакам (кайсакам), разделялся на несколько родов, о чем свидетельствует нам Константин Порфирородный.

Раз вопрос идет о расовой принадлежности какого-нибудь средневекового восточного народа, то приходится говорить об основном ядре или о господствующем элементе целого государственного об'единения. Например, когда нам зададут вопрос, кто такие были сельджуки, то мы должны будем ответить на этот вопрос, обращая главное свое внимание на огузско-тюркские роды (اوغوزبويلارى), которые являются господствующим элементом в столь обширной и поглотившей различные народы империи.

По вопросу о расовой принадлежности основного ядра населения хазарского государственного союза наши источники высказывают два противоположных мнения: одни называют их тюрками, а другие отрицают их принадлежность к этой расе.

Прежде, чем придти к изложению этих мнений, нам приходится сделать одно методологическое замечание: нельзя представлять себе средневековых западных и восточных авторов современными антропологами или этнографами. Как византийские, так и мусульманские, авторы иногда путали термин «тюрк». Например, такой знаток различных народов, обитавших на местах пограничных Византии, каковым является Константин Порфирородный, слово „тюрк" употребляет не совсем точно. Масуди называет тюрками тибетцев, буртасов и других [1]). Эти авторы, при определении принадлежности какого-нибудь народа к тюркам, часто основываются на сходстве образа жизни, а не языка, который является почти основным признаком. „Тюрки" для них ничто иное, как скифы для античных авторов. Однако, при чтении этих текстов приходится удивляться тому, что, несмотря на некоторые допускаемые ими ошибки, эти авторы большею частью умеют точно определить происхождение описываемых ими народов. В этом отношении византийские и мусульманские авторы пошли довольно далеко от Геродота, Страбона и даже Птоломея, хотя у византийцев часто встречается обычай всякого степняка называть или скифом, или сарматом, подражая древним авторам.

Ибн Фодлан, который является самым важным источником по интересующему нас вопросу, как-будто отрицает принадлежность хазар к тюркам. Он говорит, что хазары не похожи на тюрок, ибо они черноволосые (والحزرلايشبهون الاتراك وهم سوادالشعور). Ибн Хаукаль заявляет, что „у истинных хазар язык тюркский а не персидский" [2]). Абу Исхак Истахари говорит, что „язык болгар, как

---

[1]) См, напр. و برطاس امة عظيمة من الترك بين بلاد الخوارزم و مملكة الخزر. و Bib. Geoy. Arab. Edit de Goeje, pars octava p. 60 и др.

[2]) والحزر الخلص منهم غيرلسان الترك والفارسيه

[3]) Академик Н. Я. Марр утвердительно говорит, что чувашский язык остаток болгаро-хазарской группы. См. „По этапам развития яфетической теории". Мос.-Лен. 1926, стр. 271.

язык хазар“ (لسان البلغارمثل لسان الخزر). То же самое отмечает и Абу Абдаллах Горнати. Хотя некоторые авторы являются позднейшими и в своих сообщаниях значительно зависели от ранних, но все же отсюда мы можем сделать следующий вывод: если язык хазар похож на язык болгар, а так как мы знаем, что язык болгарский был тюркским или чувашским, то отсюда выходит, что язык хазар все же является тюркским. Но почему же тогда Ибн Хаукаль мог сказать, что язык хазар не тюркский? На это может быть такой ответ: если мы предположим, что язык болгарский был похож на язык современных чуваш [1]), то вполне возможно, что мусульманские путешественники, более или менее знакомые с тюркскими наречиями среднеазиатских тюрков, услышав хазарское наречие, не могли его отнести к тюркскому, ибо оно весьма далеко было по произношению от обычного тюркского наречия, им более или менее знакомого. Это, конечно, догадка и наука ни в коем случае из-за каких-нибудь предвзятых мыслей не может базироваться на догадках. Однако, подтверждение той же мысли мы находим у одного византийского писателя Jos. Genesios'а, который говорит, что болгары произошли от авар и хазар [2]). Но такой знаток тюркских языков, как автор XI века, Махмуд Кашгарский, про болгар ясно говорит, что „Булгар—название известного города из тюркских“ (بلغار ـ اسم بلدة معروفة من الترك) [1]), а затем в другом месте говорит следующее: „но язык Булгар, Сувар и Баджнак (печенегов), находящихся около Рума—тюркский“ (فامالسان بلغار وسواروبجنك الى قرب الروم تركية مخذوفة الاطرف على خطواحد) (там же стр. 30). Если дело обстоит так, то выходит, что хазары также говорили на одном из тюркских наречий. Но противоположное мнение высказывает Константин Порфирородный. Он говорит о том, что в части одного из родов Хазар-Кабар, который был самым главным, случилась междуусобная война; часть их, убежав к тюркам, собралась на печенежской земле и там обосновалась. Эти кобары „затем самих тюрков учили хазарскому языку и также до сего дня имеют тот диалект. Некоторые же пользуются тюркским языком“ [2]). Однако, сообщение императора Константина совершенно не исключает наше первое предположение. Из этого сообщения видно, что здесь вопрос не об отдельном чуждом языке, а речь идет только о тюркском наречии. Если бы тюркский печенежский язык был совершенно другим языком, то не так легко можно было бы Кабарам научиться этому языку. Это явление, как кажется, можно сравнить вот с чем: отправляется казанский татарин к казакам, но несмотря на то, что их наречие другое, однако татарин, пожив некоторое время среди казаков, быстро овладевает их наречием.

---

[1]) Dietrich, Byzantinische Quellen zür Länder und Völkerkunde, Teil II. s. 10 n. 2

[2]) Corp. seript. hist. Byzantinae. Const. Porphyrogenitus vol. III. p. 171—172

ديوان لغات الترك ، جلد I ، ص . 380

Но другие Византийские писатели, как напр. Феофан, открыто называют хазар восточными тюрками. Писатель же XI века Кедрин, излагая события 626 года, употребляет следующее выражение: „Turcarumque orientalium quas et chazaras appelamus". Таким образом, многие византийские авторы называют хазар „восточными тюрками".

Китайские же авторы, хотя и мало знали хазар, когда случайно приходится им говорить о них, причисляют их к тюркам [1]). Напр., у T'ang Chou, когда речь идет о странах Персии, мы читаем следующее: „По-зе (Персия) расположена к западу от реки То-хо (Тигра). Она находится на расстоянии более 15 ли от столицы, с востока она прилегает к Ту-хо-ло (Тохористану) и к Канг (Согдиане); с севера она соседка Ту-кию К'оза (тюркам хазарам)" [2]). Нам кажется, что известия китайских авторов для нас ценны потому, что, вследствие тесных сношений с тюрками, китайцы могли их отличать от других народов.

Что касается арабских источников, то и среди них мы находим считающих хазар „тюрками". Самый достоверный автор Масуди говорит следующее: „Пятая раса вмещает в себе различные ветви тюрков Хурлахие (خرلخيه Карлуки), Гузов, Кимаков, Тугуз-гузов и Хазар. Эти последние по-тюркски называются Сибир и по-персидски Хазарон. Они одного рода с современными тюрками. У них название было арабизировано, и стали именовать их „хазар" [3]).

Таким образом, многие средневековые авторы называют хазар тюрками. Но, основываясь на этом, мы не можем считать вопрос разрешенным, ибо, как было сказано выше, эти авторы иногда не совсем точно употребляют термин „тюрк" ترك،اتراك, τυρκοί. Например, мы узнаем, что византийские хроники 9-го столетия венгров также называли „τυρκοί".

Поэтому, если мы хотим определить, к какому именно племени принадлежали хазары, нам приходится обратиться к другой категории фактов. Такими фактами могут служить остатки языка. В этой области мы имеем чрезвычайно скудный материал. Дело в том, что от хазар до наших дней, кроме, так называемых, „Хазарских писем" на еврейском языке, никаких письменных документов не сохранилось. Вот почему нам приходится обращаться к тем остаткам языка, которые сохранились в качестве названий местностей, городов и имен частных лиц из хазар. Но и эти слова сохранились в чрезвычайно искаженном виде или потому, что их не точно передавали сами авторы, писавшие о хазарах, или же их искажали переписчики.

К таким словам относится слово „каган" или "хакан". Этим именем называли хазары своего царя, как и все тюрко-татарские наро-

---

[1]) Ed. Chawannes, Documents sur les Tou-Kiou (turcs) occidentaux p. 256.

[2]) ild. p. 170.

[3]) والامااالخامسةاجناس الترك من الخرلخيه والغزو كيماك والطغزغز والخزرويدعون بالتركية سبر وبالفارسيه خزران وهم جنس من الترك حاضرة معرب فقيل الخزروغيرهم لغتهم واحدة و ملكهم واحد، (مملكتهم واحدة)
Bibl. Geog. arab., edite de Goeje, pàrs VIII p. 83.

[3]) Marquart, Streifzüge, s. 47.

ды. Это название употребляется и в орхонских надписях, хотя в IX и X веках многие народы, в том числе и русские, называли своих князей „каганами“ (например, св. Илларион в своем поучении), но это, очевидно, было под влиянием хазар. Затем, мы знаем, что у хазар, как и у других тюрков, существовал институт бекства и слово „бек“. Ибн Фодлан говорит, что у хазар „мелик“ — царь называется „бак“ или „бек“. Константин Порфирородный также говорит о существовании „Хазарского пеха (бека)“ [1]).

Арабские источники и армянский историк Моисей Хоренский сообщают нам, что жену хазарского хакана называли „хатун“, как это было и у других тюркских народов. В империи монголов этим же именем назывались принцессы [2]).

Существование у хазар еще одного общетюркского титула также указывает на тюркское происхождение основного ядра хазар, а именно, титула „Ябгу-Jabgou“ .Ябгу у древних тюрков была самой высокой должностью после тегина. В орхонских надписях в одном месте мы читаем: „Я убил тогда хана и его ябгу и шада“ [3]). Вот этот же титул и должность существовали у хазар. У византийского писателя Феофана мы находим следующее известие: „В 627 году, во время войны императора Гераклия с Сасанидами, первый заключил союз с «восточными тюрками», которых называют хазарами. Они, под предводительством их главаря Ziébel'a, который считался самым большим лицом после кагана, наводнили провинции Азербайджана [4]). Тот же Ziebel у Моисея Хоренского называется Djeban каган и Djibgou в грузинских анналах. Шаван утверждает, что это ничто иное, как jabgou [5]). Отсюда мы можем легко сделать вывод, что в социальном строе как у хазар, так и у тюрков орхонских, было еще одно сходство.

Среди крупных должностных лиц у хазар, Ибн Фодлан упоминает об одном вельможе, который носил титул „چاويشيغير“, который, может быть, имеет связь со словом „چووش“ у османов или с „جاوش“ на джагатайском языке.

Ибн Роста упоминает еще об одном лице, облеченном высшей властью, которое называлось „Иша“ ايشا [5]). Армянский историк Мои-

[1]) Chaganus enim iste et Chazarae pechus mistis ad eundem imperatorem legati construi sibi oppidum Sarce petie unt. Corpr. scr. Historiae Byzantinae, vol. III, p. 177—178 Здесь речь идет не о тюркском происхождении этих слов, а только о том, что все тюрки употребляли эти названия.

[2]) E. Blochet. Introductionà l'histoire des Mougoles, p. 235.

[3]) Опыт словаря тюркских наречий, том 3, стр. 286.

[4]) Ed. Chuvannes. p. 252. У Анастасия Siebel см. Streitter, Mem. popular., vol. III, 22, p. 550.

[5]) ولهم ملك يقال له ايشا و الملك الاعظم انما هو خزر خاقان وليس له امر طاعة الخزر الا الاسم و مقدرت الامر على ايشا اذ كان فى العيادة والجيوش بالموضع الذى لايبالى معه باحد فوقه

Царь у них прозывается Иша; верховный же государь у них—хазар—хакан. Но этот последний только по имени государь. действительная же власть принадлежит Иша, т. к. он относительно же управления и распоряжения войсками, занимает положение такого рода, что не дает отчета никому, ктобы стоял около него. Хвольсон Известия о хозарах, 1869. стр. 16.

сей Хоренский также свидетельствует о существовании такого лица. Но он называет его иначе, а именно, Chath[1]). Подобный вельможа существовал и у тугийцев. Китайские летописи называют его, по словам Klaproth'a "шэ"[2]). В орхонских надписях мы также находим, лицо, первое после хана, которого называли „шад", имеющего те же функции, как и у хазар[3]). Очевидно „ایشا" у Ибн Роста и „шат" у Моисея Хоренского одна и та же должность и титул. Такие слова мы встречаем у позднейших тюрков. Напр., по словам Радлова, „شادی" по османско-тюркски имело значение „судебные служители"[4]). Что касается „ایشا", то у Махмуда Кашгарского мы находим следующее об'яснение: „Иш-это хозяин, (друг)" "ایش - الصاحب"[5]).

Не входя в детали филологического разбора этих слов, мы можем заметить, что существование в социальном составе хазар „ایش" или „шад", также указывает на то, что хазары имели одинаковые институты с тюрками. На это указывает еще одно обстоятельство: у хазар, как у многих тюрков-существовали „тарханы", которых арабские авторы пишут различно طرخدان، ترخان، طرقدان[6]) Напр., мы знаем, что выданную замуж за Бармакида Аль Фадл бен Ях'я в 182 г. (798/99) дочь хазарского хакана сопровождали тарханы[7]).

Обычаи и обряды, при возведении хана у тугийцев и у хазар также были одинаковы.

По словам Ибн Хаукаля, после смерти хакана хакан-бек приходил к наследнику престола, давал ему некоторые, советы, об'яснял ему права царя, рассказывал ему о том, за какие преступления следует подвергать виновника смертной казни. После этого завязывал ему на шею шелковый шнурок, начинал его душить и спрашивал у будущего хакана о том, сколько лет он предполагает царствовать и какое число наследник произнесет, это число записывалось. Если же впоследствии хакан станет царствовать больше обещанного числа лет, то его убивали. Китайские летописи сообщают

---

[1]) En la 37ée année de Khosrov (627), Djéloukba (хазарский хаган) envoya Chahn, fils de son frère, qui fit le ranvoye dans l'Aghovanie (Албания на Кавказе) et dans l'Atropatacan „Chavannes, Documents p. 253—254. Другой армянский историк XIII века Kiracos de Gondzak называет „Шара Хазарским" ibid. p. 253 и 7.

[2]) Mémoire sur l'identité de Tou-Khiu et de Hionnou avec les Turcs (Journal Asiatique t. VII, p. 265).

[3]) „Я сделался шадом над народом тардуш", „он дал им тогда ябгу и шада".

[4]) Опыт словаря, том IV, стр. 972.

[5]) 48 دیوان اللغات لترك، جلداول. «دوست ایش» у сев. тюрков.

[6]) Напр., Табари говорит, что когда хазары воевали с Мусалиме, то военачальником у хазар был „هزارطرخان". Вообще этот автор много упоминает о тарханах у хазар. См. Дорн, Известия о хазарах. Стр. 75, 83, 87. Dorn, Nachrichten über die Chazaren s. 77 и др. Ибн Хордедье в своем „كتاب المسالك والممالك" пишет следующее: „كتب لنافيلان شاه الى طرخان ملك الخزر". Здесь автор, вероятно, несколько путает, принимая военачальника хазар из тарханов за имя царя.

См, Bibl. Geog. Arab. edit de Goeje, pars sexte, p. 163 (араб. текст),

[7]) Marquart, Streifzuge s. 5.

нам о существовании подобного же обычая и у тугийцев таким образом: „Во время возведения на трон, кагана носят на войлоке и вращают по направлению к востоку три раза. Весь народ его приветствует. После этого сажают его на лошадь, завязывают на шее шелковый шнурок и начинают душить до издыхания. Затем петлю ослабляют и спрашивают, сколько лет он должен царствовать. Боязнь смерти не дает ему ответить обдуманно. На его ответ они смотрят, как на предзнаменование“ [1]).

Ибн Роста, описывая полукочевую жизнь хазар, упоминает об одном городе хазар, носящем двойное название, около „Сарашен“ (по чтению Хвольсона, а по Маркварту—„Сарыг Шар“.) Так как название первого города в рукописи не разборчиво, то по этому поводу существовало различное чтение. Другой арабский автор Альбекри также приводит то место Ибн Роста, где он пишет в форме „بارغيس“ (Баргис) и „حشلغ“ (Хшлг). Ориенталист Дефремери читал эти неразборчивые места „Ar'aîch“ и „Hatslag“. Профессор В. В. Григорьев читал то место Ибн Роста „يقال لهاخان بلغ اوخنبلغ“ что значит „Ханский город“. Маркв官 принимает это в виде „هب بلغ и هبلغ“ [2]) В другом, более позднем своем исследовании тот же ученый, по поводу этого места Ибн Роста пишет следующее: „Из Ибн Роста и Гурдези мы знаем, что состоящий из деревянных домов двойной город Сарыг-Шар-Капубалыг у хазар служил лишь зимним местом жительства—кишлагом, а с наступлением весны, они выходили на равнины“ [3]). Чтение одного из названий городов в виде „Кишлаг“, соответствует тексту, ибо тотчас после этих названий Ибн Роста начинает говорить следующее: „Зимою местное население живет в этих двух городах, с наступлением же весны выходит из них в степь, где и остается до приближения зимы“. Это явление также напоминает нам жизнь тюркских обществ, находящихся на ступени полукочевого состояния [4]).

Если можно довериться письму Хагана Юсифа Хасади Ибн Шабруту, то и там мы можем найти некоторый намек на тюркское происхождение хазар. В этом еврейском источнике мы находим генеалогию царствующего дома в Хазарии, которая в значительной степени проникнута библейской традицией. Хаган сообщает, что от сына Яфета родился Тогарма, у коего было 10 сыновей, от одного из них происходили хазары, от второго печенеги, от третьяго мадьяры, от четвертого болгары. Здесь, несомненно, передается хазарская мифология, завернутая в библейскую традицию, но все же видно, что хазарские

[1]) Klaproth, Tableaux historique de l'Asie. p. 272—273.

[2]) Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, S. 89—90. Этот же ученый в своем последнем труде рещительно восстает против чтения этого слова Гартманом в виде „Chan-balyg“ см. Über das Volkstum der Komanen S. 71. п., 1.

[3]) Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig. 1903. S. 18—19.

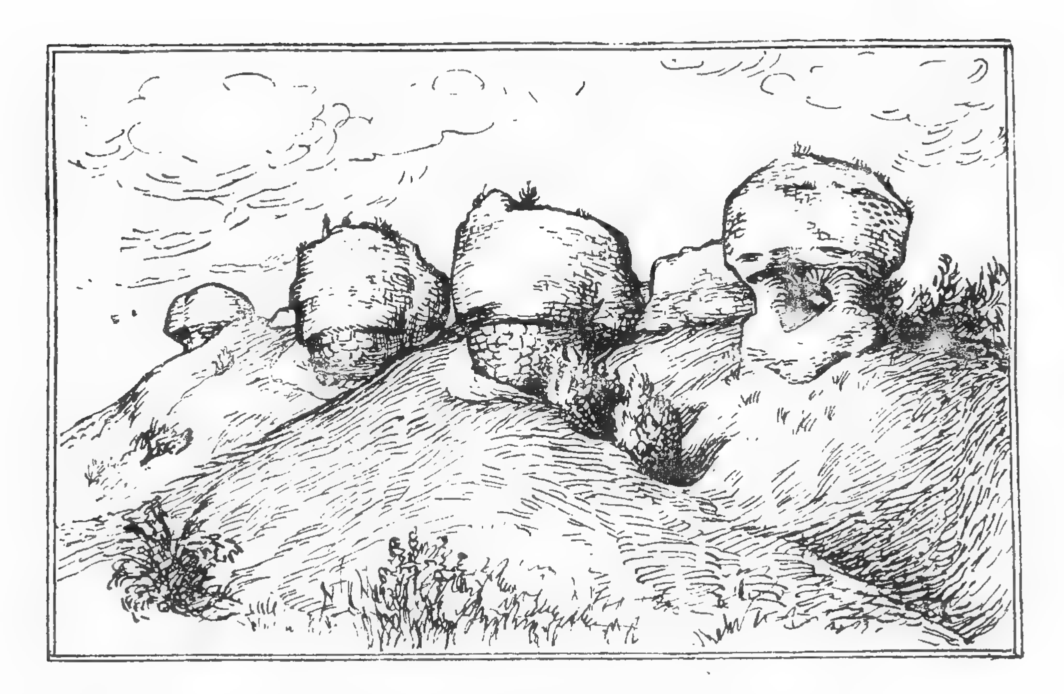
[4]) О полукочевом характере жизни у хазар более ясно говорит хаган Юсиф см. Kàssel. Die Chazarische Königsbriefe. S. 80.

правящие круги чувствовали себя родственниками тюрков или народов близких к последним.

Заканчивая эту небольшую заметку, мы считаем долгом сказать, что мы не беремся разрешить этот вопрос полностью, как это делали Клапрот, Григорьев, Ховарс и другие. Мы вполне сознаем, что, для окончательного разрешения вопроса о происхождении хазар, эти материалы, приведенные нами, недостаточны. Тем более трудно разрешить этот вопрос, когда мы не находим имени хазар ни у Рашида, ни у Махмуда Кашгарского, когда эти авторы перечисляют названия всех тех тюркских племен, которые были известны в древности, хотя Н. Аристову удалось найти имя хазар в одной кайсакской родословной, составленной Дикамбай Батыром в 1876 г. По этому документу до Абульхайр-хана было 54 колена, в 19-ом поколении было лицо по имени Аргын, а 24-ое носило имя Хазар [1]). Конечно, мы не придаем этой родословной большого значения, но все же она дает повод думать, что название хазар все же полезно было бы для проверки поискать среди племен и родов среднеазиатских тюрков.

---

[1]) Опыт выяснения этнического состава Киргиз-кайсаков. Живая старина, 1894 г., вып. 3 и 4. стр. 394—395.



Кабала. Городские ворота.

Д. Шарифов.

Обследование развалин Кабалы.

Крайне интересно было найти на территории современного Азербайджана те старинные города, о которых говорят древние историки и географы.

Особенно интересно было найти что-либо, имеющее отношение к Албании, в своих древних границах лежащей на территории нашей республики, именно в ее северной части. Упоминаемая Страбоном столица Албании—Кабала, Плинием названная Кабалакой, должна была быть на территории республики.

Арабские и персидские летописцы и историки говорят о владетелях Кабалы, о завоевании ее, помещая город-крепость севернее Бердаа, от которой теперь остались развалины и на них село Барда.

В 1925 г. мы произвели предварительное обследование Нухинского уезда в этнографическом и историко-археологическом отношении и обратили внимание на до сих пор употребляющееся наименование восточной части уезда „Kabala mahalı“.

В „Сборнике Материалов по описанию местностей и племен Кавказа“, издававшемся б. Кавк. учебным округом, учитель Р. Эфендиев по-

местил описание развалин крепости, которая у населения иногда называется Кабала, чаще же „Gəyr Kalası“. В „Известиях Кавк. Отд. Московского Археологического Общества“ за 1919 г. помещен дневник раскопок Е. А. Лалаяна в окрестностях сел. Нидж, в котором, между прочим, указывается на ту же крепость „Gəyr Kalası“. Давая краткое ее описание, Е. А. Лалаян пытается отожествить его с упоминаемым Моисеем Каланкатуйским городом „Сргарн“. „который впоследствии стал называться Капалак“ и думает, что название это „подверглось искажению в виде Капала“. В примечании он отрицает возможность названия его „Кабала“. Редакция „Известий“, основываясь на неправильном чтении армянского источника автором и предлагая чтение Капагак, выражает сомнение в правильности выводов Е. А. Лалаяна.

Не задаваясь целью, какую поставил себе Е. А. Лалаян, основываясь главным образом на указанных нами источниках, мы еще в 1925 г. в июле месяце отправились в Кабалинский магал к сел. Чухур Кабала и нашли развалины крепостных стен, расположенных на высоком холме, омываемом двумя реками Кочалан-чаем и Кара-чаем.

4 сентября 26 г. сотрудники Азгосмузея, т. т. К. А. Клементьева и И. Джафар-Заде совместно с первым давшим в „Материалах по описанию местности и племен Кавказа“ сообщение о Кабале, теперь уже почтенным старцем Р. Эфендиевым и пишущим эти строки, были на развалинах города с целью произвести измерение и глазомерную с‘емку, а при возможности и пробные раскопки; последнее было необходимо, дабы убедиться в том, что мы имеем дело не только с крепостью, приспособленной исключительно для военных целей, но с городом, имевшим поселение, выяснить характер развалин которого было крайне интересно.

Попросив т. Клементьеву сделать глазомерную с‘емку холма, на котором расположены развалины города, мы сейчас же приступили к поверхностному обследованию развалин.

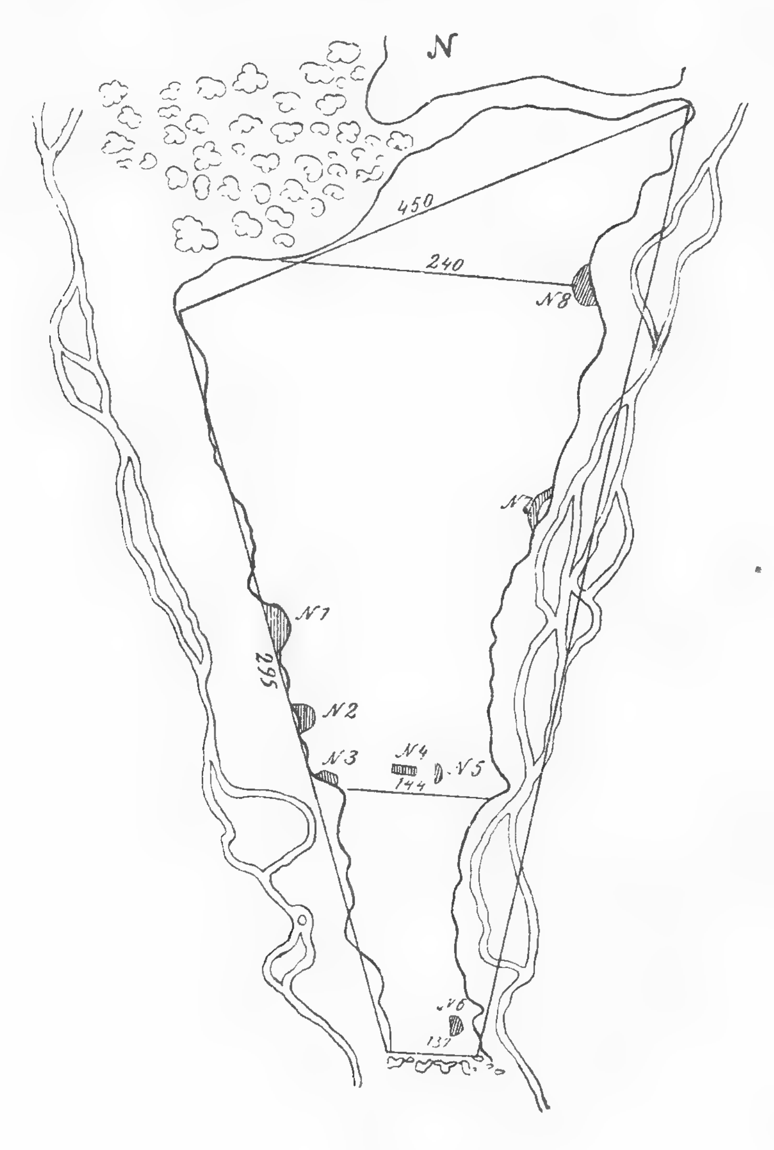
Кабала находится в 15 верстах от подошвы гор-отрогов Главного Кавказа. Две бегущие с гор бурные горные речки—Кочалан-чай и Кара-чай омывают холм и в южной части, обойдя холм, сливаются вместе.

Стратегически лучше укрепленной местности едва-ли и придумать. В южной своей части холм имеет кирпичные стены, башни и следы когда-то существовавших ворот. Легенда говорит, что в самом узком месте ущелья встарину была плотина, которой можно было приостановить течение рек и затопить все вокруг холма с городом.

Вся поверхность холма усыпана кирпичем, черепками поливной и неполивной посуды; поверхность эта неровная, бугристая. Может быть под ними таятся развалины городских построек, крайне интересных, могущих дать возможность пролить свет хотя бы на часть истории Азербайджана.

Самая узкая часть холма, южная, обращенная к долине р. Куры, как мы говорили, имеет сложенную из квадратного кирпича на изве-

стковом растворе стену длиною в 137 аршин, толщиной в 5 аршин и высотой снаружи от обнажившегося, сложенного из булыжника на известковом растворе, фундамента 16 арш. Четыре полукруглых в сечении башни выдвинуты из стены наружу. Внутри этих башен кое-где сохранились следы сводов, теперь разобранных крестьянами сел. Чухур Кабала на кирпич для своих построек. Старожилы говорят, что на их памяти стены и башни имели бойницы, а над воротами была кирпичная широкая арка.



План.

Сильно подмывая с обеих сторон холм, реки обнажили в некоторых местах содержимое холма. В этих глинистых обрывах видны 3 слоя: в самом верхнем—стены построек, кирпичи, глиняная посуда; в следующем на глубине 6—8 арш. опять стены, сложенные из

булыжного камня, кости животных и, может быт, человека и, наконец, на глубине 19—20 арш. опять культурный слой с черепками посуды, водопроводной трубой (из которой, кстати, вода еще сочится), битым камнем.

После внешнего обследования холма и сбора на поверхности образцов кирпича „каши“ (поливного, с одной стороны, преимущественно синего и голубого цветов) и фрагментов поливной посуды, мы решили заложить несколько пробных траншей на глубину 2—3 метров, чтобы проверить свои наблюдения относительно, хотя бы, верхнего слоя.

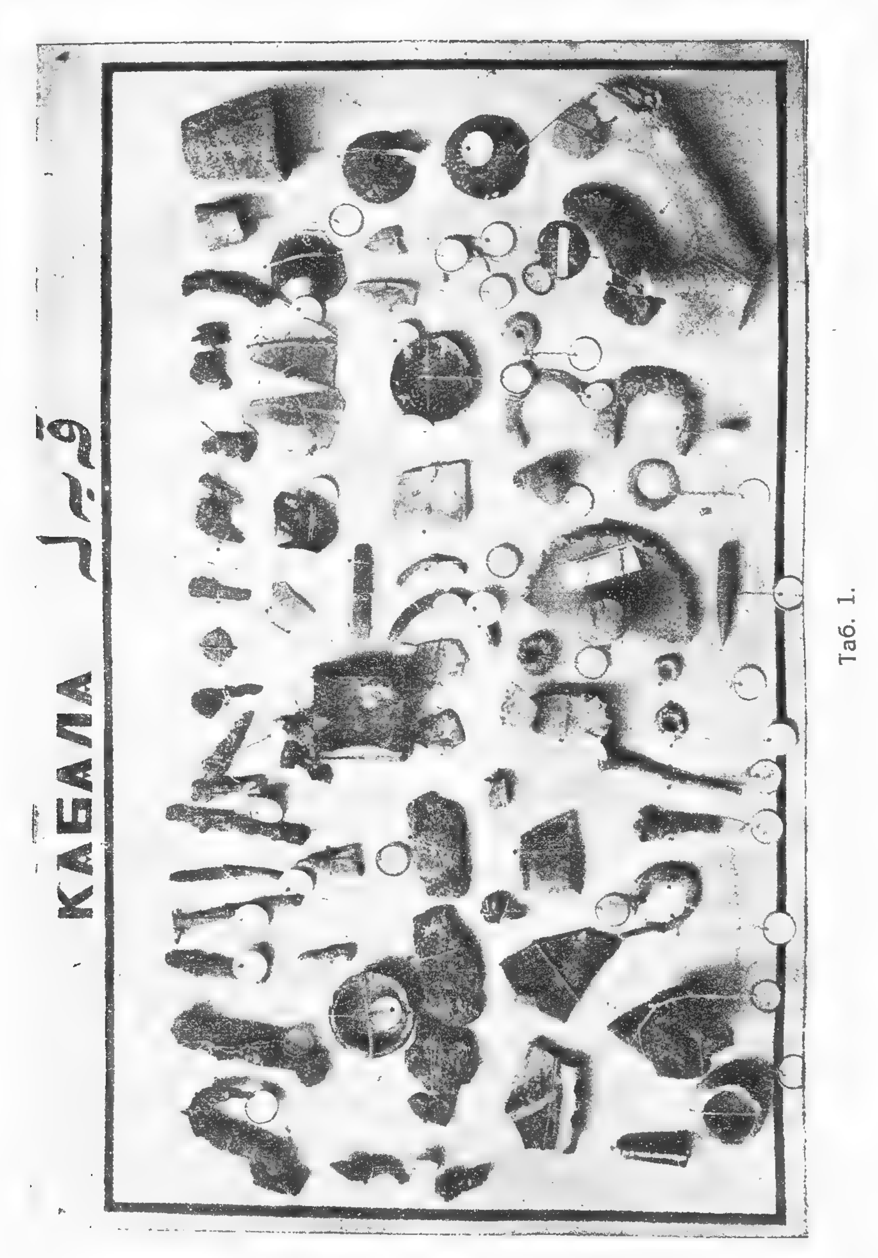
Выбор места для закладки решил случай: обследуя края обрыва над речкой Кара-чай, мы заметили почти целый с немного оббитым носиком кувшинчик с ручкой, видимо зацепившийся и потому не скатившийся вниз (см. № 1.) От края обрыва он был на глубине 5 метров. Обследование откоса в этом месте убедило нас, что он выкатился из верхнего слоя, от которого в этом месте видны были на глубине 3 аршин кирпичи и булыжная кладка. Предполагая обнаружить строение, его план, чтобы можно было бы иметь впоследствии возможность решить, как и в каком направлении вообще вести работы и что ставить своею ближайшей целью в каждом отдельном случае, мы остановили свой выбор на этом месте. Тов. И. Джафар-Заде вдоль откоса была заложена траншея длиною в 6 метров.

На глубине 55 см. найден один ядрообразный белый камень, на глубине 70 см. другой такой же (рис. №№ 12 и 13).

На глубине 95 см. была обнаружена кирпичная кладка—настилка пола. Кирпичи крупные: 30×30 см. Постепенно обнажая пол-настилку, т. И. Джафар-Заде стал расширять траншею, превратившуюся в выемку в откосе в длину 9 метров, в ширину 5 метров и глубину 2,5 метра. В местах, где пол-настилка кончался, выемка углублялась иногда до 2 метров ниже пола. Обнаружилась почти квадратная по форме поверхность пола как-бы с вырезом в одном (южном) углу в виде меньшего в 1 кв. метр квадрата. В этом углу в мягком грунте стали попадаться: кости барана, зола, черепки глиняной поливной посуды и, наконец, сначала небольшой кувшинчик красной глины, разрисованный белым рисунком (рис. № 4), а затем большая тарелкообразная плоская чаша (вернее блюдо) зеленой поливы (рис. № 10). У самого начала пола со стороны обрыва на глубине 2 метров была обнаружена примитивная печь для выпечки хлеба—тяндир: это была глубиною в 80 см. яма, изнутри обмазанная глиною. Последняя обгорела и покраснела. Печь в верхней своей части была полна земли, в нижней—золы. По другую сторону пола (на ю),—на расстоянии 60 см. от последнего был обнаружен другой такой же тяндир.

Как мы уже говорили, первоначально заложенная траншея была удлинена и в то же время расширена углублением в сторону города.

Рядом с полом, на север от него, выявились сложенные из булыжника стены (см. план № 1). Между стенами все было усыпано слоем золы как бы от сгоревшей крыши; среди золы были найдены обуглившиеся куски камыша и много черепков поливной цветной посуды.



Таб. 1.

На юг от пола, на расстоянии 5 метров один и 4 метров другой, обнаружены были два такие-же тяндира.

Другая траншея была заложена в 60 метрах от первой по тому-же обрыву по направлению к городской стене. Длина траншеи 6 метров. На глубине 1 м. 2 см. в углу был найден 1 закопченный разбитый светильник (рис. № 6), 1 разбитый светильник в виде плош-

ки на подставке с ручкой (прототип подсвечника рис. № 5), 2 стеклянные ручки от кувшинчиков (в центре таб. I) и одна железная подковка от башмака (внизу, справа таб. I). На глубине 1 метра 20 см. много черепков глазурованных и 2 разбитых неглазурованных кувшина. Затем была найдена костяная пуговица (таб. I, справа от подковок) и кусок оленьего рога со следами распила, видимо для изготовления пуговиц (таб. I, справа, в углу). На глубине 1 метра 75 см. показалась стена из булыжного камня, длиною в 3 метра 50 см., и идущая от нее под углом другая длиною в 2 метра 22 см. В углу между стенами на глубине 1 метра оказался тяндир, наружный диаметр которого—83 см. Тяндир глубиною 1 метр внутри наполнен был сверху землей, внизу золой. Все пространство между стенами на глубине 1 метра 80 см. усыпано золою как бы от пожарища. В золе много черепков поливной посуды (план № 2).

Заложенная далее третья (пробная) траншея по тому же краю холма дала много обгоревшего и ошлаковавшегося кирпича. Четвертая (пробная) траншея в самом узком месте холма, в середине расстояния от краев Восточного и Западного, дала несколько обгоревших камней стенной кладки, один совершенно обгоревший, ставший темным шлакообразным, деформировавшийся светильник (рис. № 8 на таб. II), черепок такого же светильника также обгоревший, сохранивший тисненный орнамент, 2 сильно поржавевших железных кузнечных гвоздя и очень много—целый слой в 3 см.—слежавшейся глины.

Недалеко от этой траншеи была заложена, пробная № 4 траншея, вдоль пологой выемки. Эта траншея на глубине уже 1 метра дала кирпичную кладку в направлении N—S, другую, параллельную ей, на расстянии 1 метра от первой, и третью, как бы их соединяющую. Кладка слоями из булыжного камня и кирпича. Никаких предметов, кроме кусков битой посуды, найдено не было. Все на глубине 1 метра было засыпано слоем золы. Тогда была заложена невдалеке (в расстоянии 20 метров) еще одна траншея (№ 5).

На глубине 65 см. появилась масса угля, как бы насыпанного рядами с промежутками с 50 см. Видимо это были рухнувшие во время пожара балки и перекрытия крыши. Внизу под углем лежал слой золы, покрывавший остатки каменной (рядами кирпич и булыжный камень) кладки. Остатки этой стены также носят следы пожара: края кирпича ошлаковались, булыжник покраснел.

В золе на глубине 72 см. найдены были вдоль стены: медная кольцеобразная дутая ручка видимо от сундука (таб. II № 7), медное колечко, сосуд медный книзу расширяющийся, небольшой с отдельными тут-же лежавшими донышком и крышкой (рис. таб. I в правом верхнем углу), отдельно еще одна как бы крышечка такая же, железная часть булавы с остриями весом около 2 фунтов (рис. таб. I в левом нижнем углу) и несколько осколков зеленого стекла, видимо от посуды.

На глубине 1 метра найдено было несколько кусков заржавевших гвоздей кузнечной работы и большое количество черепков глиняной поливной посуды—по рисункам XIV в. Среди них обращают на себя внимание донышко глиняного кувшина, маленькая чашечка, видимо солонка, с зеленой поливой внутри (таб. I рядом с гвоздями в левом верхнем углу). Именно в этом месте в 1925 г. нами найден был кувшинчик с отбитым горлышком, расписанный в коричневых тонах с люстром (рис. № 9), который по тесту, краскам и рисунку может быть отнесен ко времени не позже XIV в. Тут же был найден разбитый светильник с тисненным орнаментом (рис. № 3), несколько носков от таких же светильников, верхняя часть кувшина с горлышком (рис. таб. IV между двумя светильниками), обгоревшая ручка кувшина и, наконец, разбитый цилиндрический глиняный сосуд, какой употребляется и по сейчас в местных люльках для стока мочи младенца. Края его оббиты (рис. № 17).

Исчерпав эту пробную траншею, мы обратили внимание на начинающий образовываться оползень от подмыва рекой Кочалан-чаем с восточной стороны холма (На плане обозначен № 7). Глубокая трещина длиною по дуге в 25 метров и глубиной до 2 метров давала возможность рассмотреть содержимое на глубине: было видно большое количество глиняной посуды разного назначения и форм и притом многие прекрасной сохранности. Видимо в этом месте была лавка торговца посудой, т. к. под видимыми целыми экземплярами было видно большое количество битой. Нами поэтому решено было, соблюдая все меры предосторожности, дабы нам с рабочими не свалиться вместе с откалывающимся куском почвы в пропасть, произвести дугообразно по трещине выемку и извлечь содержимое прежде, чем отколовшаяся глыба земли рухнет вниз. Выемка, шириною в 1,5 метра со стороны так сказать материка и 0,5 метра со стороны отколовшейся глыбы, дала возможность извлечь прежде всего большой кувшин приблизительно 80 см. высоты, ширины в наиболее толстой части тела 49 см., с диаметром отверстия 23 см. Такие точно кувшины и теперь употребляются в селах для заготовки впрок продуктов: ковурмы (прожаренного мяса), сыра в рассоле и др. Кувшин оказался прислоненным в угол между двух стен, вернее их развалин, сложенных из булыжного камня. Возле кувшина, в расстоянии 85 см. на Ю. от него был виден тяндир, засыпанный землей. При очистке его был извлечен кувшин небольшой (рис. № 19), два подсвечника (причем место для вставки свечи заменяла плошка с отогнутым ушком для фитиля) (рис. № 5), одна коническая небольшая чашечка и много черепков посуды.

Пол вокруг тяндира в беспорядке был покрыт кирпичем квадратной формы. Рядом с большим кувшином и частью под ним находились 2 кувшина средней величины, подобные употребляющимся и теперь для воды (рис. № 2) и 3 светильника.

На другой день (8 сентября) была заложена последняя траншея с той же стороны холма над обрывом над рекой Кочалан—чай, в

расстоянии 100 метров на юг от предыдущей, длиною в 5 и шириною в 2 метра. Траншея эта (на плане № 8), дала на глубине 48 см. первые следы постройки.

Первой выявилась стена, которая шла по всей длине траншеи из косо сложенных кирпичей, над которыми в 2 ряда лежал слой булыжника.

Несколько отступя от стены, видимо внутри постройки на расстоянии 1 метра, находился „тяндир“, весь полный земли и черепков глиняной посуды. Вокруг „тяндира“ в земле найдено было большое количество черепков глазурованной посуды, цвет поливы которой был зеленый, коричневый, причем под поливой чувствовался предварительно нанесенный нацарапыванием и вдавливанием рисунок-орнамент, служивший контуром для сверху нанесенного красочного рисунка. Кроме того найдено было 4 светильника (рис. на таб. IV), один с попорченными краями таз с 2 ручками и носиком (рис. № 15) и 3 куска заржавленного железа.

Затем один за другим были извлечены: кувшинчик без поливы с широким горлышком (частью отбит) и ручкой, чашечка конусообразная, небольшая (рис. №№ 19 и 11) и большие куски части таза, подобного изображенному на рис. № 15 (рис. таб. IV), наконец один ядрообразный камень (рис. № 14).

К находкам подобного же рода следует отнести случайно обнаруженную при обвале земли у самой городской стены с восточной стороны еще в 1925 году в августе месяце водопроводную гончарную трубу и камень для образования ответвлений от главной магистрали водопровода.

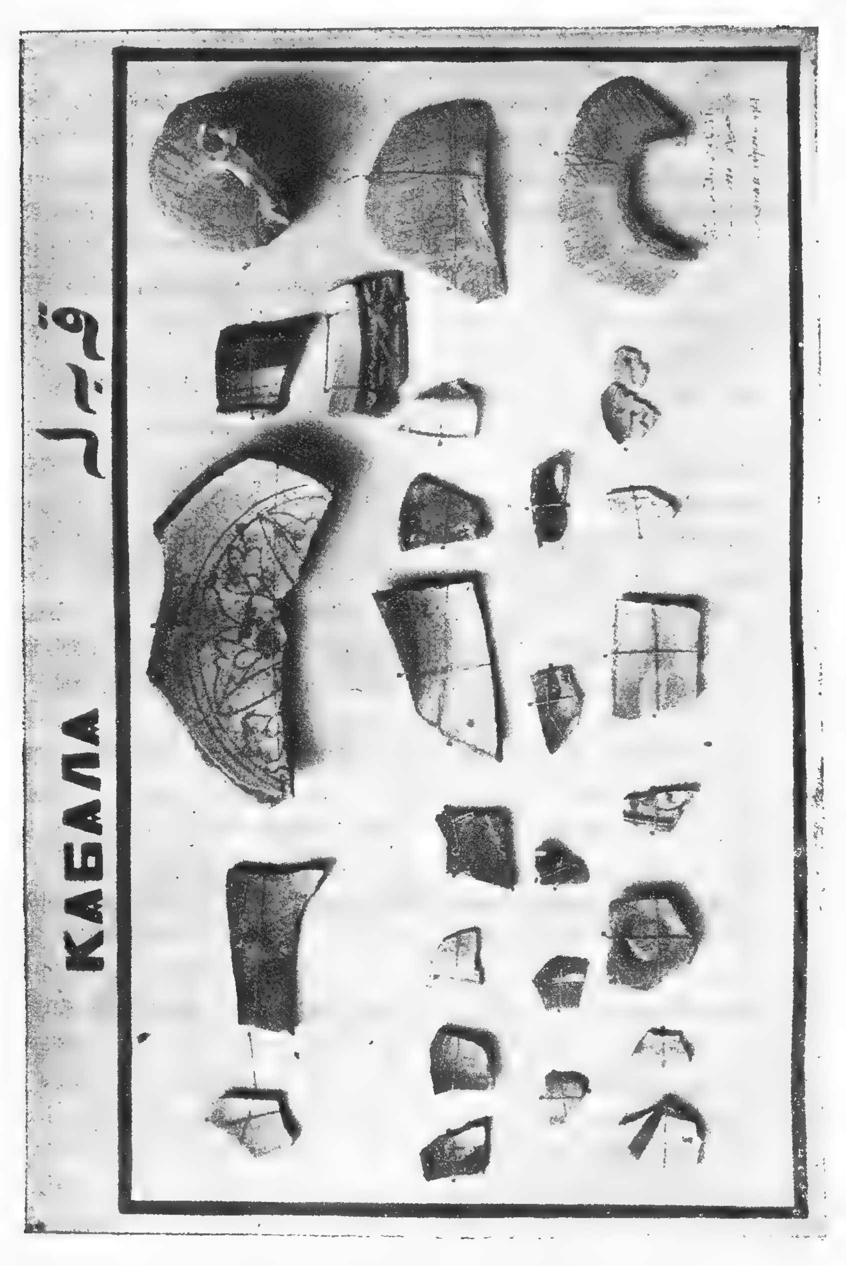
Мы дали бы очень поверхностное обозрение добытого при пробных раскопках 1926 г. материала, если бы не упомянули о целом ряде предметов, которые весьма важны для обрисовки бытовых особенностей когда-то полного жизни города. Так из траншеи № 1, в которой работал тов. И. Джафар-Заде, на глубине 1,93 метра был обнаружен большой медный бубенчик, лежавший ниже настилки пола из кирпичей почти на 1 метр. Затем там же обнаружено было две бусины из обожженной глины, политые голубой поливой. Во время пожара полива видимо стекала и из нее образовались на поверхности бусин несколько капелек стекловидной слегка голубого цвета массы. Третья такая-же бусина была обнаружена в траншее № 4.

Среди попадавшихся в выбросах земли мелких предметов следовало бы упомянуть об кусках стекляных баночек и пузырьков. Среди таких следует упомянуть о горлышке зеленоватого стекла пузырька, очень тонкого, под землей успевшего оксидироваться, найденного в траншее № 4.

В траншее, вернее выемке № 1, на глубине 1,65 метра в расстоянии 1 метра на север от кирпичного пола попалось оригинального по форме стеклянного сосуда донышко с частью боков. Видимо донышко было сферическое, ограниченное четырьмя боковыми стен-

ками пузырька. Стекло также зеленоватое, тонкое, успевшее оксидироваться.

Видимо в большом употреблении были стеклянные сосуды: черепков его найдено много. Среди них обращают на себя внимание несколько тонких витых ручек из цветного стекла преимущественно



Таб. III.

зеленого и темно-коричневого цвета (в центре таб. I). Некоторое количество железных кузнечной работы гвоздей и крючек для подвешивания каких то предметов найден был в траншее № 4. (Таб. I, верхний ряд). Из железа два плоских кольца, какие и теперь употребляются на подпруге кавказского седла, были найдены в той же 4-ой траншее. К числу железных предметов следует отнести обнаруженную

почти на поверхности (на глубине 10 см.) подковку от башмака и одну подкову бычью в траншее № 5.

Заканчивая обозрение добытого обследованием и пробными раскопками материала, мы должны будем поделиться своими наблюдениями и соображениями с теми, кого интересуют исторические памятники нашей республики. Эти наблюдения и соображения сводятся к следующему:

1. Холм, на котором был расположен город Кабала, постоянно, особенно во время селей подмывается и по частям обваливаясь разрушается. Так часть городской стены свалилась и лежит сейчас в реке Кочалан-чай. Срезы почвы, образующиеся благодаря подмывам и обвалам, обнаруживают слоями богатое археологическое содержимое холма, частично, конечно, благодаря обвалам погибающее.

2. Сохранившиеся остатки городской стены, башни частью разрушаются окрестным населением, которое таким путем добывает нужный ему строительный материал.

3. Благодаря обвалам обнаружились нижние культурные слои. Последние могут служить подтверждением нашего предположения, что именно здесь надо искать Кабалу арабских и персидских историков, Кабалу Страбона и Кабалану Плиния.

4. Произведенный на поверхности и добытый пробными раскопками материал, особенно керамические изделия, могут дать нам ответ на интересный вопрос о времени окончательной гибели города. Так, среди черепков посуды мы нашли несколько, которые по тесту, выделке, рисунку и краскам должны быть названы Рейскими (Персия) и отнесены к XII и XIII столетиям.

Видимо Кабала, стоявшая на одном из старинных торговых путей, связывавших Каспийское с Черным морем (следы этих путей у предгорий Кавказа до сих пор сохранились) и по долине р. Куры с Персией, имела оживленные торговые сношения с последней. Рей—в персидское средне-вековье славившийся своими керамическими изделиями, снабжал ею и Азербайджан. Что Персия вывозила в Азербайджан свою продукцию, особенно керамику, доказательством этому служат неоднократные находки персидской керамики и антикварами—лезгинами на территории Кабалы, потом ими переправляемый в тот или иной музей Союза. Упомянутый нами ранее персидский кувшинчик с отбитым горлышком (рис. № 9) служит доказательством существования торговых сношений. Кувшинчик этот по тесту, краскам и рисунку относится к XIV в.

Нас несколько смутившее обилие находимых черепков посуды т. назыв. дагестанского типа по тесту и краскам вне сомнения XVIII в. находит себе об'яснение в том, что в течение долгого времени расположенное по соседству (по другую сторону реки Кара-чай) сел. Чухур-Кабала именно в этом веке находилось на месте развалин города и только во 2-й половине XIX в. переведено в место нынешнего своего расположения. По этому поводу нам рассказывали, что перевод селения был вызван невозможностью в половодье или во время селей

выезжать из селения на поля и к ско ⸱ оставашейся вне села. Возможно, что находимая посуда, верн фрагменты ее, относятся ко времени наличия селения на развалинах города. Распространенная повсеместно посуда из прекрасной местной глины вне сомнения тесно связана с так называемой дагестанской, относимой к XVIII и XIX вв. по форме. Вытесненная фабричным русским продуктом, с которым конкурировать местые кустарные мастерские были не в состоянии, она перестала выделываться. Образцы ее, сохраненные антикварами—Кубачинцами (сел. Кубачи Шемахин. уезда) почти тожественны с теми фрагментами, которые удалось добыть на развалинах города Кабала.

Т. образом, большинство фрагментов глиняной поливной посуды, извлеченной из траншей при раскопках на глубине 0,5 до 1,5 метра по тесту, краскам, поливе, а мало поврежденные экземпляры и по форме могут быть отнесены к XIV веку. Поздней посуды мы не встретили. Конечно, рано еще говорить на основании добытого материала о времени гибели и разрушения города в категорической форме. Все же, думается, на основании добытого материала можно предполагать, что временем гибели Кабалы был именно XIV век.

Эти соображения невольно побуждают искать исторических свидетельств о времени гибели Кабалы.

Разведочное обследование и пробные раскопки с несомненностью установили в восьми на угад взятых пунктах следы пожара (угли и слой золы, покрывавший почву, обшлаковавшиеся кирпичи и обгоревшие и покрасневшие булыжные камни кладки стен) и разрушения. Несколько чугунных небольших ядер, найденных крестьянами в развалинах города, каменные обточенные ядра, о которых мы говорили и которые могли быть метательными снарядами, найденная железная оконечность палицы, очень употребительной у монголов, дает основание приурочить время гибели города не только к XIV веку, но определенно ко времени появления полчищ Тимурленга в Кабале, куда он пришел через Карс, Грузию, Шеки, опустошил их и Кабалу (приблизительно в 1386 или 1387 г.) и на зимовку остановился в Карабахе.

Нет сомнения, что планомерные, расчитанные на продолжительное время работы по раскопкам города Кабалы дадут богатейший материал, не только обще-исторический, могущий обрисовать борьбу монголов за создание обширной империи Тимуридов, но дадут возможность иметь представление о древнейших обитателях не только города, но и Албании, их культуре и взаимных отношениях с соседними народами. Поэтому мы придаем такое большое значение работам в Кабале: раскопки, приоткрывающие завесу над прошлым одной из наиболее крупных частей нашей республики, дадут возможность говорить о целом еще увереннее. Эпоха, предшествующая XIV веку, без возможного использования археологического материала в отношении местной истории по нашему мнению не может быть нам известной.


№ 1.
№ 2.
№ 3.
№ 4.
№ 5.
№ 6.

КАБАЛА قبله

№ 7 № 8

Табл. II.

КАБАЛА قبله

Табл. IV.

№ 9. № 11.

№ 12. № 13. № 14.

5. № 16

А. П. Фитуни.

История народных легенд о кладе Александра Македонского в Ширване.

Зимой 1924 г. группа кладоискателей, во главе с А. В. Майером, а затем проповедником местной баптистской общины П. Ф. Савельевым подняла в гор. Баку большую шумиху о сокровищах Александра Македонского, о будто бы оставленных им, в качестве клада, скрытого где-то в Шемахинском уезде в горах, в местности только им известной; были взбудоражены все научные и правительственные круги АССР.

Майер и Савельев доходили со своими предложениями и рассчетами чуть не до самого тов. М. И. Калинина и высших инстанций Правительства СССР.

На основании поданных ими письменных заявлений и доклада от 28—XI 1924 г. (Майер) и дополнительного доклада от 16—XII того же года (Савельев), СНК АССР предложил Обществу Обследования и Изучения Азербайджана снарядить разведочно-археологическую экспедицию для выяснения вопроса о сокровищах Александра Македонского чтобы тем самым положить конец этим легендарным сведениям и праздным разговорам.

Общество Обследования и Изучения Азербайджана, для выяснения нашумевшего вопроса о легендарном кладе, имеющем чуть ли не двухвековую историю среди шемахинцев, 1-го мая 1925 г. отправило научно-разведочную экспедицию в названный район.

Руководителем экспедиции был В. М. Сысоев, научный секретарь Азерб. Археологического Комитета, сопровождал его один из участников группы кладоискателей П. Ф. Савельев.

Поэтический древний Восток, пылкая народная фантазия, суровые явления природы Закавказья и т. д. давали полный простор легендам, пытавшимся об'яснить многое из прошлой жизни страны.

Ширван, один из интереснейших районов Азербайджана, создавший кадр разного рода джинов, джиндаров и киндаров, воспитавший среди народа склонность к созданию разного рода суеверий и обычаев с разнообразнейшими оттенками создал также не мало причудливых сказаний.

Шемаха являлась центром землетрясений, и жители ее не забыли в своих приметах и легендах об этом стихийном явлении.

Ширванские легенды, связанные с землетрясением в Шемахе, стараются приурочить их к разным случаям и действиям, как отдельных людей, так и животных за разные, на их взгляд, противобожественные или нежелательные поступки.

Что касается серии легенд об Александре Македонском в Шемахинском районе, то в этом случае они стоят немного особняком, хотя и легенду о кладе Македонского также связывают с землетрясением.

Александр Македонский, прославившись своими необыкновенными походами, превратился в сказачного героя, и его подвиги стали достоянием легенд всех народов Востока.

Достаточно сказать, что в одном только Шемахинском районе можно насчитать несколько десятков легенд, где излюбленным героем является этот великий македонянин. И в каждом случае стараются его отметить более внушительным, более сказочным именем; в этом отношении в Щемахинском районе можно слышать в легендах имена: Александр Великий, Александр Македонский, Искендер Макдунаци, Александр Македонаци, Искендер Двурогий, Искендер Зуль-Карнейн, Искендер Буйнузи, Строитель и Повелитель Баб-уль-аб ваба, Строитель Дäрбäнт-Калы (Дербентской крепости) или Ширванской Дарвазы, наконец Строитель Искендер-Каласи *), Искендер Зулгариб, Александр Македанос.

Здесь мы коснемся только тех легенд и сказаний, которые имеют отношение к легендарному кладу.

1) Одна из легенд говорит, что когда Искендер Зуль-Корнайн (по местному произношению) прошел „железные ворота"—Баб-ульабваб и дошол до Ширвана, первой его стоянкой была Фит-Даг, где он стоял и дал сигнал при помощи золотых труб.

До прихода Александра Македонского, у народа было такое понятие, что туда, к этим горам подступать нельзя, что там живут люди „не от мира сего", что тот, кто пойдет туда, не вернется. Но это понятие рассеял Александр Македонский.

Своим сигналом А. М. давал знать всем жителям страны, что он, „повелитель мира", прибыл, что все должны повиноваться ему и встретить его с хлебом-солью. Каждый малый и старый, кто может стоять на ногах и ходить, должен выйти ему навстречу,—жизнь тех спасена; кто же посмеет уклониться, тех он перережет.

А. М. будто бы устроил там у Фит-Дага лагерь для своих солдат; первое поселение было создано там Искендером Зуль-Корнайном исключительно из своих войск и из покоренных ими рабов из Мидийских стран (Midəh ǝlqədǝn); там, где стоит крепость, он заложил фундамент и сделал себе маяк. Отсюда и получилось название: „гора-сигнала" или „Маяка", и только потом была построена крепость Фит-Каласы на том же месте во времена Шах-Аббаса, одним из ширванских шахов.

Далее легенда говорит, что А. М., уходя из Ширвана, свое имущество как мирного характера, так и военного, все зарыл в землю и, оставив своего наместника, сам отправился к себе на родину.

*) На склоне горы Шах-Дага есть крепость, называемая „Искендер-Каласи"; там же развалины храма огнепоклонников.

2) Другая легенда, гласит:

Когда Великий и мудрый Искендер Буйнузи победил все народы и покорил все страны, он решил подчинить себе и Ширван.

Он двинулся войной на Ширванскую правительницу, *) дошел до Ширванских ворот (Лагичский кряж главного Кавказского хребта, между горами Эль-Гядук, Кюпюч, Ниал-Даг и Фит-Даг.), остановился и послал своего гонца с пакетом к Ширванской повелительнице в Кыз-Каласи, чтоб она без боя сдалась, так как ему не хочется проливать кровь. Ширванская повелительница не соглашаясь, об'являет войну.

Война продолжалась столько дней, сколько волос на голове у А. М., и ни кто из них не мог победить.

И в каждый неудачный для Александра день выпадал из его головы волос.

Когда Александр увидел, что у него на голове не остается волос, и что его рог, скрытый в волосах, обнажается, он рассердился и приказал окружить весь Ширван, от Фит-Дага и Дибрара до Автаран, от Автарана до Шарадил, от Шарадила до Дербента. Он рассеял разнообразные дикие племена по всему Ширвану и начал строить мосты, переправы, канавы и разные военные сооружения, для окончательного победного удара (у М. Каганкатваци—история Агван, перевод проф. К. Патканова 1861 г. Санктпетербург, страница 70, глава XXVII, часть первая, читаем: „Разные народы, которых полоном привел Александр Македонский и поселил у Великой Горы Кавказа—Гаргаров, Камичик, Гефаласов и т. д.“).

Тем временем Ширванская правительница наполняла Ширван разными ядовитыми змеями из крепости Кыз-Каласи, чтоб истребить эти разноязычные племена, рассеянные по Ширвану.

Когда Искендер убедился, что его войско не в силах здесь воевать, так как ему нельзя даже двигаться от этих змей, он решил зарыть все свое имущество: золото, серебро, камни и вооружение. Он предложил Ширванской правительнице выделить самого храброго и сильного человека из Ширвана для единоборства.

*) Особенностью Ширванских легенд является то обстоятельство. что всегда правителем Ширвана выставляется женщина, престол которой находится в Кыз-Каласи. Корни этого нужно искать в глубокой древности; повидимому, какая-то женщина была либо владетелем Ширвана или только Кыз-Каласи. что подтверждается преданием, потому что армяне кроме того, что, как и все тюрки, называют ее „Гюлистан“, „Кыз-Каласи“, но также „Варсеники Берд“, т. е. „Крепость Варсеники“; по этому поводу архиепископ Смбатян пишет следующее (в своей книге, изд. в Тифлисе 1896 г. на стр. 297): „Как предание так и Месроп Тагиадиянц в своей истории „Варсеник“ пишет, что Кыз-Каласи это летнее местопребывание Варсеники, дочери Агованского царя Вачагана, который в виде приданного подарил ей Баку и Апшеронский полуостров—огненную страну в 500 году по Р. Х.; но летней резиденцией была Шемаха т. е. Кыз-Каласи, почему эта крепость сохранила за собой и название Гюлистан (т. е. цветник); аналогичным именем называются другие пункты Ширвана, напр. „Кыз-Мейдан“, „Кыз-Севан“. „Кыз-Кеошку“. Быть может, сии названия переведены персами из агованского языка“.

Ширвенская правительница согласилась сама вступить в борьбу с Искендером.

Во время борьбы у Искендера упала каска с головы, но от неудач у него на голове уже не было ни одного волоса. Ширванская правительница с ужасом заметила на его обнаженной голове рог, она схватила его за этот рог и с такой силой опрокинула, что рог вошел в землю и, сломавшись, остался в земле.

Так как вся сила Искендера заключалась, именно, в этом роге, он, лишившись его, стал бессильным, об'явив себя побежденным, оставил Ширван, вернулся на свою родину и умер.

Его войско было истреблено. Только кое-кто из пригнанных им разноязычных племен уцелел, из'явив покорность Ширванской пра-тельнице; они рассеялись по всему Ширвану.

Все думали, что этим все закончится, но это было не так. „Рог" Искендера, застрявший в земле, бдительно охранял его клад и, своим движением произвел такое землетрясение, после которого все его клады и ценности под землею с шумом, гулом и звоном разбежались по всем сторонам Ширвана.

Под землею поднялся такой звон монет и других ценностей, что ведуны и джинбазы предложили взять шампуры и кинжалы и воткнуть в землю в тех местах, где слышен был звон и гул. После этого приостановилось все, как звон и гул, так и движение этих ценностей, но никто точно не мог установить, где они остановились.

И при каждой попытке искать клад, Рог Искендера приводит в движение землю, чтобы утаить в складках земли этот клад, переместив его первоначальное местонахождение, отчего и происходят землетрясения.

Вот причина землетрясений в Шемахе согласно легенде о кладе Александра Македонского.

Старик, который рассказал мне эту легенду еще в 1914 году, с уверенностью добавил следующее; „Да, находятся и жадные люди, которые из за золота копают, все ищут сокровищ его, а его рог и переворачивает и разрушает нашу Гезал—Щирван, Ширин—Ширван".

Помимо этих легенд, есть много снов и примет, которые также связаны с этим сказочным кладом Македонского.

Вообще рассказы дедов о кладе Александра Македонского, им понятные, внукам становились нопонятными; и каждый услышавший эту легенду принимал ее за истину, каждый стремился овладеть этим кладом и быть единственным хозяином этих сокровищ.

Многим ширванцам если не всегда, то часто мерещилась вся эта история наяву и во сне.

Часто история о кладе Македонского царя являлась предметом и темой многих рассказов в долгие зимние ночи, когда патриархальные семьи с могочисленными членами своего „оджага" сидели под „курси", грели ноги свои за ужином и слушали с пылким воображением передаваемые рассказы из глубокой старины.

Не перечисляя и не пересказывая всего, здесь остановлюсь на одном сне.

3). Однажды якобы одна женщина во сне увидела, что какая-то неведомая сила, в образе женщины, подходит к ней, передает громадные ключи и просит следовать за ней. Она одевается, открывает дверь и выходит с этой неведомой силой, которая ведет ее к армянскому селению Келаханы, отстоящему от Шемахи на 6—8 верст. Когда они доходят до селения, подходят к каким-то подземным комнатам; открывают комнату, переходят во вторую, в третью, в четвертую и т. д.; когда доходят до седьмой комнаты, то видят тесанную колонную плиту с надписью. Неведомая сила просит сдвинуть эту плиту; когда она исполнила эту просьбу, то из открывшегося отверстия выползла змея и отдала женщине золото, потом вторая, третья и т. д. Женщина набрала кучу золота, и не было даже места, куда его девать; змеи только просили держать все это в тайне.

Вдруг она видит, что сдвинутая колонна после седьмой змеи захлопнула отверстие, и она уже не в комнате, а на каком то поле. Очнувшись в испуге, не соображая, каким образом она вдруг очутилась на поле она еще больше испугалась когда увидела в своих руках действительно кувшин с золотом.

Утром просыпаются члены семьи и видят, что ее нет, и пустились в поиски этой женщины: уже к вечеру ее находят где-то около селения Керкенч. Все сразу бросились к ней с расспросами, а она, испуганная всем этим, вручила им свой кувшин с золотом и затем рассказала, как все это было.

С вниманием все слушали ее и тотчас же направились к указанному месту. Но там никаких признаков ходов в комнаты и отверстий не нашли; женщина же от испуга потеряла сознание, вскоре онемела, помешалась и умерла.

Все старожилы, фалчи, джинбазы пришли к тому, что это и есть „клад Александра Македонского", который, после землетрясения, разошелся по всему Ширвану, и что это есть одно из пристанищ, где остановилась часть клада.

Долгие старания и попытки найти этот клад, что видела она, однако, не увенчались успехом, и они решили, что клад силой „Рога" видимо переменил свое место, чтоб утаить их от людей.

Весть об этом распространилась по всему Щирвану. Всем казалось, что заветная их мечта—найти клад уже осуществляется; они решили его найти, где-то около селений: Келаханы, Керкенч, Кочевок Кущи (Эйлаг и Кишлаг) или около Матрасы, но никаких благоприятных результатов не получалось.

Говорят, что неделями копали, искали в этих местностях по рассказам этой женщины, которая, повидимому, как лунатик пошла и случайно, видимо, нашла какой-то клад.

Но народная молва не ограничивается этим местом нахождения клада, они ищут клад Александра и в других районах близ Шемахи,

и каждый такой район является источником многих легенд и снов, от которых отделаться не могут в продолжении долгого времени; только после многих бесполезных поисков и затрат энергия временно успакаивается.

4.) Клад Александра Македонского ищут по всему Ширвану: то этот клад зарыт под Дарбант hasari (Дербентской стеной), то под городом Шахназар (на границе Кубинск. и Шемахинск. уездов), то под Көјnə Зеhеr'ом (бывш. Ширван-Шемаха), под развалинами города Шабран*), то в Алты-Агаче около развалин Караван-Сарая, в горах Чухур-Юрта; упорно говорят, что клад нужно найти под развалинами города Мадјарван, когда-то цветущего города Ширвана, но теперь даже не знают, где его развалины. Однако, дескать, если найти развалины этого города, то свободно можно рассчитывать на то, что можно найти и клад; указывают и на ряд других местностей.

5 . Рассказывают много баснословных анекдотов, связанных с кладом Искендера Буйнузи. Уверяют что иногда по вечерам бывает слышно, как под развалинами и кладбищами бегут с шумом и гулом звонкие ценности; попытки остановить их и извлечь не увенчиваются успехом.

Многие старожилы рассказывают, что для отыскания клада еще до Надир-Шаха из Персии приезжали несколько гебров—огнепоклонников, под видом отыскания какого-то храма огнепоклонников—Атешкетеш (Атешга), якобы зарытого где-то в Ширване под землею.

Они искали, именно, клад Александра Македонского и, повидимому, знали место клада потому, что вскоре после приезда приступили к раскопкам, чтобы извлечь все содержимое, но это им не удалось в виду того, что вскоре после их приезда началась война с Персией, и они оставили Ширван и уехали обратно.

---

*) От железнодорожной станции Дивичи до станции Хачмас местность и поныне называется Шабран. В Дивичинском районе недолеко от селен. Шахназар имеется два открытых колодца, выложенных кирпичами красного цвета древнего обжига, старой архитектуры. Виднеются, как говорят, на протяжении одной версты, явные следы, остатки фундамента крупных и мелких построек. Также по этим развалинам и фундаментам можно видеть как будто планированные улицы. По преданию местных старожилов тут был расположен очень богатый и красивый город под названием „Гюлистан-Рям". С морской стороны этого города протекает речка Шабран-Чай получившая свое название от местности или города. Повидидимому, это не естественная речка, а искусственный канал, построенный местными жителями названного города. Ныне же разрушившийся канал превратился в речку, где всегда имеется вода. Эта местность выше уровня моря. Имеются следы канализации. Очевидно как и Шабран-Чай, так и эти каналы принадлежали этому городу. Жители окружающих деревень производят раскопки фундамента и тащат кирпичи, разные керамичные квадратные плиты, находят камни с надписями, но нужно отметить, что эти надписи не арабские и не персидские, как сообщил мне один из видных работников Кубы, тов. Мамедбеков. Находят монеты, как будто стиснутые пломбы с изображением сфинкса. (Это народное предание требует проверки),

Старожилы точно не помнят места, где они копали, но по рассказам их предков, это должно быть приблизительно около Кубы и Дербента, хотя многие указывают на Ширванскую степь.

6). В Шемахе также рассказывют, что атадан-бабадан*) всем известно, что при Надир-Шахе приехали сюда ученые люди frənq‘и**) искать клад Александра Македонского, но и этим ученым не удалось ничего найти вследствие неспокойного положения страны.

Этим вопросом интересовались еще западно-европейские миссионеры и путешественники; их в Ширване было очень много, и каждая из этих групп, побывав в Шемахе несколько дней, а то и недель, уезжала. Распространение лютеранства на Кавказе, в частности в Шемахе, народ об‘ясняет, именно, тем, что миссионеры под видом распространения Евангелия искали клад Александра Македонского. (Согласно легенды № 2 это должно вызывать землетрясение). Среди армян-григорян-староверов Шемахинцев еще в начале XIX столетия было такое мнение, что землетрясение в Шемахе возобновилось и усиленно повторяется потому, что многие армяне забывают истинную религию и веру в Бога и принимают веру „Лемса“— Лютеранскую.

Еще в 1820 году Швейцарское Общество распространения Евангелия, хлопотало перед Русским правительством о разрешении вести эту работу и на Кавказе, в результате чего в 1822 году представитель Базельского Общества гр. Фелициан Заремба приехал в Ширван, но вскоре выехал. Второй раз он приехал в Шемаху в 1828 г.

Их было несколько человек, и, под видом распространения Евангелия, они одновременно искали также клад Александра Македонского и занимались тайно раскопками.

Во время раскопок, ясно, они находили очень много ценных вещей и монет, много серебрянных и золотых чаш и редкий фарфор,— как утверждают местные жители.

Раскопки они об‘ясняли тем, что должны исследовать почву для культурных насаждений. Однажды они нашли подземную комнату— архив Александра Македонского***), где сидел его секретарь за столом, перед ним книга, а в правой руке гусиное перо.

Весь архивный материал Ал. М. они отправили за границу. Старик который рассказывал это, добавил, что „не только многие ширванцы знают об этом; и мой отец рассказывал мне об этом же“.

---

*) Ата—по тюркски—отец, баба—дед, атадан—бабадан значит: „спокон века“ или „современ предков“.

**) То есть европейцы. Совершенно бритых людей в насмешку тоже называют „франк“ами

***) По утверждению старожилов гор. Шемахи—Сона Ханум (фамилию не знаю) и Эстер Габриелянц и др. действительно найден был подземный ход и комнатка, где нашли скелет человека и развалившуюся книгу—пергаментную и кое какие веще. Но это, повидимому, был склеп местных правителей или знати, и эта книга была действительно арабская или персидская, потому что более знающие старожилы доказывают, что книга была написана арабским шрифтом и ничего общего с греческим шрифтом не имела.

7). Рассказывают также, что еще в 1840 году приехали в Шемаху пять человек англичан (?) под видом докторов, и якобы хотели собирать лекарственные растения и какие то руды для определения почв, чтоб развести виноградники.

Работали они в районах: Чухур-Юрт, Марьевка, Кыз-Мейдан и в Лагичском участке. Потом они появились в районе Матрасы, Келаханы, Керкенч и долго работали в районе Мейсары.

Перебросились они на юг к кочевкам Кущи, потом к Ханека и вернулись в район Көjnə Зəhər‘а (Ахсу). Эту работу они вели урывками, продолжая ее несколько лет. Но в один прекрасный день они исчезли, и больше не появлялись в Шемахе, по крайней мере, в окрестностях города и в ближайших селах; шли слухи, что они где-то в районе Геокчая и Агдаша собирают травы.

8) После землетрясения 1859 года, когда губернские учрнждения из Шемахи были переведены в Баку, приезжала в Ширван (в Шемаху) комиссия из пяти-шести лиц, которые выдавали себя за греков и англичан; они приехали будто бы для выяснения причин землетрясения и занялись разведкой, как бы найти район или участок, где зарыт клад Александра Македонского. Они производили пробные раскопки во многих окрестностях Шемахи, но усилия их были тщетны. В конце концов они принуждены были подружиться с некоторыми из местных старожилов. Они в эту тайну посвящают одного молоканина и одного армянина. Под видом проведения канализации и искусственного проведения воды для постройки предполагаемой мельницы, они рыли канавы, прокладывали траншеи, но заветного клада все не было.

После недельной работы, во время копки, они наткнулись на один большой глинянный кувшин: в нем было, кроме некоторых железных обломков, серебро большими кусками без пробы и несколько кусков листового золота, а на дне кувшина серебрянные и золотые монеты с арабскими или, вернее, с персидскими надписями. После этой находки, эти приезжие (греки?) дали молоканину и армянину несколько десятков или сот рублей и просили, чтобы они эту находку держали в строжайшем секрете.

Сами же взяли эту находку и куда-то уехали. Уезжая, они еще раз просили все это держать в секрете до их приезда, и обещали после приезда их обоих взять к себе на хорошую службу за хорошие деньги. А выезд они об‘ясняли тем, что им нужно выяснить, какие это монеты и каким образом они попали туда, и обещали скоро вернуться. Куда они уехали, осталось загадкой.

Молоканин совместно с армянином хотел копать дальше, надеясь, что, может быть, еще что-нибудь найдут, но ничего не вышло, во-первых, потому, что у них денег не было, а во-вторых, они боялись быть замеченными и, главное, они еще думали, что авось эти греки и англичане приедут, и им будет лучше, чем без них все это делать. Помимо всего этого, они не могли копать

без них еще и потому, что армянин и молоканин не смогли притти к соглашению, они друг-друга боялись, и каждый из них старался взять львиную долю предполагаемого клада.

Спустя несколько месяцев приезжают те же самые греки и англичане, находят своих знакомых и предлагают продолжить эту работу.

Во время работы эти греки пользовались каким-то планом на синей и красной бумаге и разными разрезами и чертежами с об'яснительными текстами. Молоканин своему товарищу армянину ничего не говорил, сам же задумал как-нибудь проследить, улучить момент и похитить план. Молоканину задуманное удалось. Ночью, во время перерыва работ, когда греки укладывались, а планы эти с чертежами положили в дорожный чемодан и улеглись спать, молоканин похитил чемодан и исчез. Утром встали, нет молоканина, нет и чемодана.

Для греков и англичан стало ясным, что чемодан похитил этот самый молоканин.

Оставшись без плана, с одной стороны, а с другой стороны боясь, что не есть ли это тайное действие правительства, они решили оставить на время город Шемаху. Попросив этого армянина, чтобы он всю эту историю держал в секрете до их приезда, они обещали приехать через два месяца. Затем они исчезли совсем.

Первое время этот армянин, житель сел. Келаханы, держал все в секрете, но уже потом, убедившись, что греки и англичане не едут и, видимо, совсем не думают даже вернуться, начал распространять слух, о краже молоканином каких то планов и о цели приезда этих иностранцев.

За короткое время в Шемахе многие узнали, что где-то около сел. Мейсары, Келаханы и Матрасы есть какой-то клад. Многие относили этот клад то к кладам Ширванских шахов, то к Ширванским ханам, а многие приписывали его определенно Искендеру Буйнузи.

Куда исчез этот молоканин, тоже оставалось для многих неизвестным; долго его искал этот армянин, но все его поиски были напрасны.

Слухи эти дошли до бакинских властей, и в 1860—1861*) году из Баку приехало несколько человек со значками в казенных мундирах, якобы со стороны губернского управления, для выяснения на месте этого вопроса.

Что они сделали, какие меры приняли, неизвестно было жителям, но провозились около недели и уехали.

Шемахинцам было известно только об одном, что они об этом писали в Тифлис Наместнику.

---

*) Этот год мною установлен приблизительно. В передаче было сказано: „приблизительно на пять лет раньше рождения первых армянских солдат на Кавказе". Армян на Кавказе призывали впервые на действительную службу в конце 1886 г. и в начале 1887 г., т. е. родившихся в 1866 году. Если это было „на пять лет раньше", то выходит приблизительно в 1860 г. или 1861 году.

9) Этим вопросом интересовался еще один армянский священник или архимандрит в 1872 году.

Он приехал в Шемаху сейчас же после землетрясения и начал собирать материал исключительно об Александре Македонском; он записывал все сказки и разговоры (легенды) относительно А. М.

Он за короткое время записал „несколько дафтар“ (тетрадей) исключительно про Александра Македонского и распрашивал, нет ли кого-нибудь, кто знал бы место, где копали иностранцы, и что искали; не знает ли кто либо из старожилов что-нибудь о кладе Македонского царя.

После этого священника приезжали еще другие лица. Приезжал некий студент Авакян из Эривани. Вообще, Ширван часто навещали не только иностранцы, но очень многие и из местных жителей собирают материал, копают, а то и покупают и куда-то вывозят.

По сообщению одного из жителей Щемахи искатель клада Александра Македонского Тер-Аванесов купил в трех верстах от Шемахи на шоссе в сторону Ах-су участок земли, на котором он под видом перекопки земли для разводимого им сада производил „раскопки“ в надежде найти таинственный клад; клада он не нашел, а сад, который в конце концов он все таки развел, получился хороший.

10) Последние годы начали искать такой-же клад и в районе Автарана, а приблизительно лет 20-25 тому назад (сообщили об этом мне 1914 г) т. е. в 1889—1894 г. во время таких поисков недалеко от какого-то Сурпа, по близости которого живут „гурты“*) (ղուրդեր) нашли „Золотую Богиню Рыб Хазарского моря“. Это как раз, говорят, часть клада Александра Македонского, который он отнял у народов, живших по берегам этого моря, владевших морем и своим именем назвавших море (Народ Каспи?) Каспийским**).

---

*) „Гурты“ или „гуртер“ (ղուրդեր) это какой-то осколок тюркского племени. В некоторых районах Азербайджана, как например в горах северо-восточной части Карабаха в нескольких селах, а также в Геокчайском уезде около сел. Уштал близ Ивановки живет хищное племя, их называют „Гурты“ (ղուրդ). Их села просто называют гутинкенд, гурдиншен и т. д. (ղուրդինշեն) или просто гурты — (ղուրդեր). Все они говорят по-тюркски, но немного иначе, чем остальные азербайджанские тюрки. Говорят, что они очень жестокие и кровожадные; слово „гурт“ по тюркск. значит „волк“.

**) Смбатян. Описание памятников старины Шемахинской Епархии изд. 1896 г. в Тифлисе. У Смбатяна на странице 188 и 373 читаем очень любопытные сведения, которые имеют большое сходство с этим сказанием. В селении Нор-шен (Ашуг-Байрам), вернее, в пределах села, в 1891 году (в другом месте он пишет, в 1893 г.) найдена „Богиня Моря“, которая находится у фабриканта Георга Мирзабекяна (уроженца того села), сам он видел ее в 1894 году у него. Дальше он описывает находку-богиню: трех-фунтовая глубокая серебряная тарелка. В тарелке очень художественно вычеканено (выпукло) море с частыми волнами. На волнах плавают рыбы и проезжает богиня моря, с распущенными до ног волосами—красавица, верхом на причудливом коне: голова и туловище коня лошадиные, но хвост и конечности рыбьи. Одна женщина ведет под уздцы, другая женщина положила руку на спину коня.

На берегу моря, на встречу им выходят также две женщины, одна из них

В 1914 году некоторые старожилы в Шемахе просили меня в конце-концов выяснить, через кого бы то ни было, есть ли клад, или это просто миф. Предлагали мне также выехать с ними в те места где производили раскопки и просто разведки. Мы готовились действительно с ними поехать на разведки, как вдруг узнали, что какие-то молокане и другие лица ищут этот клад.

Старожилы тогда отсоветовали мне ехать, об'ясняя тем, что могут быть неприятности, даже могут убить, думая, что мы пошли отбить у них этот клад. Сперва говорили, что эти лица находятся где-то в горах Чухур-Юрта, потом около Керкенча, под конец в Келаханах и где-то около кочевников Ширванских степей.

В 1916 году вновь я был в Шемахе, и на этот раз я именно хотел окончательно узнать местность, где якобы зарыт этот легендарный клад Искендера Буйнузи, как, где, что раскопано и позволяет ли внешний вид этих местностей думать, что, именно, тут под землею может быть, вообще, что нибудь.

Сперва мы выехали в Мейсары, но ничего особенного не нашли в тех местах, где они именно рылись.

Из Мейсары мы двинулись по направлению к сел. Келаханы. Из Келаханов мы шли по маленьким горкам и равнинам вплоть до тюр-

В окрестностях сел. Келаханы:

играет на свирели, приветствует ли появление богини или призывает, а другая держит пышный венок из цветов в ожидании богини, чтоб увенчать ее.

В свое время знатоки древностей и старины об'ясняли, что это богиня Каспийского моря, якобы статуэтка была на берегу моря на одной скале, как защитница мореплавателей и лодочников и в частности охраняла город Баку. Но следов надписей никаких не было.

Смбатян жалеет, что нет никаких надписей, указывает, что скала с богиней моря была на том месте, где ныне стоит армянская церковь в крепости.

„Նկարագիր սուրբ Ստեփաննոսու վանաց Սաղիանի և մյուս վանօրէից և ուխտատեղից եւ քաղաքացն և գյուղօրայն որք'ի Շամախու թեմից.—գրեց Մեսրոպ արք.-եպիսկոպոս Սմբաթյան, սկսյալ ի 1887 *ամէ ց*-1895 *ամի. Տփխիս, տպարան Մովսես Վարդանյանցի* 1896 *թ.* 8° 589 *երես* с рисунками.

кских кочевок и дальше к кочевкам цыган-карачи, двигавшимся с места на место.

В сел. Келаханы мы узнали, что опять какие то молокане уже третий год принялись за этот клад, все ищут, но ничего у них не выходит, или уже успели выкопать все.

По дороге из Келаханов вплоть до кочевок Карачи мы встречали каменные плиты, с разными гюмбезами (надгробными усыпальницами) народ таинственно об'яснял, что все это „маяки; условные знаки", „сторожевые заставы" и т. д.

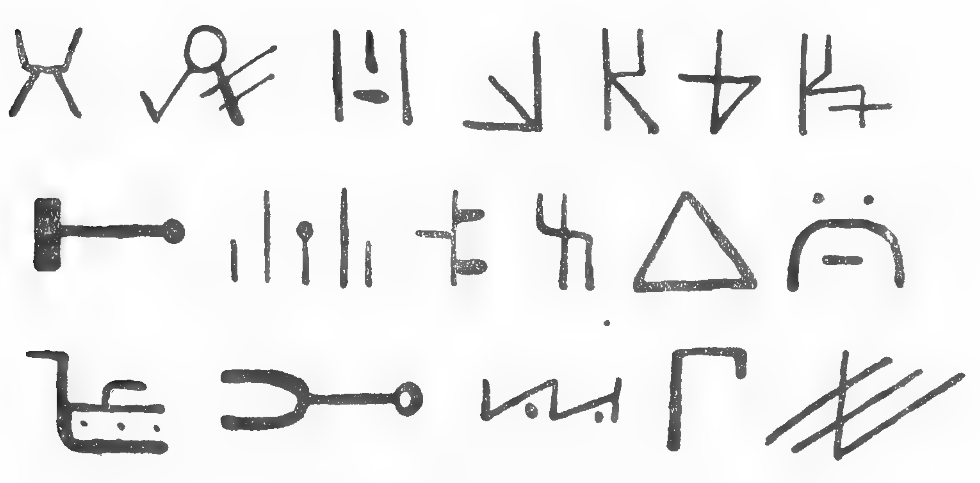
Особенно интересно бывало, если встретят каменную плиту или обнаженную скалу с надписями или вернее, выцарапанными „иероглифическими" знаками, то спутники мои с торжеством уверяли, что это—надписи и условные знаки на греческом языке, что это сделано теми греками, которые здесь копают и ищут клад. Если встречались более старые царапинки, то это определенно приписывали самому Александру Македонскому.

Чем дальше уходили мы от Келаханов и ближе к Кущи, число знаков или камней и плит, а также скал с начерченными знаками или высеченными фигурками увеличивалось.

По дороге из Келаханов, мы наткнулись на какую то полуразрушенную постройку, от которой остались только камни, жители назвали Пиром.

Приблизительно в пяти саженях южнее Пира, среди поля, на поверхности обнаженной, весьма неровной скалы высечено было много таких знаков.

Когда мы из одного конца сел. Кущи направлялись в другой его конец, мы наткнулись на одну большую скалу, на южной стороне которой сделаны какие-то рисунки, линии и будто-бы буквы. Эти знаки были сделаны не совсем аккуратно, линии были не совсем глубокие и оставляли впечатление, что они все недавнего происхождения.



КУЩИ—на разных скалах и камнях.

Спутники мои стали уверять, что это „греческие“ или „английские“ письмена, в противном случае вообще древние письмена или условные обозначения.

Мы шли дальше, наткнулись на другую скалу, тоже с знаками или рисунками, а в полуверсте от этой же скалы развалины какой то постройки—куча камней с разными обозначениями. Такие знаки были замечены нами и в районах других сел. Наибольшее число этих знаков обнаружено нами в районе Келаханы, около Пира и Кущи. Я решил кое какие знаки скопировать. Мною было скопировано более сотни этих знаков, которые приписывали кладу Александра Македонского.

Настоящая таблица есть собранные мною знаки, принадлежащие следующим местам:



По дороге в Кущи.

Жители охотно верили, что эти знаки действительно греческие. Они старались эти камни и скалы приметить. Но они приходили в ужас, когда замечали, что этих камней или скал уже нет на местах.

Совершенно случайно на обратном пути я заметил аналогичные знаки на одном дереве возле селен. Мейсары. Я задал вопрос, чему это приписать, что такой же знак находится на дереве. Жители об‘яснили, что это, наверное, дети скопировали.

КУЩИ—на одной скале.

НА КАМНЯХ РАЗВАЛИН (КУЩИ):

Поле Кущи (кочевка):

Знаки на дереве около сел. Мейсары.

Сел. Мейсары:
насеки на дереве

Через несколько дней я выехал из Шемахи в Алты-Агач. Первым долгом я пошел осмотреть развалины Кыз-Каласи и Караван-Сарая, *) по дороге я обратил внимание на то, что на камнях и на деревьях имеются такие-же значки. Это меня окончательно заинтересовало, и я тут же скопировал и эти (Алты-Агачские) значки, чтоб их сравнить с имеющимися у меня.

Я нашел очень много сходного, и подумал, что это не что иное, как условные значки местных жителей, или т. н. качагов **) а может быть, и охотников.

Сел Гекляр (степь):

*) Из развалин древних построек в Алты-Агачском районе замечательны развалины старинного Караван-Сарая, служившего когда-то станцией на большой старо-персидской дороге в 42-х верстах от гор. Кубы. Не вдалеке от селения на горе находятся развалины древнего замка—Кыз-Каласи.

**) „Качаг"—Беглец, от тюркск. слово-кач, качмах т. е. беги, бежать. Качаги, все люди, ушедшие в горы и леса и скрывающиеся по тем или другим причинам от властей,—вроде северо-кавказских абреков. Хотя под Качагами на Кавказе принято подразумевать исключительно разбойников-головорезов, но среди качагов очень много вполне мирных людей.

Оказалось, что это просто **Цыганские Тамги** *), (хотя в их числе попадаются и тюркские) ничего общего не имеющие с кладом Александра Македонского; не смотря на это многие, хотя знали о существовании Цыганских тамг, но слепо считали их греческими буквами и относили к Македонским письменам или условным знакам приезжих иностранцев, в частности греков.

Заинтересовавшись этим вопросам я решил углубить мою работу именно в этом направлении и мне удалось собрать массу таких условных значков—цыганских тамг.

Близ сел. Удчлы (низменность кочевки Кущи на разных камнях):

*) Как известно цыгане никогда не имели собственности и по большей части вели бродячий, скитальческий образ жизни, но они употребляют Тамгу—служащую им совершенно для других целей: не для обозначения своего имущества в отличие от чужого, и не для распознавания своей собственности, а условные знаки имеющие в основе разные загадочные мысли известные только им они употребляют тамгу, в качестве письма.

Если цыган пришел в нужный ему дом, или, если он украл что либо в каком нибудь доме, он на воротах ставит тамгу и для другого цыгана уже имеется условный знак неизвестный притом же другим. Они в каждом случае делают метку: во первых, по этим меткам они знают кто или какой род был, зачем был, и что сделал. Они отмечают также состоятельный ли, гостеприимный ли дом, можно ли украсть из него или этот дом опасен, есть ли в нем еще что-нибудь для кражи или не стоит заходить в этот дом. Иногда можно наблюдать на деревьях или на воротах целые коллекции подобных условных знаков. Число коллекций, как разсказывают сторожилы, увеличивется или бывает больще, если дом гостеприимный или богатый.

Вот некоторые тамги из Алты-Агачского района:

Алты - Агач

I. Караван - Сарай:

II Кырх - Булаг:

Мне казалось, что этим самым кончился весь вопрос о кладе. Думали многие что европейская война, революция и гражданская война окончательно уничтожат не только попытки искать вновь этот клад, но и все эти легенды и сказки, связанные с великим именем Искендера Буйнузи.

Оказывается, все это не так, как многие предполагали. Эта идея, эта мечта все еще живет в сердцах многих ширванцев даже теперь чуть ли не на десятом году революции.

В 1924 году 18-го ноября, в Общество Обследования и Изучения Азербайджана явился, некий Август Васильевич Майер, по национальности немец и сообщил что ему известно местонахождение клада Ал. Македонского. Он согласен указать место клада лишь после того, как получит от правительства АССР соответствующие документы, удостоверяющие, что честь находки принадлежит Майеру, и известное вознаграждение.

Зная всю историю легендарного клада. я, заинтересовавшись этим сообщением, и будучи управляющим делами Центр. Совета О-ва с разрешения Общества в лице его Президиума Центрального Совета, вступил в переговоры с гр. Майером. Принял также активное участие в этом деле ученый секретарь О-ва А. Р. Зифельдт-Симумяги, вступивший в переговоры с органами власти для выяснения обстоятельств дела и организации археологической разведки.

Гр. Майер в частной беседе доходил до самых баснословных толкований; он якобы видел сам комнаты, где зарыт клад, нашел серебрянный источник, где на цепи висела серебрянная чашка, которая по его словам сейчас у него. У него. по его словам имеется пергаментный план, который был похищен у греков одним молоканином. Якобы он достал оттуда щит и вооружение Александра М. и видел золотой монумент (иногда говорил „истукан") всадника и что если правительство не примет мер, то он лично будет действовать сам, что он работает уже над этим вопросом с 1911 года. По этому делу он будто бы бывал и в Сибири, в Москве, в Ленинграде и в Берлиен. Он доказывал, что если клад не Александра Македонского, то Дария.

Но на оффициальном заседании Историко-Этнографич. Секции О-ва от 22/XI 24 г. гр. Майер освещал факты немного иначе.

По настоянию Секции, он представил письменный доклад от— 28/XI 24 г. от имени его соучастников, подписанный Майером, как „руководителем группы".

*Доклад Майера № 1 от имени его соучастников *).*

„Работая на Путиловском заводе, я по причинам болезни уволился и выехал на Кавказ с целью подыскания работ.

Во время моего проживания на Кавказе, я познакомился с крестьянином, владельцем мельницы, у которого рассчитывал работать. Живя у него на квартире, я немного сблизился с ним, и он меня посвятил в нижеследующее:

(что) ему оставлена крупная находка в виде наследства, т. е. клад, покойным его отцом, умершим в 1880 году, и его дядей, т. е. братом отца, умершего несколько лет раньше отца, и он посвятил меня в суть дела. В 1855 году к отцу на квартиру в виде квартиранта заехал приезжий из Греции грек, по имени Степан Степанович, фамилия осталась неизвестной, и стал у отца с братом расспрашивать о некоторых местах, и помнят ли они, в каком году в данной местности было море, и было ли оно в действительности и т. д.

Все эти расспросы заставили отца и дядю заинтересоваться причиной таких расспросов, и по истечении некоторого времени удалось добиться желаемой цели от грека, который открыл цель своего приезда, выражающегося в раскопке местности, где по его словам находятся колоссальные богатства, в виде ценностей: как-то золото, сереб-

*) Текст заявления гр. Майера в стилистическом отношении несколько исправлен.

ро драгоценные камни, а также один золотой истукан, затем указал, что в указанной им местности находятся три подвала: один царский, второй казенный, третий военный и один фонтан; в доказательство правдивости своих слов, грек показал им план на коже, и текст, к которому давал об'яснения, что это принадлежит эпохе Александра Македонского, и якобы закладка производилась под видом лагеря во время войны.

Цель приезда заключалась в нахождении места согласно указания плана и приступить к постепенному извлечению ценностей. В это были посвещены отец и дядя, которые совместно с греком осматривали местность, но он не указал точного места нахождения подвалов, после чего грек должен был уехать в Грецию. Перед от'ездом он заявил отцу и дяде о его решении переехать в Россию на жительство и принять русское подданство, дабы иметь возможность воспользоваться богатствами, и дал им 3000 руб. за то, чтобы они не открывали тайну. В отсутствие грека они решили сами разыскать все сказанное греком, и первым подтверждением послужило то, что они наткнулись на признаки фонтана и дальше решили ничего не предпринимать, дабы не быть замеченными, но все время строго следили за местом, до вторичного приезда грека, который предложил приступить к извлечению ценностей и переправлять в Грецию через Батум, упаковывая их в хлопок, на что они не согласились.

После чего грек в сопровождении их выехал в гор. Тифлис к наместнику Кавказа В. К. Михаилу за разрешением на право горного производства, но ему было отказано, и они возвратились обратно; получив от грека вторичную сумму, оставили грека в Тифлисе. По дороге они сговорились похитить план, который находился дома в комнате грека, что было и сделано. По приезде грека кража была им обнаружена но, виновник не выяснился. После чего грек выехал.

По от'езде грека на третьи сутки один из главных маяков (признаков) исчез бесследно, в чем мы его и подозревали".

Выслушав всю историю, я очень заинтересовался и принял горячее участие, после чего он предложил мне войти к ним в компанию и начать с ними работать.

Я предложение принял и начал проверять все им сказанное, и действительно, по проверенному мною удалось установить место—разные камни, служившие признаками, как, напр. один камень, имеющий длину 7 аршин, ширину 3 аршина и признаки плиты, которая по моему предположению служит закладкой входа в один из подвалов, а также найден ход в другой подвал, признаками которых послужили камни, имеющие отличительные стороны, а также фонтан; и здесь я лично убедился в действительности рассказа, так как он совпадает в точности с полученными сведениями от скрывшегося грека. Затем мне был показан план пергаментный, что меня окончательно убедило в действительности.

В дополнение к этому при проведении мною исследований также обнаружены признаки древних погребений, как напр. остатки ка-

менных памятников и фундамент, который судя по наружному осмотру является, безусловно историческим погребением.

А потому на основании вышеуказанного прошу принять мое предложение и проверить на месте; предварительно дать мне соответствующие документы на руки.

Руководитель группы Майер.

28/XI 24 г.

После представления гр. Майером в Общество Обследования и Изучения Азербайджана письменного доклада, Центральный Совет О-ва предложил Майеру, представить обещанный пергаментный план грека, в противном случае Общество и Совет О-ва не вступает с Майером ни в какие переговоры, т. к. не может на слово даверять таким фантастическим рассказам.

Гр. Майер старался убедить Общество, что это истина. „Как может О-во говорить то, чего не знает?", тем более, что все сказанное в пергаментном плане он на местах проверял.

В первых числах декабря 1924 г. гр. Майер заявил О-ву, что он через день представит Совету О-ва обещанный пергаментный план. Но на самом деле Майер не являлся целых десять—двенадцать дней. Как потом выяснилось он выехал в сел. Андреевку, Ленкоранск. уезда, к тому крестьянину, который посвятил его в эту тайну,—фамилию его он держал в тайне (как выяснилось, это гр. Осипов),—чтобы посоветоваться с ним и выйти из создавшегося положения, потому что плана пергаментного у самого Майера не было и он в этом деле оказался совершенно новым и случайным человеком.

Гр. Осипов—дряхлый старик, больной дал Маеру записку в гор. Баку на имя гр. Савельева, проповедника местной баптистской Общины. который все-таки больше и ближе стоял к этому делу, чем Майер.

Гр. Савельев знал об этой легенде и историю клада еще с—1918 года, в свое время принимал участие в розысках, снял кое-какие эстампажи и сделал с натуры зарисовки.

В декабре 1924 г. (12-го или 13-го) в Общество явились гр. Майер с Петром Федоровичем Савельевым.

Общество, оставив в покое Майера, человека случайного в этом деле, обратилось к гр. Савельеву с просьбой сделать письменный доклад, что им и было сделано 16-го декабря 1924 г.

Доклад П. Ф. Савельева Обшеству исследования и изучения Азербайджана).*

Т. к. 22/XI-24 г. Майер Авг. Вас. докладывал Обществу от имени группы об археологической находке и ввиду того, что в докладе были некоторые неточности, по причинам от него независящим, а потому я, как активный участник группы выше-указанного дела,

*) Текст доклада т. Савельева П. Ф. несколько исправлен в стилистическом отношении.

уполномочен дополнить и исправить доклад, дабы не было никаких шероховатостей. Все, мною в настоящее время Вам сказанное, есть дейсвительная истина, от которой я не отступал до настоящего времени и в настоящее время.

В июне месяце 1918 г. явился в селение Чухур-Юрт Мих. Вас. Осипов и, как старый друг моего отца, приютился у меня на квартире. Вскоре к нему стал приходить Аверьян Афанасьевич Виноградов; они о чем-то подолгу рассуждали и стали куда-то уходить по несколько дней. На мой вопрос об их исчезновении, ответили, что ищут руды по горам. В августе месяце я выехал на Мугань в село Андреевку (местожительства Осипова).

Через 3—4 дня приехал и он, и тут-то открыл мне, что они с Виноградовым ищут клад Александра Македонского, о котором рассказал следуюшую историю. В городе Шемахе давно жил кузнец Степан (субботник), к нему стал заходить какой-то незнакомец в кузницу, который через некоторое время стал просить дать ему квартиру; кузнец согласился и уступил одну отдельную комнату.

Незнакомец стал уходить на охоту, не приходя по несколько дней. На распросы кузнеца, кто он и почему он пропадает, он ответил, что он грек, по имени Степан Степанович,—фамилии он не сказал,—и что ему желательно здесь пожить и далее предложил кузнецу оставить работу и ходить с ним на охоту, за что стал платить самую высокую заработную плату. Потянулись дни, и так прошло почти все лето. Наконец, кузнец, заметил, что его спутник мало интересуется дичью, а ищет что-то другое, решил отказаться от хождения по горам и снова приступить к работе, о чем заявил греку, но тот пригласил его в комнату, развернул перед ним кожанный план и сказал: „я убедился, что ты человек честный и верный, а потому я тебе открою мой секрет, который заключается в следующем: мой отец около 30 лет служил архивариусом в личной канцелярии турецкого султана и между другими бумагами встретил вот этот план; изучив его, он решился его похитить, что и сделал тогда, когда убедился что наличия плана никто не подозревает, а меня стал учить археологии и только после окончания всей археологической науки и многих практических упражнений, вверил мне этот план, сказав: я сделал одно, т. е. приобрел план, а ты сделай другое—сумей отыскать эти ценности и их извлечь.

Затем Степан Степанович на плане указал три подвала—один царский, 2-ой казенный, 3-й военный, сказав, что содержимое подвалов—невероятные ценности, которых хватило бы на полмира, и обещал по нахождении сделать кузнеца участником находки, с тем однако условием, что он сохранит секрет.

Выслушав такую историю, кузнец согласился продолжать поиски.

И по точном рассмотрении плана решили продолжать работу в другом направлении, которая вскоре увенчалась успехом: были най-

дены камни, на которых были вырублены знаки, имевщиеся на плане. От восторга грек прыгал, как ребенок, и говорил что цель его теперь достигнута. Через несколько дней с общего совета решили взять часть ценностей из царского подвала. Изготовив нужные инструменты, отправились на место, но по прибытии туда грек лег на спину, пролежал несколько часов в каком-то оцепенении и на настояния Степана—кузнеца скорее приступить к делу ответил, что он решил дело отложить, мотивируя тем, что их могут найти люди в момент открытия подвала и даже убить. Он решил добиться у наместника Кавказа права на добычу различных руд, взять заявку на имеющийся там серебряный источник и тогда приступить, извлекая ценности, паковать в тюки хлопка и отправлять через Батум в Грецию. Приехав в Тифлис в гостинницу, Степан Степанович облекся в генеральский мундир с висячими эполетами и другими знаками отличия на груди,—кузнец испугался, на что грек ответил, что чины и знаки отличия относятся к государству по службе, а „с тобою мы равные".

После двухдневных хлопот у наместника грек заявил Степану, что они вернутся обратно, а потому предложил денег на покупку подарков для дома. На просьбу кузнеца дать ему сорок-пятьдесят рублей, он дал ему три тысячи рублей. Вернувшись к вечеру в гостиницу с покупками, грека он не застал, т. к. тот, по словам прислуги, уехал. Прожив около трех лет в ожидании грека, кузнец по старости и необеспеченности переехал на жительство в село Привольное, Ленкоранского уезда, откуда была родом его жена. Чувствуя приближение смерти, он передал секрет Путилину и другому (фамилии не помню) и вскоре скончался. После смерти кузнеца Путилин с товарищем отправился в указанное кузнецом место на поиски, но неудачно. Через два года отправились снова и нашли те камни с насеками, об'ясненные кузнецом. И стали хлопотать о разрешении губернатора на раскопки поклаж, получили отказ. Хлопоты о разрешении на раскопки минеральных руд затянулись, и оба товарища умерли (т. е. Путилин и другой), посвятив в секрет Осипова Мих. Вас. и Путилина Вас. Ник., которые предпринять что-либо по сему делу не могли по причинам бедности. Но в 1913 г. летом Мих. Вас. Осипов явился ко мне, как указано выше вместе с Виноградовым. Мы, пригласив нового товарища Афан. Авер. Калмыкова, отправились на место, где в течение нескольких дней осмотрели все детально. Я сделал с натуры зарисовку знаков, имеющихся на камнях. Не решаясь выдавать, как всю эту историю, так и камни, за положительную истину, я вместе с Осиповым отправились в Асхабад к некому Исаю Туманянцу, знакомому археологу, просить его сказать, похоже ли все это на истину, или же все это просто легенда, и после двух дней получили ответ: „Я не могу Вас уверять в истине так, как то, что я имею в кармане портмонэ, но и не скажу, что это ложь, здесь есть какая то доля правды". На нашу просьбу, что нам делать, он посоветовал нам обратиться к Наместнику Кавказа, который че-

рез Гофмейстера Петерсона представил нас директору Кавказского Музея, полковнику А. Н. Казнакову, который записал все повествование в книгу и, взяв с собою консерватора музея Евг. Вас. Торгули и служителя Гак-Верды-Оглы, отправились на место и в течение двух дней производили осмотр и фотографические снимки камней и всей местности. Вернул их обратно, но захватил в три бутылки воды из соребряного источника и, отпуская нас, пополнил все наши расходы и вознаградил за труды. Это было в начале декабря 1913 г.

В 1914 г. я был уведомлен письмом директора, что дело идет хорошо, а в апреле месяце вторично был уведомлен, что посланное царю возвращено на усмотрение наместника Кавказа, в Совете коего постановлено приступить к раскопкам и ассигнована сумма, но ввиду ее коллосальности послана на утверждение Министра Финансов.

Война всему поставила крест. Во время войны я прочитал в списке убитых на турецком фронте фамилию директора музея полковника Казнакова и считал дело пропавшим.

С 1922 г. начал хлопоты в Совнаркоме АССР и Азнефти, прося содействия в разыскании этого клада, но требовалось заключение Археологического Комитета.

Исполнить желание—поехать в Москву я не мог по бедности, и потому я передал всю историю Павлу Макаровичу Кара-Мурза, который написал профессору Мануилову в Москву и передал мне что весь мой доклад по этому делу через профессора Мануилова находится у академика Марра, от которого я стал дожидаться результата.

Но 10-го декабря с/г. приходит ко мне гр-н Майер и Бородин с письмом от гр-на Осипова, при чем выясняется, что по инцциативе Осипова предприняты меры к открытию, предварительно не списавшись со мною, при чем дальнейшая работа должна продолжаться от имени группы в лице избранного ею президиума.

Все вышеизложенное и виденное мною по вступлении в договор с органами власти обязуюсь указать на месте, как то камни по имеющимся у меня зарисовкам, серебряный источник и могильники.

В случае, если по окончании раскопок ничего не окажется, никакой ответственности я и группа не несем и ни за какие неудачи не отвечаем перед властью.

Петр Федорович Савельев.

16/XII 1924 г. гор. Баку.

После того, как в Бакинской печати появилась заметка об этом легендарном кладе, через некоторое время, приблизительно в феврале 1925 г. концелярией О-ва Обсл. и Из. Азерб. было по почте получено анонимное заявление, печатаемое ниже. Так как автор этого заявления в О-во ни разу не явился, и отыскать его не удалось, то желательно было бы, чтобы он или упоминаемые им лица откликнулись и сообщили бы известные им подробности этого дела.

Текст заявления:

Где зарыты „Сокровища“ Александра Македонского?

Сообщение некоего гр. „М“ требует внимательного отношения и безусловно говорит за то, что у нас еще не перевелись честные граждане. Правда, в гр-не „М“ главным образом на сей раз сказывается желание „подработать“ на Александре Македонском, но все-же он проникнут желанием, даже кое-что уделить стране.

Но странно только немного одно обстоятельство, что версия о сокровищах ведь была передана ему некиим крестьянином на границе Шемахинского уезда, где он устроился по случаю безработицы на работе, а куш он оспаривает себе!.

Правда принимая во внимание, что гр-ну „М“ пришлось специально приехать для открытия сокровища из Ленинграда, но я, будучи просто уроженцем Азербайджана, постараюсь рассказать гр-ну „М“, а также всем интересующимся „в чем тут дело“.

Все было в строжайшей тайне, ибо населяющие Шемахинский уезд староверы были слишком преданы России, и вековую тайну о сокровищах Александра Македонского, после неприятного казуса с б. царским наместником Кавказа, сохранили до наших дней.

Дело было так:

В 1920 году в село Андреевка, Шемахинского уезда, прибыла Кавалерийская Бригада XI Красной Армии под командой т. Студнего П. К. и военкома той-же бригады т. Сурнина И. И. По вступлении Красной Армии в село Андреевка к тов. Студневу, явился некий старец, проповедник баптистов из Мугани, Осипов, и сообщил, что он хочет ему передать тайну, хранимую столетиями, о сокровищах Александра Македонского.

С его слов в далекие времена по нынешнему Шемахинскому уезду, проходил со своими войсками Александр Македонский и, проходя, закопал золотой монумент—размером 60 локтей в вышину и 30 локтей в ширину.

Проходили долгие годы, за этот период, даже как будто, приезжали а Шемахинский уезд греки, копали некоторые места, оставляли охрану и вновь уезжали.

Похитив у греков пергаментные планы и гиероглифы, старцы уезда решили их передать слугам б. царя и снарядили послов в Тифлис к б. наместнику.

Пред светлые очи б. царского слуги хватило храбрости предстать двум послам, а остальные трое остались ожидать на улице. Алчный слуга б. царя явившихся послов арестовал, а узнавшие об этом на улице из боязни скрылись.

По заявлению Осипова, даже как будто приезжали комиссии также что-то рыли, но так как у них не было плана, найти клад им не удалось.

И вот последний оставшийся в живых из старцев, Осипов, решил передать клад пришедшим освободителям Красным воинам и показывал тов. Студневу план на перегаментной бумаге, где действительно были какие-то непонятные знаки, буквы и т. д.

Тов. Студнев снял с плана копию и представил ее начальнику штаба XI армии.

Старец Осипов просил дать ему людей, средства и обещал выкопать сокровище.

Начштаба XI армии, в начале заинтересовавшийся этим планом, все же решил отправить старика Осипова к врачу психиатру, и осмотревши Осипова, нашли душевно-больным.

А для подтверждения своей заметки, могу указать очевидца и свидетеля старца, б. военкома тов. Сурнина И. И., живущего в данное время на Мугани в селе Проказино.

Но боюсь, что одновременно, пожалуй, необходимо в интересах действительного освещения факта о сокровище, отправить также к врачу психиатру и гр. „М“.

Этим самым заканчивается вся история народных легенд о кладе Ал. Македонского, дошедших до нас, но не исключена возможность, что еще в недрах широких масс населения Азербайджана таятся другие варианты этих сказаний, хотя сообщение В. М. Сысоева помещаемое в № 4 „Известий О-ва“ отчасти срывает покрывало этой „тайны“.

А. Алекперов.

Поездка в Зангезур и Нахкрай.

Экспедиция О-ва Обследования и Изучения Азербайджана в Нахкрай, летом 1926 г. намечала себе конечным пунктом район Ордубада, где, по сообщениям сельского учителя, были будто бы обнаружены клинообразные надписи. Но работы экспедиции в Кизыл-Ванке настолько затянулись и дали такие неожиданные результаты, что закончить эту последнюю невыполненную, за недостатком времени, задачу было поручено мне.

Я выехал 10-го сентября из Баку в направлении Ордубада, — не по железной дороге, а через Карабах, Курдистан и Зангезур. В этом маршруте меня привлекла возможность подняться на эйлаги Курдистана, для этнографического обследования жизни летних кочевок. Период возвращения с летнего кочевья на зимовье—самый благоприятный в жизни кочевника. И спуск кочевок с гор,—бесконечные стада откормленных овец, огромные быки, навьюченные домашним скарбом, женщины и дети в ярких одеждах, верхом, — все это, действительно, представляло прекрасную картину.

До Герусов я доехал быстро. Затерянные в бездорожных горах Зангезура Герусы производят неожиданное впечатление культурного оазиса: всюду чисто, улицы широкие, дома утопают в садах. Но здесь же рядом, в пригороде, в ущельи на запад, — целая деревня ютится в пешерах. Пещеры, по склонам ущелья, иные на недосягаемой высоте, почти все использованы населением, — под жилье, под склады хлеба, сена и т. п. Эти пещерные жилища устроены таким образом: если отверстие пещеры широкое, то оно закладывается стеной, в которую вделывается небольшая дверь; узкое отверстие просто закрывается прилаженной к нему дверью. Иногда такие жилища устраиваются одно над другим; к ним ведут небольшие тропинки. Из расспросов удалось выяснить, что люди живут в этих пещерах с незапамятных времен: в пустых заброшенных пещерах находим остатки утвари, обломки старой керамики. В этих пещерах население укрывалось в смутные времена.

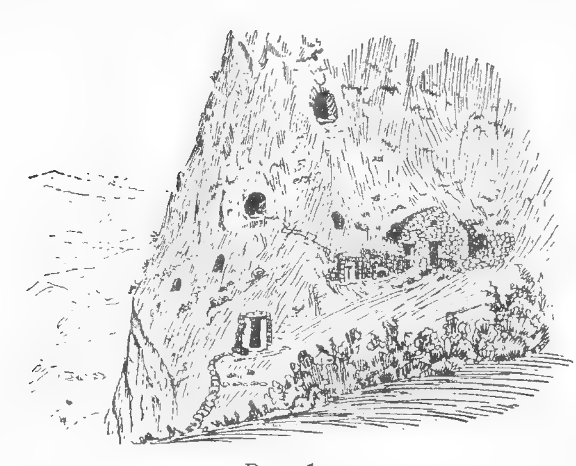


Рис. 1.

Из Герусов выезжаю верхом на восток. В трех верстах — развалины сводчатой постройки, называемой гяурдами или донгуздами. По сторонам дороги высокие, в рост—полтора роста человека, сложенные из камня столбики: в зимнее время, когда здесь выпадает глубокий снег, они указывают путь. Встречаются кочевья: пять—десять юрт, масса овец. Дважды миновал шесты с развевающимся белым знаменем: так тюрки-кочевники отличают место, где они справляли обряд религиозной мистерии—Мухерем, Шахсей-Вахсей.

Очень холодно. Спускаюсь с Уч-Тепе в селение Вагады. Кругом туман, только верхушка Ишиглы-дага блестит на солнце. Об этой горе население рассказывает легенду, связанную с именем Ноя и потопом,—как связаны с ними и многие другие легенды при-араратской равнины:

„—Когда Ноев ковчег вознесен был волнами в эти места, ковчег задел сначала верхушку Арарата. „Какая тяжелая гора (агры-даг)“, воскнул Ной: так и теперь зовется эта гора у тюрок. Но вот ковчег опять на что-то натолкнулся. „Поверь, это гора (инанки даг-дыр)“, сказал Ной,—и эту гору тюрки называют Иланны-даг. Наконец, ковчег вынесло к горе Ишиглы-даг; Ной вышел впервые на землю и сказал: „Вступил я в светлый (ишиглы) мир“. Гора эта, одна из высоких в районе, часто находится над облаками и освещена солнцем: отсюда, можно думать, и название—светлая, освещенная гора.

От шоссе в Вагады спускается очень крутая тропинка. Селение почти разрушено событиями 1919—1920 г. Совершенное бездорожье обособляет каждую деревню, и отсутствие лесов, при невозможности получить строительный материал со стороны, заставляет сельчан заниматься разведением искусственных, главным образом ивовых, рощ. Рощи эти имеют здесь такое же значение, как финиковая пальма в Аравии: с их уничтожением дальнейшая жизнь в деревнях стала бы невозможной.

Дом, вернее, комната, где я остановился в Вагадах,—квадратное помещение площадью в 120 кв. арш., высотой в 6 арш. Единственный выход—маленькая дверь в углу (2×1 арш.), окон нет,—комнату освещают три отверстия в крыше, по пол-аршина шириной. В одном углу ссыпана пшеница, в другом—сложена скудная утварь, посредине комнаты—тендыр. Как жить в такой огромной комнате зимой?—Оказывается на протопленный тендыр ставят квадратный столик—кюрси (2 арш. ширины, $1/2$ арш. высотой), покрывают его ковром: под ним и располагается все семейство, ногами к отверстию тендыра, головами наружу.

У этих Зангезурских тюрок района Сисиана женщина совершенно равноправна мужчине. Вследствие бездорожья, места эти почти недоступны внешнему влиянию, и женщина-тюрчанка сохранила здесь свой древний обычай. Зангезурская женщина держит себя совершенно свободно, ее отношение к мужчине простое, замуж идут по свободному выбору. (Но стоит только перевалить через горы в Нахичеван-

скую равнину, — и опять женщины закрываются, прачутся при виде мужчины).



Рис. 2.

Как и везде, свадьбы устраивают после окончания всех полевых работ, поздней осенью. Калым, который здесь называется „башдых", исчисляется обычно так: от 50 до 100 руб. деньгами, пара овец, 20 фунтов сахару, 1 фунт чая. Совещанием родственников жениха выбирается руководитель свадьбы, „той-баши" (в некоторых уездах Азербайджана, он называется „той-агасы"): он—диктатор на свадьбе и все должны ему подчиняться, а на свадьбу приглашается вся деревня. Какой-нибудь большой двор празднично украшается для свадьбы коврами,—на свадьбе мужчины и женщины присутствуют вместе (не так, как это принято в некоторых уездах, где женщины веселятся отдельно от мужчин). Той-баши следит, чтобы всем было весело: по его указанию каждый должен танцевать, не имея права отказаться от танца. За невестой посылаются двое друзей жениха: один „сагдыч", садится на верховую лошадь и сажает позади себя невесту,—другой, „солдыч", ведет лошадь под уздцы. Часто группа молодежи загораживает им дорогу, требуя выкупа: его выдает той-баши. При входе невесты в дом будущего мужа, перед нею бросают на землю куски хлеба или лаваша, который она подбирает. Рядом с комнатой невесты, в другой комнате обрядово бреют жениха. В это время жених может приказать привести на свадьбу кого-бы то ни было, даже из

властей,—может оштрафовать, заставить петь, танцевать, а за ослушание—велеть повесить вверх ногами. Не от этого ли обычая идет название жениха: „бек“, т. е. князь, всесильный?

Каждый, приходящий на свадьбу, приносит курицу. Собранные вещи —подарки, штрафные деньги,—идут на угощение гостей.

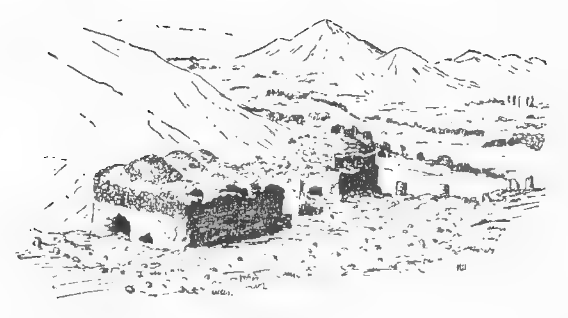
Из Вагадов я спускался в селение Урут: около него находится неприступная скала, на вершине которой развалины крепости. Верхняя площадка скалы занимает 50 — 60 кв. сажен, там можно насчитать 20—30 домиков. Несколько ниже остатки какого-то большого поселения, тянущегося с полверсты. С другой стороны крепость-скала отвесно спускается к р. Базар-чай. Крестьяне указывали на скрытый ход вниз к реке. На другом берегу Базар-чая, около Кислого источника—кладбище, где много могильных памятников в виде курдючных баранов, с изображениями людей и надписями на боковых сторонах. На многих из этих памятников—дата от 993 по 999 хиджры и указание на смерть от „таун“ (чума). В Урут и около Вагадов также встречаются пещерные жилища.

Мой маршрут из Вагадов в: Шихла-Шекярджикь, через перевал Гедыкь — в Нахичеванскую республику; спустившись с перевала, я остановился в сел. Аравса у крестьянина Кербалай Али Аббаса. С перевала Гедыкь открывается вид на всю Нахичеванскую равнину; направо гора Араджин, позади блестит Ишиглы-даг, прямо на юг Иланны-даг, а несколько правее—Асаф-Кяф, а за ним Дары-даг.

17 сентября я выехал из Аравса, по направлению к с. Ханага. Верстах в полутора от Аравса, на правой стороне от дороги — небольшой пир „Гемуш“: это круглое заграждение, сложенное из булыжника (высотой $1-1\frac{1}{2}$ арш., в диаметре 3—4 арш.), посредине растет розовый куст, увешанный тряпочками. Сюда приводят больных, сумасшедших, бесплодных женщин. Дорога идет все время по берегу р. Алимджа-чай.

Верстах в 6—7 от Аравса р. Алимджа входит в ущелье: справа, на горе,—небольшое укрепление, Казанчи-Кала. Эта крепость устроена примитивно, сложена из камней без цемента и имеет круглую форму (50—60 саж. в диаметре); вход в нее со стороны реки и горной кручи. Ущелье внизу под Казанчи защищено тремя рядами стен, 3—4 арш. высоты: в стенах сделаны отверстия для стока воды. С Казанчи открывается вид на недоступную крепость Алимджа-Кала.

Алимджа-Кала называют также Ханага,—от деревни, расположенной у подножья этой горы. Есть основание предполагать, что это последнее название имеет тоже значение общежития дервишей, религиозного дервишского центра, как и одноименная Ханага около Аджикабула. В версте от деревни, к востоку, находятся развалины Пир-Щих-Хоросаны. И здесь—мечеть, крытая шестью куполами, по три в ряд, опирающимися на стены и свободно стоящие посередине мечети два столба; примыкающий к ней небольшой мавзолей с квадратным основанием, переходящим в купол, с великолепной резьбой ниш, мно-


Рис. 3.

жество памятников около мечети, сделанных из розового мрамора; сохранившиеся от какого-то здания четыре столбика из глазированного кирпича, высотою в 3—4 метра; наконец, остатки водопровода,—как будто подтверждают высказанное выше предположение.

На Алимджа-Кала можно подняться только с двух сторон, — с запада и с востока, по расщелинам скал. Первый раз я поднимался с западной стороны. У подошвы горы там сохранились остатки большого поселения. Под'ем, очень крутой, длился минут 50: дорогу несколько раз преграждают стены с бойницами, сложенные из необтесанных камней и зацементированные (см. табл.). Земля усыпана целыми кучами кирпича (ширина—5 вершков, толщина $1^1/_2$ верш.). Второй ряд заграждений—из камня, смешанного с кирпичами. При под'еме на первый ярус горы, дорогу загораживает стена с бойницами. В этом ярусе сохранились отстатки многих построек, типа не деревенского жилья, но конюшен или казарм. На горе—своеобразные водохранилища, высеченные в скале: их всего семь, восьмой не докончен. Размер их иногда доходит до 20×10 арш. В эти бассейны стекают по желобкам высеченным по скале вверх до самой верхушки горы, атмосферные осадки. В деревне меня уверяли, что в одном из бассейнов имеется высеченный в скале барельеф кешиша (армянского священника): повидимому, речь шла о сасанидском или аршакидском барельефе. Но бассейн, на который мне указали, был полон воды, – говорят, барельеф виден когда вода в бассейне понижается.

С большим трудом, сняв ботинки, удалось мне подняться на второй ярус горы, где сохранились остатки кирпичного строения, называемого населением Шах-тахты (Шахский трон) (см. табл.). Дворец,—у самого обрыва, откуда открывается вид на юг, запад и север,—состоит собственно из десяти небольших комнат; около них были какие-то постройки.

В другой раз я поднялся на эту крепость с восточной стороны. И здесь дорогу по узкому ущелью преграждали стены из огромных отесанных плит, цементированных какой-то красной массой. Целая система этих стен, загораживая доступ к скале, делает ее совершенно недоступной. Наверху—масса керамики, выступающие кое-где купола. Все это производит впечатление, что крепость имела большое значение в течение многих веков и строилась и перестраивалась разновременно. По рассказам крестьян, последним владетелем крепости был Лачин-бей. Своими поборами он довел окрестных крестьян до возмущения. Восставшие крестьяне обложили крепость, предполагая вынудить Лачин-бея к сдаче голодом. Но Лачин-бей перехитрил крестьян,

крикнул осаждающим, что у него столько муки, что он может поделиться с ними,—и стал сыпать на них сверху муку целыми мешками. Народ поверил и разошелся. Но то была не мука, а толченая известь: следы ее показывают и теперь в виде белого пятна на скале. И самое селение Ханага, находящееся внизу у скалы, так же было окружено стеной из сырого квадратного кирпича (размером в 8 вершков).

Учитель Шекяр Гусейнов, с которым я познакомился в с. Ханага, рассказал мне, что весной 1926 г., недалеко от их деревни, дети, выдергивая колючки для топлива, наткнулись на глиняную посуду. Стар-



Рис. 4.

шие, узнав об этом, начали раскапывать это место в надежде найти клад, но не обнаружили ничего, кроме керамики, бронзовых украшений и сердоликовых бус. Такую посуду можно встретить теперь в употреблении в каждом доме. Я осмотрел это могильное поле. Оно находится между с. Аравса и Милах, в 100—150 шагах от границы земель этих селений, над дорогой, к сев.-зап. от нее, у развалин водяной мельницы, от так называемой местности Ахсал в сторону Милаха. Поле находится на откосе и, должно быть, смыто водой. Раскопок я, конечно, не производил, но потому, что из некоторых раскрытых могил торчали плиты шириной в 1—1½ метра, можно было заключить, что тут могилы типа каменных ящиков.

20 сентября я выехал верхом по горам через сел. Шурут, Бист, Тиви, Парага, Ченабаб, Данагирд в Ордубад. При выезде из ущелья Гилан-чая, против монастыря, я обратил внимание на множество холмиков, напоминающих курганы: иные из них производили впечатление естественного образования, другие — искусственной насыпи. На одном из них, поднявшись на него, я нашел кучу камней, на другом на вершине была вросшая в землю каменная плита длиною в 2 метра.

В Данагирде, при промытии канавы, между оврагом Лашкари и Писасур, на гребне под каменной скалой, были обнаружены, лет

двадцать тому назад, могилы, где оказалась глиняная крашенная посуда и бронзовые предметы. В этом месте пытался производить раскопки учитель М. Басегов, но наткнулся на могилы без всякой утвари: он копал поверхностно и могилы до конца не исследовал. Самого Басегова я в Данагирде не застал (мы встретились потом в Нахичевани). Второе могильное поле—несколько юго-западнее Данагирда, в местечке НагиДараси, у самой скалы, близь опушки леса. Стекающей со скалы водой здесь был промыт небольшой овраг и, таким образом, были обнаружены могилы. Осыпавшиеся на дно оврага с этих могил плиты имеют 1 метр длины и $^3/_4$ метра ширины. Некоторые могилы, которые обнажены водою, но еще не до полного разрушения, дают картину каменного ящика, составленного из четырех подобных плит. Судить по этим потревоженным могилам о полной картине погребений трудно, но можно с уверенностью сказать, что эти могилы находятся на глубине двух метров от земли. В Нахичевани учитель М. Басегов описал мне подробно обряд погребения в этих могилах: положение скелета — скорченное сидячее, обращенное лицом на восток, справа пика, слева кинжал, перед самым скелетом — кувшины; чтобы труп держался прямо, сзади под спину подложен камень. Тот же Басегов рассказывал, что в районе Вагневара им были найдены две небольшие черные чаши с золотыми узорами.

Жители Килита говорят на каком-то непонятном для окружающих языке. Однако, сделать запись этого языка мне не удалось: килитцы отказывались, говоря, что их язык—тюркский. Передают, что в районе Килита есть огромная еще не исследованная пещера.

Из Данигирда через Ордубад—я проехал на Джульфу. Только на несколько часов я задержался в селении Азы, где осматривал и фотографировал развалины города Хараба-Гелян. Оттуда, через Нахичевань, я возвратился в Баку.

А. Алекперов.

Поездка в Зангезур и Нахкрай.



1. Типы зангезурских тюрчанок.



2. Развалины крепости Алиджа-Кала или Ханага

Поездка в Зангезур и Нахкрай.

А. Але...еров.



3. Развалины дворца „Шахтаты“.



4 и 5. Развалины города Хараба-Гелян.

Т. Пассек и Б. Латынин.

К вопросу о керамике из Ялойлу-Тапа.

Отчет Д. Шарифова о раскопках в Ялойлу-Тапа близ с. Нидж, Нухинского уезда, произведенных Азербайджанским Государственным Музеем осенью 1926 года и изданный Обществом Изучения Азербайджана, как вып. I Материлов Азгосмузея (Баку 1927), представляет, уже хотя бы только одним характером опубликованного в нем вещевого инвентаря, значительный интерес в деле изучения до-истории Закавказья.

Автор отчета не считает возможным делать, сейчас, какие-либо выводы и только при описании керамики, которая в довольно значительном количестве обнаружена в Ялойлу-Тапа, высказывает некоторые предположения общего характера. Так, он указывает на возможность отнесения двух, устанавливаемых им типов—черно-глиняной и светло-глиняной керамики к двум различным народам. В совместном нахождении в одних погребениях обоих этих типов и в доминировании того или другого типа в иных, автор видит указание на имевшее место переселение,—захват более древней культуры, носитель которой—племя, обладавшее черно-глиняной керамикой, впрочем, тоже не местное, но вероятно откуда-то пришедшее, новым более сильным и грубым народом, с культурой керамики светло-глиняной. (Отч. стр. 23).

Далее автор, указав на своеобразие форм сосудов—„ваз", в особенности, не встречавшихся, по его мнению, до сих пор при раскопках на Кавказе (Отч. стр. 19), отмечает, что большинство сосудов, как черной, так и светлой глины, „по линиям своих частей и в целом стремятся возвыситься до классических образцов античного мира" (отч. стр. 24).

Своеобразие ялойлутапинской керамики, особенно некоторые формы сосудов, которыми она представлена, при сопоставлении ее с образцами, обычно принимаемыми, как типичные для до-исторической культуры Закавказья, действительно обращает на себя внимание, хотя, быть может, это своеобразие все же и не столь, по существу, определенное и резкое, чтобы давать матерьял для приведенных выше, правда предположительных, заключений Отчета. В Ялойлу-Тапа нет ни сосудов с округлым, или яйцевидным телом, с низким отогнутым венчиком и плоскими упорами-ручками, ни кувшинов с вытянутым горлом, ни инкрустации орнамента белой массой, ни каннелирования поверхности, словом, нет всего того, что довольно хорошо известно по раскопкам Байерна, Десслера, Ивановского, Лалаяна и др.

Вопрос только в том, поскольку можно считать установленным, что именно эти типы достаточно полно характеризуют Закавказье, а не являются свойственными лишь некоторым его районам и то только в какой то определенный, хронологический период. Действительно ли культуры Закавказья так мало дифференцированы, или же это сравнительное единообразие есть только результат малой изученности прошлого этого интереснейшего, обширного края, несомненно таящего в себе еще очень много неожиданностей для археологов? Быть может и Ялойлу-Тапа не есть след изолированного, откуда-то пришедшего и кем-то покоренного затем „маленького народца", а отрывок чего-то большего, какой-то культуры или стадии ее, правда, мало, но не совсем, все же, до сего времени неизвестной.

В девяностых годах прошлого столетия, французский археолог барон de Baye, много путешествовавший по России, передал в Лувр коллекцию собранных им на Кавказе и в Закавказье предметов древности. M. E. Pottier в LX томе (Paris. 1901) „Memoires de la Société Nationale des Antiquaires de France". (стр. 1—16), опубликовал сосуды де-Байя, поступившие в числе 23-х в собрание этого музея.

Большинство приобретено покупкой и происходят из случайных или грабительских раскопок, а потому точные сведения о месте и обстановке находок отсутствуют. Интерес для разбираемой темы могут представить сосуды №№ с 17 по 21 включ. (нумерация статьи Поттье). Найдены они в б. Елисаветпольской губ. в могилах, заключавших, кроме керамики, небольшое количество предметов из железа. Приводим описание Поттье. (Указанное сочинение ст. 6--7 табл. 1).

„17. Petit pithos à une anse horizontale. Terre rouge clair à surface jauhâtre. Argile assez fine. Façonnage à la main. Haut. 0m06.— Trouvé en Transcaucasie, dans le gouvernement d'Elizabethpol. Tombeux contenant des poteries et une petite quantité d' objets en fer.

18. Oenochoé à bec un peu renversé en arrière, anse longue et ronde, placée d' un façon toute particuliére sur le flanc gauche du vase. Même argile. Façonnage à la main; essais de cercles en creux sur le col. Haut. 0m15. (Рис. 1).

19. Oenochoé à bec trilobè très long, pointaut en l'air en formant comme un caniveau ouvert; anse placée comme la précédente avec imitation de clous de métal fixant le point d' attache au col; passoire à trous pour filtrer le liquide à l'arriére du long dèversoir. Sur la panse, en avant et en arrière, deux rondelles saillantes incisèes, imitant des tetes de clous. Pied mince à base élargie. Toute la poterie est visiblement inspirée par un modéle de métal. Même argile. L'emploi du tour est probable. Haut 0m16.— Même provenance. (Рис. 3).

20. Oenochoé analogue, bec court et deux rondelles saillantes (incitant les yeux) de chaque côté du bec. Ause plate, placée sur le flanc gauche et pourvue d' une volute au point d' attache supérieur. Même forme de pied. Sur la panse, deux cercles formés de filets incisés en zigzad; cercles iucisés sur le bas de la panse et sur le pied. Même

argile. Même imitation d' un modèle métalique. Haut. 0m14. Même provenance. (Рис. 2).

21. Plat monté sur trois pieds et muni d' une courte anse plate, fixée par deux têtes de rivets a la partie supérieure. Même argile, même technique. Haut. 0m09, diam. 0m185. (Рис. 4).



Рис. 3. Рис. 2, Рис. 1.

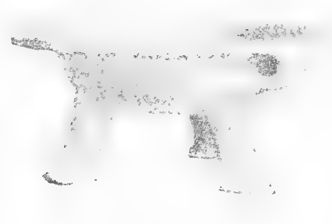


Рис. 4.

В Луврских экземплярах находим теже, что и в ялойлутапинских, характерные небольшие кувшины на подставке, с сильно вытянутым открытым сверху носиком и плоской, прилепной сбоку ручкой. (Рис. 2, 3). И там и здесь носик имеет ту же перегородку с отверстиями.

Такой же удлиненный носик у кувшина с несколько вытянутым телом, одной ручкой и плоским дном (рис. 1).

На рис. 4 имеем чашу на трех ножках, не менее характерной для Ялойлу-Тапы формы. Следует отметить орнамент, охватывающий несколькими волнообразными полосами верх кувшина (рис. 2).

Полагаем, что принадлежность этой керамики к культуре, обнаруженной раскопками Азгосмузея очевидна и не нуждается в особых доказательствах, путем более детального сравнения отдельных экземпляров друг с другом. Тождество ее с ялойлутапинской настолько резко выступает и в формах и в технике изготовления, что можно даже допустить гипетезу о происхождении их всех из одного и того же могильника у селения Нидж, затронутого, в таком случае, исследованиями и де-Байя и Лалаяна и раскопками Азгосмузея.

Можно указать еще случай обнаружения керамики весьма близкой к ялойлутапинскому типу. Во время работ экспедиции Об-ва Обслед. и Изуч. Азербайджана, руководимой И. И. Мещаниновым, нами был в Ходжалах раскопан небольшой земляной курган, (№ 6 по дневнику экспедиции), с каменным ящиком значительных размеров в центре. В числе прочих находок здесь была обнаружена толстостенная, черной массы, с полированной наружной поверхностью, средних размеров чаша на трех конических ножках и небольшой, располо-

женной у края, ленточной ручкой. Чаша эта чрезвычайно близка ряду ялойлутапинских. Близость выступает не только в матерьяле и технике его обработки и общих очертаниях форм, но и в характере отдельных конструктивных ее частей—конических, довольно массивных ножках и небольшой, так называемый „ленточной ручке"—частях, казалось бы чуждых, если, повторяем, судить по обычным образцам, Закавказью и в то же время, как раз свойственных Ялойлу-Тапа и Луврским экземлярам де-Байя.

Из того же Ходжалинского погребения происходит еще несколько фрагментов ножек, вероятно, от сосудов той же, или близкой формы.

Приведенные находки керамики ялойлутапинского типа позволяют, как будто бы уже несколько крепче связать всю ее целиком с Закавказьем и наметить точки соприкосновения этой культуры с другими, более известными. Едва ли это может уменьшить сколько-нибудь значение Ялойлу-Тапа, хотя вопрос о переселении в значительной мере, пожалуй, и отпадает. Наоборот, выходя из своего, едва ли действительно существовавшего, изолированного положения, ялойлутапинского типа керамика может получить подлинную оценку, найти свое место в ряду звеньев закавказских, может быть шире,—переднеазиатских культур.

Едва ли своевременно сейчас углублять в настоящей заметке этот вопрос попыткой детального выяснения черт, сближающих ялойлутапинский могильник с остальным Закавказьем. Если некоторые признаки форм сосудов, на которых мы сейчас останавливались, казалось совершенно обособленные и чуждые всему окружающему, начинают находить себе аналогию здесь же, в том же районе, то определить черты связывающие (а они намечаются в достаточном количестве и в керамике и в остальном инвентаре), эту культуру в целом с остальным Закавказьем, едва ли представит большое затруднене. Целесообразнее сделать это будет на более полном матерьяле, который несомненно не замедлит пополниться дальнейшими исследованиями лиц, привлекшими к нему уже такое внимание раскопками на Ялойлу-Тапа.

Поттье довольно детально останавливается на технике изготовления сосудов де-Байя. Большинство изготовлены от руки и лишь для некоторых он считает применение гончарного круга вероятным. Следует отметить то, что при этом некоторые сосуды, по мнению Поттье, видимо подражают своей формой сосудам металлическим, в частности, он обращает внимание на бугорки, имитирующие, как он полагает, головки гвоздей. (которыми, как бы склепываются края металлического листа). Упоминает о выпуклых „наклейках, как бы головках гвоздей" (стр. 27) и „пуговках" (стр. 24) и Отчет о раскопках на Ялойлу-Тапа, в остальном к сожалению не затрагивающий почти совсем вопросов технологических.

Мнение Поттье, одного из крупнейших авторитетов в вопросах керамики, заслуживает, конечно, всяческого внимания. Такое влияние металлической техники на форму керамических изделей, чему имеются в ряде районов достаточно прочные примеры, вполне могло иметь место и здесь, тем более, что все данные, пока, говорят за необходимость отнесения ялойлутапинского типа культуры к довольно позднему периоду развитой эпохи металлов, скорее даже к железу, чем к бронзе. Тем не менее здесь возможно и другое предположение о генезисе этих чрезвычайно развитых форм, которые, как нам кажется, могли появиться и независимо от влияний металлической техники.

Тот же ряд черт, который позволяет Поттье говорить о подражании Луврских сосудов де-Байя, а следовательно и аналогичных им ялойлутапинских, формам сосудов металлических, встречается в некоторых районах в керамике периодов, которые относятся ко времени настолько ранних стадий эпохи металла, когда не приходится, конечно, говорить о подражании существовавшего весь неолит, весьма развитого керамического производства формам металлических сосудов, тогда и не употреблявшихся вообще.

Если своеобразная ялойлутапинская керамика, как будто бы, начинает выходить сейчас из той изолированности, в которую намечалась тенденция ее помещать в кругу других закавказских находок, то эти же черты, придающие ей эту некоторую обособленность, невольно заставляют обратиться в сторону Запада, где они, как казалось необычные для Закавказья, выступают проявленные ярко и интенсивно. Едва ли можно, однако, согласиться с автором Отчета в том, что некоторые и даже большинство ялойлутапинских сосудов „стремятся возвыситься до классических образцов античного мира“. Решительно не замечается никаких сближений с античной керамикой. Такой знаток последней как Поттье, не преминул бы подчеркнуть это сближение, разбирая находки де-Байя, если бы были к тому хотя бы малейшие данные. В области позднейшего античного мира, но задолго до возникновения эллинской культуры, выступают аналогии Ялойлу-Тапа на Западе.

Нельзя не обратить внимания на то, что там в Средиземноморье, в кругу Эгейского мира мы встречаем почти весь ряд черт, характерных для керамики, известной сейчас по раскопкам в Ялойлу-Тапа, сосудам Луврского собрания, возможно—части Ходжалинских курганов. Сходство, это, выраженное и в формах чаш на высоких подставках или на ножках, кувшинах с вытянутым, открытым носиком и в ряде других признаков, останавливаться на разборе которых совершенно не входит в задачу этой заметки. Больше всего выступает это в отношении Эгейской культуры, если говорить про Крит—то в древнеминойском его периоде, когда все эти особенности достигают максимального своего развития.

Взяв на себя смелость делать такое сопоставление сейчас, когда культура ялойлутапинского типа только еще начинает намечаться,

следует со всею ясностью оговорить, как такое сопоставление здесь понимается и какого рода соотношение между Закавказьем и Средиземноморием мы здесь видим. Соотношение это, обусловленное общностью основных признаков форм сосудов, существование каковой общности даже при тех небольших данных, которыми сейчас располагаем, все же возможно констатировать, представляется нам соотношением чисто формально-типологическим, не дающим еще права говорить о прочных связях и взаимных влияниях, чем бы такие влияния ни об'яснялись: переселениями, колонизационной деятельностью, войнами, торговлей, происхождением из одного общего корня и т. п. Полагаем, что сейчас еще нет данных для суждения о генезисе этого явления, хотя бы и с точки зрения теории учета возможности независимого для до-исторических эпох возникновения в различных местах аналогичных явлений культуры, так как всякие гипотезы по этому поводу обречены оставаться недоказуемыми до тех пор, пока и сама ялойлутапинского типа культура, да и вся до-история Закавказья вообще, не будет методически, шире и глубже изучена.

Эта близость со Средиземноморием выступает не только в Ялойлу-Тапа. Раскопки в Кызыл-Ванке, летом 1926 года, той же экспедиции Об-ва Изучения Азербайджана, которая работала и в Ходжалах, показали, что и там ряд форм сосудов, как черных полированных так и светлофонных с монохромной и полихромной росписью, еще в большей степени стоит в связи с формами керамики средиземноморского круга и опять с теми же ранними его стадиями. Но и в Кызыл-Ванке, полагаем, пока нельзя говорить об этой близости иначе, как только о близости исключительно формально-типологической, не предрешающей заключения о генезисе Кызыл-Ванка и связанного с ним цикла закавказской культуры, или культур, с расписной керамикой.

Вопрос этот, по нашему мнению, один из наиболее важных в изучении прошлого этого края уже по одному тому, что с ним, думаем, удастся подойти к эпохам, предшествовавшим периоду поздней бронзы—началу железа, на который падает здесь и Ялойлу-Тапа и большинство других, известных, ранее, могильников.

В этом вопросе, фиксация формально-типологических связей, в первую очередь, с Передней Азией и Средиземноморием думаем явится тем методом, который нельзя будет миновать исследователю при настоящем состоянии изученности до-исторического прошлого Закавказья.

Ленинград 20-го мая 1927 г.

А. Субханвердиханов.

Перечень и краткое изложение материалов по фольклору народов Азербайджана и прилегающих стран из наследия Л. Г. Лопатинского.

От редакции.

В марте 1926 года О-вом Обследования и Изучения Азербайджана было приобретено у вдовы покойного кавказоведа Л. Г. Лопатинского собрание рукописных материалов различных авторов, преимущественно местных учителей, по фольклору, лингвистике, этнографии и истории Азербайджана, прилегающих стран Кавказа и Закаспия. Приступая с осени 1927 г. к опубликованию этих материалов, О-во предпосылает имеющим появиться в печати сборникам перечень и краткое изложение их содержания, сделанные членом О-ва, Абд. Субханвердихановым в ближайших номерах „*Известий О-ва*".

Среди излагаемых здесь сказок и легенд далеко не все представляют одинаковую социальную ценность; они отражают старый быт восточных народов в восприятии и понимании различных классов и общественных группировок: тут и обычного типа волшебные сказки, приключенческого характера с героями-царевичами и прекрасными царевнами—наследие феодальной эпохи, тут и бедные фантазией, но проникнутые мелко-буржуазным морализированием „сказки" азербайджанского третьего сословия с „героями" из купеческой среды. Эти последние „сказки" (к сожалению они все записаны по-русски, вследствие чего пропадает вся своеобразность народного языка), стоят на грани двух эпох, двух миросозерцаний. С одной стороны идеальной считается жена-рабыня, заботливо кладущая возле себя палку, чтобы мужу не приходилось далеко искать это орудие „домостроя", когда ему захочется отколотить свою „дрожайшую половину", с другой стороны, в очень робкой форме уже проглядывает мысль, что „добрая дочь лучше непотребного сына". Религиозное миросозерцание еще продолжает господствовать, догмат о предоопределении еще считается непреложным, но уже отводится инициативе и трудолюбию человека определенное место, как и в русских пословицах „береженного и бог бережет", „на бога надейся, а сам не плошай", или в тюркских „от тебя труд, а от меня благо-

дать". Тут выступают уже первые проблески буржуазного деизма: бог лишь санкционирует совершаемое людьми.

В других группах этих сказок отражается также народная наблюдательность в области характерных свойств животных и растений. Царице, брошенной своим мужем-царем в лесную чащу на с'едение зверям за то лишь, что тело ее было покрыто неизлечимыми язвами, пришлось случайно открыть растение, которое впоследствии стало известно людям под названием „табак". Но этой царицей, надо полагать, был сам народ, который, бродя в первую пору своей жизни по полям и лесам в поисках за пищей, в результате своих долгих, порою очень тонких, наблюдений, легко мог отмечать отличительные свойства полезных и вредных ему растений и животных. Изворотливая лиса, гибкая, как тростник, прямая, как стрела, змея со своим вилкообразными языком и смертельным ядом, накопляющимся в ее зубах каким-то таинственным для человека путем, были им метко характеризованы: первая стала в понятиях первобытного человека воплощением хитрости, а вторая—красоты и мудрости.

В представлениях азербайджанских тюрок двулистный клевер, который чрезвычайно редко встречается в природе, отличается чудотворящими свойствами. По поверию азербайджанских тюрок, этот клевер открывает тайны жизни тому, кто ими обладает. Тут азербайджанский тюрок уже не уповает на бога и не считает его источником всяких откровений; тут мы видим первый проблек его веры в силу природы и во взаимодействие ее явлений.

Проделку фокусника обнаруживает не „абид". не божий человек, а бедный крестьянин, имевший на плечах связку травы с двулистным клевером. Чуллы-Хаким стал знаменитым врачем после того, когда он с'ел лепешки, испеченные из теста с какой то травой для царицы неким пекарем, у которого он служил в качестве подручного мальчика.

В собрании попадаются и такие любопытные сказки, как „Сказка о китайской царевне Тор-Андук и ногайском царевиче Гилафе,— азербайджанский вариант сказания, использованного итальянским драматургом Гоцци и Фр. Шиллером и нашумевшего в Москве в переделке Вахтанова („Принцесса Турандот"). К величайшому сожалению, и эта интересная сказка записана покойным учителем Гашимбеком Везировым со слов ашуга Курбан-Али только на русском языке. О-во Изучения Азербайджана примет меры к восстановлению тюркского оригинала этого произведения устной народной словесности. со слов ли того же ашуга, если он еще жив, или других, знающих эту же сказку.

Несколько слов о фольклорных материалах соседних народностей будет сказано в следующих №-ах „Известий О-ва".

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ТЮРКИ.

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записал	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
	I. СКАЗКИ:				
1	Два брата.	Смотритель Гюлаблинского училища Абд. Кер б. Велибеков.	Шуш. у.		
2	Крестьянин Халил.	Описание см. тетр. 1, 2, 3 и 4 на 178 стран. обыкновен. учен. тетради.	Там же.		
3	Сломанный аршин.				
4	Купеческий сын.				
5	Зашитник от нападения				
6	Два купца				
7	Купец и сын.				
8	Судьба.				
9	Суд Казия.				
10	Непотребный сын.				
11	Силач.				
12	Справедливая жена				
13	Ильяс и Гулаб				
14	Жена купца.				
15	(Безымянная сказка. См. тетр. 2-ю, т. 76)				
16	Три брата.				
17	Царь и словопродавец.				
18	Дочь угольщика Бад-Саба (Зефир) и царевич Мурад.				
19	Крестьянин Ахад и дочь великого визиря Сона.				
20	Сказка (в стихах) об Азлахверды и великом визире (стихи на русском яз).				
21	Сказка о китайской церевне Торандук и ногайском царевиче Гилафе.	Смотр. Шушин. рус.-татар. учил. Гаш. б. Везиров со сл. ашуга Курбан Али.	Тетр. № 5 на 27 ст.	С 17 по 20 мая 1903 г.	
22	Золото п железо.	Смотритель Герюсинского нормального у-ща М. Погосов.	Сел. Герюсы	15 окт. 1897 г.	На 3-хс тр. тетр № 6.
23	Благовоспитанная девушка (тат. предан.)	Смотр. Зиатлинского у-ща Гянд. у. Агалар б. Киясбеков со сл. жит. с. Агкейнак, Каз. у. У. Аскер-оглы.	Казах. у. сел.. Агкейнак.	2 нояб. 1906 г.	На 12 стр. № 7.

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записи	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
24	Гаджи Али (тат. пред.).	Смотр. Зиатлинского училища Гяндж. у. Агалар б. Киясбеков со слов жит. селен. Агкейнак, Казах. уезда Усуба Аскер-оглы,	Казах. у., сел. Агкейнак.	28 апр. 1909 г.	На 10 стр. № 7.
25	Купеческий сын и река.	Учитель Кельвинского земск. у-ща И. Алибеков со слов Керима Ашик Баба-оглы, жит. сел. Кальва, Шемах. у.	Сел. Калва, Шемах. уезда.	Неизв.	Связанные с растениями (№№ 25–27): На 2 стр. № 9. На 25 стр. № 9.
26	Царица, нахождение ею табака, Аджидахок и Чуллы хаким.	Т о ж е.	Тоже.	„	На 19 стр № 9.
27	Пророк Моисей, его создания и камыш.	Т о ж е.	„	„	На 1 стр. № 9.
28	Фокусник, его фокусы и клевер, имеющий два листа.	Т о ж е.	„	„	На 2½ стр. № 9.
29	Ашик Сейди.	Тоже со слов Ашик Оруджа, жит. сел. Тирджай, Шемахин. уезда.	В сел. Кельва.	Не указ.	На 45 стр. (полулиста) № 10 песни на тюрк. яз.
30	Абас и Гюльгоз.	Учитель Геокчайского училища Махмудбеков со слов Ащик Ширали.	В городе Геокчае.	„	На 27 стр., № 11 с прил. песни на тюрк. яз.
31	Сказка о Сейфаль Млуке (сын египетского царя).	Смотрит. Сарванского у-ща Хабибулла Ализаде, со слов фарса Джафара Мамед-оглы.	Сел. Сарван, Борчалиин. у., Тифлисск. губ.		На 77 стр. (форм. уч. тетради), № 12.
	Пресмыкающиеся животные в народных поверьях и сказках татар (тюрк.) г. Нухи.	Инспектор Нухинского город. у-ща А. В. Емельянов.	В городе Нухе.	10 нояб. 1899 г.	
31	Сказка о змее.	„	„	„	На 3 стр., № 12.
32	Сказка о прекрасной белой змее и царском сыне.	„	„	„	На 5 стр., № 12.
33	Змея и бедный мужик.	„	„	„	На 2 стр., № 12.
34	Охотник и царица змей.	„	„	„	На 2 стр., № 12.
35	Семь гадюк (едди-кардаш.)	„	„	„	На 3 стр., № 12.

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записи	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
36	Царевич и лягушка.	Инспектор Нухинского город. у-ща А. В. Емельянов.	В городе Нухе.	10 нояб. 1899 г.	На 5 стр., № 12.
37	Лягушка.	"	"	"	На 6 стр., № 12.
38	Царевич и лягушка.	"	"	"	На 3 стр., № 12.
39	Бедняк и змея.	"	"	"	На 8 стр., № 12.
40	Царевич и его жена—сорокалетняя змея.	"	"	"	На 5 стр., № 12.
	ПРЕДАНИЯ.				
1	Моисей и укротитель змей.	"	"	"	На 1½ стр. № 12.
2	О черепахе.	"	"	"	На 1½ стр. № 12.
	ПОВЕРИЯ.				
	Относителъно лечения № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 12.				На 6 стр., № 12.

ОПИСАНИЕ МЕСТНОСТЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

1	Город Гянджа в энтомологическом отношении.	Смотритель Герюсинского училища Прох. Востриков.	Сел. Герюсы быв. Зангезурского у.	1 сент. 1905 г.	432 стр. (клеенчет. тетрадь № 1, 2, 3).
2	Сел. Зиатлы Гянджикского у. (описание).	Описал смотр. Зиатлинского уч. Агадар Киясбеков.	Сел. Зиатлы, Гянд. уезда.	4 мая 1909 г.	Тетр. № 4 на 27 (полулисток писчей бумаги).
3	Сел. Карадаглы-Джеинам (бывш. Арешск., ныне Агдашск. у.)	Тоже.	Там же.	15 мая 1909 г.	Тетр. № 5 на 20 стр. (на полулистах писчей бум.).
4	Айгырь - Гель (озеро жеребца).	Учитель Нахичеванского училища Александр Тер-Степанянц.	Гор. Нахичевань, б. Эриван. губ.	1900 г.	Тетр. № 6, на 4 стр. (почтовая бум. большого формата).
5	Сел. Малибеклу.	Служитель Малибеклин. у-ща Дадаш бек Мамедов.	Сел. Малибеклу.	1900 г. 20 окт.	Тетр. № 7. на 8 стр. полулистоз писчей бумаги.

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записи	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
	КУРДЫ.				
1	Краткие сведения о курдах. (Обычаи и нравы их с краткими историческими сведениями). Имеет приложение: 1) Любовная песнь. 2) Песня о подвигах героя Гамзы.	Надзират. Эриванской частной прогимназии А. Тер-Маркарян.	Гор. Эривань.	1909 г.	Тетр. № 20 на 45 стр. почт. бум. большого формата.
2	Язиды-Курды (исторические сведения). Главные причины их переселения из Турции в Россию. Фирман Турец. Султана на имя Язид. духовной верховн. власти Шейх-Эмиру.	Смотрит. Астазурского училища Н. Ширакуни.	Сел. Астазур.		Тетр. № 21, на 36 стр. обыкнов. писч. бум.
3	Верования езидов. (Понятия о боге, начале и конце мира. Источник вероучения и духовные проповедники. Священ. предметы и обряды. Праздники. Касты. Молитва.	Не указано.	Тоже.	Тоже.	Тетр. № 22 на 16 стр. писчей бумаги.
4	Некоторые обычаи курдов-езидов (свадебные обычаи).	Воспитанник I класса Эриван. учительской семинарии Али Шагинова.	Эривань.	1908 г.	Тетр. № 23. на 25 стр. ученическ. тетради.
	ДАГЕСТАН.				
1	Легенда о счастье. (Перевод с кумыкского на русский язык),	Записал и перевел учитель Х. М. Шабаров.	Сел. Андреево.	15 июня 1896 г.	Тетрадь № 24, на 34 стр. писчей бум.
2	История распространения исламизма в Дагестане и родословная дагестанких ханов (на русском языке).			1896 г,	Тетрадь № 25, 32 стр. писч. бумаги.
3	Положение женщин у лаков (Казикумухцев) на русском языке.	Лесничий Д. Б. Бутаев.	Гуниб.		
	ИНГУШИ.				
1	300 золотых, сказка.	Ос. Мурзабеков.			42 стр. форм. ученической тетр., №27:

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записи	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
	ЧЕЧЕНСКИЕ СКАЗКИ И ПЕСНИ.				
1	Сказки о мудром Зикре (с подстрочным переводом).				№ 17. Тетрадь № 18, ст. 14.
2	Сказка о мыши и о воробье.				№ 18, ст. 14.
3	Сказка о семи братьях				№ 18, ст. 20.
4	Мачеха и три ее пасынка.				№ 18, ст. 38.
5	Золотая рыбка и княжеская дочь.				
6	Младший сын хана и чудовище.				№ 18, ст. 37.
	ПЕСНИ.				
7	Песня 1-я.				№ 18, ст. 1-12
8	Песня 2-я.				№ 19, ст. 1-4.
9	Народные песни 1, 2, 3.				№ 19, ст. 11-13
10	Песни.				
	ЧЕРКЕССКИЕ МОТИВЫ.				
1	Хоровая песня (кабард) № 1.	На ноты переложил Коютлен со слов прапорщика И. Т. Багова.			№ 28.
2	Черкесская легенда в песнях № 1.				
3	Хороводная № 3.				
4	Свадебная № 4.				
	СКАЗКИ СОСЕДНИХ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ (КАРАЧАЕВЦЫ).				
1	Нартовская сказка о о Нарте Домагаге.	Отчет о командировке летом 1902 г. Кавказским Отделом Императ. Русск. Географ. Общества А. Н. Грен.		10 февр. 1903 г.	Тетр. № 16, стр. 12.
2	Предание о происхождении народа.	Тоже.			№ 16, стр. 13.
	МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТУРКМЕНСК. ФОЛЬКЛОРА.				
1	Поздравления с уразой.	Сообщил И. А. Беляев.	Гор. Асхабад.	1913 г.	Состоит из 3-х песен.
2	О Рамазане—для общины Мухаммеда.	Тоже.	Гор. Асхабад.	1913 г.	Состоит из 9-ти песен. Тетр. № 15.

№№	НАЗВАНИЯ	Кто и с чьих слов записал	Место записи	Дата записи	ПРИМЕЧАНИЕ
	СКАЗКИ СОСЕДН. ТЮРК. НАРОДНОСТЕЙ (ТРУХМЕНЫ СЕВ. КАВК.)				
1	Волк, лиса и еж.	Записал учит. Благодаринского городского училища А. Володин.			Тетр. №14 Турухменские сказки 72 стр. полулистовых.
2	Волк и лиса.				
3	Змея, комар и ласточка.				
4	Брат, сестра и Аждако.				
5	Джегит и лиса.				
6	Сын охотника Байджан и волшебник Ах.				
7	Тага.				
8	Хитрый старик и глупый богатырь).				
9	Хитрый джегит.				
10	Три брата.				
11	Ходжа.				
12	Кыз джегит (Девушка парень-богатырь).				
13	Айгыр.				
14	Злая велшебница и счастливый мальчик.				
	СКАЗКИ СОСЕДН. ТЮРКСК. НАРОДНОСТЕЙ (НОГАЙЦЫ).				
	БЫЛИНЫ И ПЕСНИ.				
1	О богатыре мальчике.	Алексей Николаевич Грен. Отчет о командировке летом 1902 года бывш. Кавказ. Отделом Имп. Географич. Общества.	В конце тетради значится Киев 10-го февраля 1903 г.	10 дек. 1913 г.	Тетр. №16.
2	Ханская дочь и холоп.				
3	Легенда о майтанах.				
4	Три брата.				
5	О кавказских минеральных водах и татартуне.				
6	Легенда Джамбойлукских ногаев о своем происхождении и истории золотой орды.				
	НОГАЙСКИЕ БЫЛИНЫ И ПЕСНИ.				
1	Песня 1, 2, 3, 4, 5 и 6.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	№16, стр. 6, 7.
2	Ногайская песня без текста (перевод на русский яз.).				
3	Ногайский словарь.				

1. Два брата.

Во времена Моисея нераздельно жили два брата, которые, кроме пары быков, ничего не имели. По настоянию жены старшего брата, они вынуждены были разделиться. Жить раздельно им было трудно. Нельзя было пахать на одном быке; им грозил голод. Тогда они условились пахать свое поле вместе, а потом урожай делить пополам. Получился обильный урожай. Младшему брату, который был к тому же холост, стало жаль своего старшего брата, обремененного семьей. Ночью он пересыпал из своей части пшеницы к части брата. Потом, как-то проснулся старший брат. Ему также стало жаль своего младшего брата, которому не на что было обзавестись семьей, и он в свою очередь часть своего пая пересыпал к доле брата. За такую любовь бог вознаградил их тем, что пшеница их превратилась в золото. Удивленные и немало перепуганные братья обратились к пророку Моисею за об'яснением. Бог об'яснил Моисею через архангела Гавриила, что его благость над ними вечна за их любовь друг к другу. Моисей добавил: „Мир держится миром".

2. Крестьянин Халил.

Жил очень бедный крестьянин по имени Халил, который уже больше не мог своим трудом кормить свое многочисленное семейство. Он решил пойти по миру с сумой. В одном городе он встретился с одним старцем, которому и рассказал о своем житье-бытье. Старец оказался богом, явившимся к Халилу помочь ему. Бог сказал ему, что он даст ему быков и пшеницу и поможет ему получить в один день большое количество пшеницы, если он успеет посеять всю ниспосланную ему на семя пшеницу. При этом он поставил условием, что половину урожая Халил уделит в его пользу. Все случилось так, как бог ему обещал. Но Халил соблазнился, увидев перед собой кучу отличной пшеницы, и нарушил условие, решив ничего не дать богу. Разразилась гроза, и все, что было на гумне у Халила, унесло сильным потоком. Так был наказан Халил за неверность своему слову.

3. Сломанный аршин.

Жил один купец, который торговал мануфактурой. Однажды выдался неудачный для него день: ничего не мог продать. Лишь к вечеру явился в магазин один покупатель, чтобы купить сукно. Купец стал мерить, как вдруг железный аршин в его руках сломался пополам. Купец принял это за дурное предзнаменование и, отказав покупателю, положил сукно на место. В тот-же день он убрал магазин, товар сложил в амбаре, а куски сломанного аршина положил сверху и приказал их не трогать. На другой день, простившись со своей семьей, отправился в путь-дорогу. Скоро праздная жизнь ему надоела, и он поступил садовником к одному человеку, который, согласно условию, выделил ему определенное количество плодовых деревьев. Но деревья его никакого урожая не дали. Хозяин захотел пособить

ему деньгами за труды, но он отказался: держался условия. Такая же участь постигла его на второй год. „Счастье мое заснуло,—нужно ждать его пробуждения“. Но за то на третий год его деревья дали такой обильный урожай, что все удивились. „Счастье мое проснулось“, подумал он и вернулся домой, где он увидел, что отдельные куски аршина спаялись.

4. Купеческий сын.

У одного купца был единственный сын, которого он в детстве так разбаловал, что тот ничему не научился. Купец горевал, что сын его после смерти не в состоянии будет продолжать его дела и размотает все им нажитое. Он решил спрятать часть своих сокровищ, надеясь, что сын когда-нибудь образумится. Купец заболел и, чувствуя близость смерти, позвал сына и сказал ему, указав на вбитый в потолок гвоздь: „В случае крайней нужды тяни за этот гвоздь. Откроется окошечко, и я через это окно смогу помочь тебе“. После смерти отца Карагез, как звали сына купца, все отцовское богатство промотал. Друзья и приятели его бросили, он впал в страшную нужду, обращался за помощью к ним, но те отверачивались от него и отказывали ему в своей помощи. Горько ему было. Вдруг он вспомнил завещание отца и исполнил его волю. Дернул за гвоздь, и золото посыпалось через окошечко. Тут он понял, что дружба, основанная на золоте, не прочна, и через нужду можно выйти на правильный путь жизни.

5. Защитник от нападений.

Сын одного богатого человека, по имени Азад, промотал все отцовское состояние и задумал жить хитростью. Поймав одну сороку, он пришел в такое место, где эта птица не водится. Одна женщина готовила плов и халву. Она их спрятала в печке. Эта женщина переглянулась с вышедшим из комнаты молодым человеком, и оба они покраснели. Азад понял, в чем дело; с наступлением ночи он пришел и стал просить ночлега в том же самом доме. Гостеприимный хозяин его принял. Хозяйка подала им на ужин хлеба и немного сыру и больше ничего. Гость придавил сороку, которая закричала. На вопрос хозяина, что это за птица, он ответил, что это такая птица, которая знает все тайны людские, и хочет открыть одну тайну в этом доме. Заинтересованный еще больше хозяин дома стал очень его просить, чтобы птица рассказала, в чем эта тайна заключается. После крика сороки, который она издала, когда Азад опять ее придавил рукой, он сказал, что тайна заключается в том, что подается на ужин сыр да хлеб, когда имеется готовое кушанье из двух блюд. Тогда хозяйка поспешила подать плов и халву, говоря, что она совсем про это забыла. Хозяину понравилась птица и он купил ее за большую цену.

В другой раз Азаду удалось с таким же успехом сбыть осла крестьянам какого-то далекого края, где осел вовсе не был известен,

сказав, что он умеет защищать людей от нападений разбойников. При приближении разбойников крестьяне выпустили осла, которого держали в конюшне более месяца. Он заорал, и разбойники никогда не видавшие осла, испугались и убежали, думая, что это какое-нибудь чудовище.

6. Два купца.

Один из купцов, торговявших вместе, в кампании, заметил, что муравьи тащат зерна в их амбары. Это презнаменование хорошее. Как-то раз, этому купцу пришлось отлучиться на продолжительное время. Торговлю вел его компанион. Он вернулся и опять обратил внимание на муравьев. Теперь, наоборот, муравьи таскали зерна из их общего амбара в другое место. В этом он заподозрил что-то не ладное и обратился с вопросом к своему компаниону, не было-ли нарушения доверия, которое они питали друг к другу. Компанион покраснел и сознался в том, что он лишь один раз проявил пристрастие по отношению к себе: из купленных 13 яблок семь штук взял себе, а 6 дал его семье.

Затем, для общего блага они обязались словом более не обманывать друг друга.

7. Купец и его сын.

Один купец отправил своего единственного сына Зала за товаром в какую-то далекую страну, где женщины отличались необыкновенной красотой. Зал влюбился в очень красивую женщину и, чтобы добиться ее руки, истратил все, что он имел. Отец обеднел, терпел большую нужду и при том очень постарел. На требование отца вернуться обратно домой, Зал ответил четырестишием на персидском языке, что отец не ведал ласк красивой черноокой женщины с распущенными волосами и прелестной мушкой на подбородке.

Отец в свою очередь ответил сыну: „Дорогой сын, ты также не ведаешь, что значит отсутствие хлеба на столе, слезы голодных детей, заботы о семье; все это ничего, но, главное, ты не знаешь,—как тяжело, когда гость приходит, но угостить нечем“. После этого он поспешил к отцу.

8. Судьба.

Один ученый и мудрый человек сделался великим визирем. На пиру, устроенном им по случаю рождения сына царя, зашла беседа о том, что все то, что случается с человеком, происходит по предопределению. Молодой сын великого визиря отрицал это, подтверждая свое мнение примерами из жизни человеческой. Когда он вышел во двор, перед ним с шумом опустилась и недалеко от него села какая-то огромная птица. Он схватил ее за ногу, чтобы понести и показать гостям необыкновенную птицу, как вдруг она вспорхнула и мигом взвилась под облака, унося с собою сына визиря, с которым она

опустилась в сад с великолепным домом посредине. В этом дворце он застал одного молодого человека, которому, как он говорил, кудесники предсказали, что он погибнет от человеческой руки, когда ему исполнится 25 лет. Чтобы предупредить предсказанную ему попогибель, отец его, царь, приказал заточить его в этот дворец и привязать его к кровати. Царевич предложил своему гостю поесть и указал, где кушанье находилось. Он хотел привстать на кровати, но от неосторожного движения упал на сидевшего перед ним сына визиря и горлом напоролся на нож, которым сын визиря ел арбуз. Царевич скончался. Сын визиря, потрясенный этим случаем, воскликнул: „Что написано на лбу человека, того ему не миновать".

9. Суд Казия.

Один молодой человек, по имени Себри, по бедности своей, под различными благовидными предлогами уклонялся от уплаты своего долга. Себри должен был предстать перед казием. Дорогой он увидел осла, который не мог выбраться из грязи; он ухватился за его хвост, но хвост осла оторвался. Хозяин, получив отказ в требовании его дать ему осла с хвостом, пошел также жаловаться на него казию. Желая убежать от своих истецов, он бросился к воротам одного дома и силою их толкнул; женщина, которая сидела за воротами, от сильного испуга выкинула ребенка. Муж этой женщины также пошел с жалобою на Себри. Во время второй попытки убежать, он до смерти задавил одного человека, спавшего за стеною, через которую ему пришлось прыгнуть. Ему удалось склонить сына убитого им человека пойти с другими жалобщиками к казию. Когда они пришли во двор казия, Себри поспешил к нему в комнату; казий ласкал одну женщину. Себри выскочил из комнаты и сказал им: „Казий молится за благоденствие своего народа". Казий вышел к ним и, узнав, кто застал его за „молитвой", приступил к слушанию дела. Он оправдал Себри, а тех, наоборот, наказал. Когда очередь дошла до хозяина осла, то он сказал: „я ничего не имею против Себри. Мой осел появился на свет без хвоста. Я пришел послушать твой мудрый суд".

10. Непотребный сын.

Один бедняк на деньги, вырученные от продажи своего единственного осла, стал заниматься мелочной торговлей и через некоторое время разбогател. Но у него не было детей. Он дал обет, что раздаст все свое состояние бедным, если у него родится сын. Просимое исполнилось. Но сын его, когда вырос, стал вести самую разгульную жизнь и водиться с темными людьми. Он совершил убийство и скрылся, а вместо него заключили в темницу его отца, уже старика. Старый друг пожалел купца, разыскал его сына и выдал правосудию. Отца освободили. Когда тот вышел на свободу, то воскликнул: „лучше иметь добрую дочь, нежели беспутного сына".

11. Силач.

Силач этот был молодым человеком. Раз он просил отца благословить его на дорогу в чужие края. Надеясь на свою силу, он думал достичь богатства и славы. Не послушался отца, который ему сказал, что силой он ничего не достигнет. Он ушел, дошел до реки, хотел переправиться через реку силой, но перевозчики общими силами выбросили его в воду; он хотел заставить продавца дать воды, чтобы утолить жажду бесплатно. Публика возмутилась, избила его и прогнала прочь. Нанялся он в караван, чтобы охранять его от нападения разбойников, но караванщики заподозрили его в том, что он является соучастником разбойников, и ночью, когда он после сытного ужина крепко заснул, караван ушел, оставив его в пустыне. Силач погиб-бы если бы охотившийся недалеко от него царевич не услышал его крика. Царевич одарил его платьем и деньгами и отправил на родину. Отцу, который напомнил ему, что силой ничего не добьешся, он возразил, что все-таки он был вознагражден. Отец сказал ему, что его подвиг напоминает ему подвиг одного мальчика, который случайно, играя на крыше своего дома, своей игрушечной стрелой попал в прибитый царем к куполу мечети очень дорогой перстень, в то время, как самые испытанные стрелки потерпели неудачу. Мальчик за это получил и перстень, да еще и много денег. После этого мальчик сломал свой лук и стрелы и бросил их в огонь. На вопрос, зачем он так поступил, мальчик ответил: „Затем, чтобы удержаться на высоте первой своей славы".

12. Преданная жена.

Крестьянин КАГРАМАН и жена его КЭМАР жили в полном согласии и мире.

Женщины того села, откуда происходили КАГРАМАН и КЭМАР, обратились к пророку с вопросом, кому из них суждено первому попасть в рай. Когда пророк назвал имя КЭМАР, то все женщины удивились и стали завидовать счастливой КЭМАР. Задетая этим, жена одного богатого человека оделась нищей и отправилась к КЭМАР, которая приютила и кормила ее, как гостью. Мнимая нищая спросила ее: отчего она сидит и работает на солнце, ест сухой хлеб и пьет согретую солнцем воду и, что, наконец, означает палка, которая лежит около нее. Она ответила, что было бы крайне несправедливо, еслибы она стала работать в тени, ела свежий хлеб и пила бы прохладную воду, когда муж ее, работая на поле, лишен этой возможности. Что-же касается палки, то она приготовила ее для того, чтобы мужу не долго искать палки, когда ему нужно будет наказать свою жену или быков.

13. Ильяс и Гулаб.

У одной бедной старухи был сын, по имени ИЛЬЯС, который отличался своей честностью и красивой наружностью. Он работал и

трудился, но сберечь что-нибудь ему не удалось. Он отправился в чужие края на заработки. На другой день пути ИЛЬЯС встретил одного молодого человека, и они пошли вместе. Согласно наставления матери, он начал его испытывать, надежный-ли он попутчик; 1) ИЛЬЯС достал лаваш, чтобы с ним поесть, но тот большую часть его взял себе, а меньшую дал ИЛЬЯСУ; 2) пройдя некоторое расстояние, ИЛЬЯС завернул в сторону и просил его немного подождать, но тот не стал его ждать и продолжал путь. Из этого ИЛЬЯС заключил, что этот человек не годится в товарищи и расстался с ним. Другой человек, по имени ГУЛАБ оказался не таким эгоистом, каким был первый попутчик ИЛЬЯСА.

Они достигли берега моря, где увидели большой замок, принадлежавший дочери царя этого края; она скрывалась здесь от злой своей мачехи. Им захотелось видеть царевну; для этого ГУЛАБ придумал оригинальный способ: стали они драть козла за уши; на его крик вышла служанка; на ее вопрос, что они хотят сделать с козой, товарищи ответили. что они хотят зарезать козла. Служанка передала об этом своей госпоже, та вышла на балкон, чтобы посмотреть, что это за странные люди. Посланная царевной служанка, научила их зарезать козла. Но, чтобы еще раз взглянуть на красавицу, они стали колотить палками по козлу. Услышав это, царевна спросила их, что они делают. Они ответили, что этим они хотят снять с козла шкуру. Царевна и наэтот раз пожалела их и велела своей служанке показать им, как надо снять кожу и варить им кушанье из мяса козла. ИЛЬЯСУ захотелось посмотреть на царевну и в третий раз.

Хитрость ГУЛАБА на этот раз не удалась; царевна поняла причину их проделки и велела выгнать их вон из замка.

Ночь была темная и дождливая; они вынуждены были ночевать в гробнице. Но только они собирались лечь, как послышался топот коней. Они испугались и легли в гроб, который стоял тут же. Это были разбойники, которые, разделив награбленные деньги, стали спорить о том, кому должна достаться сабля, которую каждый из них хотел-бы иметь. Атаман шайки сказал, что она достанется тому, кто разрубит гроб с мертвецом. ГУЛАБ, как было заранее условлено, быстро вскочил и крикнул: „Что это живые нам не дают покою и подземлей; о, мертвые, встаньте, чтобы их истребить“! „За ним вскочил ИЛЬЯС и крикнул: „Мы готовы!“.

Разбойники разбежались, оставив им все, что ими было награблено. Товарищи разделили сокровища. Атаман послал двух смельчаков узнать, что творится в гробнице. Один из них подкрался близко и только хотел заглянуть, как ГУЛАБ схватил его шапку и бросил ИЛЬЯСУ, говоря: „На тебе взамен твоего гроша!“ Те убежали и сказали атаману, что мертвецов собралось столько, что им из этих денег не досталось даже по одному грошу. Шайка поспешно удалилась от кладбища. Утром разбойники поняли свою оплошность и пустились в погоню за ними. ГУЛАБ полез на высокую башню и, когда разбой-

ники под‘ехали с вопросом, что они это напугали их на кладбище и присвоили их сокровище, сказал: мы божьи ангелы, не грешите, и не клевещите на нас, удалитесь, а то эта башня обрушится, и небо упадет на землю и раздавит вас“. Разбойники ускакали. Друзья благополучно вернулись домой.

14. Жена купца.

У одного купца была очень красивая жена, по имени РАХИЛА. Купец обанкротился. Он отправился в чужие страны, чтобы поправить свои дела, но это не помогло. Он вернулся домой, заперся у себя в комнате и никуда не выходил. Голод побудил жену просить у него, чтобы он разрешил ей пойти и просить помощи у добрых людей. Ему больно и горько это было; он не мог согласиться, чтобы жена его показывалась мужчинам и стала предметом нескромных взоров. Она убедила мужа, что для верной жены ничего не значит, если ее увидят мужчины. Прежде всего она подошла к мяснику, затем к богатому купцу, а после к одному казию. Все трое были очарованы ее красотой, но на ней, как на нищей, жениться не хотели, зато предложили ей большие деньги, если она согласится на взаимность с ними. Это ее оскорбило, она не отказала им и, желая отомстить за обиду, назначила им свидание у себя дома. Они явились в назначенное время; она ухитрилась положить на их груди клеймо для рабов, которое осталось у нее от отца. Они ушли, ничего не добившись и на другой день пожаловались царю на нее, обвиняя ее в том, что она отказывается от уплаты своих долгов. Она заявила царю, что они являются рабами ее отца и обязаны платить ей, как наследнице его по 100 руб. в год, но вот уже 10 лет, как они ей ничего не платили. Наличие клейма на их груди убедило царя в справедливости ее слов, и он обязал их платить ей по 300 руб. в год за свою свободу.

15. (Без заглавия).

У одного очень богатого купца был сын, по имени ЗОРАБ; он слыл за очень умного и доброго молодого человека. Умирая, отец завещал ему продолжать его дело также честно, как его вел он, делать добро, сносить обиды, помня что человек является в этом мире лишь гостем. жениться на дочери его друга, хотя и бедного, и странствовать по свету, чтобы быть сведущим человеком. Исполнение отцовского завещания он начал с того, что женился на дочери бедного человека, который был близким другом его отца, торговал честно и заслужил этим всеобщее уважение. Наконец пришло время, когда ему нужно было отправиться в путешествие.

После долгого непрерывного странствования он остановился в столичном городе какого-то царя, нанял квартиру и об‘явил, что он продает драгоценные камни и др. редкие вещи. Скоро он и тут сумел заслужить у своих покупателей и тех, которым приходилось с ним беседовать, почет и уважение. Слух о нем дошел до царя, который

после первой беседы попросил его ежедневно приходить к нему на беседу. Это возбудило зависть в местных купцах. Один из них наклеветал на ЗОРАБА, говоря, что он торгует нечестно, и что жена его—легкого поведения; он обещал царю представить доказательства в справедливости своих слов.

Купец этот отправился в тот город, где жила жена ЗОРАБА, и путем подкупа служанки, он узнал, какие знаки имелись на теле ЗАРЫ, и получил ночную ее рубашку с меткой. Этот купец устроил большой пир, на котором присутствовал царь со своей свитой. Во всеуслышание он передал царю, какие знаки имелись на теле жены ЗОРАБА; вслед затем, он показал присутствовавшим ее рубаху с меткой. ЗОРАБ, который также присутствовал, ослеп, поседел и сгорбился. Он послал своего верного слугу КЕРИМА доставить ему голову неверной жены. Но ЗАРА сама вместе с КЕРИМОМ отправилась в тот город, где находился ее униженный муж. Она, переодевшись в мужскую одежду, явилась к царю под видом какого-то царевича. После некоторой беседы, мнимый царевич открыто заявил царю, что в его столице есгь люди, которые порочат высокое имя царя, и выразила готовность разоблачить их, если царь устроит пир и пригласит знать и купечество на этот пир. Царь исполнил ее желание, не забыв пригласить и Зораба. Жена не узнала его. Мнимый царевич поднялся и, обратившись к присутствовавшим, спросил: „Кто меня знает?“. Ответа не последовало. Тогда Зара удалилась в свою комнату и явилась в женском платье и опять же обратилась к гостям с тем-же вопросом. Никто не отозвался. Она открыла свое имя. Всем стало ясно, что Зораб сделался жертвой обмана. Царь велел казнить купца, который его обманул, а других—заключить в темницу. Но Зораб, который от радости прозрел, просил царя помиловать их. Царь ему не отказал. После этого великодушного поступка его стали еще больше уважать.

16. Три брата.

Перед смертью один богатый старик завещал трем своим сыновьям Мадату, Гамиду и Самеду жениться на дочерях только добрых людей и не гнаться для этого за знатностью и богатством их родителей. Старшие братья выгнали младшего брата, дав ему ничтожную часть огромного наследства. Тот не падал духом и уехал далеко-далеко, в чужую страну, где взялся за ученье и стал ученым человеком. После этого он пошел странствовать по свету.

Пришлось Самеду идти густым лесом; ночь застигла его; с высокого дерева, где он думал провести ночь, он видел вдали свет и пошел в ту сторону, где был свет. Каково было удивление Самеда, когда он увидел, что это в золотой оправе светит сундук, который висит на самом высоком месте дерева. Самед полез на дерево. На рассвете приехал к этому дереву один всадник, который, отпустив коня на волю, стал горько плакать. Самед слез с дерева и с участием спросил о причине его плача. Всадник, указав на сундук, сказал, что

в этом сундуке находится труп его невесты, которая пала от руки злодеев. Далее он рассказал, что где-то далеко находится живая вода, но он лишился одной руки и поехать за этой водой не может. Самед сжалился и вызвался достать ему живой воды.

Долго он ехал; в одном месте он слез с коня, чтобы отдохнуть; там он услышал отчаянный крик и бросился в ту сторону. Дракон собирался пожрать пойманную газель. Самед ее освободил. Это была единственная дочь какого-то царя; одна чародейка, желая отомстить ее отцу, превратила ее в газель. Она спросила Самеда, зачем он очутился в этой стране. Он рассказал всю историю. Самед узнал от нее, что живая вода находится в саду ее отца. Она обещала помочь ему, если он достанет ей листья дерева „Едон", которые отличаются тем свойством, что человек с'евший их, принимает какой-угодно вид. Самед отправился за чудесными листьями.

Дорогой он встретил двух диких лошадей, погнался за ними, чтобы их поймать. Видя, что Самед их настигает, они добежали до одного дерева, поели несколько листьев и превратились—одна в молодого человека, а другая в молодую женщину. Самед обрадовался и, нарвав листьев, поспешил обратно. Газель превратилась в девушку-царевну. Ее звали Гюльсаба. Она исполнила свое обещание,—достала живой воды, с которой Самед отправился к своему безрукому приятелю. Красавица ожила.

Самед поспешил обратно к Гюльсабе, которая обещала выйти за него замуж. Родители ее с радостью согласились на брак своей единственной дочери с отважным витязем; царь об'явил его своим наследником. Но ему очень хотелось видеть своих братьев, а также узнать кому достались дочери царя того государства, откуда он сам происходил. Гюльсаба дала ему чудесный перстень, который, если прикоснутся им к языку, оказывал помощь.

Самед в своем родном городе узнал, что царь обещал выдать своих дочерей лишь за тех, кто сумеет перескочить на лошади через широкий и глубокий ров. Много молодых людей всякого звания здесь погибло. Но никому не удалось перескочить через роковую канаву. В назначенный день явился и Самед на коне, которого он достал при помощи чудесного перстня. Он перескочил через опасный ров, подхватил на скаку старшую дочь царя и исчез, на другой и третий день таким же путем увез одну за другою и остальных дочерей царя. Двух старших дочерей царя он выдал за своих братьев, а младшую он уступил тому молодому человеку, царевичу, который указал ему путь через лес, когда этот царевич ехал сюда, чтобы добиться руки одной из дочерей царя этой страны. За то, что Самед самую красивую царевну уступил другому, братья хотели убить его; он узнал их намерение и при помощи перстня избавился от смерти. Братьям он простил их поступок, а сам пустился в обратный путь к своей невесте Гюльсабе, на которой он женился и был об'явлен ея отцом наследником престола.

17. Царь и словопродавец.

Жил один царь, которого народ очень любил. Не любил его лишь один из придворных визирей, который искал случая, чтобы его погубить. Но один человек, по имени Гейдар, узнал о злом умысле визиря и решил избавить царя от грозившей ему опасности. Он об‘явил, что продает „слово“. Но „слово“ оценено было им очень дорого, и никто не мог его купить. Не сошелся с ним в цене и визирь. Слух о том, что некто Гейдар продает „слово“, но вследствие высокой цены никто не в состоянии его купить, дошел до царя Царь пожелал купить у него „слово“, достойное царей. За десять тысяч рублей он купил следующие слова: „не обдумав, не совершай дела (ничего)“. Царь записал и, чтобы постоянно иметь перед глазами купленные слова, он приказал ювелиру вырезать их на камне перстня.

Прошло некоторое время, царь заболел, решили выпустить ему кровь. Визирь предложил ланцет, который он постоянно носил с собой; ланцет был отравлен, цирюльник его не принял и сказал: „Прежде, чем совершить какое-либо дело, надо его обдумать“. При этом он указал на перстень и золотой кирпич, который был вставлен в стену на видном месте. Все присутствовавшие прочли: „Не обдумав, не совершай никакого дела“. Царь понял причину чрезмерного усердия визиря и приказал выпустить ему кровь его-же ланцетом; визирь погиб. На его место царь назначил „продавца слова“ Гейдара.

18. Дочь угольщика Бад-Саба и царевич Мурад.

Один царь, отправляясь на охоту, всегда брал с собой своего единственного сына, наследника престола, Мурада. Но когда Мурад вырос, то стал ездить на охоту один в сопровождении своего дядьки. Однажды, он встретил одного старика, который, исписанные им самим клочки бумаги бросал в море, на берегу которого он сидел. Сначала старик не хотел ответит на вопросы царевича, но потом уступил его просьбе и об‘яснил следующее: «На клочках я записываю имена тех, коим предопределено вступить в совместную супружескую жизнь». Этот старик оказался ангелом в образе человека. Царевичу интересно было знать, на ком суждено ему жениться. Он очень удивился, когда узнал, что ему в жены предназначена дочь угольщика. Давно его имя записано вместе с именем дочери угольщика. Он просил ангела, чтобы он переменил ему суженную, но тот не согласился, говоря, что он исполняет волю бога. Ангел исчез.

Царевич на другой день отправился искать угольщика в указанном ангелом направлении. Он нашел угольщика и поселился у него в хатке. Прошло два дня, а дочери угольщика ему не удалось видеть. Он стал незаметно от старика искать ее; она находилась в яме, где жгли уголь. Царевич был поражен ее красотой, но их разделяла такая пропасть классового различия, что он считал большим срамом жениться на дочери бедного угольщика. Чтобы избавиться от нее, он решил ее убить. Вонзил свой кинжал ей в бок и уехал. Родители по-

плакали, да утешились тем, что нашли под ее головой кисет, полный золотом. Смерть дочери принесла им богатство. Но вдруг заметили, что Бад-Саба подает признаки жизни; обрадовались, перенесли ее в хату. Она выздоровела.

Старики на те деньги, которые царевич оставил у Бад-Сабы, выстроили хороший дом—замок. Через некоторое время царевич Мурад выехал туда на охоту. Он заметил на балконе Бад-Сабу, не узнал ее; она заполонила его своей красотой. Кто-то из свиты его сказал: „Эта девушка достойна быть царской женой". Царевич, получив согласие отца, послал сватов к отцу красавицы. Думали, что она дочь какого либо князя. По желанию Бад-Сабы, на свадебном пиру был приглашен и врач, который вылечил ее от раны, нанесенной ей царевичем; ее желание было исполнено. Свадьбу сыграли, и дочь угольщика стала царской невесткой. Как-то раз Мурад заметил шрам на ее теле, просил об'яснить, откуда этот шрам. Она согласилась открыть ему тайну при том условии, если врача, вылечившего ее, он назначит придвориым доктором. Мурад согласился. Она рассказала все, что с нею случилось. Мурад воскликнул: „По истине, что написано на лбу человека, того никому не стереть".

Бад-Саба ему простила.—

(Продолжение следует).

А. Алекперов.

Материалы по археологии и этнографии Азербайджана.

(Об'яснения к таблицам по путевому дневнику. Поездки через Горадиз в Мильскую степь в марте 1927 г. и в Кабалу, Нидж, Закаталы в начале июля того же года).

Таблица № 1, снимок № 1. Аварка сел. Белоканы, Закатальского уезда, в местном праздничном наряде.

Таблица № 1, снимок № 2. Кувшинное погребение с крашеной керамикой в Мильской степи у Кала-Тепэ (длина кувшина 1,20 метра, диаметр в широкой части 0,80).

Поездка в Мильскую степь совершена мною вместе с д-ром Ахм. Карашарли, доставившим в О-во сведения о погребениях в кувшинах, находимых крестьянами в этой степи.

Даваемый здесь в снимке кувшин мною обнаружен на склоне Гяур-Арха, в 200-х метрах к востоку от Кала-Тепэ. В этом кувшине найдены разрозненный скелет человека, обломки железного предмета, повидимому меча, фрагмент глиняного крашенного сосуда, типа Кызыл-Ванка. Очевидно кувшинные погребения тянутся по всему протяжению Гяур-Арха, спускаясь к югу до Аракса, где в районе Карягино и Горадиза, по рассказам крестьян, обнаружены такие же погребения с железным оружием. Около сел. Эфетли, на склонах Шимырлы-Тепэ, мною обнаружены фрагменты такого же рода кувшинов. В районе Карягино, как говорят жители, кувшинные погребения расположены также у курганов-холмов.

Таким образом, ныне устанавливается, что район распространения крашеной керамики расширяется от Аракса до бассейна Куры и даже выше, так как в О-ве получены сведения о находке такой же керамики при работах в Кубинском уезде.

Таблица № 2, снимок № 3. Феодальная боевая башня, называемая населением „Чингиз-Кала". Находится в горах, в нескольких верстах от селения Джары, Закатальского уезда. Квадратное основание 5 метров длины и ширины.

Таблоца № 2, снимок № 4. Надпись на вышеуказанной башне.

Таблица № 2, снимок № 5. Могильная плита с армянскою надписью. Сел. Верхний Кюнгюрт, Нухинского уезда. Внимание

на нее было обращено в виду полученных О-вом сведений о наличии на ней клинообразных знаков, оказавшихся на самом деле стершимися армянскими буквами. В настоящее время этот могильный камень служит „пиром“. Ему приписывается свойство исцеления от малярии (болезни селезенки). Больные женщины ложатся на него обнаженным животом и вылизывают соль, ими насыпаемую в имеющуюся в камне ямку.

Таблица №3, снимок № 6. Обрыв берега реки Ахмед-Ага-Чай, одного из притоков Туриен-Чай. В нескольких верстах от сел. Гедар и в 15 верстах от сел. Нидж, на месте пересечения шоссе Куткашен-Нуха и рекою Ахмед-Ага-Чай, в местности, наз. Дегмэ-Дэрэ, на расстоянии 2 $2^1/_2$ метров, на обрыве обнажился ряд древних могил, с сосудами типа Ялойлу-Тепэ*). На левом берегу севернее от дороги, таких могил виднеется на обрыве до 6-ти, иногда рядом, иногда на расстоянии 10—15 метров. Южнее дороги есть следы нескольких таких же могил. На противоположном берегу виден один кувшин и несколько обломков глиняных же сосудов. Повидимому, река промыла целое древнее могильное поле. Крутой (вертикальный) обрыв берега об'ясняется постоянным подмывом реки, обрушивающим цельные глыбы глины, быстро затем растворяющиеся в воде, обнажая иногда целые глиняные сосуды. Многие из них подбирались жителями и частью попадали в Нухинский музей О типе сосуда см. статью Пассек и Латынина в этом № „Известий“.

Высота обрыва (6—7 метров) воспрепятствовала мне провести всестороннее обследование, но в одном месте мне удалось подняться по откосу до одного обнажившегося погребения, где около оставшегося на месте тыквовидного сосуда вышиною в 50 сант. мною найдены два железных наконечника копья. Один из них в сохранившейся части с обломком верхней части наконечника достигает 17 сант., а ширина наконечника 5 сант.

Исследуемые мною обрывы аналогичны Ялойлутапинским тоже мною осмотренным. Почва и здесь, и там глинистая, но в Дэгмэ-Дерэ обвалы этих глинистых стен не обнаруживают никаких следов пещер. По моему мнению и в Ялойлу-Тепэ никаких пещер, служивших для древнего жилища человека не имеется, то же, что признавалось за пещеры, представляет собою более новые образования от протока воды. Я полагаю, что и само русло реки моложе могильного поля, как в Дэгмэ-Дерэ, о чем уже говорилось выше, так и в Ялойлу-Тепэ.

Считаю нужным отметить, что, по словам жителей, само название Ялойлу-Тепэ не точно. Это не Ялойлу-Тепэ (огненные холмы), а Яллы-Тепэ, т. е. обрывистый холм. Жители дают этому месту и другое название, а именно Джууд-кабри (могилы джу-

*) См. Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-Тапа. (Изд. „О-ва Обследования и Изучения Азербайджана“, Баку, 1927 г.).

удов-иудеев). Само имя джууды приурочивается населением как к евреям вообще, так в частности и к удинам, ныне в этом районе обитающим. Такое указание дает возможность подойти к культуре Ялойлу-Тепэ и Дэгмэ-Дерэ, как к древней удинской.

Таблица № 3, снимок 7. Шоссе Куткашен-Нуха в большей своей части обсажено ореховыми деревьями еще по распоряжению царского прявительства. Для этой работы выгонялись целые селения насильственным путем, причем каждому жителю под страхом телесного наказания поручался надзор за отдельным участком, что легло тяжелым бременем на окрестное население. Тем не менее, дорога имела большое экономическое значение и при постройке ее губернатор сказал: „Эта проклятая чернь теперь меня за это ругает, но в будущем будет благословлять". (По рассказам местных жителей).

Таблица № 4, снимок № 8. В и д к о ч е в к и в М и л ь с к о й с т е п и Тюрки.

Таблица № 4, снимок № 9. Ц ы г а н е, встреченные мною между Нухой и Закаталами. Живут под открытой палаткой. Говорят на одном из персидских наречий, считают себя за выходцев из персидского города Хамадана. Занимаются разведением ослов, а также гаданием и проч. Промышляют охотой на барсуков, шкуру которых выделывают, а мясо употребляют в пищу. (По сведениям этих же цыган).

Таблица № 5, снимок № 10. В и д д е р е в н и Н у х и н с к о г о у е з д а.

Таблица № 5, снимок № 11. Т и п ы К а р а б а х а, (тюрки), город Агдам.

Таблица № 5, снимок № 12. П а х а р ь (тюрк) за работой. Карягинский уезд.

А. Алекперов.

Материалы по археологии и этнографии Азербайджана.



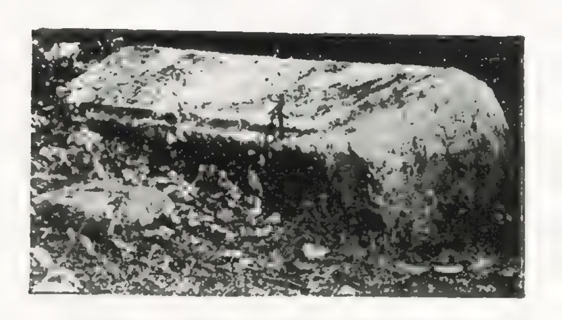
Снимок № 1,

Снимок № 2.

Снимок № 3.



Снимок № 4.



Снимок № 5.



Снимок № 6.





Снимок № 8.



Снимок № 9.

Материалы по археологии и этнографии Азербайджана.



Снимок № 10.



Снимок № 11.



Содержание „Известий О-ва“ № 1.

Table des matières du Bulletin de la Société № 1.

Содержание „Известий О-ва" № 2.

Table des matiéres du Bulletin de la Société № 2.

Содержание „Известий О-ва" № 3.

Table des matiéres du Bulletin de la Société № 3.

Издания О-ва Обследования и Изучения Азербайджана.

		Р.	К.
1.	Ак. *В. В. Бартольд*:—„Место Прикаспийских областей в истории Мусульманского мира“	2	60
2.	*Е. А. Пахомов*:—„Монетные клады Азербайджана 1926 г.	2	50
3.	*Абдул-Лятиф Эфенди*: — „История Шекинских Ханов“ — Текст и перев.	—	45
4.	*А. К. Бакиханов*:—„Гюлистан Ирам“ (История Ширвана и Дагестана)	2	—
5.	*Б. В Чобан-Заде*:—„Заметка о языке и словесности кумыков“	1	50
6.	*И. Гасанов*:—„Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов в тюркском говоре гор. Ганджи“	2	—
7.	*Н. И. Ашмарин*: — „Общий обзор тюркских народных говоров гор. Нухи“	5	—
8.	*И. И. Мещанинов*:—„До-исторический Азербайджан“	—	30
9.	*И. И Мещанинов*:—„Основные начала яфетидологии“	—	40
10.	*Б. В. Миллер*:—„Предварительный отчет о поездке в Талыш“	—	30
11.	*Н. И. Ашмарин*:—„Краткая программа собирания материалов по языкам и наречиям Дагестана“—	—	20
12.	*Е. А. Пахомов*:—„О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане“	—	20
13.	*Б. В. Чобан-Заде*:—„Предварительное сообщение о кумыкском наречии“	—	20
14.	*В. М. Сысоев*:—„ Тюркское население Азербайджана в XVII веке“	—	40
15.	*В. В. Сладкопевцев*:—„Программа собирания материалов по вопросам о театре“	—	30
16.	„*Известия О-ва*“ № 1 с приложением	2	40
17.	„*Известия О-ва*“ № 2	2	40
18.	„*Известия О-ва*“ № 3	1	80
19.	*А. Н. Самойлович*:—„Кавказ и Турецкий мир“	—	25
20.	*В. А. Гордлевский*:—„Переходная пора османской литературы“	—	40
21.	*И. И. Мещанинов*:—„Ассирийская буспна из Азербайджана“	—	50
22.	*В. П. Смирнов-Логинов*: — „Почвы юго-восточной части Нагорного Карабаха“	—	40
23.	*Лукьяненко*: „Русский язык, как метод преподавания в тюрко-татарских школах“	—	50
24.	*Халид-Саид*:—„Сравнительная грамматика османского, узбекского и казакского языков (на тюркском языке)“	—	—
25.	*Е. А. Пахомов*:—„Путеводитель по алфавитной выставке“	—	20
26.	*Зейналлы* —„Аталар Сёзи“ (сборник азерб. пословиц и поговорок на тюркском языке).	1	80
27.	1-й Всесоюзный Тюркологический С'езд (стенографический отчет)	3	—
28.	Ак. *В. В. Бартольд*;—„Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей“	—	25
29.	Ак. *С. Ф. Ольденбург*:—„Методы краеведческой работы среди тюркских народностей“	—	25
30.	*Г. С. Губайдуллин*:—„Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов“	—	30
31.	*А. А. Михеев*:—„Флора Азербайджана	—	50

		Р.	К.
32.	*Т. Пассек и Б. Латынин*:—„Очерк до-истории Северного Азербайджана“	—	50
33.	*С. Л. Берцелиус-Налчагаров*:—„Загликское месторождение алунита и квасцовое производство“	—	40
34.	*Якубий*:—„История“ (арабский текст с перев. проф. П. К. Жузе) . .	—	—
35.	*И. Н. Авдеев*:—„Муганская степь (статистико-экономическое исследование)	2	—
36.	*И. И. Мещанинов*:—„Халдоведение“	3	—
37.	*П. В. Шван-Гурийский*:—„Материалы к познанию флоры Кубинского уезда“	—	60
38.	*А. А. Михеев*:—„Почвы Азербайджана“	—	—
39.	*А. А. Михеев*:—„Pinus Eldarica Medw. и ее значение при облесении Апшерона“	—	—
40.	„*Известия О-ва*“ № 4	—	—
41.	*Чобан-Заде*:—„Введение в Тюркологию“ (на тюрк. яз.)	—	—

Печатается:

Баладзорий:—„Книга Завоевания Стран“ (пер. с арабск. проф. П. К. Жузе) — —

Готовятся к печати:

„*Известия*“ № 5 . . . . — —

А. Р. Зифельдт-Симумяги:—„Uralo-Altaica“ ч. I . . . . — —

Склад изданий О-ва Обследования и Изучения Азербайджана:
Баку. Коммунистическая 10, Дворец Тюркской Культуры, б. „Исмаилие“

Исправления и примечания.

Стр. 7, строка 21 сверху вместо Фехт-Али след. читать—Фетх-Али.
Стр. 18, строка 5 снизу вм. калмыщам след. читать—калмышам.
Стр. 17, строка 3 сверху вм. نسيت сл. читать نيست.
Стр. 20, строка 12 снизу вм. Хазифс сл. читать - Хафизе.
Стр. 21, строка 23 сверху вм. جهار сл. читать چهار.
Стр. 21, строка 17 снизу вм. اوردر сл. читать اودور.
Стр. 21, строка 15 снизу вм. شكيم сл. читать شكيم.
Стр. 33, строка 4 снизу вм. Gabincau след. читать—Gobineau.
Стр. 37, строка 1 снизу вм. Ахти сл. читать—Ахты.
Стр. 41, строка 19 снизу вм. f the след. читать -of the.
Стр. 42, строка 15 сверху вм. энаток сл. читать—знаток.
Стр. 44, строка 2 снизу сноску следует читать: Доложено на заседании Ботанической Комиссии Об-ва 2 ноября 1926 г.
Стр. 45, след. вм. Джайран след. читать - Джейран.
Стр. 50, стр. 1 сверху вм. Винаградова сл. читать—Виноградова.
Стр. 51, строка 8 сверху вм. Цнорис-Цхалле след. читать Цнорис-Цхали.
Стр. 54, строка 16 сверху доб. примечание: Во время печатания № 4, „Известий Об-ва" Азерб. Археологический Комитет был реорганизован в Азерб. Комитет Охраны памятников старины, искусства и природы,—„Азкомстарис". в ведение которого вошла теперь и Эльдарская роща.
Стр. 55, строка 2 снизу вм. Флова сл. читать—Флора.
Стр. 57, строка 15 сверху вм. Цнорис-Цхале сл. читать—Цнорис-Цхали.
Стр. 64, строка 2 сверху добав. примечание: Доложено на Заседании Этнографической Комиссии Историко-Этнографической Секции О-ва 4 ноября 1926 г
Стр. 66, строка 20 вм. поможет разобраться след. читать—помогла бы разобраться
Стр. 80, строка 15 снизу вм. занимала сл. читать—занимало.
Стр. 88, строка 18 сверху вм. Ибрай сл. читать - Ибрий.
Стр. 88, строка 19 сверху вм. патомкам сл. читать потомкам.
Стр. 89, строка 2 снизу вм. رضا ولدين сл. читать—رضاء الدين.
Стр. 91, строка 3 сверху вм. заввисцев сл. читать—зависцев.
Стр. 91, строка 16 сверху вм. удете сл. читать—будете
Стр. 97, строка 18 снизу вм. Ананьев сл. читать—Апанаев.
Стр. 99, строка 7 снизу вм. قيفوجى след. читать—قيلفوجى.
" 6 снизу вм. كيسمونكز сл. читать—كيسونكز
" 5 снизу вм. چابولكز الامدر след. читать—چابونكز الاكر.
" 2 снизу вм. Архиф след. читать—Архив.
Стр. 103, строка 6 сверху вм. зкчение след. читать—значение.
Стр. 105, строка 12 сверху вм. Сысноева сл. читать—Сысоева.
Стр. 120, строка 15 сверху вм. рядом сл. читать—рядов.
Стр. 121, строка 6 сверху вм. полицию след. читать—позицию.
Стр. 122, строка 8 сверху вм. и меем сл. читать—имеем.
Стр. 122, строка 13 сверху вм. Зуммерезд или след. читать—Зуммер ездили.
Стр. 123, строка 14 снизу вм. (1½ 1арш.) след. читать (1½—1 арш.).
Стр. 125, строка 5 сверху вм. ни след. читать—не.

Стр. 125, строка 2. снизу вм. найти попытки след. читать—попытки найти.
Стр. 126. строка 9 снизу вм. Крыму) след. читать—Крыму);
Стр. 129. строка 9 снизу вм. Геригросса след. читать—Гернгросса.
Стр. 139, стр. 13 снизу вм. gènèrale сл. читать—générale.
Стр. 142, стр. 20 сверху вм. франкским сл. читать—Франкским.
Стр. 144. стр. 13 сверху вм. burlgarisch сл. читать—bulgarisch.
„ „ стр. 14 снизу вм. Rèvay сл. читать—Révay.
Стр. 150, стр. 3 сверху вм. лаваша сл. читать—лаваша или яймы.
Стр. 153, стр. 4 сверху вм. امير زاده сл. читать— أمير زاده
Стр. 159, стр. 2 сверху вм. армей сл. читать армией.
Стр. 155, стр. 16 снизу вм. Элементов сл. читать—элементов;
Стр. 161, стр. 2 снизу вм. زالمرموم сл. читать—المرحوم
Стр. 164, стр. 3 снизу вм. fürkische сл. читать—türkische.
Стр. 166. стр. 3 снизу вм. صنغان сл. читать—صنقان.
Стр. 166, стр. 10 снизу пропуск значек 2)
Стр. 167, стр. 3 снизу вм. 2) сл. читать—3). кроме того эта выноска относится к странице 168, стр. 10 сверху под знаком 1).
Стр. 168, стр. 19 сверху вм. 2) сл. поставить 1).
Стр. 168, стр. 1 снизу вначале след. поставить значек *) и относить эту выноску к строке 23 снизу на этой же странице, где стоит значек 1), подлежащий замене значком *).
Стр. 169, стр. 4 снизу вм. والامااالخامسه след. читать. والامةالخامسة
Стр. 170, стр. 11 снизу вм. des Mougoles сл. читать—des Mongoles.
Стр. 171, стр. 17 снизу вм. Chahn след. читать—Chath.
Стр. 183, стр. 20 сверху вм, Кабалану сл. читать—Кабалаку.
Стр. 183, стр. 13 снизу вм. переправляемый сл. читать—переправляемые.
Стр. 186, стр. 15 сверху вм. Баб-уль-аб ваба сл. читать—Баб-уль-абваба.
Стр. 190, стр. 4 сврху вм. сспокаивается сл. читать—успокаиваются.
Стр. 192, стр. 14 сверху вм. учрнждения сл. читать—учреждения.
Стр. 192, стр. 19 снизу вм. глинянный сл. читать—глиняный.
Стр. 201, стр. 8 снизу слова „чуть ли не“ не читать.
Стр. 202, стр. 17 сверху вм. Берлиен сл. читать Берлине.
Стр. 213, стр. 5 снизу вм. Пир-Щих-Хоросаны сл. читать—Пир-Ших-Хоросаны.
Стр. 217, стр. 5 сверху вм. Материлов сл. читать Материалов.
Стр. 218, стр. 4 снизу вм. incitant сл. читать—imitant.
Стр. 218, стр. 18 снизу вм. Tombeux сл. читать—Tombeaux.
Стр. 227, стр. 25 снизу вм. энтомологическом сл. читать—этнологическом.
Стр. 230, стр. 5 сверху вм. Турухменские сл читать—Трухменские.
Стр. 233, стр. 7 сверху вм. торговявших сл. читать торговавших.
Стр. 234, стр. 19 сверху вм. истецов сл. читать—истцов.

Цена 2 р. 40 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Баку, Коммунистическая, 10.
Дворец Тюркской Культуры.